

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (44)
2023

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**Ф.Ш. Хузин** – член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**<http://archaeologie.pro>**

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2023

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2023

© Журнал «Поволжская археология», 2023

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F.Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A.A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Editorial Board:

A.A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M.Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R.D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A.A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

F.Sh. Khuzin – Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2023

© Mari State University, 2023

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Финно-угорская археология Поволжья

Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Смертин А.Р. (Пермь, Россия)
 Железная поясная гарнитура из погребений
 Плотниковского могильника (родановская культура, Пермский край) 8

*Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Тюрк А. (Будапешт, Венгрия),
 Буршинева С.Г. (Казань, Россия), Кишине Бэндэфи М., Вархедьи Ж.,
 Харанги Ф., Янчик Б. (Будапешт, Венгрия), Богатова Л.Ф.,
 Шайхутдинова Е.Ф., Федан П.В. (Казань, Россия)*
 Комплексное изучение естественнонаучными методами
 и реставрация сумочки из Красногорского могильника 22

Третьяков Е.А. (Тюмень, Россия), Тюрк А. (Будапешт, Венгрия)
 Вещи «Мадьярского круга» из памятников Зауралья:
 артефакты и контекст 38

Моряхина К.В. (Пермь, Россия)
 Погребальный обряд Щукинского могильника
 ломоватовской археологической культуры 51

Валеев Р.М. (Казань, Россия)
 Торговые контакты Волжской Болгарии с мордвой в X – начале XV века 63

Средневековая археология Центральной Азии

*Кубарев Г.В. (Новосибирск, Россия),
 Нускабай А. (Астана, Республика Казахстан)*
 Раннесредневековые поминальные оградки Семиречья:
 новые данные 72

Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия), Монгуш К.М. (Кызыл, Россия)
 Раннетюркские оградки комплекса Ак-Даг 87

Акымбек Е.Ш., Железняков Б.А. (Алматы, Республика Казахстан)
 Бронзовые кувшины мастерской Ахмада XI в.
 из Юго-Восточного Казахстана 101

*Байтанаев Б.А. (Алматы, Республика Казахстан),
 Ергешбаев А.А. (Шымкент, Республика Казахстан),
 Шаяхметов А.Х. (Алматы, Республика Казахстан)*
 Хаммам из Ханкурмана 114

*Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan),
 Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Murgabayev S.S.,
 Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Arynov K.S. (Almaty,
 Republic of Kazakhstan), Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan),
 Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan)*
 Mausoleums in the Medieval City of Syganak 131

Варфоломеев В.В. (Караганда, Республика Казахстан)
 Каменная печать с реки Каракенгир 145

Средневековые памятники Центральной России

<i>Точилова Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Роговые обоймицы из раскопок в Великом Новгороде и Смоленске	150
<i>Медведь А.Н. (Москва, Россия)</i> Фортификация Московского государства XVI в. и плетневые конструкции Центральной Европы	160
<i>Колоколов А.М. (Тула, Россия)</i> Поминальный комплекс второй половины VII–VIII вв. у д. Гора Услань	173

Археологические исследования золотоордынских памятников

<i>Волков И.В., Лопан О.В., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия)</i> Исследования на раскопе СХСIV в юго-восточной части Болгарского городища	189
<i>Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия), Ситдинов А.Г. (Казань, Россия)</i> Мавзолейный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко)	209
<i>Бабенко В.А., Колесникова М.Е. (Ставрополь, Россия)</i> Золотоордынские памятники Ставрополя в научном творчестве А.А. Спицына	221

Памятники нового времени

<i>Татауров Ф.С., Татаурова Л.В. (Омск, Россия)</i> Археологические свидетельства русской цивилизации в культурах коренных народов Западной Сибири XVI–XVIII вв.	236
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENT

Finno-Ugric archaeology of the Volga region

<i>Bryukhova N.G., Podosenova Yu.A., Smertin A.R. (Perm, Russian Federation)</i> Iron Belt Set from the Burials of the Plotnikovo Burial Ground (Rodanovo Culture, Perm Region)	8
<i>Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Turk A. (Budapest, Hungary), S.G. Burshneva (Kazan, Russian Federation), Kishne Bandefi M., Varhedyi J., Harangi F., B. Yanchik (Budapest, Hungary), Bogatova L.F., Shaikhutdinova E.F., Fedan P.V. (Kazan, Russian Federation)</i> Comprehensive Study of Natural Science Methods and Conservation of a Handbag from Krasnogorskiy Burial Ground	22
<i>Tretyakov E.A. (Tyumen, Russian Federation), Turk A. (Budapest, Hungary)</i> Products of «Hungarian Style» from Archaeological Sites of the Trans-Urals: artifacts and context	38
<i>Moryakhina K.V. (Perm, Russian Federation)</i> Burial Rite of the Shchukinsky Burial Ground of the Lomovatovo Archaeological Culture	51
<i>Valeev R.M. (Kazan, Russian Federation)</i> Trade Contacts of Volga Bulgaria with the Mordvins in the 10 th – Beginning of the 15 th Century	63

Central Asia Medieval archaeology

<i>Kubarev G.V. (Novosibirsk, Russian Federation), Nuskabai A. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i> Early Medieval Memorial Enclosures in Semirechye: new data	72
<i>Seregin N.N. (Barnaul, Russian Federation), Mongush K.M. (Kyzyl, Russian Federation)</i> Early Turkic Enclosures of the Ak-Dag Complex	87
<i>Akymbek E.Sh, Zheleznyakov B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan)</i> Bronze Jugs from Ahmad's Workshop of 11 th Century from Southeast Kazakhstann	101
<i>Baitanaev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Ergeshbayev A.A. (Shymkent, Republic of Kazakhstan), Shayakhmetov A.H. (Almaty, Republic of Kazakhstan)</i> Hammam from Khankurgan	114
<i>Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Arynov K.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i> Mausoleums in the Medieval City of Syganak	131

<i>Varfolomeev V.V. (Karaganda, Republic of Kazakhstan)</i> Stone Print from the Karakengir River	145
--	-----

Medieval sites in Central Russia

<i>Tochilova N.N. (Saint Petersburg, Russian Federation)</i> Horn Ferrules from Excavation at Novgorod the Great and Smolensk	150
<i>Medved A.N. (Moscow, Russian Federation)</i> Fortification of the Moscow State in the 16 th Century and the Wattle Structures in Central Europe	160
<i>Kolokolov A.M. (Tula, Russian Federation)</i> Memorial Complex of the Second Half of the 7 th –8 th Centuries at the Hillfort Near the Village of Gora Uslan	173

Archaeological studies of the Golden Horde sites

<i>Volkov I.V., Lopan O.V., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> Research on the Excavation CXXIV in the South-Eastern Part of the Bolgar Fortified Settlement	189
<i>Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> Mausoleum Complex near the Village of Lapas, Astrakhan Region (from the Field Diary of V.V. Dvornichenko)	209
<i>Babenko V.A., Kolesnikova M.E. (Stavropol, Russian Federation)</i> Golden Horde Monuments in Stavropol Region in Scientific Work of A.A. Spitsyn	221

Sites of the New Time period

<i>Tataurov F.S., Tataurova L.V. (Omsk, Russian Federation)</i> Archaeological Evidence of Russian Civilization in the Cultures of the Indigenous Peoples of Western Siberia in the 16 th –18 th Centuries	236
List of Abbreviations	248
Submissions	250

УДК 902.903.

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.8.21>

ЖЕЛЕЗНАЯ ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (РОДАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА, ПЕРМСКИЙ КРАЙ)¹

© 2023 г. Н.Г. Брюхова, Ю.А. Подосёнова, А.Р. Смертин

Целью статьи является комплексный анализ предметов железной поясной гарнитуры из погребений Плотниковского могильника. Могильник находится около г. Кудымкар Пермского края и датируется XIII–XV вв. н. э. Для проведения анализа использовались методы исследования химического состава металлов (РФА и СЭМ РФЛА), археометаллографический и трасологический. Материалом для исследования послужили предметы из погребений № 3, 118, 180. Эти погребения принадлежали взрослым мужчинам. В результате было выяснено, что элементы поясной гарнитуры выполнены из сырцово-кованой стали с хорошим качеством ковки. Кольца и рамки пряжек изготавливались из округлого или подквадратного прута. Заготовками для изготовления основных частей накладок служили пластины из сырцово-кованой стали. Из пластин зубилом выбивались задуманные формы накладок или их основных частей. После изготовления основных частей изделий проводился процесс лужения. Затем проходило дополнительное декорирование изделий с помощью инкрустации. Крепление накладок к кожаной основе пояса выполнялось при помощи шпеньков. Данные находки являются первыми и единственными изделиями из железа с лужением и инкрустацией, обнаруженными в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья. Аналогии им можно найти в материалах Лайшевского и Семеновского селищ, расположенных в бассейне Нижней Камы.

Ключевые слова: археология, Среднее Предуралье, средневековый могильник, погребение, поясной набор, лужение, инкрустация.

Введение

Изучение предметов материальной культуры с использованием современных технологий является одним из трендов археологии в настоящее время. В этом отношении особенно показательны способы изучения изделий из металлов, к которым относятся методы исследования химического состава металлов (РФА и СЭМ РФЛА), металлографический и трасологический анализ. Их использование позволяет определить технологию изготовления изделий из черных, цветных и драгоценных металлов, химико-технологические традиции, а также механизмы технических заимствований и степень их распространения. Целью данной статьи является комплексный анализ предметов железной поясной

гарнитуры из погребений Плотниковского могильника.

Плотниковский могильник расположен у д. Плотникова Кудымкарского района Пермского края, на левом берегу р. Зюльган (Сёрва), левого притока р. Иньвы, в 2 км к востоку от г. Кудымкар, на левом склоне крутого залесенного холма (рис. 1). Могильник известен с конца XIX в. В XX в. он осматривался М.В. Талицким, В.Ю. Лещенко, В.П. Мокрушиным (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 6). Раскопки на памятнике проводились под руководством Н.Б. Крыласовой (1989, 2007, 2009 гг.) и Н.Г. Брюховой (2010–2021 гг.) (Брюхова, 2021). На основе радиоуглеродного датирования и типологии предметов материальной культуры могильник датируется

¹ Химико-технологические исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края № 20-49-590001 "Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности", аналитические исследования.

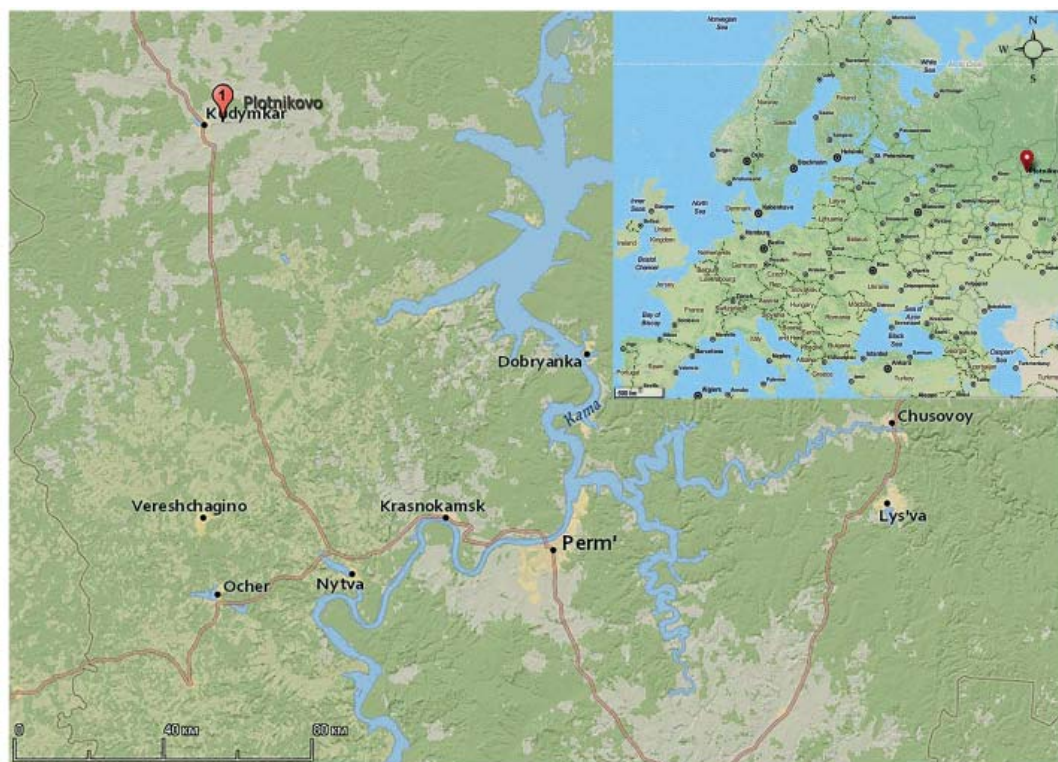

Рис. 1. Карта расположения Плотниковского могильника.
Fig. 1. Location of the Plotnikovo burial ground.

XIII–XV вв. н. э. и относится к родоновской археологической культуре. В ходе проведенных раскопок в трех погребениях (№ 3, 118, 180) были обнаружены оригинальные предметы поясной гарнитуры, которые и стали объектом исследования. Разрозненные элементы поясов из указанных погребений встречены также в междумогильном пространстве и в соседних разрушенных погребениях (№ 4, 117).

Контекст находок

Основная часть элементов поясов была найдена в трёх погребениях с участков, раскопанных в разные годы. Все погребения были разрушены грабительским вмешательством. Об этом свидетельствуют выброшенные из них человеческие кости и предметы погребального инвентаря, целые или сломанные, неполный состав элементов скелета в могильных ямах, посмертные повреждения костей, перепад глубин залегания останков, концентрация костей в скоплени-

ях. Поэтому некоторые части поясов были найдены в междумогильном пространстве или в соседних погребениях. Так как слой в могилах оказался перемешан, находки были перемещены со своих изначальных мест и определить их точное положение при захоронении покойного можно только гипотетически.

По набору остальных вещей погребения с поясами не выделяются среди других могил некрополя. Только в погребении № 180 обнаружены гробовые гвозди с шляпкой в виде крючка, до этого не фиксируемые на Плотниковском могильнике (рис. 2).

Антропологический анализ костей позволил определить, что погребение № 118 принадлежит мужчине, умершему в возрасте 20–25 лет, погребение № 180 тоже мужское, человек умер в возрасте 35–50 лет. Анализ костей из погребений 1989 г. не проводился.

Материалы

Элементы поясной гарнитуры представлены пряжками, наконечни-

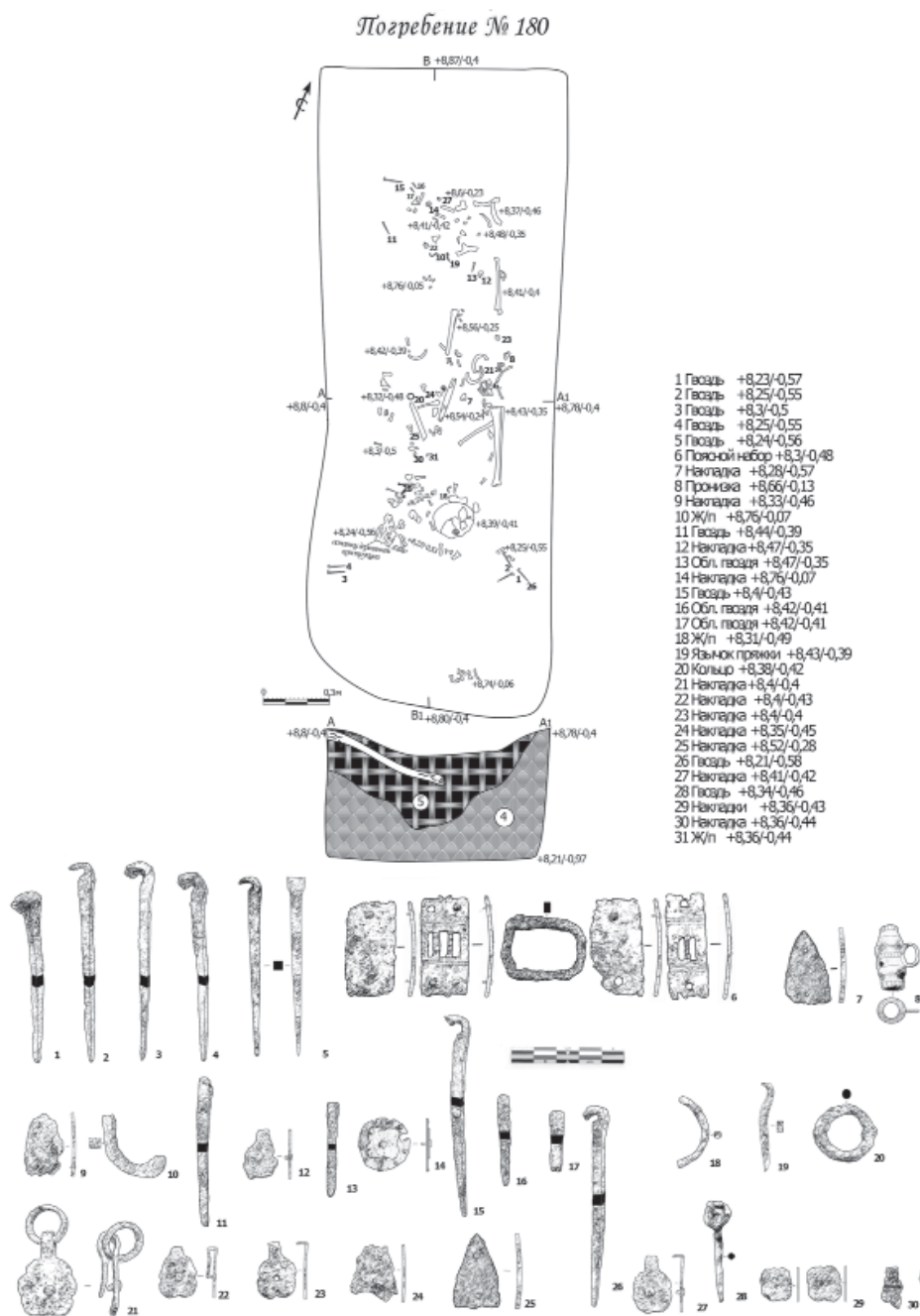

Рис. 2. План погребения № 180 Плотниковского могильника.

Fig. 2. Plan of the burial No. 180 of the Plotnikovo burial ground.

ками ремня и накладками различной конфигурации.

Подробно вещи из раскопок 1989 и 2016 гг. описаны Н.Б. Крыласовой (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 138–140).

Пряжка в погребении № 3 относится к железным овальным пряжкам средних размеров (рис. 3: А 4) (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 138).

Наконечники ремня в погребениях № 3 и 118 – продолговатые, с одной стороны заострены (рис. 3: А 7; Б 2). Наконечник из погребения № 3 массивнее и с прямой стороны оформлен треугольной выемкой с парой декоративных «лепестков».

Накладки, встреченные в погребениях, можно разделить по морфологическим особенностям на фигурные

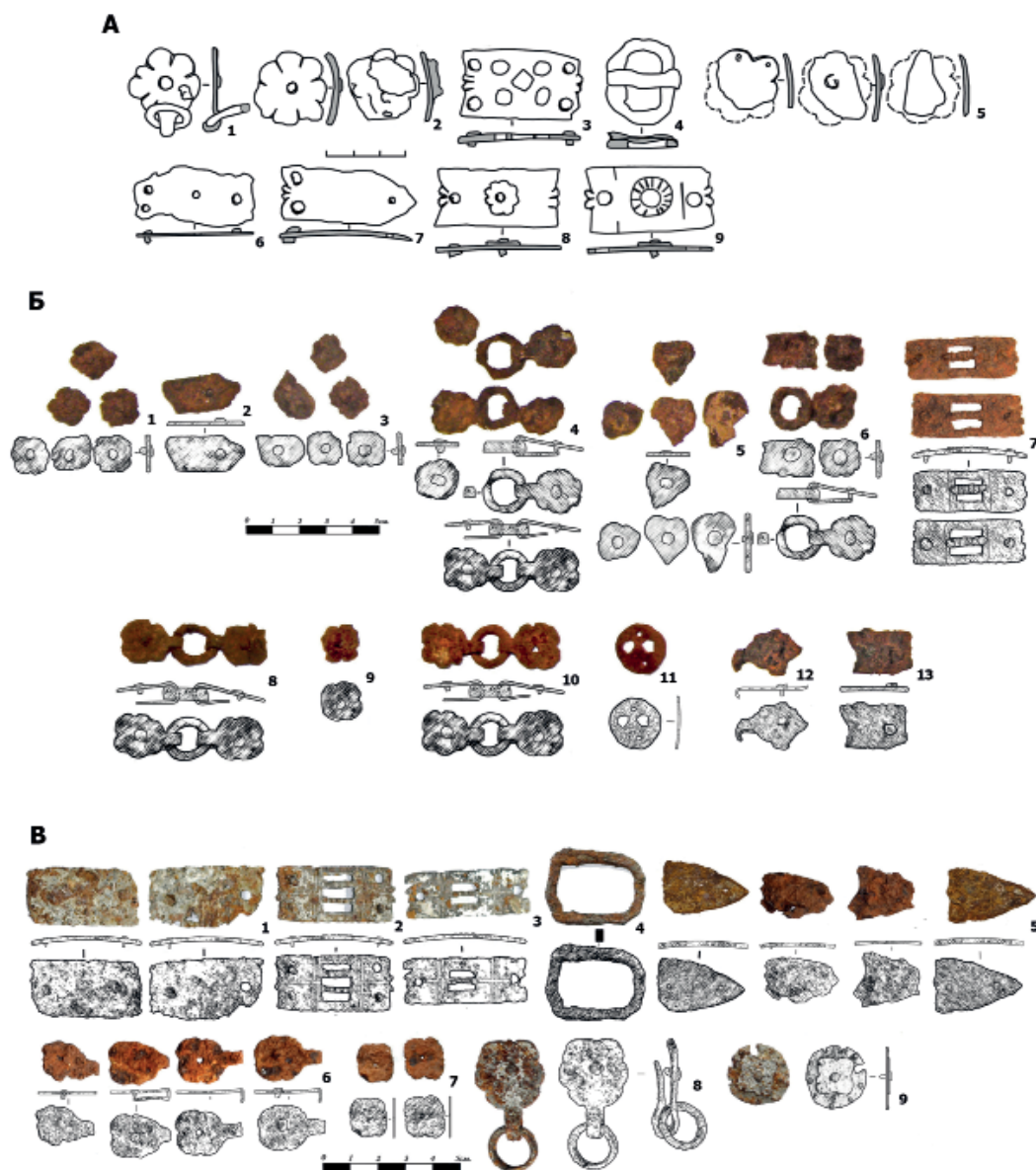

Рис. 3. А – вещи из раскопа 1989 г.: 1–7 – погребение № 3; 8 – погребение № 4; 9 – междумогильное пространство. Б – вещи из раскопа 2016 г.: 1–7 – погребение № 118; 8–11 – погребение № 117; 12–13 – междумогильное пространство.

В – вещи из раскопа 2021 г.: 1–9 – погребение № 180.

Fig. 3. A – items from 1989 excavation: 1–7 – burial No. 3; 8 – burial No. 4; 9 – inter-burial space. Б – items from 2016 excavation: 1–7 – burial No. 118; 8–11 – burial No. 117; 12–13 – inter-burial space. В – items from 2021 excavation: 1–9 – burial No. 180.

и имеющие геометрическую форму. Фигурные накладки представлены в виде четырехлепестковой или многолепестковой розетки, иногда с петлей для крепления колечка и самим колечком или в виде пары накладок, соединенных колечком (рис. 3: А 1–2, 5; Б 1, 3–4, 6, 8–10, 12). К фигурным также относятся сердцевидные накладки (рис. 3: Б 5).

Накладки геометрических форм делятся на круглые и прямоугольные. У круглой накладки имеется четыре отверстия, расположенных крестообразно, через два она крепилась к ремню гвоздиками, а два выполняли декоративную функцию (рис. 3: Б 11). Прямоугольные накладки имеют форму простых прямоугольных пластин или с треугольными выемками у тор-

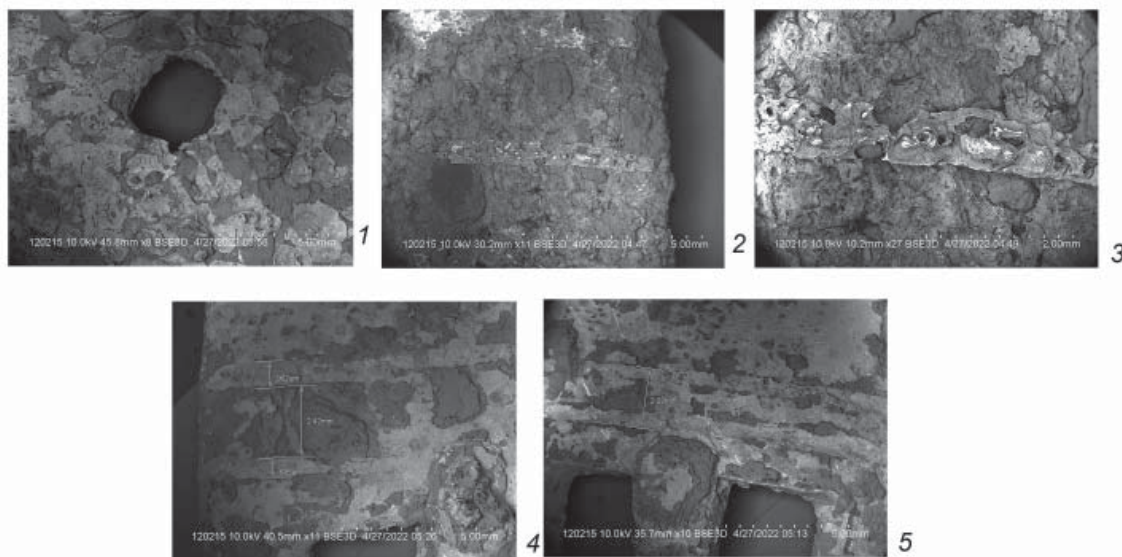

Рис. 4. Примеры фиксации «двухслойности» изделий (1–5) и инкрустированных оловом полосок (2–5): 1 – розетковидная накладка из погр. 180; 2, 3 – поясная накладка прямоугольной формы из погр. 180; 4, 5 – поясная накладка прямоугольной формы из погребения 118.

Fig. 4. Examples of fixing the "double-layer" of objects (1–5) and tin-encrusted strips (2–5): 1 – rosette-shaped mount from the burial 180; 2, 3 – rectangular belt mount from the burial 180; 4, 5 – rectangular belt mount from the burial 118.

цевых сторон, в которых помещено по паре декоративных «лепестков». В качестве декора на пластинах встречены накладная розетка, прямоугольное отверстие, пересеченное вдоль накладной декоративной планкой, и ажурный решетчатый орнамент, образованный ромбическим и овальными отверстиями (рис. 3: А 3, 6, 8–9; Б 7, 13) (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 140).

Поясной набор из погребения № 180 (раскопки 2021 г.) состоит из пряжки и накладок (рис. 3: В) (Брюхова, 2021, с. 19–20, 40–41). Пряжка железная смягченно-прямоугольной формы (рис. 3: В 4).

Большинство накладок аналогичны или похожи на вещи из погребений № 3 и 118. Здесь встречены четырехлепестковые накладки с частично сохранившейся петлей и без неё и многолепестковая накладка с петлей и колючком (рис. 3: В 6–8). Также найдены прямоугольные накладки в виде простых пластин и с прямоугольным

отверстием, пересеченным одной и двумя гофрированными планками (рис. 3: В 1–3).

Отличными от ранее найденных являются накладки в виде треугольного лепестка и накладка круглой формы с накладной четырехлепестковой розеткой в центре (рис. 3: В 5, 9).

Часть элементов железного пояса была покрыта массивными коррозионными наслоениями. Поэтому предметы были подвергнуты химической очистке коррозии фосфорной кислотой в бутиловом спирте с применением метилэтилкетона и последующим механическим воздействием нейлоновыми щётками (Шемаханская, 1989, с. 117–118). Данная процедура поспособствовала не только сохранению артефактов от окончательного разрушения, но и позволила выявить скрытые и недоступные во время раскопок и камеральной обработки важные технологические и декоративные детали. Так, после очистки было выявлено, что отдельные изделия по-

крыты слоем какого-то вещества, имеющим белый тусклый цвет. Среди изделий с этим покрытием некоторые содержали орнамент в виде двойных и одинарных пересекающихся линий (рис. 3: Б 7, 4; В 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9), не фиксирувавшийся ранее.

Выявившаяся при очистке особенность изделий предопределила дальнейший путь исследований.

Методы

В соответствии с поставленными задачами были определены основные направления исследований. Изучение техники изготовления изделий проводилось с помощью метода поверхностного осмотра на разных микроскопах с увеличением от 10 до 500 раз, в том числе и на позволяющих проводить измерение мелких деталей изделий (портативный микроскоп Levenhuk DTX 500 Mobi, сканирующий микроскоп Hitachi S3400N).

Определение химического состава металла изделий (поверхностного и внутреннего слоя в целом) проводилось с помощью неразрушающего энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа (использовался портативный рентгенофлуоресцентный анализатор Bruker S1)², а также с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа (СЭМ РФЛА; с помощью сканирующего электронного микроскопа Hitachi S3400 с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа Bruker)³.

Изучение основы изделий из черного металла проводилось с помощью археометаллографического метода⁴. Данные были получены с помощью металлографического микроскопа МЕТАМ РВ-22, замеры микротвёрдости производились для каждой структурной составляющей изделия на микротвердомере ПМТ-3 с десятисекундной нагрузкой 100 г.

Результаты исследований и технология изготовления изделий

Коррозия, а также наличие на поверхности некоторых изделий поверхностного слоя позволили только частично зафиксировать следы отдельных операций.

Толщина изделий неравномерная, внешние края слегка скошены. Край сквозных отверстий для крепления шпильков или элементов накладок друг к другу имеют прямой угол.

Необходимо обратить внимание на накладки прямоугольной формы с внутренней прямоугольной прорезью и гофрированной перекладкой. Прорезь в них имеет ровные края под прямым углом. Перекладки в прорезях изготовлены отдельно, по их краям фиксируются небольшие пазы, которые выбивались зубилом.

Как было отмечено, при визуальном осмотре на отдельных вещах после очищения было выявлено наличие неравномерного поверхностного слоя белого цвета с обеих сторон, отделяющегося от основы изделий. Наличие «двухслойности» на предметах было зафиксировано и с помощью разных увеличительных приборов. При измерении толщина этого слоя составила 0,006–0,015 мм (рис. 3: Б 7, 4; В 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9; 4–5).

Кроме данного слоя в отдельных изделиях зафиксированы отчетливые ровные металлические полосы, расположенные в углублениях на лицевой поверхности изделий. Ширина полосок металла на изделиях в переделах 0,6–0,9 мм (рис. 3: Б 7; В 1–3; 4: 2–5; 5: 2–3).

Предварительные данные о химическом составе поверхностного слоя белого цвета были получены с помощью рентгенофлуоресцентного анализа. В исследуемую выборку попало большинство изделий, имеющих данный слой (рис. 3: Б 7, В 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9). Суммарно на поверхности из-

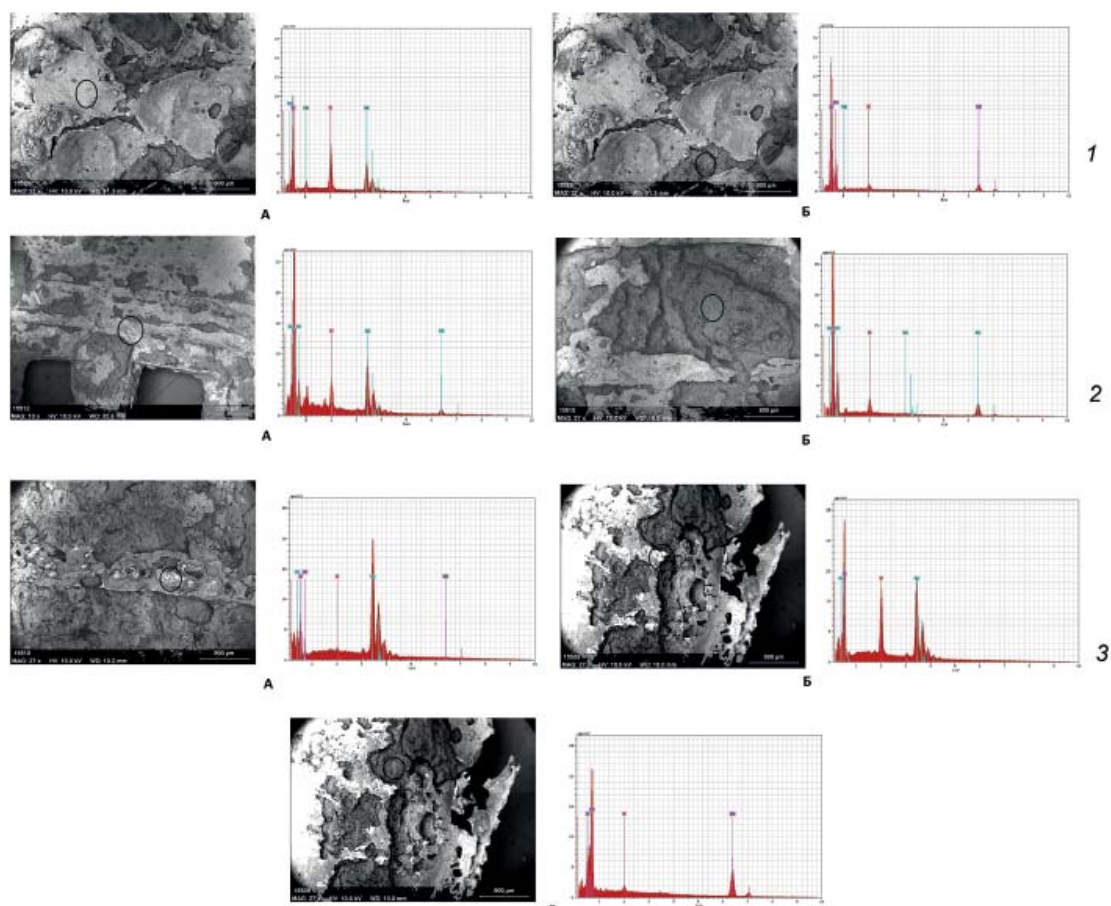

Рис. 5. Исследование химического состава поверхностного и внутреннего слоев изделий, полосок металла с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа: 1 – исследование поверхностного (А) и внутреннего слоя (Б) розетковидной накладки из погр. 180; 2 – исследование полосок металла (А) и внутреннего слоя (Б) прямоугольной накладки из погр. 180; 3 – исследование полосок металла (А), поверхностного слоя (Б) и внутреннего заполнения прямоугольной накладки из погребения 118.

Fig. 5. Study of the chemical composition of the surface and inner layers of objects, metal strips using the method of scanning electron microscopy with a device for local micro-X-ray spectral analysis:

- 1 – study of the surface (A) and inner layer (B) of the rosette-shaped mount from burial 180; 2 – study of metal strips (A) and inner layer (B) of rectangular mount from burial 180; 3 – study of metal strips (A), surface layer (B) and inner filling of rectangular mount from burial 118.

делий было зафиксировано высокое содержание железа и олова (Fe в пределах 80–90%, Sn в пределах 10–20%, незначительное содержание марганца и мышьяка (Mn, As до 0,5%).

Эти результаты были подтверждены при исследовании химического состава металла поверхностного слоя, внутреннего слоя изделий и металла, заполняющего декоративные элементы изделий (при их наличии), с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального

анализа. Всего для исследования было отобрано пять изделий: накладки прямоугольной формы с декором в виде пересекающихся продольных и поперечных линий, накладка фигурной формы с кольцом для подвешивания и накладка фигурной формы с крючком для кольца (рис. 3: Б 7, В 2, 3, 9, 6).

Расхождений между полученными данными со всех изделий не фиксируется. Результаты исследования химического состава металла поверхностного слоя и заполнения де-

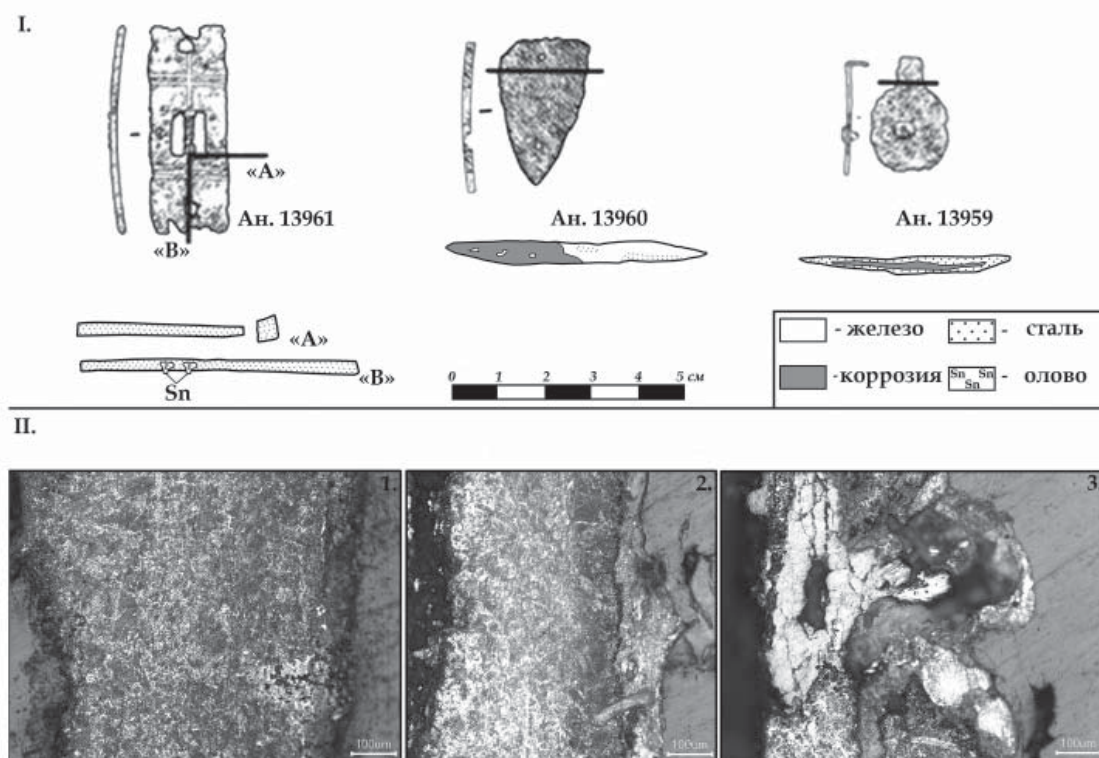

Рис. 6. I – внешний вид и технология изготовления элементов пояса из погребения №118. II – микроструктура накладки (анализ 13961): 1 – основная структура – феррит с перлитом; 2 – слой олова по краю накладки, 3 – место впайки оловянной дорожки.
 Fig. 6. I – appearance and manufacturing technology of belt details from burial No. 118. II – microstructure of the mount (analysis 13961): 1 – basic structure – ferrite with perlite; 2 – tin layer on the edge of the mount, 3 – place of tin track soldering.

корирующих элементов показали наличие только олова (рис. 5: 1 А, 2 А, 3 А, Б). Результаты исследования химического состава металла внутреннего слоя изделий показали наличие только железа (рис. 5: 1 Б, 2 Б, 3 В).

Для проведения археометаллографического исследования была сформирована выборка, состоящая из четырех образцов с элементов пояса из материалов раскопок 2021 г. (погр. 180) (рис. 6: I). Среди них – петля четырехлепестковой накладки, накладка в виде треугольного лепестка, прямоугольная накладка с прямоугольным отверстием и одной гофрированной планкой.

Образцы предварительно прошли необходимую пробоподготовку. Во всех образцах зафиксирована структура среднезернистого феррита с перлитом, микротвердость в пределах

221–350 кг/мм². В образцах из двух изделий углерод распределен неравномерно, достигает 0,4%, шлаки мелкие и округлые. В двух образцах из одного изделия углерод распределен относительно равномерно, достигает 0,8%, шлаки в пластине мелкие, округлые и вытянутые (табл. 1).

Несмотря на то, что уровень науглероженности неравномерен, полученные результаты свидетельствуют о том, что рассматриваемые элементы поясной гарнитуры выполнены из сырцової стали с хорошим качествомковки.

Процесс изготовления изделий данного круга может быть реконструирован следующим образом. Кольца и рамки пряжек изготавливались из округлого или подквадратного прута. На оправке заготовке придавалась необходимая форма, концы сваривались.

Таблица 1

Металлографические характеристики железных изделий

№ анализа	Наименование	Паспорт	Структура	Кол-ва углерода (%)	Микротвердость (кг/мм ²)	Состав	Примечания
13959	Накладка в виде треугольного лепестка	п. 180, №25/56	Феррит с перлитом	до 0.4	350	Из сырцово-й стали	Шлаки мелкие округлые; Качествоковки хорошее
13960	Накладка четырёхлепестковая с петлёй	п. 180, №22/53	Феррит с перлитом	до 0.4	236-274	Из сырцово-й стали	Шлаки мелкие округлые; Качествоковки хорошее
13961 (a;b)	Накладка прямоугольная в виде пластины с прямоугольным отверстием и одной гофрированной планкой	п. 180, №6/37	Феррит с перлитом	до 0,8 %	221-350	Из сырцово-й стали (распределение углерода относительно равномерно)	Шлаки мелкие округлые и вытянутые; Качествоковки хорошее. Зафиксированы остатки олова

Заготовками для изготовления основных частей накладок служили пластины из сырцово-й стали. Возможно, брусок железа сначала дополнительно науглероживался в печи, после чего с помощью свободнойковки разгонялся в пластину (о чём свидетельствует вытянутая форма шлаков). Из пластин зубилом выбивались задуманные формы накладок или их основных частей – прямоугольные, треугольные, округлые и четырёхлепестковые. Прямоугольные и округлые отверстия в прямоугольных накладках вырубались зубилом и пробоем при нагреве. Края накладок и отверстий дополнительно обрабатывались напильником.

После изготовления основных частей изделий проводился процесс лужения – горячий способ покрытия металлических изделий тонким слоем полуды (олова) для предохранения их от коррозии или в декоративных целях. Наличие слоя полуды с лицевой и тыльной стороны изделий, возможно, свидетельствует о погружном методе

лужения, при котором изделие из металла погружали в ёмкость с расплавленным оловом.

Крепление накладок к кожаной основе пояса выполнялось при помощи шпеньков – через сквозные отверстия округлой формы в накладке и кожаной основе пропускался небольшой прямой стержень, края которого расковывались.

Среди всех накладок выделяются сложносоставные предметы, на которые следует обратить особое внимание. Это четырёх- и многолепестковые изделия с петлей и колечком или без них, прямоугольные накладки с прямоугольным отверстием, пересеченным одной или двумя гофрированными планками (рис. 3: А 1, 2, 8; Б 4, 6, 7, 8, 10; В 1, 2, 3, 8, 9).

Процесс сборки накладок производился сразу после изготовления основных частей изделий. Основы четырёхлепестковых и шестилепестковых изделий вырубались из пластин сразу с задуманным длинным выступом прямоугольной формы для

крепления к кольцу (выступ проходил сквозь кольцо и загибался). Отдельные накладки покрывались полудой. Важно отметить, что поверхностный оловянный слой имеется как на кольце, так и на самой накладке с лицевой и изнаночной сторон, что также свидетельствует о погружном методе лужения.

Шестилепестковая накладка с накладным четырехлепестковым элементом также первоначально собиралась (вырубленные основы накладывались друг на друга и соединялись с помощью шпенька), а затем уже покрывалась полудой погружным методом (между элементами отсутствует слой олова).

Процесс изготовления прямоугольных накладок с прямоугольным отверстием, пересеченным одной или двумя гофрированными планками, был более сложным. Заготовка прямоугольной формы для изготовления основной части накладки вырубалась из пластины. С помощью зубила и пробивки в ней производились сквозные отверстия – прямоугольное по центру для вставки декоративных элементов и округлые по углам или краям для последующего крепления накладки к кожаной основе.

В прямоугольное сквозное отверстие вставлялись гофрированные планки (1–2, небольшие прямые стержни с гофрированной поверхностью). Планки крепились к пластине с помощью вырубленных пазов с двух сторон (вставлялись наискосок и забивались так, чтобы край пластины входил в пазы).

После погружного лужения (слой олова фиксируется с тыльной и изнаночной сторон) проходило дополнительное декорирование изделий с помощью инкрустации. На поверхности лицевой стороны прорубались зубилом специальные углубления-канавки, на которые накладывались и вбивались оловянные полоски⁵.

Стоит отметить, что производство изделий данного круга не являлось многоступенчатым в отраслевом плане. Вероятнее всего, все операции по созданию изделий выполнялись кузнецом без совместной работы с ювелиром.

Аналогии

Простые формы железных накладок и пряжек в рассматриваемый период времени встречаются достаточно широко. Так, например, на соседних с Пермским Предуральем территориях железные пряжки разных форм известны в материалах чепецких памятников XI–XV вв. (Иванова, 1992, с. 50, рис. 32: 28–29; Иванова, 1982, рис. 5: 6). Пряжки и железные ременные накладки встречаются на вымских памятниках XI–XIV вв. – Жигановский, Ыджыдьельский могильники и др. (Савельева, 1987, рис. 35: 20–21, 26; Савельева, 2010, с. 87–88, с. 399, рис. 271: 4–5; Савельева, 2014, с. 20–21, с. 105, рис. 26: 3, 21; с. 109, рис. 30: 23, 25, 29). В Пермском Предуралье железные пряжки и накладки известны на многих позднесредневековых памятниках, но их часто связывают с «аскизским» импортом (Белавин, Крыласова, 2008, с. 486, рис. 212: 1–17).

Однако прямых аналогий описываемым в статье предметам поясной гарнитуры в Пермском Предуралье и в соседних регионах распространения чепецкой и вымской культур не обнаружено. С одной стороны, это может быть связано с недостаточной изученностью памятников рассматриваемого периода (XIII–XV вв.). С другой стороны, это может говорить об исключительности найденных изделий.

Исследователи отмечают, что железные накладки в виде розеток и близкие им по форме встречаются в памятниках ордынского времени (Федоров-Давыдов и др., 1970, табл. IV, 13; Афоньков, 2012, рис. 1: 5). На древнерусских памятниках похожие

накладки, также связываемые с тюркским импортом, датируются XIV вв. (Гоняный, 2005, табл. 7: 7–8). Наиболее близкие аналогии, похожие по форме и размерам, были обнаружены в материалах Нижней Камы XIII–XV вв.: Лаишевском и Семеновском селищах, Лаишевском II местонахождении (Руденко, 2021, с. 138). Провести аналогии по технологии изготовления железных украшений невозможно, так их анализы практически не производились.

Таким образом, поясные накладки рассматриваемых форм и декора появляются и распространяются не ранее XIII в. и являются достаточно редкими находками.

Обсуждение результатов

Обнаруженные в материалах Плотниковского могильника элементы поясного набора в настоящий период времени являются достаточно редкими находками. Очевидно, материал их изготовления и техника декорирования (сырцовая сталь, лужение, инкрустация) свидетельствуют о не рядовом характере изделий. Необходимо отметить, что данные находки являются первыми и единственными изделиями из железа с лужением и инкрустацией, обнаруженными в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья. Интересно, что сталью с высоким содержанием углерода не снабжались даже рабочие части большинства прикамских режущих инструментов. Сама же техника инкрустации и лужения железных изделий оловом требовала наличия определенных навыков, умений и знаний у мастеров.

К.А. Руденко связывает появление аналогичных изделий на территории Нижней Камы с тесными родственными контактами населения, оставившего Плотниковский могильник, и отмечает, что пояса с набором железных накладок рассматриваемых форм «не имеют истоков ни у пермян, ни у бул-

гар домонгольского времени» (Руденко, 2021, с. 135). Версию контактов подтверждает анализ антропологического материала, происходящего из погребений данного некрополя. Полученные сведения говорят о том, что население, оставившее Плотниковский могильник, было неоднородным. В том числе оно состояло из людей, в генетическом багаже которых была связь с группами Приуралья, происходящими с территории современной Башкирии и Татарстана (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 108–111).

На данный момент определить происхождение изделий не представляется возможным. Уровень мастерства местных кузнецов позволял им изготавливать предметы подобного типа. В первой половине II тыс. н. э. чёрная металлообработка родановцев достигала высокого уровня, мастерам были доступны различные технологические схемы от цельнометаллических до сварных конструкций с высоким качествомковки (Завьялов, 1988, с. 159–160). Кроме того, есть свидетельства причастности древнего населения к кузнечному ремеслу с ранних лет, что только подтверждает повышение уровня мастерства в русле поколенческой преемственности (Смертин, 2021, с. 218). Однако редкость самих изделий и отсутствие следов их производства на поселениях не позволяют решить этот вопрос однозначно. Не исключен и импорт данных предметов, которые исследователи в общих чертах связывают с тюркским миром.

В материалах одновременных памятников сопредельных территорий можно обнаружить лишь похожие изделия с отдельными схожими чертами с рассматриваемыми изделиями, но нет прямых аналогий. К тому же упомянутые нами изделия с памятников Нижней Камы не подвергались подробному технологическому анализу, и мы не можем судить о том, исполь-

зовались ли при их изготовлении описанные технологические приёмы.

Мы надеемся, что обнаружение и публикация такой интересной и редкой группы изделий, как железные предметы поясной гарнитуры, будет способствовать выявлению и публикации аналогичных предметов в других регионах, что позволит решить вопрос их происхождения в

дальнейшем. Также хотелось бы отметить, что использование археометаллографического, трасологического и методов исследования химического состава металлов (РФА и СЭМ РФЛА) значительно расширяет информационные возможности металлических артефактов и позволяет достаточно подробно реконструировать способы их изготовления.

Примечания:

² Исследование проводилось Ю.А. Подосёновой в лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

³ Исследование проводилось О.Ю. Каменщиковым в лаборатории термических анализов кафедры неорганической химии, химической технологии и техноосферной безопасности Пермского государственного научно-исследовательского университета.

⁴ Исследование проводилось А.Р. Смертиным в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН по методике, разработанной группой археометаллографии (Завьялов, 2016, с. 252–278). Аналитические данные включены в архивную базу лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН

⁵ Важно отметить, что в данных случаях инкрустация железных предметов оловом до процесса нанесения слоя полуды была невозможна. Полоски отчетливо выделяются над поверхностным оловянным слоем, имеют правильные размеры и ровные края. Температурный режим, используемый при погружном лужении, не позволил бы остаться оловянным полоскам в таком виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афоньков Н.Н.* Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2012. С. 158–163.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
3. *Брюхова Н.Г.* Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2021 г. Пермь, 2021 / Архив МАЭ ПГГПУ.
4. *Гоняный М.И.* Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова Поля (на примере украшений поясной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 85–100.
5. *Завьялов В.И.* Черная металлообработка у древних коми-пермяков // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988. С. 129–161.
6. *Завьялов В.И.* Археометаллография // Междисциплинарная интеграция в археологии: по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 252–278.
7. *Иванова М.Г.* Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 51–76.
8. *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
9. *Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник / Свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, 2017. 222 с.
10. *Руденко К.А.* О связях Волжской Булгарии и Пермского Предуралья в XIII – начале XV в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIX / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, С. 131–138.
11. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.
12. *Савельева Э.А.* Жигановский могильник. Сыктывкар: ИИЯЛ КомиНЦ УрО РАН, 2010. 454 с.

13. Савельева Э.А. Ыджыдьельский могильник. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2014. 120 с.

14. Смертин А.Р. Половозрастные различия в хозяйственных занятиях (по материалам раннесредневековых могильников Пермского Предуралья) // ЛIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 216–219.

15. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

16. Шемаханская М.С. Реставрация металла: методические рекомендации. М: ВНИИР, 1989. 155с.

Информация об авторах:

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник. Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия); nat-bryukhova@yandex.ru

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия); podosenka@yandex.ru

Смертин Андрей Романович, научный сотрудник. Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия); armsmertin@mail.ru

IRON BELT SET FROM THE BURIALS OF THE PLOTNIKOVO BURIAL GROUND (RODANOVO CULTURE, PERM REGION)

N.G. Bryukhova, Yu.A. Podosenova, A.R. Smertin

The aim of the research is a comprehensive analysis of the objects of the iron belt set from the Plotnikovo burial ground. The burial ground is located near Kudymkar, Perm region and belongs to the 13th–15th centuries AD. Methods of studying the chemical composition of metals (XRF and SEM analysis) archaeometallographic and tracological, were used to conduct the analysis. The objects from burials № 3, 118, 180 were material for the study. These burials belonged to adult men. As a result, the authors found out that the elements of the belt set were made of raw steel with good forging quality. The rings and frames of the buckle were made of a rounded or square rod. Raw steel was a billet for the main parts of the linings. The conceived forms of the linings or their main parts were knocked out of the plates with a chisel. The tinning process was carried out after the manufacturing of the main parts of the products. Then there was an additional decoration of the products with the help of incrustation. The fastening of the linings to the leather base of the belt was carried out with the help of pins. These finds were the first and only iron products with tinning and incrustation that were found in the materials of medieval sites of the Perm Pre-Urals. Analogies to them can be found in the materials of Laishevo and Semenovka villages located in the basin of the Lower Kama River.

Keywords: archaeology, Middle Pre-Urals, medieval burial ground, burial, belt set, tinning, incrustation.

REFERENCES

1. Afon'kov, N. N. 2012. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 10. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 158–163 (in Russian).

2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

3. Bryukhova, N. G. 2021. *Otchet o raskopkakh Plotnikovskogo mogil'nika v Kudymkarskom rayone Permskogo kraia v 2021 g. (Report on the excavations of the Plotnikovo burial ground in the Kudymkar district of Perm Krai in 2021)*. Perm. Archive of the Archaeology and Ethnography Museum of Perm State Pedagogical University (in Russian).

The work was supported by the Ministry of Education and Science of Perm Krai, agreement № С-26/1192 from 19.12.2019 and on the subject of the state task "The Urals – ethnic-cultural crossroads of Eurasia", reg. № НИОКТР АААА19-119032590066-2.

4. Gonyanyy, M. I. 2005. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v IX–XIV vekakh. Vzaimodeistvie Severa i Luga (Rus in 9th–14th Centuries. Interaction of the North and South)*. Moscow, “Nauka” Publ., 126–131 (in Russian).
5. Zav'yalov, V. I. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 129–1612 (in Russian).
6. Zav'yalov, V. I. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (eds.). *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii: po materialam lektiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov (Interdisciplinary integration in archaeology: based on lectures for graduate students and young specialists)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 252–278 (in Russian).
7. Ivanova, M. G. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsya River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 51–56 (in Russian).
8. Ivanova, M. G. 1992. *Pogrebal'nye pamiatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. (Burial Sites of the Northern Udmurts of the 11th–13th cc.)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
9. Krylasova, N. B., Briukhova, N. G. 2017. *Plotnikovskiy mogil'nik (Plotnikovo burial ground)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 4. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).
10. Rudenko, K. A. 2021. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 19*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. 131–138 (in Russian).
11. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th – 14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
12. Savel'eva, E. A. 2010. *Zhiganovskii mogil'nik (Zhiganovka Burial Ground)*. Syktyvkar: Institute for History, Language, and Literature, Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
13. Savel'eva, E. A. 2014. *Ydzhyd"el'skiy mogil'nik (Ydzhidyol burial ground)*. Syktyvkar: Institute for History, Language, and Literature, Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
14. Smertin, A. R. 2021. In *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (53th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 216–219 (in Russian).
15. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 68–171 (in Russian).
16. Shemakhanskaya, M. S. 1989. *Restavratsiya metala: metodicheskie rekomendatsii (Metal Restoration: Methodological Recommendations)*. Moscow: “VNIIR” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bryukhova Natalya G. Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; nat-bryukhova@yandex.ru

Podosenova Yuliya A. Candidate of Historical Sciences. Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru

Smertin Andrey R. Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; arsmertin@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК 902, 903-03-05

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.22.37>

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМИ МЕТОДАМИ И РЕСТАВРАЦИЯ СУМОЧКИ ИЗ КРАСНОГОРСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2023 г. Т.Б. Никитина, А. Тюрк, С.Г. Буршнева,
М. Кишне Бэндэфи, Ж. Вархедь, Ф. Харанги, Б. Янчик,
Л.Ф. Богатова, Е.Ф. Шайхутдинова, П.В. Федан

В статье публикуются результаты мультидисциплинарного исследования уникальной находки из погребения 8 Красногорского древнемарийского могильника X в. – кожаный кошелек/сумочка с металлической пластиной на крышке. Сумочки такого типа известны в Карпатском бассейне, Восточно-Европейском регионе и даже встречаются на некоторых скандинавских могильниках. Сохранилась не только металлическая пластина, но и крупные фрагменты органических материалов, образующих составные элементы сумочки, что позволило восстановить полный облик изделия. Комплексное исследование сумочки позволило сделать полную реконструкцию. В настоящее время это единственная реконструкция кошельков/сумочек типа ташки из средневековых могильников, выполненная на основе анализов органических и металлических частей сумочки, полученных специалистами различных направлений. С учетом комплексного исследования проведена реставрация изделия. Специализированное изучение материалов, использованных при изготовлении сумочки, позволяет выявить определенное сходство с венгерскими сумочками, но не дает основания считать сумочку из Красногорского могильника их полной копией. Данная статья является первым опытом комплексного исследования изделий такого типа на международном уровне (МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, Институт археологии им А.Х. Халикова, Институт Археологии Католического Университета им. Петера Пазманя). Результаты исследования носят предварительный характер.

Ключевые слова: археология, Средневековье, Ветлужско-Вятское междуречье, поясные сумочки, микростратиграфический анализ, рентгенофлуоресцентный анализ, реставрация.

В 2019 г. при раскопках Марийской археологической экспедицией МарНИИЯЛИ Красногорского могильника марийской культуры X в. в погребении 8 была найдена кожаная сумочка с металлической пластиной на закрывающем клапане. Общая реконструкция, историко-культурная интерпретация и хронологическая атрибуция изделия дана в отдельной статье (Никитина, Тюрк, Янчик, 2022). Учитывая, что в настоящее время изделие из п. 8 Красногорского могильника представляет единственную реконструкцию кошельков/сумочек такого типа, выполненную на основе анализов органических и металлических частей сумочки, полученных специалистами различных направлений, возникла необходимость опубликования результатов процесса комплексного обследования и реставрации предмета.

Реставрация предмета была проведена в Институте археологии им. А.Х. Халикова Республики Татарстан¹.

Предмет при поступлении на реставрацию имел следующее состояние: фрагментарно разрозненные детали текстиля по периметру пластины были усušены и загрязнены; кожаная часть кошелька имела не полную форму, примерно треть от всего объема предполагаемой детали утрачена, оставшаяся часть была сильно усušена; накладка разрушена на несколько частей, в одном углу отсутствует крупный фрагмент; металл деформирован, центральная часть выгнута вверх (рис. 1). Предмет ввиду своей хрупкости был поднят из погребения на монолит, чему предшествовала пропитка клеем БФ. К моменту поступления на реставрацию клей де-

Рис. 1. Первоначальный вид накладки из погребения 8 Красногорского могильника.
А – лицевая сторона; Б – обратная сторона.

Fig. 1. Initial view of the sabretashe plate from burial 8 of the Krasnogorskiy burial ground.
A – front side; B – reverse side.

градировал и предмет был подвержен механическому разрушению. Кроме того, значительная часть информации о накладке скрывалась под слоем продуктов коррозии.

Перед началом реставрационных работ было проведено исследование предмета с применением естественно-научных методов. При проведении этих работ большую помощь оказали Научно-исследовательский центр древних венгров Центра гуманитарных исследований, Институт археологических наук Католического университета им. Петера Пазманя и Научно-исследовательский центр реставраторов Венгерского национального музея².

Изделие состояло из двух основных частей: собственно кожаной сумочки-емкости, в которую помещалось содержимое, и металлической накладки на крышку-клапан. Кожаная часть изделия (сама сумочка) сильно деформирована, усушена. Вероятно, по этой причине ее размеры меньше металлической пластины на крышку кошелька: ширина в верхней части 6,5 см; в нижней широкой части

7,5 см, высота 8,3 см. Ширина боковой полосы в усушенном состоянии 1,7 см. Металлическая пластина на крышку кошелька имела следующие размеры: высота 10,8 см, ширина в верхней части 9 см, в нижней 10,3 см. Судя по соотношению размеров самого кошелька и крышки, произошла усушка кожи по ширине на 28%, по высоте на 23%. Исходя из этих предположений, ширина боковой стенки была в пределах 2,4 см.

Экспертиза остатков кожи от кошелька проведена в лаборатории по реставрации кожи Венгерского национального музея, Государственного центра реставрации и образования реставраторов. Венгерскими исследователями установлено, что сумочка была изготовлена из кожи овцы очень древней породы, близкой современным козам. Проанализирован небольшой образец кожи, пришитый к текстилю, имеющий размеры: длину 16 мм и ширину 3 мм в самом широком месте, из которых максимально возможное количество должно было быть сохранено для датировки.

Размер, расположение и расто-

яние волосяных фолликулов, оставшихся после удаления волосков, так называемый рисунок мерей или рисунок коры, различны для каждого вида животных, поэтому он подходит для идентификации по сравнению с известными образцами.

Однако рисунок и характер кожи также меняются с возрастом. Кожа старых животных толще, волосяные фолликулы крупнее и расположены дальше друг от друга, чем у молодых особей. Также влияет на рост волосков, их расположение на участке тела, из которого происходит обработанная кожа. Волоски, равномерно покрывающие спину, дают характерный рисунок, в то время как в изгибах тела конструкция более неровная и трудно идентифицируемая. В случае археологических находок трудно распознать вид животного, если поверхность кожи сильно разлагается, или загрязнена почвенными остатками и продуктами коррозии, или была в целях сохранения обработана консервантом. Полученный образец был предварительно почищен, и проведено его сравнение с известными эталонными кожами с помощью стереомикроскопа ALPNA-STO-1 LWD. На основании проведенных исследований было установлено, что он мог быть сделан из овчины, которая похожа на древнюю породу овец, называемую «гаска» в Венгрии (рис. 2). Характерно для этой породы то, что она имеет смешанную шерсть, в которой помимо тонких и ярких волос присутствуют также толстые и матовые волоски (Brehm (без даты): *Az állatok világa, juhok (Ovis L.)* <http://mek.niif.hu/03400/03408/html/257.html>). Поэтому рисунок мерей больше похож на мерею шерстистого козла, чем на овечью мерину с тонкой шерстью³ (рис. 2: В).

Венгерскими учеными высказано также предположение, что при дублении кожи использовано квасцевание,

что подтверждают следы Al и цвет кожи. При коричневом цвете кожи в первую очередь возникает предположение о возможности растительного дубления. Для обнаружения следов растительных дубильных агентов проведен тест на содержание солей железа, согласно которому ионы железа (III) реагируют с растительными дубильными агентами с образованием соединения темного цвета, танната железа. Некоторые фрагменты кожи размером менее 1 мм помещали на микроскопический слайд с 1% водным раствором FeCl₃. Через 15 минут темное окрашивание не наблюдалось, поэтому вероятность использования дубильных веществ растений невелика. Мы думаем, что позже стоило бы повторить тест на более крупных волокнах кожи, предпочтительно с двумя параллельными образцами. Один из них следует замочить в патчензине, чтобы жирные вещества, которые могут присутствовать в коже, высвободились и не препятствовали протеканию реакции.

Известно, что *кожа квасцового дубления* неустойчива к воде, потому что дубильный агент не образует сильной химической связи с коллагеном, белком, который составляет кожу (Haines, 1991, p. 26). Поэтому в археологических находках кожи в основном можно найти шкуры квасцового дубления только в сухой почве или в постоянно замороженных условиях. Тем не менее в прошлом существовал процесс, с помощью которого эту кожу можно было сделать погодостойкой. С XIV в. до XVIII в. многие письменные источники называли этот тип кожи «венгерской кожей». Основные особенности процесса изготовления такой кожи заключаются в том, что шерсть чистили без побелки или томления острым ножом, затем вымачивали в квасцово-кухонной солёной ванне и энергично прорабатывали. После высыхания кожу держали над углями, а нагретую

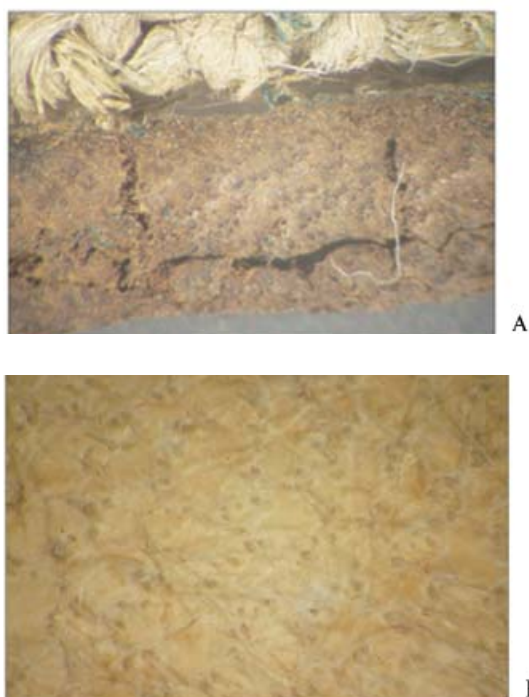

Рис. 2. А – микроснимок образца кожи от сумочки из погр. 8 Красногорского могильника; Б – фото овцы породы «racka»; В – эталонный образец мерей овцы породы «racka».

Fig. 2. A – micrograph of handbag leather from the Krasnogorskiy burial ground No. 8; Б – photo of Racka sheep; В – grain reference sample of Racka sheep.

таким образом кожу пропитывали горячим салом (Gáborján, 1962, pp. 96–138; de La Lande, 1761). Роль сала заключалась в том, чтобы сделать кожу водостойкой, окружив волокна кожи квасцов. Преимуществом изготовления кожи «по венгерскому способу» является то, что процесс требует относительно мало места и материалов, а продукт готов через 2–4 недели. Растительное дубление, напротив, требовало замачивания шкурок в ямах в течение нескольких месяцев, а в случае более толстых материалов – более года, поэтому этот процесс требовал гораздо больше времени, места и ресурсов, и был более стационарным (Kissné Bendefy, Petkes, Türk, 2016, p. 304).

Для того чтобы доказать приготовление кожи «венгерским способом», нужно выявить три факта. Следует обнаружить наличие квасцов ($\text{KAl}(\text{SO}_4)_2 \cdot 12\text{H}_2\text{O}$), кожного сала и проверить следы ножевой эпиляции, т. е. остатки волос в волосяных фолликулах.

Алюминий может быть легко обнаружен на нескольких образцах волокон с использованием 0,1% рас-

твора сульфоната ализарина натрия ($\text{C}_{14}\text{H}_7\text{NaO}_7\text{S}$). Однако в археологических находках могут присутствовать соединения меди, которые могут создать ошибочный результат. Реагент дает на них такое же изменение красного цвета, как если бы образец содержал алюминий. В этом случае ионы меди в материале пластины кошелька и заклепок наверняка помешали бы обнаружению, поэтому мы решили использовать неразрушающий инструментальный тест, портативный XRF-прибор. Рентгеновское флуоресцентное спектроскопическое исследование проведено химиком, доктором Золтаном Маем (Научно-исследовательский центр естественных наук, Институт материалов и химии окружающей среды). При этом мы также провели тест образца кожи и сопутствующего текстильного образца как для сравнения, так и для получения дополнительных данных о элементах в них и их количестве (табл. 1).

Результаты измерений показывают, что доминирующие элементы, присутствующие в квасцах (калий, алюминий и сера), представлены неболь-

Таблица 1

Количество алюминия, калия и серы в образце текстиля и кожи. Серийные номера указывают на испытания на тех же образцах кожи и текстиля, только в других местах образцов.

Образец	Массовый% Al	Массовый% K	Массовый% S
Кожа 1	0,584251	0,111551	1,370309
Кожа 2	0,935683	0,174976	1,769658
Кожа 3	0,373119	0,089583	4,209934
Кожа 4	0,529806	0,074763	4,058604
Текстиль 1	1,197481	0,425238	1,430091
Текстиль 2	1,187509	0,539733	1,056754

шим количеством, так же и в коже, и текстиле, в последних с несколько более высокой долей.

Небольшое количество неудивительно, так как выборка тоже была очень маленькой. В последующей работе было бы целесообразно обследовать большие куски кожи с помощью неразрушающей процедуры. Кроме того, было бы полезно изучить образцы почвы, которые присутствовали на месте обнаружения, в непосредственной близости от находок, тем самым проверив возможность того, что элементы могли попасть в кожу из почвы.

Также предпринята попытка проверить содержание *кожного сала*. Для этого требуется относительно большой образец, который помещается в микрохимическую пробирку, а затем добавляется определенное количество бензола (углеводороды C6-C7, изоалканы, циклы, <5% н-гексана), чтобы покрыть его. Пробирку держат герметично закрытой на ночь (или около 8 часов). На следующий день растворитель выливают в небольшую, предварительно намеренную, вогнутую стеклянную банку (часовое стекло или углубленный микроскопический слайд), а затем оставляют испаряться в лабораторной кабинке. После того как растворитель исчезает, он оставляет после себя на дне жировые вещества, которые он выделяет, количество которых может быть определено путем измерения веса. Из этого отложения мы соскребаем на микро-

скопический слайд количество, хорошо видимое невооруженным глазом, а затем, во время медленного нагрева, наблюдаем через микроскоп, когда оно плавится. Температура плавления чистого кожного сала составляет от 45 до 50 °C, плавление должно происходить в этом диапазоне. Грязь всегда снижает температуру плавления, это следует учитывать во время испытания. К сожалению, в этом случае образец достаточного размера оказался недоступен, поэтому мы смогли использовать только маленькие фрагменты для целей исследования. Вероятно, именно по этой причине мы не смогли найти какой-либо мягкий текстурированный материал на дне стеклянной банки после того, как бензол испарился, и мы не заметили какого-либо плавления в заданном температурном диапазоне при нагревании стекла. Если возможно, стоило бы повторить эксперимент с более крупной выборкой. В процессе исследования проведены работы по установлению следов *волос, удаленных ножом* на образце. Образцы кожи из археологических находок обычно сохраняют грязь и почвенные отложения даже после тщательной механической очистки, которая может легко засорить отверстия волосяных фолликулов, иногда даже покрывая более короткие волосы, оставленные позади, поэтому четкая идентификация их редко достигается. На поверхности исследуемой кожи, которая была равномерно

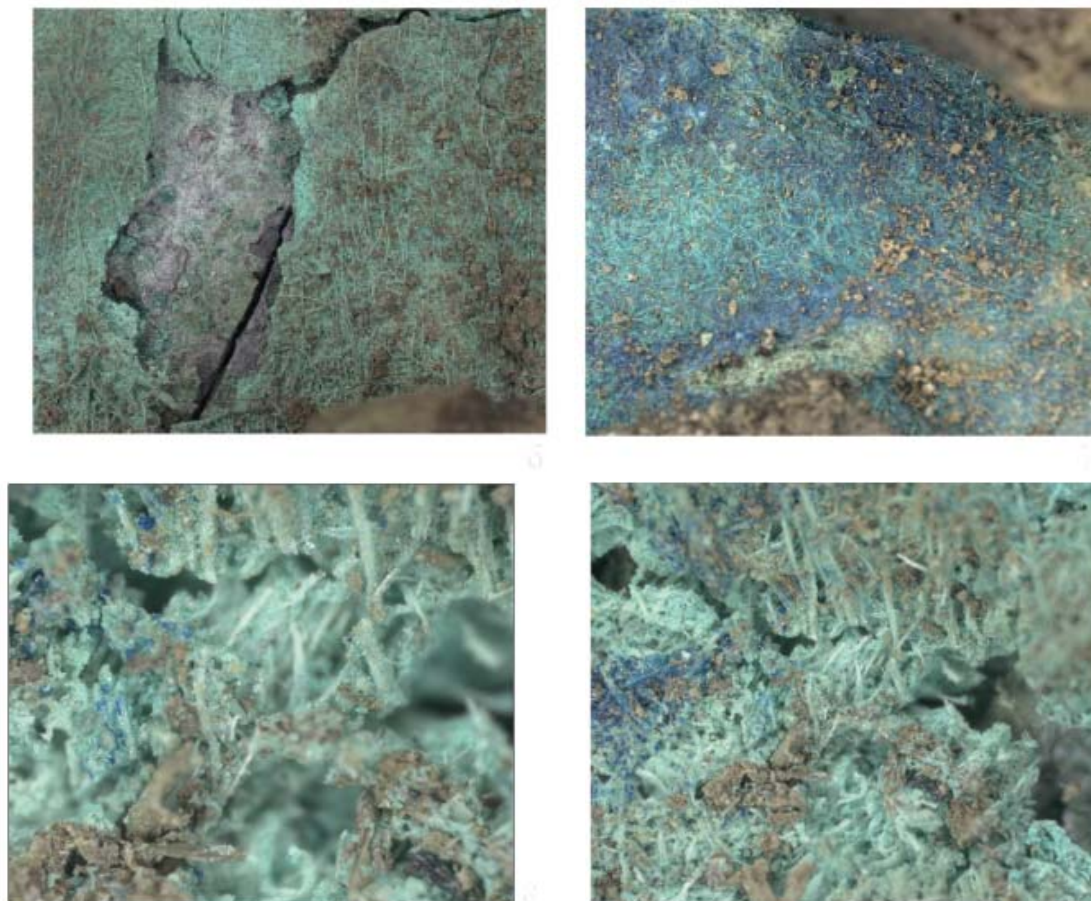

Рис. 3. Микроснимки органических материалов на оборотной стороне металлической пластины.

Fig. 3. Micrographs of organic materials on the reverse side of the metal plate.

коричневатого цвета, расположение волосяных фолликулов могло быть обнаружено в одних местах в виде полостей, в других в виде небольших выступов, которые могли быть вызваны остатком волосков, удаленных ножом в волосяном фолликуле, но последнее четко не выявлено.

Подводя итоги проведенных венгерскими учеными исследований, был определен вид животного, похожий на венгерских овец «гаска», или на близкую породу, имеющую смешанную шерсть, сочетающую толстые и матовые волосы с тонкими и блестящими. К сожалению, из-за очень небольшого размера исследуемого образца мы не смогли четко определить способ и материал дубления, хотя и обнаружили в коже элементы, характерные для квасцов. Как отмечалось

выше, стоило бы повторить серию тестов для идентификации способа дубления растений и квасцов, а также «венгерского дубления» (включая проверку наличия волос, оставленных в волосяных фолликулах), используя более крупные образцы.

В настоящее время все большее значение приобретает так называемый микростратиграфический осмотр остатков сложного органического материала и объектов, содержащих остатки органического материала, с помощью которого можно прояснить взаимосвязь между различными материалами, составляющими объект (Lau, 2021, p. 20; Grömer, 2008, p. 17–20; Grömer, Rapan-Papesa, 2015, p. 56, 69–70. Fig. 8). Для микростратиграфических исследований использованы фотодокументация и макрофотома-

риалы, сделанные на месте хранения предмета исследования в МарНИИЯ-ЛИ, также от пластины был отделен фрагмент с содержанием текстильного и кожного материала. Микроскопические снимки этого фрагмента были сделаны в Институте археологии Католического университета им. Петера Пазманя Фридерикой Хорват с использованием цифрового микроскопа Delta Optical 5MP Pro. В настоящее время развитие цифровой микроскопии становится все более распространенным в археологии текстилей (Grömer, Bender Jørgensen, 2013, p. 99–101; Lau, 2021, p. 17).

По анализу макроснимков и микроскопических снимков заметно, что на обратной стороне металлической пластины фиксируется тонкий мембраноподобный слой материала (рис. 3).

В Институте международных отношений Казанского федерального университета на кафедре реставрации наследия было проведено исследование микрофотографий клеевой основы на пластине. Исследование проводилось с помощью стереомикроскопа Discovery V20 (рис. 3). При изучении микрофотографий были выявлены хаотично расположенные волокна органического происхождения, что свидетельствует об отсутствии текстиля между металлической пластиной и кожей по всей площади накладки.

Для определения состава образцов органического клея было проведено исследование на рамановском спектрометре inViaQontor (Renishaw, Великобритания) с дифракционными решетками 1800 шт./мм и 1200 шт./мм с микроскопом Leica DM2700 M, Nd:YAG-лазером (длина волны излучения 532 нм) и диодным лазером (длина волны излучения 785 нм). Проводилась калибровка спектральных линий и положение пучка лазера на монокристаллическом кремниевом стандарте. Было определено, что

его основой являются костные компоненты, а также яичный желток. На основании литературных источников и консультации со специалистом в области реконструкции подобных изделий был сделан вывод, что пластина крепилась к органическим деталям не только на металлических пряжках, но и была промазана костным клеем для лучшей адгезии материалов. Исследование покрытия пластины с обратной стороны методом спектроскопии на приборе Raman в Научно-исследовательском центре реставраторов Венгерского национального музея также подтвердило, что материал, покрывающий поверхность накладки с обратной стороны, является клеем, основой которого являются костные компоненты, а также яичный желток. Известно, что клеевые растворы, полученные из животных отходов, содержащих *коллаген* (кости, кожа, хрящ, рыбий пузырь и т. д.), набухают в холодной воде и растворяются через некоторое время нагретыми. Другие материалы животного происхождения, используемые для склеивания или в качестве связующих для красок, содержат *альбумин*. *Альбумин* в яичных белках или *альбумин* крови также остается чувствительным к влаге даже после высыхания. В научной литературе можно встретить один клей животного происхождения, который дает водостойкое склеивание: это *казеин на основе молочного белка*. Используя известную литературу, можно сделать заключение, что клей, оставленный на пластине кошелька, скорее всего, является казеин-клеем, также известным как творожный казеин (Caseinglues: their manufacture, preparation, and application. U. S. Forest service research note fpl-0158 march 1967. 15.p. <https://www.fpl.fs.fed.us/documents/fplrn/fplrn158.pdf> (последнее обращение: 2022.04.11).

Опыт столяров и мастеров по обработке дерева (*выделения сделаны*

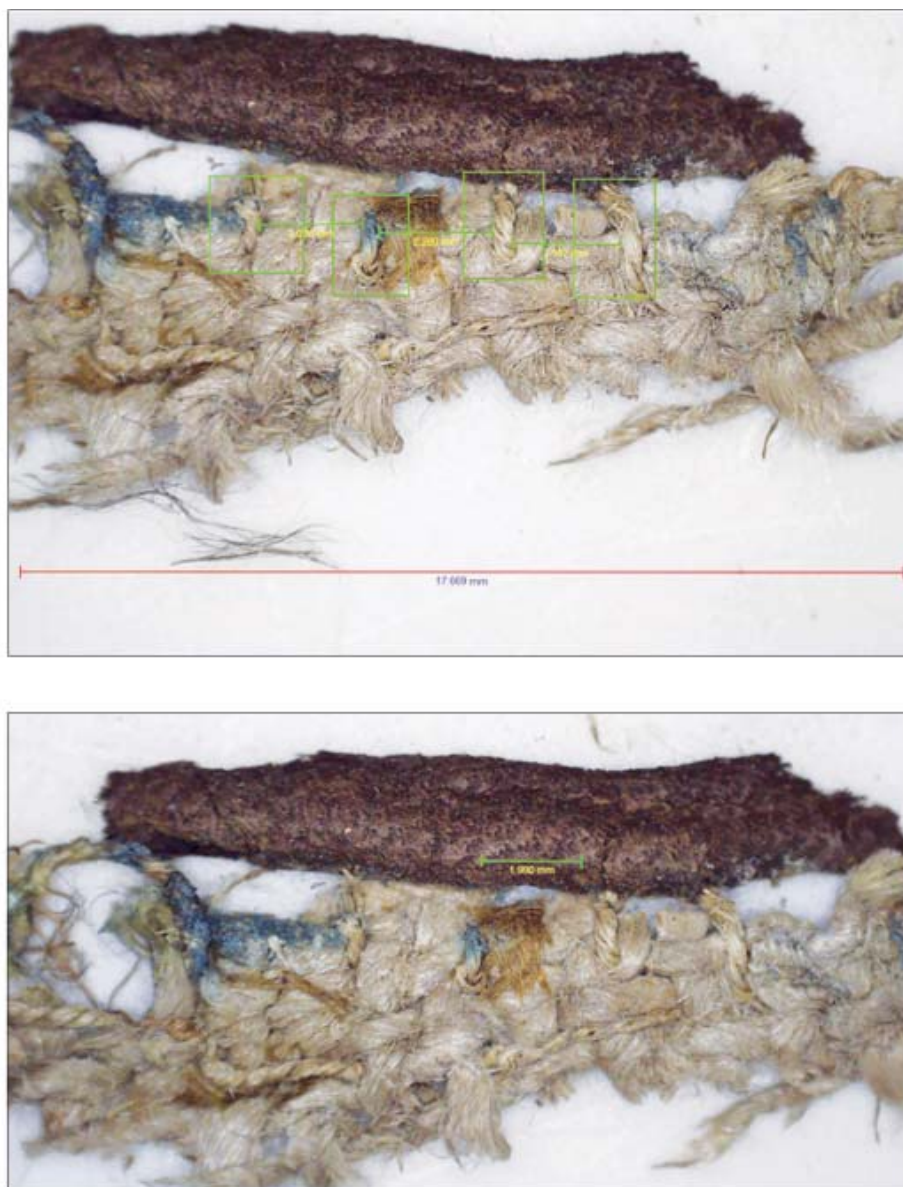

Рис. 4. Структура ткани на подкладке металлической пластины.

Fig. 4. Structure of the fabric on the lining of the metal plate.

нами) показывает, что «клей, который можно легко изготовить из натурального сырья в домашних условиях. Готовое склеивание будет водонепроницаемым и не термочувствительным. Время прессования составляет 4–6 часов, достижение полного склеивания составляет не менее 1 недели. В Венгрии это был широко используемый клей, особенно у производителей народной мебели. Он также часто использовался для основания расписной мебели... Окрашенные земляными красками или солями металлов, мы

получаем мебельные краски натурального цвета, которые также являются водонепроницаемыми»⁴. «Высушенный казеин-клей больше нельзя растворять водой, повторно разбавлять» (Szász, 1986, pp. 90–91).

Опыт живописцев (*выделения сделаны нами*): «Казеин-клей проще всего производить из нежирного коровьего *творога*». Творог смешивают с оседающей *гашиёной известью* в соотношении 5:1, из которой при постоянном энергичном перемешивании образуется медленно глазируемое,

Рис. 5. Волокна шелка.

Fig. 5. Silk fibers.

медообразное, эластичное, липкое вещество. Затем его разбавляют водой, если это необходимо (Molnár, 1979, p. 135). «В Австрии, в Зальцкаммергуте (*Salzkammergut*), влажном и холодном регионе, наружные стены зданий украшались расписными мотивами. Кирпичную кладку тщательно чистили стальной проволочной щеткой, стены смочили, а затем пропитывали *раствором казеина*. После нескольких дней просыхания нанесенного раствора поверхность штукатурки была поцарапана, а затем снова соскоблена проволочной щеткой. Затем его снова смачивают *раствором казеина*, а затем наносят так называемый малярный слой (раствор, состоящий из смеси песка и извести). После 2–3 недель высыхания на него начали наносить *краску казеинового связующего состава* (Molnár, 1979, p. 138).

Последнее описание наружной росписи стен считаем особенно показательным. Казеин использовался на каждом этапе: от обработки кирпичной стены через грунтование до связующего материала краски, — очевидно, для повышения защиты, необходимой в случае влажного климата. Интересно, что растительные волокна были смешаны в растворе двух нижних слоев штукатурки, предположительно, чтобы предотвратить растрескивание и ослабление штукатурки во время или после высыхания. Эта процедура — хотя и в другом масштабе — напоминает нанесение волокон, смешанных с клеем, или слоя войло-

ка, пропитанного клеем, на заднюю сторону пластины кошелька.

На наш взгляд, приведенный выше опыт подтверждает гипотезу о том, что казеин-клей был нанесен на заднюю часть пластины кошелька; устойчивость к воде и ее высокая связующая способность упоминаются во всех ссылках. Опыт того, что этот тип клея легко сделать в домашних условиях, предполагает, что процесс мог быть выполнен в кочевых или полукочевых условиях. Если есть возможность взять образец клея, не нарушая металлическую пластину, то стоит проверить, действительно ли этот слой содержит белок из молока.

В качестве подкладки под клапан крышки, украшенной пластиной, использовалась текстильная основа. Материал обследован специалистом по текстилю, младшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра древних венгров Центра гуманитарных исследований (Будапешт, Венгрия) Флорианом Харанги, и установлен текстиль растительного происхождения (лен или конопля) полотняного плетения (рис. 4). Полотно относительно хорошо сохранилось, его цвет бежевый (предположительно, он в древности также был неокрашенным).

Размеры отделенного фрагмента составляют: ширина 17,5 мм; длина 5,5 мм (включая кожаную обшивку). Нити утка и основы его были Z-крутки, плотность составляет около 10 нитей/кв. см). Края полотна были

Рис. 6. Металлическая пластина на крышке кошелька из погр. 8 Красногорского могильника.

Fig. 6. Metal plate on the sabretache cover from the Krasnogorskiy burial ground 8.

обшиты кожей, которая была пришита к краю полотна с помощью простого предварительного стежка. Расстояние между стежками составляет около 2 мм. Разница между измеримыми расстояниями стежка составляет одну десятую миллиметра. Кожаная кайма также была пришита с нитью S-крутки, изготовленной из льна или конопли, которая была создана путем одностороннего кручения двух нитей Z-крутки.

На внутренней поверхности основной емкости сумки наблюдаются коричневатые шелковые остатки (рис. 5). Несмотря на то, что фрагменты в плохом состоянии, все-таки удалось отдельные волокна отделить от поверхности холста и рассмотреть под микроскопом. Нити шелковых остатков имеют небольшую S-крутку, утки не имели крутки, другие свойства останков не могут быть исследованы

из-за плохой сохранности. К сожалению, связь между шелковыми остатками, холстяной крышкой и кожаной каймой неясна, но с большой вероятностью шелк являлся подкладкой кошелька.

Металлическая пластина, украшающая крышку кошелька, изготовлена из сплава цветного металла с содержанием серебра. Изделие было исследовано на бинокулярном микроскопе МБС2 с использованием электронного цифрового окуляра, микроскоп с USB Lucky zoom с увеличением 200× на кафедре металловедения Поволжского федерального политехнического университета д.ф.н. С.Я. Алибековым. По его мнению, структура исследованного изделия состоит из модифицированных зерен с достаточно высокой однородностью, составом и металлургической рекристаллизацией. На образце четко видны

Рис. 7. Микроснимки фрагментов лицевой стороны накладки.

Fig. 7. Micrographs of the front side of the plate.

большие фактуры, сделанные руками мастера, имеются неровности и шероховатости, которые отличают данный предмет от литого изделия (рис. 6). На данном фрагменте виден узор, полученный путем деформирования исходного сплава.

Исследование поверхности накладки методом рентгенофлуоресцентного анализа проводилось с помощью оборудования фирмы Bruker, Германия, Mistral M1 и Tornado. Анализ состава металла с помощью Mistral M1 фирмы Bruker проводилась по поверхности объекта, не подвергавшейся ни механической, ни химической обработке. Анализ проводился в точке поверхности без видимых признаков позолоты. Получен следующий химический состав металла основы пластины: Ag – 46,96%, Cu – 38,18%, Zn – 8,31%, Pb – 2,88%. Кроме того, присутствуют следы Bi, который обычно сопутствует Ag в руде, менее 1% Sn и 2,65% Fe. Железо присутствует в большом количестве только в одной точке, вероятнее всего, оно имеется в продуктах коррозии или почвенных наслоениях на поверхности памятника, поскольку не может выступать легирующим элементом серебряного сплава. Картирование участка лицевой стороны накладки проводилось также на микрорентгенофлуоресцентном анализаторе M4 Tornado в вакууме. В результате была построена карта распределения концентраций элементов на поверхности образца. Картирование лицевой поверхности пласти-

ны с помощью Tornado выявило, что серебряная поверхность пластины покрыта тонким слоем позолоты, которая частично утрачена. На рисунке карта распределения ртути совпадает с картой распределения золота, что свидетельствует об амальгамном (огневом) методе золочения поверхности пластины. Химический состав участка с позолотой представлен в таблице. Результаты исследования двух приборов свидетельствуют о том, что для пластины использовалось низкопробное серебро, так как соотношение серебра и неблагородных металлов примерно 1:1.

С целью восстановления рисунка проведены действия по реставрации предмета. На реставрационном совете на основе результатов, полученных в ходе реставрационных исследований и визуального обследования предмета, была выработана программа реставрационно-консервационных мероприятий. В связи со сложностью проведения работ программа была разделена на два этапа и проводилась под руководством художника-реставратора высшей категории С.Г. Буршневой.

На первом этапе был осуществлён монтаж металлической пластины с лицевой стороны на подложку из силикона, при этом между силиконом и поверхностью памятника была проложена пищевая пленка. Подложка полностью повторяла форму пластины. Данная операция позволила надёжно зафиксировать пластину на основа-

Рис. 8. Кожаный фрагмент с наклейки после консервации.

Fig. 8. Leather fragment from the plate after conservation.

нии, которое обеспечило физическую сохранность предмета при проведении работ.

Следующий этап реставрационных работ – демонтаж органических материалов (кожа, текстиль, фрагменты костяного клея). Путем механической очистки без применения химических реактивов и моющих средств удалось очистить поверхность кожи и текстиля от общих загрязнений. Однако таким способом не удалось отделить кожу от металлической пластины. В связи с этим было принято решение о применении водного раствора ПЭГ-400 с концентрацией 3,5%. Путем нанесения раствора с помощью пульверизатора на кожу и фрагменты текстиля удалось отделить металлическую основу от органических материалов. Фрагменты кожи и текстиля были законсервированы. Кожаная часть с наклейки была воспроизведена на дублирующий материал (рис. 8) (Богатова, Федан, Буршнева, 2019).

После демонтажа была произведена укрепляющая пропитка поверх-

ности предмета трехпроцентным и пятипроцентным раствором Paraloid B-72 в смеси растворителей этиловый спирт и ацетон в соотношении 1:1 с промежуточной просушкой под колпаком в течение 12 часов после каждого цикла. После чего была произведена механическая очистка внутренней стороны пластины от почвенных загрязнений. Удаление старой клеящей массы производилось с подбором растворителей. Операция производилась методом наложения компрессов со спиртом и смеси растворителей этилацетата с ацетоном в соотношении 1:1. Компрессы накладывались фрагментарно, так как клей БФ являлся основой, поддерживающей пластину в целой форме (Шемаханская, 2015).

Демонтаж осуществлялся по фрагментам, с топографией. Параллельно с демонтажем проводилось дублирование на стеклоткань с помощью 30%-го раствора Paraloid B-72. В конце первого этапа работ были осуществлены склейка фрагментов и дублирование пластины на стеклоткань

с оборотной стороны. Второй этап реставрационно-консервационных работ включал в себя химическую очистку лицевой стороны предмета с последующей промывкой в проточной и дистиллированной воде. Химическая очистка от продуктов коррозии меди производилась с помощью 10%-го раствора сульфаминовой кислоты (Реставрация археологических и находок из медных сплавов, 2013). После просушки предмета была произведена консервация лицевой стороны семипроцентным раствором Paraloid B-72. Восполнение утрат производилось с использованием мастики на основе 30%-го раствора Paraloid B-72 с нейтральным заполняющим материалом из стеклосфер с последующей тонировкой этих участков акриловыми красками. Завершающим мероприятием явилась гидрофобизация поверхности воском «Cosmoloid».

Для установления особенностей при изготовлении кошелька была использована фотодокументация из России, в которой зафиксировано состояние и характерные детали части находки во время его обнаружения *in situ*. Микроскопические снимки фрагмента были также сделаны в Институте археологии Центра гуманитарных исследований и Институте археологии Католического университета им. Петра Пазманя, с указанием точных масштабов. Проведены также исследования более грубого фрагмента, сшитого вместе с кожей, и прилипшего к нему тонкого текстильного фрагмента (материал, соединение нитей, плотность), и швов (тип, расстояния стежка и материал нитки), которые прикрепляли их друг к другу. Были также рассмотрены вопросы, связанные с войлочными остатками, закрепленными клеем на внутренней стороне пластины кошелька. Мы должны были дополнить собранные

таким образом данные нашими знаниями по галантерейному делу и реставрации кожи. Во время осмотра увеличенных фотографий находки было доказано, что кожаная полоска была загнута на внутреннюю сторону текстиля и зашита в круг на внутренней стороне текстиля. Это позволило сделать свободно тканый текстиль более твердым на той изогнутой линии, где пластина была прикреплена к текстилю с помощью заклепок. Под вопросом оказалось строение кошелька. Но с помощью фотографий удалось зафиксировать по краю расширенной части кошелька узкую однослойную кожаную полоску с отверстиями от сшивания. Это доказывает, что между расширенной частью кошелька и кожаной передней крышкой была вставлена полоска кожи, укрепляющая шов. Тот факт, что край расширения изгибается внутрь, показывает, что кожаные элементы кошелька были сшиты с изнанки. Расстояние между шовными отверстиями равномерное, что свидетельствует о тщательной работе опытных мастеров. Форма шовных отверстий в основном круглая, то есть они были сшиты круглой или только слегка наточенной иглой, вероятно, путем предварительного сшивания (смётки), как это делают при пошиве обуви.

Таким образом, комплексное исследование находки из п. 8 Красногорского могильника позволило сделать полную реконструкцию. По внешнему облику изделие соответствует типу сумочек-ташек, известных по работам венгерских исследователей. Специализированное изучение материалов, использованных при изготовлении сумочки, позволяет выявить определенное сходство с венгерскими сумочками, но не дает основания считать сумочку из Красногорского могильника их полной копией.

Примечания:

¹ МарНИИЯЛИ выражает огромную благодарность директору Института археологии им. А.Х.Халикова за проведенную работу.

² Исследование реализовано в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие», Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петра Пазманя; ТКР2020-НКА-11) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований Венгрии, развития и инноваций и при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.

³ Сложность идентификации кож обсуждается в нескольких публикациях. Микроскопические снимки из издания «Leather Conservation Centre» показывают, как мериносовые овцы, разводимые для получения тонкой шерсти, одомашненные шерстистые овцы и смешанные шерстистые «carpesheer» отличаются друг от друга, и последняя имеет поразительное сходство с рисунком козьей шкуры (Haines, 1981, 10–11).

⁴ <https://www.famuves.hu/fa/ragasztas.php>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Л.Ф., Федан П.В., Буришева С.Г. Опыт обучения реставрации по программе интенсива «консервация и реставрация археологической кожи» на базе магистратуры К(П)ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 261–267.

2. Никитина Т.Б., Тюрк А., Янчик Б. Сумочка из погребения 8 Красногорского могильника. Исторический аспект // Поволжская археология. 2022 № 4. С. 137–158.

3. Буришева С.Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2016. № 6. С. 39–45.

4. Шемаханская М.С. Металлы и вещи: история, свойства, разрушение, реставрация, М.: Индрик, 2015. 176 с.

5. De La Lande J. L'art de l'hongroyeur. Paris, 1761. 41 p.

6. Gáborján A. A magyar módra való bőrkészítés problematikája (Fragen der Lederzuichtung auf ungarische Art) // Néprajzi Értesítő 44. 1962. P. 97–140.

7. Grömer K. Textiles from the Avar graveyard Zwölfaxing II. Austria // Archaeological Textiles Newsletter 46. 2008. P. 17–21.

8. Grömer K., Bender Jørgensen L. The Archaeology of Textiles – Recent advances and new methods (Arheologija tekstila – Suvreme nadostignuća i novije metode) // Godišnjak Hrvatskog restauratorskog zavoda 2012:3. 2013. P. 45–68.

9. Grömer K., Rapan Papeša A. Simple cloth and stamped leather. Organic finds from the Avar cemetery in Nuštar (Eastern Croatia) (Jednostavne tkanine i žigosana koža: organski nalazi s avarodobnog groblja u Nuštru (istočna Hrvatska)) // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. No. 48. 2015. P. 51–83.

10. Haines B. The fibre structure of leather. Northampton: Leather Conservation Centre, 1981. 36 p.

11. Haines B. Mineral, alum, aldehyde and oil tannage // Leather. Its composition and changes with time. Ed.: Calnan, Christopher N. Northampton: Leather Conservation Centre, 1991. P. 24–28.

12. Kissné Bendefy M., Petkes Zs., Türk A. Újabb régészeti adatok a honfoglalás kori bőrművességhez (Sárbogárd-Tringertanya 33. sír) (New archaeological evidence for leatherworking in the Conquest Period (Sárbogárd-Tringer tanya, grave 33)) // Hadakútján. A népvándorlás kor fiatal kutatóinak XXIII. konferenciakötete. Szerk.: S. Perémi Á. Veszprém: Laczkó Dezső Múzeum, 2016. P. 301–327.

13. Lau R. Mineralisierte Textilreste aus hallstattzeitlichen Gräbern in Slowenien / Prähistorische Forschungen Online Band 11. Wien: Anthropologische Gesellschaft in Wien, 2021. 145 p.

14. Molnár C.P. A szekko // A képzőművészet iskolája 1. Szerk.: Molnár C. P. Budapest: Képzőművészeti Alap Kiadóváll., 1979. P. 133–139.

15. Szász T. Famunkák szakszerűen. Budapest: Műszaki Könyvkiadó, 1986. 172 p.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник направления «Археология», Марийский научно-исследовательский ин-

ститут языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Тюрк Атила, PhD, главный научный сотрудник направления «Научно-исследовательский центр древних венгров Центра гуманитарных исследований (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@btk.mta.hu

Буршнева Светлана Георгиевна, младший научный сотрудник, доцент, художник-реставратор художественных изделий и декоративных предметов из металла высшей категории. Председатель Реставрационного совета. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); burshneva@yandex.ru

Кишне Бэндэфи Марта, отставная главная научная сотрудник Венгерского Национального Музея, Государственного центра реставрации и образования реставраторов (г. Будапешт, Венгрия); kissne.bendefy@gmail.com

Вархедьи Жужанна, главный научный сотрудник Венгерского Национального Музея, Государственного центра реставрации и образования реставраторов (г. Будапешт, Венгрия); varhegyizsu@gmail.com

Харанги Флориан, младший научный сотрудник направления, «Научно-исследовательский центр древних венгров» Центра гуманитарных исследований (г. Будапешт, Венгрия); harangif@gmail.com

Янчик Балаж, младший научный сотрудник направления, «Научно-исследовательский центр древних венгров» Центра гуманитарных исследований (г. Будапешт, Венгрия); b.jancsik@gmail.com

Богатова Лина Феликсовна, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); linafeliksovna@mail.ru

Шайхутдинова Евгения Флюоровна, кандидат технических наук, заведующий Музеем археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); eugeh@mail.ru

Федан Павел Владимирович, научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pavel.fedan@mail.ru

COMPREHENSIVE STUDY OF NATURAL SCIENCE METHODS AND CONSERVATION OF A HANDBAG FROM KRASNOGORSKIY BURIAL GROUND

**T.B. Nikitina, A. Türk, S.G. Burshneva, M. Kishne Bandefi, G. Varhegyi,
F. Harangy, B. Jancsik, L.F. Bogatova, E.F. Shaykhutdinova, P.V. Fedan**

The article presents the results of a multidisciplinary study of a unique artifact from burial 8 of the Krasnogorskiy ancient Mari burial ground of the X century – a leather purse/handbag with a metal plate on the cover. Handbags of this type are known in the Carpathian Basin, Eastern European region and even found on some Scandinavian burial grounds. Not only the metal plate has been preserved, but also large fragments of organic materials forming the details of the handbag, which allows us to restore the full appearance of the item. A comprehensive study of the handbag made it possible to make a complete reconstruction. At present, this is the only reconstruction of purses /handbags of the sabretache type from medieval burial grounds, made on the basis of analyses of organic and metal parts of the handbag obtained by specialists of various fields. The conservation of the object was carried out by applying the comprehensive study. A specialized study of the materials used in the manufacturing of the handbag allows to reveal a certain similarity with Hungarian handbags, but does not give reason to consider the handbag from the Krasnogorskiy burial ground as a complete copy of them. This article is the first experience of a comprehensive study of items of this type at the international level (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Institute of Archaeology named after A.H. Khalikov, Pázmány Péter Catholic University). The results of the study are preliminary.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Vetluga-Vyatka interfluve, belt handbag, microstratigraphic analysis, X-ray fluorescence analysis, conservation.

REFERENCES

1. Bogatova, L. F., Fedan, P. V., Burshneva, S. G. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 261–267 (in Russian).

2. Nikitina, T. B., Tyurk, A., Yanchik, B. 2022. In *Povolzhskaja arkheologija (Volga River Region Archaeology)* (4), 137–158 (in Russian).
3. Burshneva, S. G. 2016. In *Vestnik Muzeja Arkheologii i Etnografii Permskogo Predural'ja (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Permian Urals)* 6, 39–45 (in Russian).
4. Shemakhanskaya, M. S. 2015. *Metally i veshchi: istoriya, svoystva, razrushenie, restavratsiya (Metals and things: history, properties, destruction, restoration)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
5. De La Lande J. 1761. *L'art de l'hongroyeur*. Paris.
6. Gáborján, A. 1962. In *Néprajzi Értésítő* 44, 97–140 (in Hungarian).
7. Grömer, K. 2008. In *Archaeological Textiles Newsletter* 46, 17–21.
8. Grömer K., Bender Jørgensen L. 2013. In *Godišnjak Hrvatskog restauratorskog zavoda* 2012:3, 45–68.
9. Grömer, K., Rapan, Papeša A. 2015. In *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 48, 51–83.
10. Haines, B. 1981. *The fibre structure of leather*. Northampton: Leather Conservation Centre.
11. Haines, B. 1991. In Calnan, Christopher N. (eds.). *Leather. Its composition and changes with time*. Northampton: Leather Conservation Centre, 24–28.
12. Kissné Bendefi M., Petkes, Zs., Türk, A. 2016. In S. dr Perémi, Á. (ed.). *Hadakútján. A népvándorlás kor fiatal kutatóinak XXIII. konferencia kötete*. Veszprém: Laczkó Dezső Múzeum, 301–327 (in Hungarian).
13. Lau, R. 2021. *Mineralisierte Textilreste aus hallstattzeitlichen Gräbern in Slowenien*. In *Prähistorische Forschungen Online Band 11*. Wien: Anthropologische Gesellschaft in Wien.
14. Molnár, C. P. 1979. In Molnár, C. P. (ed.). *A képzőművészet iskolája 1*. Budapest: Képzőművészeti Alap Kiadóvállalata, 133–139 (in Hungarian).
15. Szász, T. 1986. *Famunkák szakszerűen*. Budapest: Műszaki Könyvkiadó (in Hungarian).

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Türk A. PhD. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; turk.attila@btk.mta.hu

Burshneva Svetlana G. Conservator of highest qualification, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; burshneva@yandex.ru

Kishne Bandefi M. Hungarian National Museum, the State Center for Restoration and Education of Restorers. Múzeum Krt., 14–16. Budapest, 1088, Hungary; kissne.bendefy@gmail.com

Varhegyi Zs. Hungarian National Museum, the State Center for Restoration and Education of Restorers. Múzeum Krt., 14–16. Budapest, 1088, Hungary; varhegyizsu@gmail.com

Harangi F. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; harangif@gmail.com

Jancsik B. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; b.jancsik@gmail.com

Bogatova Lina F., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; LinaFeliksovna@mail.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Fedan Pavel V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pavel.fedan@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.38.50>

ВЕЩИ «МАДЬЯРСКОГО КРУГА» ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ: АРТЕФАКТЫ И КОНТЕКСТ¹

© 2023 г. Е.А. Третьяков, А. Тюрк

В работе обсуждаются самые восточные находки торевтики «мадьярского круга», происходящие из памятников юдинской культуры лесного Зауралья. Анализ материалов показал, что данные изделия появляются на восточных склонах Урала уже после того, как древние венгры мигрировали на территорию Карпатского бассейна. В закрытых комплексах Зауралья «мадьярская» группа вещей залегает совместно с импортными изделиями из Верхнего Прииртишья и Алтая, Верхнего Прикамья и Южного Урала, не представляя собой чистых комплексов. В связи с этим выдвинуто предположение, что изделия «мадьярского круга» попадали на территорию Зауралья в конце IX–X вв. в результате торговых связей. При этом передача импорта, скорее всего, осуществлялась не напрямую – от карпатских коллективов зауральским, а при посредничестве восточноевропейского населения.

Ключевые слова: археология, Зауралье, эпоха Средневековья, миграции, мадьяры, юдинская культура.

Введение. Исходя из огромного пласта фундаментальных исследований, связанных с вопросом происхождения мадьяр и процессом «обретения» или «завоевания» родины в Карпатском бассейне, история древних венгров на сегодняшний день представляется следующим образом. Не ранее начала IX в. группы населения, вышедшие из угроззычной среды Приуралья и Южного Зауралья, начинают свое движение на запад. Заняв лесостепное Волго-Камье, волна мигрантов разделилась на две группы, первая из которых осела в регионе (Белавин и др., 2018, с. 10–11), а вторая продолжила миграцию на юго-запад через степи Северного Причерноморья, испытав значительное культурное влияние со стороны представителей Хазарского каганата и населения Кавказа. В последней трети IX в. мадьяры появляются в степях между рр. Днепром и Дунаем, вступая в тесные контакты со славянами. И, наконец, в конце IX в. – первой половине X в. предки венгров появляются и оседают в Карпато-Дунайском бассейне, где в последней трети X в.

формируют собственное государство (Комар, 2018, с. 250–256).

Корреляция письменных и археологических источников позволила исследователям соотнести ряд этногеографических областей и территорий локализации союза мадьярских племен Хентумогер, таких как Этоелькёз (Ателькузе), Леведия (Лебедия) и *Magna Hungaria* (Великая Венгрия). Если локализация Этоелькёза в районе степей современной Украины, в междуречье рек Днепра и Дуная, принимается большинством исследователей, то регионы локализации и границы других этногеографических областей, в частности Леведии, Дентумогер, а также такого позднего (XIII в.) конструкта, как легендарная *Magna Hungaria* – гипотетическая прародина мадьяр, весьма условны. Территории последней могли лежать в границах обширного региона: от Заволжья (Казаков, 2001, с. 53; 2007, с. 41) или Башкортостана (Халикова, Халиков, 2018, с. 71; Иванов, 1999, с. 83–841) и Пермского Предуралья (Белавин и др., 2018, с. 11) до Южного и Среднего Зауралья (Боталов,

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху Средневековья» (20-49-720001).

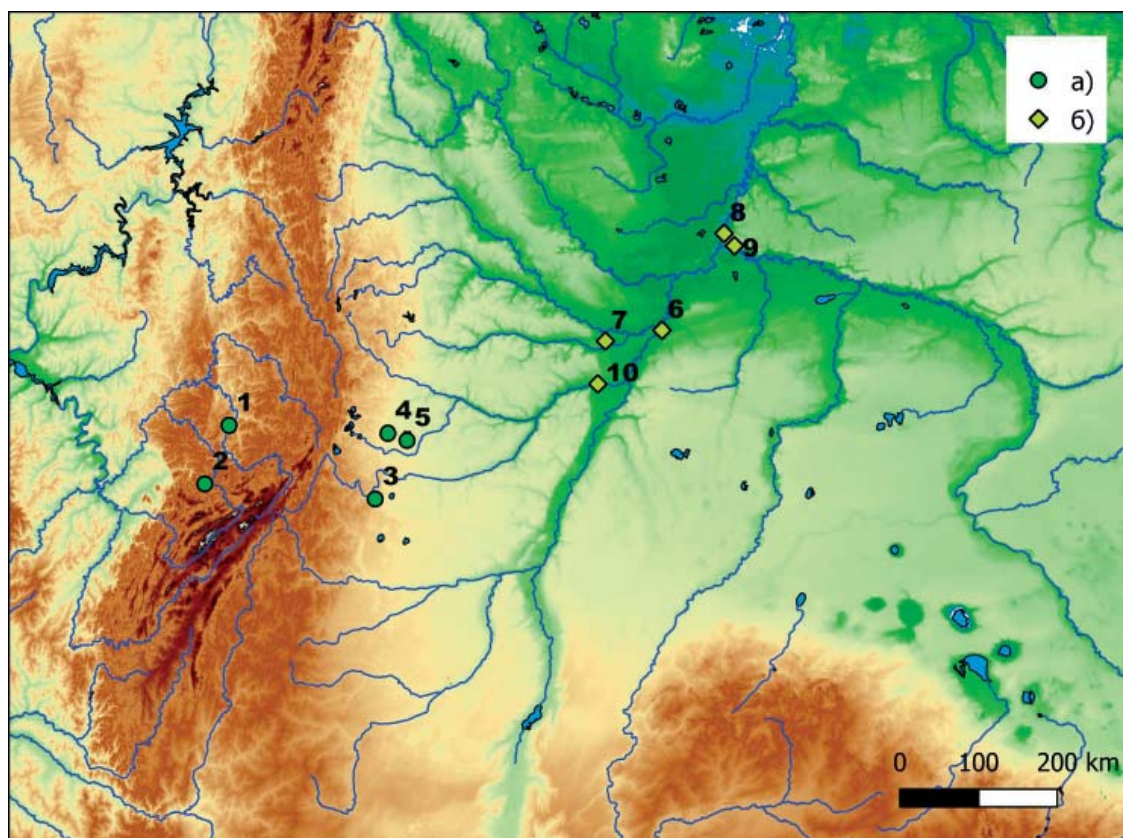

Рис. 1. Карта распространения вещей «мадьярского круга» на территории Зауралья. а – комплексы вещей «мадьярского круга»; б – единичные находки вещей «мадьярского круга». 1 – Каранаевский могильник; 2 – Ишимбаевский могильник; 3 – Синеглазовские курганы; 4 – могильник Уелги; 5 – могильник Актюба; 6 – могильник Вак-Кур; 7 – святилище Песьянка-1; 8 – случайная находка из окрестностей г. Тобольск; 9 – случайная находка из окрестностей городища Искер; 10 – случайная находка с р. Исеть.

Fig. 1. Map of the distribution of the «Hungarian style» items from archaeological sites of the Trans-Urals. a – complexes of products of the «Hungarian style»; b – single finds of products of the «Hungarian style». 1 – Karanaevo burial ground; 2 – Ishimbay burial ground; 3 – Sineglazovo barrows; 4 – Uyelgi burial ground; 5 – Aktobe burial ground; 6 – Vak-Kur burial ground; 7 – place of worship Pesyanka-1; 8 – stray find from the outskirts of the city of Tobolsk; 9 – stray find from the outskirts of the fortified settlement of Isker; 10 – stray find from the Iset River region.

2019, с. 127). Наиболее полную картину событий конца I тыс. демонстрируют памятники, расположенные между Волгой и Уралом, в то время как в Зауралье даже граница рассматриваемой области определена довольно условно. Такая диспропорция вызвана соотношением числа и представительности изученных «мадьярских» комплексов в Приуралье и Зауралье.

Несмотря на сложившиеся в научной литературе разногласия относительно точной локализации исторической прародины древних венгров, в данной работе мы не ставим перед

собой задачи решения данного вопроса, однако так или иначе будем обращаться к вещам «мадьярского круга» из памятников Зауралья.

Традиционно с мадьярами связывают распространение торевтики малых форм из драгоценных и благородных металлов, включающих в себя элементы поясной гарнитуры (накладки, пряжки, распределители и др.), сбруйные украшения (накладки и бляшки), оковки ножен колюще-рубящего оружия, украшения сумок-ташек, металлическую посуду и др. Отличительной чертой данной

торевтики является ее специфический декор. На большей части украшений присутствует «узловый бордюры», проходящий по контуру вещи. Широкое распространение получил растительный орнамент различных вариаций, таких как переплетенная лоза, широкий трилистник, трехлепестковый цветок, трехягодные отростки стебля, лотосовидные орнаменты, пальметты и т. д., а также зооморфные и антропоморфные мотивы (Балинт, 1988; Комар, 2018, с. 108–145).

В уральском регионе вещи «мадьярского круга» были обнаружены относительно недавно. Так, на западных склонах Южного Урала Н.А. Мажитовым в 60–70 гг. XX в. была изучена серия средневековых памятников VIII–XII вв. Среди них – Ишимбаевский и Каранаевский могильники (рис. 1), датируемые IX–X вв., в которых помимо вещей южноуральского и алтайского происхождения была зафиксирована торевтика «мадьярского круга» (Мажитов, 1981, с. 84–91, 105–119). Позже территория распространения аналогичных предметов расширилась за счет материалов из зауральских памятников. К последним относятся: группа II Синеглазовских курганов (рис. 1), изученных Н.К. Минко и С.А. Гатцуком в 1908–1909 гг. и опубликованных позднее А.Г. Нестеровым и С.Г. Боталовым (Нестеров, 1982; 1994а; Боталов, 2012; 2018, с. 17), а также комплексы III Синеглазовского кургана, изученного В.С. Стоколосом в 1959 г. (Стоколос, 1962). Отличительной чертой этих некрополей является наличие в захоронениях характерных предметов торевтики, включающих поясные и сбруйные накладки с золочением, украшенные растительным орнаментом и узловым бордюром (Боталов, 2018, с. 17). Помимо прочего, в одном из курганов II Синеглазовского могильника обнаружена западноевропейская монета – денарий короля Германии

Генриха I, которая указывает на связь между населением Западной Европы и Южного Урала (Нестеров, 1982, с. 155).

Важным комплексом, демонстрирующим материальную культуру мадьяр, стал некрополь Уелги, открытый С.Г. Боталовым в 2009 г. на севере Челябинской области (рис. 1). Материалы данного памятника послужили важным звеном в общей картине этногенеза мадьяр, а также стали основанием для расширения границы возможной территории венгерской прародины за Урал (Боталов, 2012; Комар, 2018, с. 197–198). Примечательность данного памятника обусловлена тем, что помимо представительного комплекса вещей «мадьярского круга» здесь зафиксированы вещи как минимум четырех стилистических групп (две урало-казахстанские; восточно-казахстанская, алтайская; лесная уральская), отражающих некий этнокультурный синкретизм (Боталов, 2018, с. 12–14).

Недавние исследования могильника Актюба, расположенного в 25 км юго-восточнее могильника Уелги (рис. 1), позволили получить еще один богатый мадьярский комплекс. В ходе работ было изучено несколько разрушенных курганов, в захоронении одного из которых были обнаружены остатки верховой амуниции коня (седло, уздечные ремни, стремяна), украшенные круглыми бляхами с розетковидным декором из трех-четырёх лепестков, наконечники ремней с растительным орнаментом и др. (Боталов и др., 2021).

Расширение границ распространения торевтики «мадьярского круга» за Урал, казалась бы, маркирует предполагаемую прародину мадьяр. Тем не менее при определении хронологических позиций зауральских комплексов прослежены некоторые особенности. В частности, комплекс могильника Актюба по карпатским аналогиям

датирован первой половиной X в. (Боталов и др., 2021, с. 87). Период бытования погребального комплекса Уелги укладывается в рамки IX–XI вв., однако материалы, восходящие к «венгерской» стилистической группе, по мнению автора, датируются IX–X вв. (Боталов, 2018, с. 18). При этом, как и в случае с комплексами Актюба, Ишимбай, Каранаево, совместно с вещами «мадьярского круга» залегает торевтика сrostкинской «алтайской» стилистической группы, датированная по материалам Уелги X–XI вв. (Боталов, 2018, рис. 15). Ввиду этого есть основания предполагать, что «венгерская» группа вещей могильника Уелги датируется в рамках IX–X вв.

Сложнее дело обстоит с датировкой II Синеглазовских курганов вследствие отсутствия полевой документации. Тем не менее материалы III Синеглазовского кургана датированы X в. (Комар, 2018, с. 191). Вещи из рассматриваемых комплексов очень близки торевтике «венгерской» стилистической группы могильника Уелги (Боталов, 2012, с. 131–145). Кроме того, косвенным подтверждением существования Синеглазовских курганов в рамках X в. выступает находка в одном из погребений II Синеглазовских курганов западноевропейского денария, который датируется в рамках 919–936 гг. (Нестеров, 1982, с. 155).

Источники

В IX–XIII вв. территория Зауралья была занята носителями юдинской культуры, памятники которой приурочены к бассейну Среднего и Нижнего Тобола (Могильников, 1987, с. 168–176). Также некоторое влияние со стороны юдинского населения (представители петрогромско-юдинского горизонта по С.Г. Боталову) фиксируется в материалах могильника Уелги на Южном Урале (Боталов, 2018, с. 18).

При анализе вещевых комплексов

наиболее ранних памятников юдинской культуры (IX–XI вв.) также были выявлены вещи «мадьярского круга». Одним из таких памятников является грунтовый могильник Вак-Кур (рис. 1), датируемый концом IX – первой половиной XI вв., расположенный в подтаежной зоне Нижнего Приоболья. Могильник исследовался в течение 1986, 1987, 1990, 2003, 2005, 2006 гг. В.А. Захом, И.А. Бусловым, А.А. Адамовым. Среди разнообразия предметов материальной культуры, восходящих к разным производственным центрам, зафиксированы изделия, относящиеся к «мадьярскому кругу»:

Медная круглая бляшка-подвеска с узелковым бордюром и розетковидным декором в виде крупной жемчужины, пояска мелкой псевдозерни по центру и трех отходящих сердцевидных лепестков (рис. 2: 7), с петелькой для подвешивания (Langer, 2019, с. 140). Аналогичные подвески зафиксированы в материалах могильников Южного Урала – Уелги (Боталов, 2012, рис. 8: 6) и Актюба (Боталов и др., 2021, рис. 2: 3), а также в материалах X–XI вв. могильника Арантур-27 в верховьях р. Конды. Бляхи этого типа были широко распространены на территории Карпатской котловины в погребениях X в., например, из Тёртеля (Комар, 2018, рис. 98: 1–5, 10), Гадороша (Комар, 2018, рис. 96: 13, 14) и Ясякохальма (Langer, 2019, рис. 3: 1).

Бронзовая с золочением квадратная накладка с узелковым бордюром, украшенная орнитоморфным изображением со шпеньками для крепления к ремню (рис. 2: 2). Три накладки обнаружены в сборах с могильника (Турова, 2016, рис. 5: 1). Точные аналогии зафиксированы на территории Правобережной Украины, в частности Южного Буга и Ровенской области, но, к великому сожалению, все они происходят из грабительских сборов.

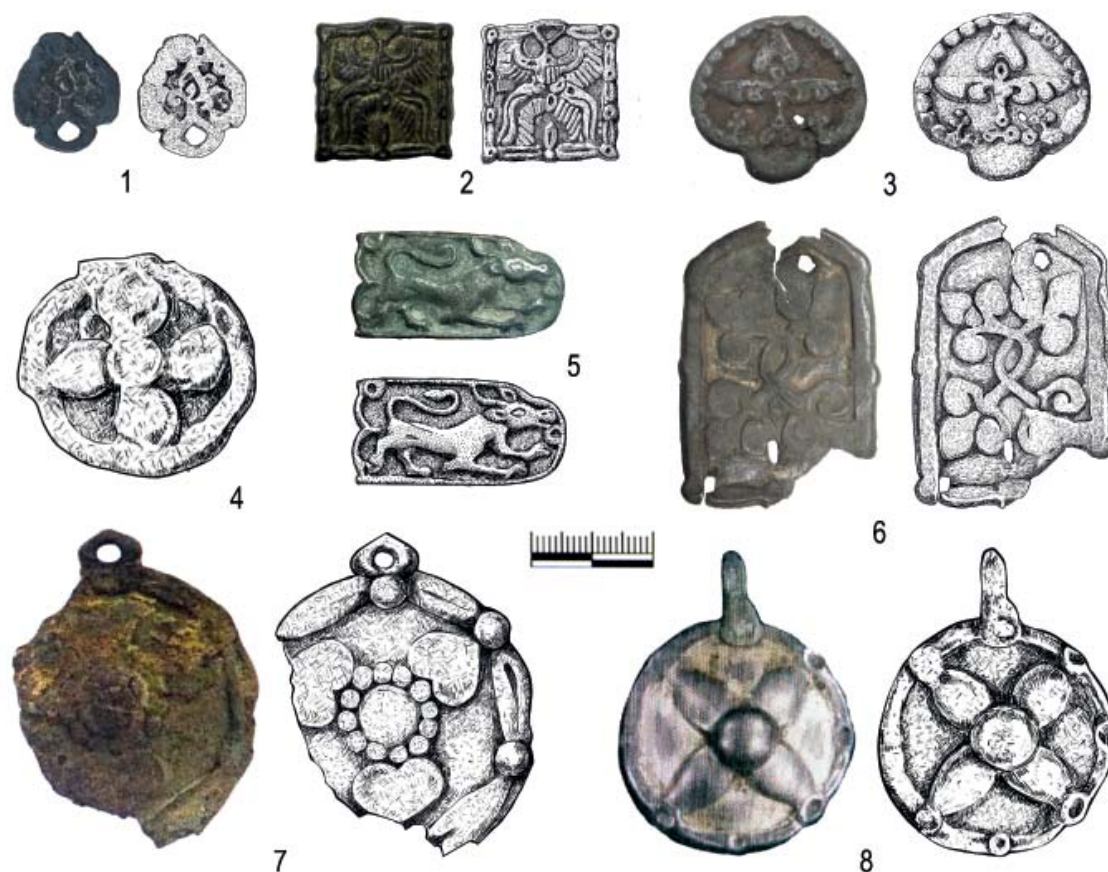

Рис. 2. Вещей «мадьярского круга» из памятников Зауралья. 1, 3, 6 – святилище Песьянка-1; 2, 7 – могильник Вак-Кур; 4 – случайная находка из окрестностей городища Искер; 5 – случайная находка с р. Исеть; 8 – случайная находка из окрестностей г. Тобольск. 1, 4, 7, 8, – подвески; 2, 3, 5, 6 – поясные накладки. 4, 8 – без масштаба.

Fig. 2. Products of the «Hungarian style» from archaeological sites of the Trans-Urals. 1, 3, 6 – place of worship Pesyanka-1; 2, 7 – Vak-Kur burial ground; 4 – random find from the outskirts of the settlement of Isker; 5 – random find from the Iset River region; 8 – random find from the outskirts of the city of Tobollsk. 1, 4, 7, 8, – pendants; 2, 3, 5, 6 – waist pads. 4, 8 – are not to scale.

Наиболее близкая аналогия встречена в могильнике Чамшай (IX–XI вв.) на территории Удмуртии (Иванов, 1997, рис. 51: 13). Также данные накладки стилистически восходят к сбруйным украшениям из могильников Южного Урала, таким как Синеглазово, Уелги (Боталов, 2012, рис. 3: 9, 22) и Ишимбай (Мажитов, 1981, рис. 46: 14), аналогии которым встречаются в Среднем Поднепровье (Комар, 2018, рис. 6: 13).

Еще одним комплексом с материалами мадьярской группы является святилище Песьянка-1 в Среднем Притоболье (рис. 1). Памятник исследовался в конце 80-х гг. С.Г. Пархимовичем, в результате чего была по-

лучена представительная коллекция средневековых материалов (Пархимович, 1997). Однако в силу того, что комплекс является открытым, а вещи имеют широкие рамки бытования, его датировка укладывается в рамки IX–XIII/XIV вв. Тем не менее особенно ярко выделяется пласт вещей, датированных IX–XI вв. Среди них:

Бронзовая сердцевидная накладка с бордюром, украшенная растительным орнаментом в виде одного большого и двух маленьких трилистников (рис. 2: 3). Наиболее близкие аналогии зафиксированы среди комплекса вещей Гнездовского клада и клада Филиборны (Швеция), датированных серединой X в. (Комар, 2018, с. 210,

рис. 77: 33). Такого же типа накладка зафиксирована на территории Болгарии (Комар, 2018, рис. 38: 8) и на городище Екиманцы (Молдавия) (Рябцева, Рабинович, 2018, рис. 5: 9). Схожие по композиции и стилистике оформления накладки встречены в мордовских памятниках Западного Поволжья, например, в Крюковско-Кужновском могильнике (IX–X вв.) (Зеленцова, 2018, рис. 11: 8), и Южного Урала – в Каранаевском могильнике (IX–X вв.) (Мажитов, 1981, рис. 58: 23); Синеглазово (конец IX–X вв.) (Боталов, 2012, рис. 13: 21, 22, 24, 25) и Уелги (конец IX–XI вв.) (Комар, 2018, рис. 72: 25, 27).

Серебряная (?) с золочением сердцевидная накладка-подвеска с бордюром, украшенная растительным орнаментом в виде трилистника (рис. 2: 1). Накладка подвергалась физическому воздействию, в результате чего поверхность была расплющена, а в нижней части было сделано отверстие для подвешивания. Данная подвеска находит параллели находками с городища Кудеярова гора (X в.) из Подонья (Комар, 2018, рис. 33: 10), а также из погребения 791 могильника Бирка (X в.) (Швеция) (Комар, 2018, рис. 46). Поясные накладки с изображением трилистника встречены в нескольких погребениях (16, 44) Больше-Тиганского могильника, где они датированы второй половиной IX в. (Голубев, 2018, рис. 5: 9, 11).

Бронзовый с золочением прямоугольный наконечник ремня с округлым носиком. По контуру украшен бордюром, в центре – композиция из растительного орнамента в виде двух переплетенных стеблей с трилистниками на концах (рис. 2: 6). Точные аналогии зафиксированы среди материалов могильников Актюба на Южном Урале (Боталов и др., 2021, рис. 2: 3) и Законь-Кавичбани (конец IX – начало X в.) на западе Венгрии (Horváth, 2021, Image 6: 4).

Кроме того, с территории Притобольшья происходит серия случайных находок (рис. 1). Например, серебряная с золочением круглая бляшка с узелковым бордюром и розетковидным декором в виде крупной жемчужины по центру и четырех отходящих лепестков и с петелькой для подвешивания (рис. 2: 8). Обнаружена в окрестностях г. Тобольска (Langer, 2019, с. 140). Наиболее близкая аналогия данной подвеске происходит из Кочера с территории Карпатской котловины (Langer, 2019, рис. 3: 2а). Еще одна бронзовая круглая бляшка с бордюром и розетковидным декором в виде крупной жемчужины по центру и четырех отходящих лепестков (рис. 2: 4) обнаружена в окрестностях городища Искер в Нижнем Прииртышье (Langer, 2019, с. 140). Наиболее близкая аналогия данной подвеске происходит из Кочера с территории Карпатской котловины (Langer, 2019, рис. 3: 3).

С территории Нижнего Приисетья (рис. 1) происходит находка бронзового прямоугольного наконечника ремня с округлым носиком, с изображением животного, предположительно льва (?), с прогнутой спиной (рис. 2: 5). Данный наконечник близок накладкам, происходящим из комплексов Поднепровья – Твердохлебы (Комар, 2018, рис. 29: 5), а также Карпатского бассейна – Нове Замки (Комар, 2018, рис. 96: 6), Годорош (Комар, 2018, рис. 96: 18), Тисанана – Чехтанья (Комар, 2018, рис. 97: 2).

Обсуждение

Как мы видим, основной массив вещей «мадьярского круга», происходящих восточнее уральского хребта, датируются не ранее конца IX–X вв. Об этом говорит хронология могильники Вак-Кур, Уелги, Актюба, а также святилище Песьянка-1, нижняя хронологическая граница которых определяется не ранее второй половины IX в. Так, данная торевтика, имею-

щая широкие аналогии в Восточной Европе, и в частности в Карпатском бассейне, в зауральском регионе появляется уже после периода «обретения родины», а именно – после формирования «мадьярского» стиля и распространения этих вещей на Дунае. До IX в. вещей с характерным растительным орнаментом на территории Западной Сибири не встречено. Наоборот, анализ инвентаря немногочисленных зауральских некрополей, относящихся к периоду VII–VIII вв.: Перейменский (Матвеева, 2016, с. 114–120), Усть-Суерка-1 (Матвеева, 2016, с. 102–105), Воденниково-1 (Матвеева и др., 2021) и Аятский 1 (Морозов, 2006) – демонстрирует, что большая часть сопроводительного инвентаря выполнена в «геральдическом стиле». Украшения, элементы поясных гарнитур и детали костюма, относящиеся к геральдической группе, имеют широкие аналогии на территории Евразии (Гавритухин, Обломский, 1996). Исходя из того, что в Зауралье не прослеживается предпосылок для формирования особого стиля прикладного искусства, мы не можем рассматривать данный регион в качестве исходной территории сложения мадьярского стиля. В связи с этим «мадьярские» вещи, зафиксированные на территории Притоболья, с высокой долей вероятности являются восточноевропейским импортом. По мнению коллектива исследователей во главе с С.Г. Боталовым, данные изделия могли появиться в Зауралье вследствие обратной миграции мадьяр из Карпатского бассейна на восток. В свою очередь, появление в IX в. таких погребальных комплексов как Уелги, Синеглазово, Актюба и др. подтверждает наличие родственных связей между группами населения Карпат и Урала (Боталов, 2019, с. 136–140; Боталов и др., 2021, с. 87).

Несмотря на это, гипотеза о присутствии карпатских мадьяр в Заура-

лье подтверждается лишь наличием в местных памятниках торевтики, аналогами которой служат находки с территории Венгрии. Самым представительным из таких памятников является могильник Уелги, где среди пяти стилистических групп торевтики малых форм одна («венгерская») объединяет вещи «мадьярского круга». Доминирующая часть находок этой группы, как и остальных, происходит из кладоискательских сборов, не имея при этом привязки к конкретным объектам (Боталов, 2012, с. 129; Комар, 2018, с. 192). При этом среди опубликованных на сегодняшний день захоронений (Боталов, 2012; Грудочко и др., 2018; Боталов и др., 2019, с. 88–111) не прослежено ни одного погребения с вещами этой группы.

Как уже было сказано, необходимость выделения пяти стилистических групп торевтики по материалам уелгинского комплекса была вызвана тем, что большая часть изделий оставалась бесконтекстной. В результате на основании морфологических и стилистических признаков было выделено пять условных групп: 1, 2 – «урало-казахстанские»; 3 – «венгерская»; 4 – «восточно-казахстанская, алтайская»; 5 – «лесная уральская» (Боталов, 2018, с. 13–14). Правильность определения регионов происхождения вещей этих групп не вызывает сомнения, однако вслед за тем, как каждая группа стала соотноситься с отдельным периодом функционирования могильника, в ряде работ стала прослеживаться идея о «...чрезвычайной синкретичности погребального комплекса Уелги...» (Боталов и др., 2019, с. 111). То есть участие нескольких культурных и этнических групп в формировании рассматриваемого некрополя. К ним относятся носители кушнаренковско-крайкуповской, юдинской и сrostкинской культур, а также представители кыпчако-кыргизского и мадьярского населения.

На наш взгляд, распространение вещей импортного происхождения не всегда тождественно расселению коллективов, с чьих территорий происходит данный импорт. Разумеется, нельзя полностью исключать возможность сосуществования представителей разных групп угорязычного и тюркоязычного населения на одной территории Южного Зауралья. Однако не стоит забывать, что эпоха Средневековья была ознаменована становлением трансконтинентальной торговли. Территория Евразии была окутана плотной сетью водных и сухопутных маршрутов широтного и меридионального направления (Даркевич, 2010, с. 143–159). Расположение Зауральского региона на пересечении таких маршрутов способствовало распространению импорта в среде местного населения. При этом передача таких вещей в силу отдаленности центров производства, вероятнее всего, происходила не напрямую, а через посредников.

Обращая внимание на материалы IX–XI вв. из комплексов подтаежного Зауралья, стоит заметить, что доля привозных вещей весьма велика. Так, например, комплекс могильника Вак-Кур, помимо пяти стилистических групп тюркетики, зафиксированных на Уелгах, содержит значительное количество изделий из центров Пермского Предуралья. Часто изделия, происходящие из разных производственных центров, встречались в рамках одних и тех же погребений (Зах, Чикунова, 2010, с. 118). Например, известны случаи, когда поясные гарнитуры состояли из пряжек «сросткинского типа», характерных для Верхнего Прииртышья, и накладок, аналогичных изделиям из Приуралья. По всей видимости, наборные пояса монтировались уже на территории Зауралья из разнотипной фурнитуры (Турова, 2016, с. 72). Несмотря на разнообразие сопроводительного инвентаря,

погребальный обряд и керамическая посуда характерны для населения IX–XIII вв. подтаежного Приоболья, что свидетельствует об использовании импортной тюркетики местным зауральским населением.

Аналогичные группы импорта, состоящие из украшений и деталей костюма, характерных для погребений кимаков и носителей сросткинской культуры Верхнего Прииртышья и Алтая, ломоватовской культуры Верхнего Прикамья, а также изделий «мадьярского круга», зафиксированы на святилище Песьянка-1. Тем не менее основной комплекс памятника представлен керамической посудой (Рафикова, 2015) и предметами культа западносибирского происхождения (Пархимович, 1997).

Таким образом, особый синкретизм материальной культуры, который демонстрируют памятники IX–XI вв. Зауралья, говорит о сложении у местного населения традиции ношения наборных поясных гарнитур, украшений, деталей вооружения и конского снаряжения, которая сформировалась вследствие интенсификации торгово-экономических связей. В результате этого на восточные склоны Урала поступало большое количество импортов из различных регионов Евразии, в том числе и из Карпатского бассейна. Не исключено, что какая-то часть вещей «мадьярского круга» пришла в Зауралье вместе с населением из Восточной Европы в конце IX–X вв. Тем не менее то небольшое число комплексов, которые наиболее ярко представляют культуру мадьяр в Зауралье – одно захоронение III Синеглазовского кургана и реконструированный могильник Актюба – не позволяет говорить о массовом переселении древних венгров с территории Паннонии в Зауралье. Вероятнее всего, через территорию Южного Урала пролегал один из торговых маршрутов, связывающий

Западную Сибирь с Европой, так как именно на Южном Урале сконцентрирована большая часть вещей «мадьярского круга», в таких могильниках, как Ишимбаевский, Каранаевский, Синеглазовский и др. (рис. 1). В подтверждение гипотезы о функционировании торгового пути выступает ряд монетных находок западноевропейских денариев, датированных в рамках X–XI вв. (Нестеров, 1994б, с. 57). Попадая в Зауралье, восточноевропейская торевтика получала распространение в обиходе у местного населения, в том числе и у представителей юдинской культуры, о чем говорят единичные находки в подтаежной зоне Притоболья.

Заключение

Несмотря на более чем полутора вековую историю изучения тематики, связанной с поиском прародины мадьяр, вопрос определения региона «исхода» древних венгров по-прежнему остается открытым. Традиционно с мадьярами связывают распространение особого стиля торевтики с характерным растительным, зооморфным и антропоморфным декором. Фиксация вещей этого круга на широкой территории от Урала до Карпат маркирует маршруты переселений и регионы пребывания мадьяр. Тем не менее материалы памятников второй половины I тыс. н. э. западной части Западной Сибири не позволяют выделить какую-либо группу изделий в качестве основы для сложения «мадьярского стиля». Поэтому предполагаем, что формирование данной традиции произошло на восточноевропейской основе в течение IX в. Несмотря на отсутствие предпосылок для формирования оригинального стиля, мы не исключаем возможности миграции зауральского населения на запад в составе племен «Хентумогер». Так, например, ряд закрытых комплексов позволяет говорить о процессах переселения отдельных групп

западносибирских коллективов в VII–VIII вв. на Урал (Матвеева и др., 2021, с. 97–98). Кроме того, в лесостепном Зауралье в конце VIII в. прекращает свое существование бакальская культура, а опустевший регион в течение века занимают носители «лесных» традиций, в том числе представители юдинской культуры (Третьяков, 2022, с. 140–142). Осмелимся предположить, что столь резкое исчезновение бакальского населения из Зауральской ойкумены было вызвано началом переселения угроязычных групп на запад, причиной которому стал «восточный импульс» со стороны тюркоязычных кочевников.

В конце IX–X вв. в Зауралье распространяются вещи, имевшие прямые аналогии в комплексах Карпатской котловины. Могли ли пасть эти вещи за Урал в ходе «обратной миграции» мадьяр, остается лишь гипотезой и требует серьезных фактологических подтверждений. Тем не менее в Зауралье вещи «мадьярского круга» залегают совместно с изделиями, происходящими с территорий Верхнего Прииртышья, Алтая, Верхнего Прикамья, Южного Урала, а также из других регионов. При этом закрытые комплексы, в которых были обнаружены эти находки, судя по погребальному обряду и керамической посуде, были оставлены местным западносибирскими коллективами. Поэтому считаем, что присутствие «мадьярских» вещей в зауральских комплексах отражает эпохальную моду, бытовавшую у населения западной части Евразии на рубеже I–II тыс. н. э. Средством для столь широкого распространения «мадьярской» торевтики послужили торговые связи между населением Восточной Европы и Зауралья. Так, наличие данных контактов подтверждается другими категориями восточноевропейского импорта из Зауральских комплексов, среди которого присутствуют и мо-

нетные находки. Не исключаем возможности сложения этих экономических связей в результате миграции мадьяр в Карпатский регион.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балинт Ч.* Археология эпохи обретения венграми Родины // Проблемы древних угров на Южном Урале / Ред. Пшеничук А.Х. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 112–129.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А.В.* Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // IV-й Международный мадьярский симпозиум / Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 8–12.
3. *Боталов С.Г.* Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (50). С. 128–146.
4. *Боталов С.Г.* Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // IV-й Международный мадьярский симпозиум / Археология евразийских степей. Казань. 2018. № 6. С. 13–35.
5. *Боталов С.Г.* У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала: в 8 т. Т. 5. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 424 с.
6. *Боталов С.Г., Таиров А.Д., Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В.* Актюба – новый мадьярский комплекс в Южном Зауралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIX / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2021. С. 84–90.
7. *Голубев А.М.* Хронология салтовских памятников Верхнего Подонковья в контексте венгерской проблематики // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А.Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 367–400.
8. *Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В.* Хронология и периодизация могильника Уелги // IV-й Международный мадьярский симпозиум / Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 89–105.
9. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. (Произведения торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья). М.: Книжный дом: Либроком, 2010. 184 с.
10. *Зах В.А., Чукунова И.Ю.* Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.
11. *Зеленцова О.В.* Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 279–301.
12. *Иванов В.А.* Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
13. *Казаков Е.П.* О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков, С.И. Валиулина, Р.М. Валеев. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 53–59.
14. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры, финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.:илл.
15. *Комар А.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest, 2018. 424 с.
16. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.
17. *Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблема культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: ТюмГУ, 2016. 264 с.
18. *Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С.* Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 91–99.
19. *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235.

20. Морозов В.М. Аятский могильник: возвращаясь к известному // Пятые Берсовские чтения / Редколл. В.Д. Викторова, Т.Ю. Клементьева, В.М. Морозов, С.Н. Панина (отв. за выпуск), Ю.П. Чемякин. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 7–22.
21. Нестеров А.Г. Средневековые курганы у озера Синеглазово // Археологические исследования севера Евразии / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 154–156.
22. Нестеров А.Г. Синеглазовские курганы IX–X вв. // II Берсовские чтения: материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–21 декабря 1994 г.) / Отв. ред. А.Г. Нестеров, Т.В. Андреева, С.Н. Панина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994а. С. 50–54.
23. Нестеров А.Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения: материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–21 декабря 1994 г.) / Отв. ред. А.Г. Нестеров, Т.В. Андреева, С.Н. Панина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994б. С. 57–63.
24. Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН. 1996. 296 с.
25. Пархимович С.Г. Культовые изображения с костища Песьянка I // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 1994 / Отв. ред. В.П. Петрова. Тюмень: изд-во «Тюмень», 1997. С. 118–130.
26. Рафикова Т.Н. Керамический комплекс костища Песьянка-1 (к проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–71.
27. Рябцева С.С., Рабинович Р.А. Древности венгерского круга IX–X вв. Прутно-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения) // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 429–464.
28. Стоколос В.С. Курган на озере Синеглазово // Археология и этнография Башкирии. Т. 1 / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 163–170.
29. Третьяков Е.А. Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 134–147. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-11
30. Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н. э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 77–86. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076
31. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: ФЭн, 2018. 144 с.
32. Langer D. The rosette-shaped horse-harness fittings from the 10th century AD Carpathian Basin // AB ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Вып. 11. Тюмень: ТюмГУ. 2019. С. 132–142.
33. Horváth C. Szakony-Kavicsbánya cemetery from the age of the Hungarian conquest // Ephemeris Hungarologica. 2021. No. 2. P. 289–314.

Информация об авторах:

Третьяков Евгений Алексеевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии этнографии. Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия); gor-tom@mail.ru

Тюрк Атила, PhD, Старший научный сотрудник Центр гуманитарных наук (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@abtk.hu

PRODUCTS OF «HUNGARIAN STYLE» FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE TRANS-URALS: ARTIFACTS AND CONTEXT

E.A. Tretyakov, A. Türk

The authors consider the easternmost finds of toreutics of the "Hungarian style" from the archaeological sites of the Yudino culture of the forest Trans-Urals. An analysis of the

The work was prepared with the financial support of the RFBR grant «The role of migrations in the historical and cultural dynamics of the southern part of Western Siberia in the Middle Ages» (20-49-720001).

materials showed that these products appeared in the Trans-Urals after the ancient Hungarians had migrated to the territory of the Carpathian basin. The "Magyar" group of items occurred in the closed complexes of the Trans-Urals together with the imported items from the Upper Irtysh River region, Altai, the Upper Kama River region and the Southern Urals. Therefore, the authors assumed that the products of the "Hungarian style" got in the Trans-Urals at the end of the 9th–10th centuries as a result of trade relations. Most likely, the transfer of imports was not carried out directly from the Carpathian groups to the Trans-Urals, but through the mediation of the Eastern European population.

Keywords: archaeology, Trans-Urals, Middle Ages, migrations, the Magyars, Yudino culture.

REFERENCES

1. Balint, Ch. 1988. In Pshenichiuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 112–129 (in Russian).
2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 8–12 (in Russian).
3. Botalov, S. G. 2012. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 11 (50), 128–146 (in Russian).
4. Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 13–35 (in Russian).
5. Botalov, S. G. 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordyy (IX – nachalo XV veka) (At the Origins of the South Ural Peoples. Southern Urals in the Era of the Golden Horde (9th – Early 15th Century))*. Series: Istoriiya Yuzhnogo Urala: v 8 t (History of the Southern Urals: in 8 volumes) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
6. Botalov, S. G., Tairov, A. D., Grudochko, I. V., Gazizova, S. R., Parunin, A. V. 2021. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 19. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 84–90 (in Russian).
7. Golubev, A. M. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 367–400 (in Russian).
8. Grudochko, I. V., Gazizova, S. R., Parunin, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 89–105 (in Russian).
9. Darkevich, V. P. 2010. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Zakh, V. A., Chikunova, I. Yu. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii)* 1 (12), 107–118 (in Russian).
11. Zelentsova, O. V. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 279–301 (in Russian).
12. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugro-mad'yary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 53–39 (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bulgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problem vzaimodeistviya (The Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9th–14th Centuries: Interaction Issues)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
15. Komar A. 2018. *Istoriiya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and archaeology of the Ancient Hungarians in the era of migration)*. Budapest (in Russian).
16. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Matveeva, N. P. 2016. *Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov) (Western Siberia in the Migration period (issues of cultural genesis according to materials from burial sites))*. Tyumen: Tyumen State University Publ. (in Russian).
18. Matveeva, N. P., Tret'yakov, E. A., Zelenkov, A. S. 2021. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (4), 91–99 (in Russian).
19. Mogil'nikov, V. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts during the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ., 163–235 (in Russian).

20. Morozov, V. M. 2006. In Viktorova, V. D., Klement'eva, T. Yu., Morozov, V. M., Panina, S. N., Chemiakin Yu. P. (eds.). *Piatye Bersovskie chteniia (Fifth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 7–22 (in Russian).
21. Nesterov, A. G. 1982. In Stoyanov V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii (Archaeological Studies of the North of Eurasia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 154–156 (in Russian).
22. Nesterov, A. G. 1994. In Nesterov A.G., Andreeva, T. V., Panina, S. N. (eds.). *II Bersovskie chteniia: materialy nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 19–21 dekabria 1994 g.) (2nd Bers Readings: Proceedings of the Scientific Conference (Ekaterinburg, December 19th –21st, 1994))*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi informatsii" Publ., 50–54 (in Russian).
23. Nesterov, A. G. 1994. In Nesterov A.G., Andreeva, T. V., Panina, S. N. (eds.). *II Bersovskie chteniia: materialy nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 19–21 dekabria 1994 g.) (2nd Bers Readings: Proceedings of the Scientific Conference (Ekaterinburg, December 19th –21st, 1994))*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi informatsii" Publ., 57–63 (in Russian).
24. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: Rannelslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (The World of the Early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
25. Parkhimovich, S. G. 1997. In Petrova, V. P. (ed.). *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore)*. Tyumen: "Tyumen" Publ., 118–130 (in Russian).
26. Rafikova, T. N. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii)* 3 (30), 61–71 (in Russian).
27. Ryabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 429–464 (in Russian).
28. Stokolos, V. S. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, K. V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 1. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 163–170 (in Russian).
29. Tret'yakov, E. A. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii)* 1 (56), 134–147 (in Russian).
30. Turova, N. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii)* 2 (33), 77–86 (in Russian).
31. Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. In *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik) The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).
32. Langer, D. 2019. In *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskii sbornik (AB ORIGINE: archaeological ethnographic collection)* 11. Tyumen: University of Tyumen Publ., 132–142.
33. Horváth, C. 2021. In *Ephemeris Hungarologica* 2, 289–314.

About the Authors:

Tret'yakov Evgeny A. Tyumen State University. Volodarskogo St. 6, Tyumen, 625003, Russian Federation; gor-tom@mail.ru

Türk A. PhD. Early Hungarians Research Team' of the Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán str. 4, Budapest, 1097, Hungary; turk.attila@btk.mta.hu

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЩУКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2023 г. К.В. Моряхина

Щукинский могильник расположен в 300 м к западу от д. Щукино Афанасьевского района Кировской области на небольшом мысу высотой 14 м правого берега р. Камы. Памятник был обнаружен и исследован В.А. Кананиным в 1977 г. Всего изучено 82 погребения. Щукинский могильник представляет интерес разнообразием типов погребального обряда. На памятнике захоронения выполнены по обряду кремации и ингумации в могильных ямах без конструктивных особенностей и в ямах с нишами, заплечиками и уступами. Заплечики и уступы фиксируются в погребениях IX в. В некоторых из них сохранились фрагменты деревянного настила, вероятно, погребенного укладывали на настил и сверху засыпали землей. Автором статьи на основе анализа погребального инвентаря выделено пять хронологических групп. Наличие на памятнике двух захоронений VI в. подвергается сомнению, поскольку ранние материалы представлены только поясными пряжками. Датировку могильника стоит сузить и обозначить время его функционирования VII–IX вв. В наибольшем количестве сохранились поздние погребения (памятник разрушен природными факторами). Уточнение датировки памятника и выделение хронологических групп позволило автору статьи сделать предположение, что в регионе существовали одновременно две разные культурные традиции: погребальный обряд Щукинского могильника схож с обрядом на Аверинском II, Агафоновском I и II, при этом по ряду признаков (конструкция ям, способ захоронения, заполнения слоя ям и др.) отличается от синхронных могильников Верхнего Прикамья – Плесовского, Деменковского, Каневского, Урынского.

Ключевые слова: археология, Верхняя Кама, погребальный обряд, биобрядность, погребальные сооружения, погребальный инвентарь, Средневековье, хронология.

Щукинский могильник расположен в 300 м к западу от д. Щукино Афанасьевского района Кировской области на небольшом мысу высотой 14 м правого берега р. Камы. Памятник был обнаружен и исследован В.А. Кананиным в 1977 г. На площади 1100 кв. м было изучено 82 погребения. Часть памятника разрушена в результате оползня мыса. На могильнике фиксируются следы разграбления. Памятник считается полностью изученным, датируется VI–IX вв. (Кананин, 1978, с. 2).

Автором раскопок была дана характеристика погребального обряда Щукинского могильника наряду с другими памятниками в обобщающих работах, посвященных изучению средневековых памятников верховья Камы. В.А. Кананин отмечал, что «одновременно с рядовым расположением могил наблюдается и размещение их по группам». Так, им

было выделено три группы погребений, которые отделены столбовыми ямками. В.А. Кананин предполагал, что группы отражают определенную социальную структуру. Анализируя погребальные сооружения, В.А. Кананин обратил внимание на наличие ниш-выступов, предназначение которых неясно, и на то, что покойного укладывали на дощатый настил, в качестве перекрытия использовали бересту или шкуру животного. На памятнике зафиксирована биобрядность захоронения. Как указывал автор раскопок, погребения с разным способом захоронения не выделяются планиграфически и по вещевому набору. Кремация производилась на стороне. Статистический анализ, проведенный В.А. Кананиным, позволил выявить близость Щукинского могильника по погребальному обряду с синхронным ему памятником – Аверинским II могильником (Кананин, 1983, с. 80–95;

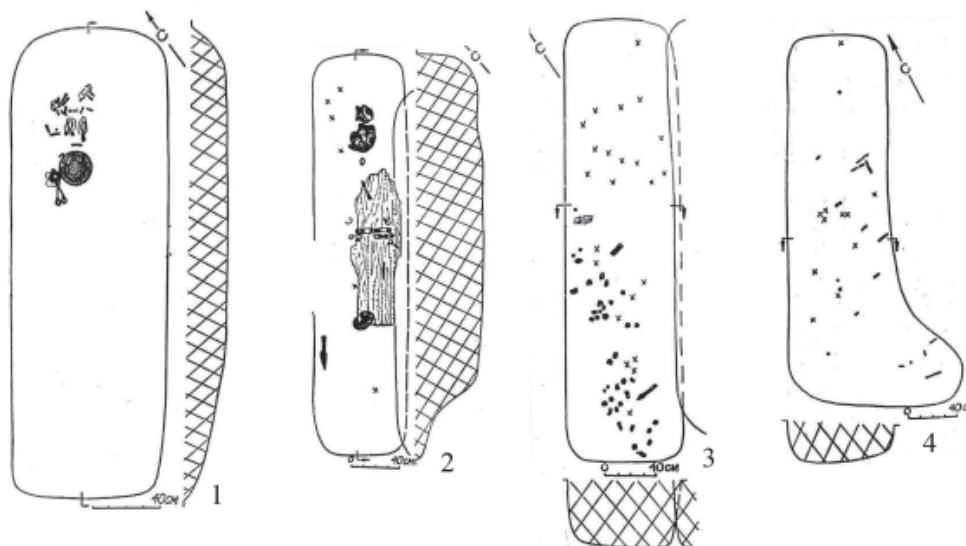

Рис. 1. Планы погребений Шукинского могильника. 1, 2 – погребения с обрядом ингумации (п. 30, 32); 3, 4 – погребения с обрядом кремации (п. 31, 82). 1 – погребения без конструктивных особенностей (п. 30, 31); 2 – погребение с уступом (п. 32); 4 – погребение с нишей (п. 82) (план погребений по: Голдина, Кананин, 1989, рис. 30, 34).

Fig. 1. Burial plans of the Shchukin burial ground. 1, 2 – burials with inhumation rite (b. 30, 32); 3, 4 – burials with cremation rite (b. 31, 82). 1 – burials without structural features (b. 30, 31); 2 – burial with a ledge (b. 32); 4 – burial with a niche (b. 82) (plan of burials according to: Goldina, Kananin, 1989, fig. 30, 34).

Голдина, Кананин, 1989, с. 26–43).

Статический анализ, проведенный И.В. Бочаровым по материалам могильников Пермского Предуралья, показал на памятнике повышенную тенденцию встречаемости таких элементов обряда, как кости животных, культ огня (наличие углей в засыпке), наличие сосудов, бус. Предметы быта, наоборот, встречаются в незначительном количестве. Исследователем было отмечено сходство Шукинского могильника с Аверинским II, Агафоновским I и II, Мелехинском некрополями (Бочаров, 2000, с. 73–86).

Несмотря на то, что Шукинский могильник неоднократно выступал в качестве объекта исследования, характеристика обряда дана неполно. Так, предшествующие исследователи из погребальных сооружений обратили внимание на наличие ниш-выступов, но не отметили наличие уступов и заплечиков в погребениях, хотя такие конструкции встречаются чаще. Отсутствует описание вещевого материала конкретного памятника и их

расположения в погребении (есть обобщенное описание материалов всех памятников верховья Камы), не были выделены комплексы с набором оружия и орудий труда. В ранее опубликованных материалах памятник датируется широко – VI–IX вв., при этом не выделены хронологические группы на памятнике, соответственно, не были сделаны выводы об изменении со временем погребального обряда и вещевого набора. Уточнение хронологии могильника позволяет более объективно проводить сравнение с синхронными памятниками Пермского Предуралья.

На Шукинском могильнике погребения расположены плотно не совсем четкими рядами, часты случаи взаимонарушения могильных ям. Можно выделить четыре ряда, вне которых располагались пять погребений в верхней (северной) части памятника и два в юго-восточной. Последние, вероятно, представляют собой остатки ряда, разрушенного вследствие оползня мыса. Погребения ориентированы

на ССВ (58,5%) или на СВ (36,6%), в единичных случаях на С, ВСВ, ССЗ. Ориентировка является меридиональной, погребенные уложены ногами к реке. На памятнике преобладают могильные ямы среднего размера (длиной от 160 до 260 см и шириной от 60 до 160 см) – 64,6%, также отмечено значительное количество больших ям (их длина превышает 260 см) – 32,9%. Максимальная длина достигает 350 см. Могильные ямы заполнены темно-серым суглинком.

На памятнике зафиксирована биобрядность способа захоронения (рис. 1): 61% (50 погребений) – погребения с кремацией (к погребениям с кремацией отнесены погребения, в которых были обнаружены кальцинированные кости), 39% (32 погребения) – с ингумацией. К последним отнесены безынвентарные погребения, которые составляют 4,9% (п. 17, 25, 26, 29) от общего количества. Планиграфически погребения с разным способом захоронения не выделяются, но наибольшую концентрацию погребений с кремацией можно выделить в западной части второго ряда. Безынвентарные погребения расположены в западной части третьего ряда.

В погребениях с кремацией преобладает ориентировка на ССВ – 56% случаев, в 42% – на СВ, одно погребение ориентировано на ВСВ. Встречаются захоронения как в средних (54%), так и больших (46%) ямах. В основном могильные ямы неглубокие (от 38 до 97 см от поверхности) – 96%, в двух случаях (п. 22, 80) отмечена глубина 103 и 118 см, причем в этих погребениях фиксируется углубление в центральной части ямы. Кости и вещи расположены беспорядочно в заполнении ямы на разной глубине. Вероятно, засыпались вместе с землей. Только в одном погребении (п. 79) кости и вещи были уложены на дне могильной ямы в северной и центральной части. В 6 погребениях

(12%) в заполнении могильных ям встречены куски углей. В двух из них зафиксированы углистые пятна: в погребении 1 – размеры 68×39 см, мощность слоя 4 см, в погребении 23 – 83×63 см, мощность слоя 25 см. Такие углистые пятна могли быть остатками погребальных костров.

В погребениях с ингумацией также преобладает ориентировка на ССВ – 62,5%, в 28,1% – на СВ, в единичных случаях на С, ССЗ. В большинстве случаев хоронили в средних (81,3%) ямах, также фиксируются захоронения в больших (12,5%) и малых (6,2%) ямах. Одна из малых ям, вероятно, детское погребение (п. 14). Могильные ямы неглубокие от 44 до 93 см. В большинстве случаев (75%) вещи располагались на дне погребения, украшения в порядке ношения. В трех погребениях вещи обнаружены беспорядочно на разной глубине, в пяти – выше уровня дна (в двух из них зафиксированы уступы). В трех погребениях найдены зубы человека, другие кости не сохранились, что типично для могильников данного региона.

На Щукинском могильнике умерших чаще хоронили в простых ямах прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 1: 1, 3) – 76,8% погребений.

Наличие выступов-ниш (рис. 1: 4) отмечено у семи погребений (8,5%). В шести случаях выступы располагались у длинной СЗ или ЮВ стенки, в одном – у короткой СВ стенки. По форме выступы разделяются на овальные (п. 13, 68, 77, 81, 82) и прямоугольные (п. 9, 17). Н.Б. Крыласова по материалам Рождественского и Огурдинского могильников интерпретировала погребения с выступами как имитацию жилищ-полуземлянок со входом, что, соответственно, отражало традицию в домостроительстве средневекового населения Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 96). На

Щукинском могильнике с такой традицией можно связать погребения с овальными выступами. Погребения с прямоугольными выступами имеют свои особенности. Они отличаются большим размером в сравнении с овальными. В одном случае размер выступа 278×60 см, на его площадке обнаружены кальцинированные кости, фр. серебряной подвески и развал сосуда, в самом погребении только железный предмет. В другом случае прямоугольный выступ зафиксирован у безынвентарного погребения. Возможно, прямоугольные выступы – это не специальные конструкции, как отмечено было автором раскопок, а погребения неправильной формы. За исключением безынвентарного погребения, захоронения были совершены по обряду кремации. Похожие конструкции известны по материалам других памятников Пермского Предуралья – Аверинского II, Агафоновских I и II, Запосельского, Огурдинского, Рождественского могильников (Моряхина, Шмуратко, 2019).

Заплечики (ступеньки у двух или более стенок) зафиксированы в четырех погребениях (4,9%). В погребениях ступеньки располагаются по-разному: в одном случае – у двух длинных и одной короткой стенки, в двух – у двух длинных, в одном – у одной длинной и одной короткой. Ступеньки могли быть как практически на уровне дна погребения, так и на высоте 17–40 см, и в таком случае находки располагались выше и ниже их уровня. Все погребения совершены по обряду кремации. Погребения с заплечиками известны по материалам Огурдинского, Рождественского, Аверинского II, Агафоновского I могильников (Моряхина, Шмуратко, 2019).

На памятнике изучено десять погребений (12,2%) с уступами (ступенька у одной из стенок). Уступы (рис. 1: 2), как правило, располагались у длинной стенки, в одном случае у ко-

роткой, на высоте от 9 до 35 см от дна. Находки располагались как выше, так и ниже уровня ступенек. Восемь из десяти погребений совершены по обряду кремации. Погребения с уступами зафиксированы на Аверинском II, Антыбарском, Запосельском, Огурдинском, Рождественском, Телячий Брод могильниках.

Н.Б. Крыласова считает, что заплечики и уступы сооружались для того, чтобы на них установить помост, на который укладывался покойный. Смещение находок происходило вследствие того, что прогнивал помост и они обрушивались ниже его уровня (Белавин, Крыласова, 2008, с. 96). Подтверждает это предположение наличие остатков деревянного настила в одном из погребений с уступом (п. 11) на Щукинском могильнике. На рассматриваемом памятнике остатки деревянного настила зафиксированы еще в шести погребениях. Находки в этих погребениях располагались либо на одном уровне, либо выше следов настила. Соответственно, можно сделать вывод, что покойного (или его кремированные останки) укладывали вместе с инвентарем на деревянный настил. В четырех погребениях зафиксированы фрагменты обугленного дерева, но не представляется возможным однозначно утверждать, что это остатки настила.

Стоит отметить, что на Щукинском могильнике, скорей всего, не было традиции сооружать наземные погребения.

В погребениях и межмогильном пространстве зафиксированы 102 столбовые ямки. Из них 29 ямок обнаружены в 13 погребениях (15,9%), которые были в верхней, центральной или нижней части. В межмогильном пространстве ямки располагались в основном в «изголовье» или в «ногах» погребальной ямы. Исключение составляют столбовые ямки, отделяющие п. 20 и 41 от основной части

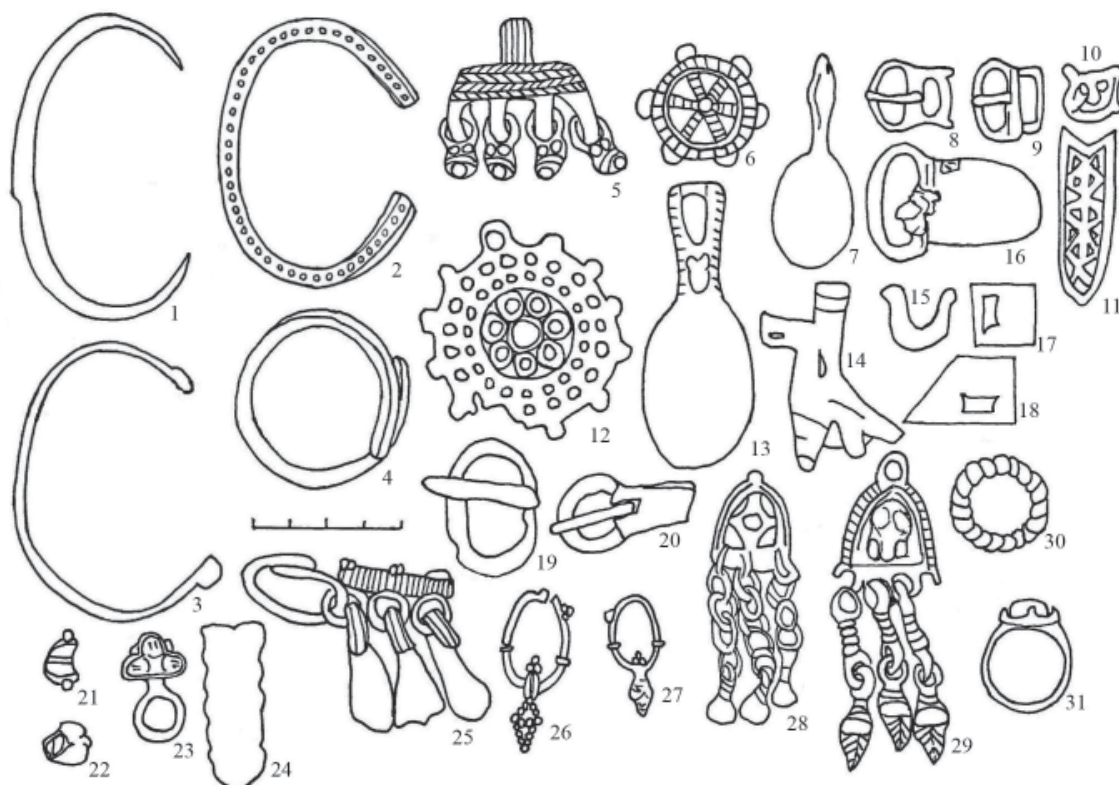

Рис. 2. Украшения Щукинского могильника. 1–4 – браслеты, 5–7, 12, 13, 25, 28–30 – подвески; 8, 9, 16, 19, 20 – пряжки; 10, 15, 17, 18, 21–23 – поясные накладки; 11, 24 – наконечники ремня; 14 – пронизка; 26–27 – височные кольца; 31 – перстень. 1 – п. 44; 2–3, 31 – п. 32; 4, 15, 17, 18 – п. 14; 5, 12 – п. 40; 6 – п. 60; 7, 14 – п. 79; 8, 27, 28 – п. 30; 9 – п. 53; 10, 11 – п. 54; 13 – п. 66; 16 – п. 14; 19, 20 – п. 56; 21–23, 26 – п. 12; 24 – п. 57; 25 – п. 20; 29 – п. 16; 30 – п. 11.

Fig. 2. Decorations of the Shchukin burial ground. 1–4 – bracelets; 5–7, 12, 13, 25, 28–30 – pendants; 8, 9, 16, 19, 20 – buckles; 10, 15, 17, 18, 21–23 – belt pads; 11, 24 – belt tips; 14 – thread; 26, 27 – temporal rings; 31 – ring. 1 – b. 44; 2, 3, 31 – b. 32; 4, 15, 17, 18 – b. 14; 5, 12 – b. 40; 6 – b. 60; 7, 14 – b. 79; 8, 27, 28 – b. 30; 9 – b. 53; 10, 11 – b. 54; 13 – b. 66; 16 – b. 14; 19, 20 – b. 56; 21–23, 26 – b. 12; 24 – b. 57; 25 – b. 20; 29 – b. 16; 30 – b. 11.

погребений. Возможно, как это отмечал и В.А. Кананин (Кананин, 1978, с. 40), что на могильнике могли быть какие-то надмогильные сооружения и изгороди.

В 20 погребениях (24,4%) найдены зубы лошади. В погребениях с ингумацией они располагались чаще в изголовье, иногда в ногах или центральной части.

В погребениях были обнаружены целые керамические сосуды (28,1% погребений) и фрагменты керамики (45,1% погребений). Керамические сосуды в погребениях располагались двумя способами: сосуд укладывался на дно могильной ямы (в погребениях с кремацией при этом наход-

ки залегали на разной глубине) или размещался в верхней части засыпи могильной ямы (в погребениях с ингумацией сосуд находился по центру ямы). Вероятно, сосуды, обнаруженные в верхней части засыпи, связаны с поминальной обрядностью.

На памятнике встречаются типичные для ломоватовской культуры украшения. Женские комплексы, по классификации Н.Б. Крыласовой, представлены шестью типами: 1а, 10а, 11а (височные кольца + нагрудные украшения + пояс), 2а, 8а (нагрудные украшения + пояс), 4а (нагрудные украшения); мужские – двумя типами: 9а (пояс), 13а (височные кольца + пояс) (Крыласова, 2001, с.

104–105). Классификация украшений Шукинского могильника автором статьи была опубликована в отдельной работе (Моряхина, 2022).

Височные кольца (рис. 2: 26–27) были обнаружены в восьми погребениях (в 9,8% от общего количества погребений; 10 экз.), представлены двумя типами: литые проволоочные без привесок и с литой бипирамидальной гроздью. Первые получили распространение с конца V–X вв., вторые – к первой половине IX в. (Подосенова, 2009, с. 70, 78).

Подвески (рис. 2: 5–7, 12, 13, 25, 28–30) были найдены в 20 погребениях (в 24,4% от общего количества погребений) в области груди и в 5 погребениях (в 6,1%) в области пояса. К ранним вариантам украшений относятся шумящие подвески с пластинчатой основой (VII в.), колесовидные ажурные подвески (VIII в.) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 68/39, 69/16); к поздним – шумящие подвески с арочной и стержневой основой (IX в.) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/16, 31), подвески-ложечки VIII–IX вв. (Крыласова, 2007, с. 59, 63).

Встречаются пронизки, типичные для памятников Пермского Предуралья: трубочки, спиралевидные, с вздутиями, датирующиеся VIII–XI вв. (Белавин, Крыласова, 2012, с. 143–145). Также были обнаружены две птицеобразные пронизки (рис. 2: 14), датирующиеся VII в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 68/50). В целом пронизки были обнаружены в области головы (груди) в 10 погребениях (в 12,2% от общего количества погребений), в области пояса – в 7 погребениях (в 6,1%). Всего 21 экземпляр.

На памятнике обнаружены украшения рук: браслеты – в погребениях (в 4,9% от общего количества погребений; 6 экз.), перстни – в четырех (в 4,9%). Браслеты (рис. 2: 1–4) представлены типичными для Пермского

Предуралья вариантами: дровые овальные с приостренными концами, четырехгранные и шестигранные в сечении, кованые пластинчатые с уплощением на концах. Дровые браслеты с приостренными концами в Пермском Предуралье бытовали в VIII–XI вв., остальные браслеты датируются IX–X вв. Перстни (рис. 2: 31) представлены одного варианта – персти «салтовского» типа, которые получили распространение в Пермском Предуралье в кон. VIII – X вв. (Моряхина, 2018, с. 68, 108, 111–112, 125).

Поясная гарнитура представлена пряжками (в 20 погребениях, в 24,4% от общего количества погребений), накладками (в 17 погребениях, в 20,7%, 101 экз.), наконечниками ремня (в 5 погребениях, в 6,1%, 7 экз.). На памятнике обнаружено два варианта ранних пряжек VI в. (рис. 2: 19–20): трехсоставные с округлым вращающимся кольцом и нависающим язычком и круглые рамчатые (Голдина, Кананин, 1989, рис. 67/1, 4, 8). Также были найдены пряжки, характерные для VIII в. – цельнолитые с округлой задней пластиной, крепившейся к рамке при помощи штифтиков (рис. 2: 16) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/1) – и для IX в. – с приостренной задней пластиной, украшенной насечками, и цельнолитые восьмеркообразные (рис. 2: 8–9) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/1, 8). Поясные накладки (рис. 2: 10, 15, 17, 18, 21–23) весьма разнообразны, хронологически их можно разделить на две группы: VIII в. – калачевидные с разомкнутыми концами и штампованные с прорезью (встречаются и в более позднее время) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/5–6, 11); IX в. – круглые с петлей на обороте, сердцевидные (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/26), полуовальная пластина с прикрепленным, свободно висающим кольцом (Белавин, Крыласова, 2008, с. 419), в виде полумесяца с двумя полушарными выступами.

Наконечники ремня (рис. 2: 11, 24) представлены тремя типами: в виде пластины, зажимающей ремень с двух сторон, в виде продолговатой пластины, в виде мечеобразной пластины.

Находки бус (в 37 погребениях, 45,1% от общего количества) представлены стеклянными и каменными изделиями. В наибольшем количестве встречаются на памятнике посеребренные и синие зонные многочастные бусы, также есть одночастные зонные, глазчатые, ребристые, сердоликовые бусы.

В погребении 79 обнаружен предмет пермского звериного стиля – фигурка человека-лося. Личина расположена в центральной части плакетки. Размер изделия 3×1,7 см. Датируется VIII в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/27).

Вооружение представлено железными наконечниками стрел (в 11 погребениях, 13,4% от общего количества) и наконечниками копий (в 7 погребениях, 8,5%), которые располагались в погребениях по обряду ингумации в центральной части или в ногах. Наконечники стрел обнаружены трех типов: листовидные с расширением в нижней части (VII–IX вв.) (Данич, 2011, с. 104), ромбические с расширением в средней части и шиловидные ромбического сечения (VII–VIII вв.) (Голдина, 1985, рис. 16). Наконечники стрел в основном встречаются в виде четырехгранного стержня (VIII–XII вв.), также в одном экземпляре обнаружены ромбовидные втульчатые (IX – нач. XI вв.) и ланцетовидные (IX–X вв.) (Данич, 2010, с. 21, 22, 24). Кольчуга (в 5 погребениях, 6,1%) сохранилась в виде маленьких фрагментов. В одном случае кольчуга обнаружена в погребении с вооружением (наконечник стрелы). Снаряжение коня представлено подпружными пряжками (в 11 погребениях, 13,4%) овальной (VII–VIII вв.) (Голдина, 1985, рис. 16) и прямоуголь-

ной формы и стременами (в 2 погребениях, 2,4%). В погребении 47 обнаружены восьмеркообразные стремена, датирующиеся IX в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/38), в погребении 80 сохранилась лишь нижняя часть вогнутой формы. В погребениях по обряду ингумации стремена располагались в ногах.

На памятнике встречаются универсальные колонувидные топоры (в 3 погребениях, 3,7% от общего количества), предназначенные для рубки леса и раскалывания бревен. Такие топоры имеют широкую датировку – V–XI вв. (Данич, 2015, с. 75–76). В погребениях по обряду ингумации они обнаружены в центральной части.

Орудия труда на памятнике немногочисленны. К универсальным орудиям можно отнести ножи (в 30 погребениях, 36,6% от общего количества), шило (в 3 погребениях, 3,7%), оселок (в 1 погребении, 1,2% от общего количества), пряслице (в 1 погребении, 1,2%). Примечательно, что пряслице обнаружено в погребении с вооружением. В одном погребении найдено кресало в виде дрота с расплющенной рабочей частью и кремь. По мнению Н.Б. Крыласовой, такие кресала датируются кон. VII – VIII вв. (Крыласова, 2007а, рис. 1). В погребениях по обряду ингумации ножи обнаружены в центральной части или в изголовье, шило – в ногах.

На памятнике встречается деревообрабатывающий инструментарий: наструги (скорбели) П-образной формы (в 2 погребениях, 2,4%) и ложка (в 1 погребении, 1,2%). Такие орудия имеют широкую датировку (Смертин, 2021, с. 95–96). В погребении по обряду ингумации скобель располагался в центральной части.

Стоит отметить, что орудия труда (не считая ножей) встречаются в погребениях с вооружением, исключение составляет погребение 70, в котором были скобель, оселок, кресало и

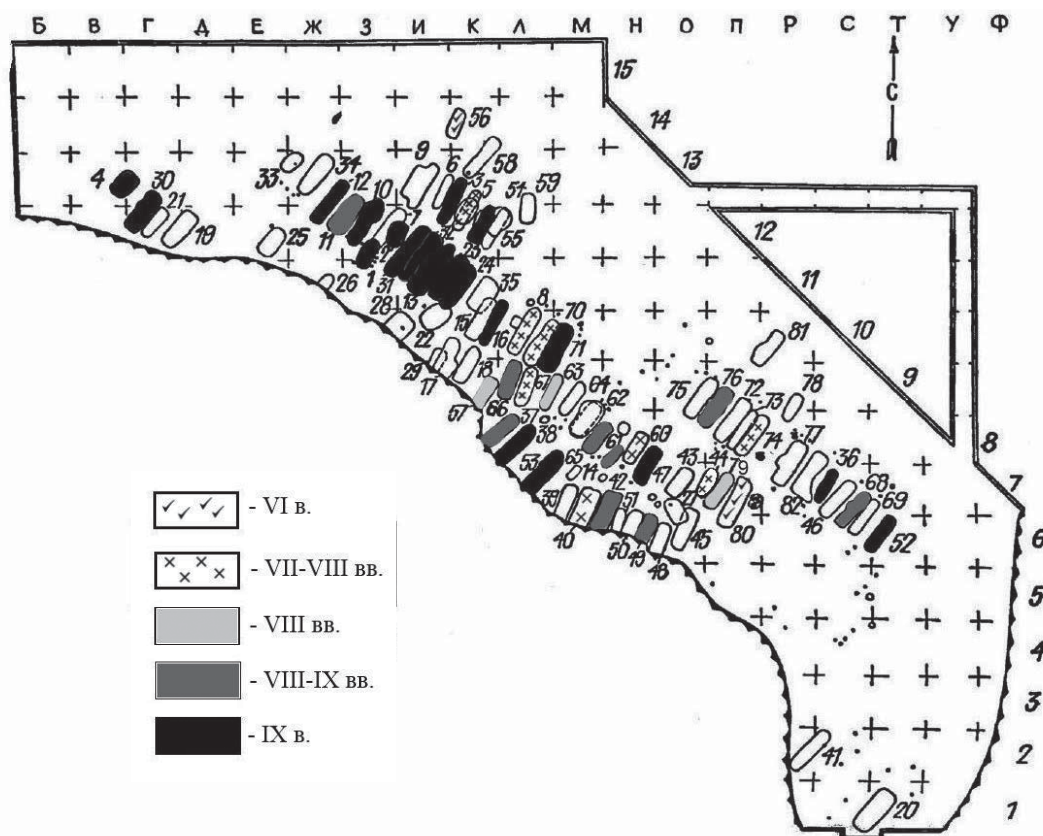

Рис. 3. Хронология Щукинского могильника
(план по: Голдина, Кананин, 1989, рис. 26).

Fig. 3. Chronology of the Shchukin burial ground (plan after: Goldina, Kananin, 1989, fig. 26).

нож.

В межмогильном пространстве было обнаружено еще одно орудие труда – ювелирный молоточек размерами 10×3 см.

В погребении 42 была обнаружена глиняная фигурка в виде головы животного, возможно имевшая сакральное значение.

На Щукинском могильнике сохранились фрагменты одежды. В погребении 19 обнаружен небольшой кусок ткани, в погребении 67 (выполнено по обряду кремации) фиксируются на кольчуге следы истлевшей ткани. В погребениях 11, 20, 56 и 63 (выполнены по обряду кремации) найдены небольшие куски кожи и меха. Наличие ткани, кожи и меха в погребениях с кремацией указывает на то, что в погребения укладывались не только украшения, оружие или орудия труда, но и одежда умершего.

В четырех погребениях (п. 3, 14, 40, 71) были завернуты в бересту или мех украшения (пояс, браслет, подвеска). Вероятно, эти украшения были выделены из погребального набора и представляли собой особый дар умершему в загробный мир.

В погребении 32 погребальные вещи (украшения, оружие, нож) располагались на деревянном настиле и сверху были закрыты шкурой животного, что могло имитировать заворачивание. Погребение совершено по обряду кремации.

На основе анализа погребального инвентаря можно выделить пять хронологических групп погребений (рис. 3):

VI в. – п. 56, 80. Данная группа была выделена на основе поясных пряжек, других материалов VI в. не обнаружено. Погребения располагаются в разных частях могильника. В

п. 80 обнаружены фрагмент стремени, при этом на могильниках, относящихся к харинской культуре (IV–VI вв.), стремени не встречаются (Шмуратко, 2012, электронное приложение). Возможно, ранние пряжки попали в более поздние погребения, что могло быть следствием разграбления могильников в Средневековье. Соответственно, можно сократить датировку памятника – VII–IX вв.

VII–VIII вв. – п. 5, 8, 40, 44, 60, 67, 70, 74. Погребения ориентированы на ССВ. Захоронения сделаны в ямах среднего и большого размера. Погребальные ямы без конструктивных особенностей. В двух погребениях сохранились остатки деревянной погребальной конструкции. В равном количестве выполнены захоронения по обряду ингумации и кремации. В единичных случаях в заполнении ямы обнаружены угли и кости животных. Погребальный инвентарь представлен керамикой, украшениями (пояс, подвески, пронизки, бусы, браслет), наконечниками стрел, кольчугой, кресалом, универсальным и деревообрабатывающим инструментарием.

VIII в. – п. 57, 63, 79. Погребения ориентированы на ССВ. Захоронения сделаны в ямах среднего размера. Погребальные ямы без конструктивных особенностей. Захоронения выполнены по обряду ингумации и кремации. В одном случае в заполнении ямы обнаружены угли и кости животных. Погребальный инвентарь представлен керамикой, украшениями (пояс, подвески, пронизки, бусы), наконечником стрелы, наконечником копья, ножами.

VIII–IX вв. – п. 11, 14, 37, 42, 49, 65, 66, 68, 76. Погребения ориентированы ССВ и СВ в равном количестве. Захоронения сделаны в ямах малого и среднего размера. Имеются конструктивные особенности ямы в виде ниши и уступов. В трех погребениях сохранились остатки деревянного настила.

Преобладают захоронения по обряду кремации (75%). В одном случае в заполнении ямы обнаружены угли и кости животных. Погребальный инвентарь представлен керамикой, украшениями (пояс, подвески, пронизки, бусы, височные кольца, браслет, перстень), наконечником стрелы, наконечником копья, топором, кольчугой, ножами, ложкарем.

IX в. – 1, 2, 3, 4, 10, 12, 13, 16, 23, 24, 30, 31, 32, 36, 38, 47, 52, 53, 54, 71. Погребения ориентированы ССВ и СВ. Захоронения сделаны в ямах среднего и большого размера. Имеются конструктивные особенности ямы в виде ниши, заплечиков и уступов. В четырех погребениях сохранились остатки деревянной погребальной конструкции. Преобладают захоронения по обряду кремации (65%). В заполнении ямы встречаются угли и кости животных. Погребальный инвентарь представлен керамикой, украшениями (пояс, подвески, пронизки, бусы, височные кольца, браслеты, перстни), наконечником стрелы, наконечниками копий, топором, кольчугой, универсальным и деревообрабатывающим инструментарием.

В межмогильном пространстве зафиксировано 10 погребальных ям: восемь – овальной формы (средние размеры 33×26) и две – подквадратной (средние размеры 52×52). В заполнении ям встречаются вкрапления угля и прокаленной глины. Только в одной яме обнаружены вещи – развал сосуда и железный предмет. Помимо этого, в межмогильном пространстве обнаружены два керамических сосуда между погребениями 74 и 77, рядом с погребением 80 – сверток с вещами.

Выводы. Датировку Щукинско-го могильника, на взгляд автора статьи, стоит сузить и датировать VII–IX вв. Планиграфически (рис. 3) ранняя часть выделяется в центральной и юго-восточной части могильника. Поздние погребения преобладают

в северо-западной части могильника, также есть в центральной и северо-восточной части. В поздних погребениях отмечается тенденция небольшого смещения ориентировки могильных ям с ССВ на СВ. Ямы большого размера встречаются как в ранней (VII в.), так и поздней (IX в.) части могильника, при этом характерны больше для захоронений по обряду кремации. По другим могильникам отмечается тенденция уменьшения размеров погребальных ям в позднеломатовское время (Голдина, 1985, рис. 16). В поздних погребениях (VIII–IX вв.) фиксируются такие конструктивные особенности ям, как ниши, заплечики, уступы. Чаще всего такие конструктивные особенности отмечены в погребениях с кремацией. Предположительно, количество захоронений по обряду кремации увеличилось в более позднее время, что опять же идет в разрез с общей характеристикой позднеломатовских памятников, где преобладало трупоположение (Голдина, 1985, с. 131). Оружие и орудия труда встречаются как в ранних, так и поздних погребениях. Как правило, они обнаружены в одних и тех же погребениях, за исключением одного случая, что говорит об отсутствии разделения труда, т. е. воины занимались ремеслом. Орудия труда представлены в основном универсальными орудиями (ножи, шила) и деревообрабатывающим инструментарием. Набор украшений со временем увеличивается и становится наиболее полным и разнообразным,

что заметно по материалам IX в.

Ранее уже исследователи писали о схожести Щукинского могильника с другими памятниками в верховьях Камы – Аверинским II, Агафоновским I и II – на основе размеров ям, биобрядности, наличия костей животных и углей в заполнении ям (Голдина, Кананин, 1989, с. 28–43; Бочаров, 2000, с. 106–107). При этом эти памятники существенно отличаются от других одновременных, расположенных немного ниже по течению Камы – Плесинского, Каневского, Урынского, Деменковского (примечание: к Щукинскому могильнику Плесинский расположен ближе, чем Агафоновский I и II). Различия заметны не по вещевому материалу, а по погребальному обряду. Для перечисленных памятников характерны ямы среднего размера прямоугольной формы без конструктивных особенностей, захоронения по обряду ингумации, в заполнении ям, как правило, отсутствуют угли и кости животных (Моряхина, 2020). Выявить отличия в погребальном обряде на позднеломатовских памятниках (а большинство погребений Щукинского могильника относится к этому периоду) стало возможным благодаря уточнению датировки памятника и выделению хронологических групп. Стоит предполагать, что различия в погребальном обряде на памятниках в верхнем течении Камы указывают на наличие двух культурных традиций (разных этносов?), существовавших одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
2. *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
3. *Бочаров И.В.* Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.
4. *Голдина Р.Д.* Ломатовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
5. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1989. 216 с.

6. Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3/ Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2010. С. 20–43.
7. Данич А.В. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 7 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2011. С. 98–115.
8. Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 10 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2015 С. 71–124.
9. Кананин В.А. Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года. 1978 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6650.
10. Кананин В.А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский университет, 1983. С. 80–95.
11. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
12. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.
13. Крыласова Н.Б. Хронология кресал Пермского Предуралья // Известия Челябинского научного центра. 2007а. Вып. 1 (35). С. 123–126.
14. Моряхина К.В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2018. 746 с.
15. Моряхина К.В. Особенности погребального обряда Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 112–119.
16. Моряхина К.В. Металлические украшения Шукинского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. 21 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2022. С. 69–79.
17. Моряхина К.В., Шмуратко Д.В. Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622464 от 23.12.2019.
18. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.
19. Смертин А.Р. Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья в эпоху Средневековья // Труды КАЭЭ. Вып. 19 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2021. С. 92–102.

Информация об авторе:

Моряхина Кристина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); kmoxyakhina@mail.ru

BURIAL RITE OF THE SHCHUKINO BURIAL GROUND OF THE LOMOVATOVO ARCHAEOLOGICAL CULTURE

K.V. Moryakhina

The Shchukino burial ground is located 300 m west of the village of Shchukino, Afanasyevsky district, Kirov region, on a small cape 14 m high on the right bank of the river. Kama. The site was discovered and studied by V.A. Kananin in 1977. A total of 82 burials were studied. The Shchukino burial ground is of interest due to the variety of types of burial rites. At the site, the burials were made according to the rite of cremation and inhumation. There are grave pits without structural features and there are pits with niches, shoulders and ledges. Shoulders and ledges are recorded in burials of the 9th century. In some of them, fragments of wooden flooring have been preserved; probably, the buried person was laid on the floor and covered with earth from above. Based on the analysis of grave goods, the author of the article singled out 5 chronological groups. The presence on the monument of two burials of the 6th century was refuted. Early materials are represented only by belt buckles. The dating of the burial ground should be narrowed down and the time of its functioning of the 7th–9th centuries should be indicated. Late burials survived in the greatest number (the monument was destroyed by natural factors). The author of the article made an assumption that two different cultural traditions existed in the region at the same time based on the clarification of the dating of the monument and the allocation of chronological groups. The burial rite of the Shchukino burial ground is similar to the rite at Averiny II, Agafonova I and II. The burial rite of the Shchukino burial ground differs in a number of ways (the design of the pits, the method of burial, filling the layer of pits, etc.) from the synchronous burial

grounds of the Upper Kama region – Pleso, Demenkovsky, Kaneva, Urya.

Keywords: archaeology, Upper Kama, burial rite, bi-rite, burial structures, grave goods, Middle Ages, chronology.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkhеologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurdino Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
3. Bocharov, I. V. 2000. *Srednevekovyy pogrebal'nyy obryad Verkhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstruktsii etnicheskoy istorii regiona: opyt statisticheskogo analiza (Medieval burial rite in the Upper Kama basin as a source of reconstruction of the ethnic history of the region: the experience of statistical analysis)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).
4. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
5. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
6. Danich, A. V. 2010. In Belavin, A. M. (ed.). *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya (Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals) 3*, 20–43 (in Russian).
7. Danich, A. V. 2011. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 7*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 98–115 (in Russian).
8. Danich, A. V. 2015. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 10*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 71–124 (in Russian).
9. Kananin, V. A. 1978. *Otchet ob issledovaniyakh v Afanas'evskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennykh letom 1977 goda (Report on studies in the Afanasyevo district of the Kirov region, held in the summer of 1977)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1. R. 1. no. 6650 (in Russian).
10. Kananin, V. A. 1983. In Vladykin, V. E. (ed.). *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in the Urals and Siberia in the Prehistoric Era)*. Izhevsk: Udmurt State University, 80–95 (in Russian).
11. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
12. Krylasova, N. B. 2007. *Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya (Archaeology of Everyday Life: The Material Culture of the Medieval Urals)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
13. Krylasova, N. B. 2007. In *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra (Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center) 1 (35)*, 123–126 (in Russian).
14. Moryakhina, K. V. 2018. *Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya (Hand decorations of the Perm Fore-Urals medieval population)*. PhD Diss. Perm (in Russian).
15. Moryakhina, K. V. 2020. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya (Herald of Humanitarian Education) 1(17)*, 112–119 (in Russian).
16. Moryakhina, K. V. 2022. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 21*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 69–79 (in Russian).
17. Moryakhina, K. V., Shmuratko, D. V. 2019. *Pogrebal'nyy obryad srednevekovykh mogil'nikov Permskogo Predural'ya (VII–XV vv.). Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2019622464 ot 23.12.2019 (Burial rite of medieval burial grounds of the Perm Fore-Urals (7th–15th centuries). Certificate of registration of the database RU 2019622464 dated 23.12.2019)* (in Russian).
18. Podosenova, Yu. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. PhD Diss. Perm (in Russian).
19. Smertin, A. R. 2021. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 19*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 92–102 (in Russian).

About the Authors:

Moryakhina Kristina V. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614000, Russian Federation; kmoryaxina@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ С МОРДВОЙ В X – НАЧАЛЕ XV ВЕКА

© 2023 г. Р.М. Валеев

В статье публикуются результаты исследований торговых контактов волжских болгар и мордвы в X – начале XV вв. В первую очередь, исследуются клады монет, анализируется количество монет в могильниках, предметы обихода и надписи, указывающие на наличие торговых контактов между булгарами, татарами и мордвой. Анализируются находки металлических котлов и котелков у финно-угорских народов, в первую очередь, у мордвы, выполнявших сакральную функцию, и их место в торговле. Помимо этого, приводятся некоторые данные письменных памятников, например, «Повести временных лет». На основании данных источников проводится комплексный анализ изменения торговых контактов между булгарами и мордвой во времена Волжской Болгарии и Золотой Орды, приводятся данные об их эволюции, увеличении объёмов торговли и причинах, приведших к этому, даётся общая характеристика этих процессов.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, Золотая Орда, средневековое Поволжье, мордва, болгарско-мордовские отношения, средневековая торговля в Поволжье.

Приход болгар в VIII в. в Среднее Поволжье резко усилил процессы социально-экономического и культурного развития народов, проживающих на этой территории. Особенно ярко это проявилось во время перехода от раннебулгарского этапа формирующейся Волжской Болгарии к домонгольскому, а затем к золотоордынскому государству, появившемуся на огромной части Евразии. В археологии и истории Среднего Поволжья эпохи Средневековья периоды существования Волжской Болгарии как суверенного государства (с X в. по 1236 г.) и Болгарии как части Улуса Джучи (1240-е гг. – нач. XV в.) имеют определяющее значение (Валеев, 2021, с. 173–174). Каждый из них имел свою специфику и особенности в характере социально-экономического и этнического развития, в том числе в направлениях и тенденциях развития торговли и товарно-денежных отношений.

Понятно, что торговля существовала не сама по себе, а служила для обеспечения потребностей общества в сырье, товарах, обеспечении рабочей силой и других важных компонентах простого товарного производства.

Но во многом потенциал Булгарского и Золотоордынского государств, включенность в систему международных торговых путей эпохи Средневековья – Великого Шёлкового пути, Волжского, Камского путей, трассы Булгар – Киев, внутренних торговых путей – определяли прогресс ремесленных технологий и сформировали социально-экономические отношения этих государств, базирующихся на сельскохозяйственном (осёдлом и кочевом), ремесленном производствах и торговле.

На торговлю сильное влияние оказывали природные, этнополитические и миграционные факторы, в том числе удобное географическое расположение Волжской Болгарии и Золотой Орды в эпицентре международных торговых путей, расцвет евразийской работорговли в IX–XI вв., европейской работорговли в конце XIV–XV вв. в связи с массовой смертностью в Европе после эпидемий, миграции различных народов и ряд других.

Изучение торговли Волжской Болгарии и Золотой Орды позволяет показать не только широту внутренних и внешнеэкономических связей этих

государств, но и разнообразие культур народов, воспринимавших иноземные новшества и творчески их адаптировавших. Трудно переоценить то значение, которое оказала торговля на развитие культуры народов региона. Именно торгово-экономические связи способствовали зарождению оригинальной культуры, процветавшей не только в период Средневековья и Новое время, но и нашедшей отражение в традиционной культуре современных народов Волго-Уралья: татар, мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей и русских.

Весьма важным направлением развития торгово-экономических отношений Булгарии стала торговля с огромным финно-угорским миром. Не всегда эти отношения носили характер торговых связей. Мы уверенно говорим об этнических взаимоотношениях, военных набегах и походах, в которые были втянуты различные местные племена, болгары и татары. Они находились на различных стадиях социально-экономического и политического развития, а это сказывалось на их взаимосвязях, в том числе и торговых. Сложившееся болгарское, а впоследствии золотоордынское ремесло обеспечивало огромный рынок сбыта ремесленных изделий на этой территории. Более того, в целях усиления притягательности и удовлетворения потребностей спроса болгарские ремесленники изготавливали изделия по этническим образцам финно-угров (Валеев, 2021, с. 174).

Среди нескольких территориальных направлений болгаро-татарской торговли – северном, северо-восточном, северо-западном, южном и западном – рассмотрим последнее, археологически выявленное в памятниках мордовской культуры, народа, проживавшего в Волго-Окско-Сурском междуречье.

В письменных источниках название «мордва» известно с VI в. в

сообщениях византийских авторов. Имеются сообщения о мордве и в «Повести временных лет» (Жиганов, 1976, с. 52;). Они обитали в районе бассейна рек Суры, Цны, Мокши, Теши и др. и граничили с Булгарией. Применительно к VIII – первой половине X вв. весьма сомнительно говорить о торговле болгар с мордовским населением. Хотя в материалах раскопанных мордовских могильников исследователи отмечают наличие изделий, характерных для ранних болгар (часть украшений, вооружение, предметы конского снаряжения) (Жиганов, 1976, с. 52–72).

В связи с быстрым развитием в Булгарии во второй половине X в. ремесленного производства начинается поиск рынков сбыта изделий. Е.П. Казаков отмечает, что во второй половине X – первой половине XI вв. в мордовских могильниках увеличивается количество болгарских ремесленных изделий (предметы поясного набора, накладки и др.), аналоги которых найдены на Семеновском и Измерском селищах и даже выявлены следы производства таких изделий (Казаков, 2007, с. 1). В X в. через Булгарию сюда поступали куфические дирхемы, в т. ч. монеты болгарской чеканки, которые использовались местным населением в качестве украшений. Так, в погребении № 427 Крюково-Кужновского могильника в составе ожерелья были найдены три пробитые болгарские монеты Мумина ибн Ахмада, чеканенные в Булгаре или Суваре в 566 г. х. (976–977 гг.) (Кропоткин, 1986, с. 44). Известны также клады у с. Нароватово (состоявший из 300 восточных монет), у с. Белый Омут на берегу р. Оки (33 целых и 24 обрезка серебряных монет X в.), у с. Знаменское Пензенской области. Восемь серебряных куфических дирхемов были обнаружены в Крюково-Кужновском могильнике, семь серебряных монет – в Лядинском, по одной – во

II Журавкинском и у пос. Красный Восток, шесть – в погребениях Шокшинского могильника (Финно-угры Поволжья..., 1999, с. 153–154). Основное количество монет – саманидского чекана, аббасидских встречено значительно меньше. То, что монеты обрезались, свидетельствует об их обращении в конце X в., поскольку обращение обрезков начинается с 70-х гг. X в. и широко распространяется в XI в. Через болгар на эту территорию попадали и другие предметы с Востока – серебряные сосуды, ткани и др. (Жиганов, 1976, с. 90). Интересно найденное в погребении 90 Лядинского могильника бронзовое ведро, в верхней части которого и на ручке сделана надпись на арабском языке с пожеланиями добра и благополучия хозяину сосуда. Авторы отнесли его к изделиям арабских ремесленников (Альбом..., 1941, с. 55; Финно-угры Поволжья..., 1999, с. 154).

На территории мордвы болгары также создавали торговые фактории. Это подтверждается письменными источниками. В.Н. Татищев сообщает о болгарской торговой фактории, существовавшей в устье р. Оки задолго до основания здесь Нижнего Новгорода (Татищев, 1774, с. 428). О стремлении ограничить влияние болгар и их торговлю с мордвой, в результате которой они получали значительную выгоду из-за разницы цен, говорит борьба русских с булгарами на рубеже XI–XII вв. Известно сообщение русских летописей о борьбе мордовских князей Пургаса и Пуреша, которые опирались в этой тяжбе на болгар и русских. Таким образом торговые связи болгар с мордвой, широко развернувшиеся во второй половине X в., несмотря на соперничество с русскими княжествами, существуют в течение всего домонгольского периода. Во всяком случае широкое распространение болгарских украшений, относящихся к XII–XV вв., довольно

четко это показывает (Жиганов, 1959, с. 187; Смирнов, 1952, с. 133–158).

После вхождения этой территории в состав Золотой Орды экономическое развитие и товарно-денежные отношения в мордовских землях значительно ускоряются, свидетельством чего является начало чекана джучидских монет при Узбеке (1312–1342 гг.) в г. Мохше и клады монет XIV–XV веков. Если в период правления Узбека в мордовских землях дирхемы г. Мохши в некоторых кладах составляли существенную долю (около 60%), то при Джанибеке (1342–1357 гг.) столичные и гюлистанские выпуски почти полностью вытесняют монеты местной чеканки, которые, кстати, в этот период перестают выпускаться (Федоров-Давыдов, 2003, с. 47). Кладов серебряных джучидских монет, относящихся к XIII в., здесь не найдено, зато кладов 1310–1380 гг. – 32, кладов 1310–1400 гг. – 5, кладов XV в. – 7, кладов, время закрытия которых неопределимо, – 19. Большинство монет в них относится к XIV в. (Федоров-Давыдов, 2003, с. 139–160).

Таким образом, в I половине XIV в. на этой территории, которая до этого не имела развитой системы товарно-денежных отношений, характерных для Волжской Булгарии домонгольского периода и Хорезма, широко распространяется денежное обращение. В кладах 1360–1370-х гг. в мордовских землях встречаются подражания и обрезанные дирхемы, так же как и на других территориях Золотой Орды и особенно в Булгарском регионе (Федоров-Давыдов, 2003, с. 52–53). В кладах 1310–1330 гг. найдены и монеты, чеканенные в г. Булгаре, а клады 1380–1400 гг. свидетельствуют о проникновении в мордовские земли дирхемов Азака, Крыма, Орды (Федоров-Давыдов, 2003, с. 48–49). Анализируя клад XV в. в мордовских землях, Г.А. Федоров-Давыдов выделяет в

них большой процент монет азакского, крымского и ордынского чекана и делает вывод о локальном денежном обращении по сравнению с остальной территорией Среднего Поволжья и в целом Золотой Орды. Это свидетельствует о том, как резко сузились территориальные границы действия ханского законодательства в денежном деле (Федоров-Давыдов, 2003, с. 57).

Торговые связи способствовали распространению технологических приёмов и навыков, и образование Волжской Булгарии, со сложившейся ремесленной структурой создало уникальный в своём роде механизм взаимодействия различных культурных элементов. Достаточно ясно мы можем проследить на примере такого археологического материала, как металлические котлы – явление, не характерное для материальной культуры народов региона до X в. (Руденко, 1997, с. 122–129). Их функция в основном сакрально-ритуальная. Самой ранней находкой X в. в регионе является погребение 111 II Старобадиковского могильника в Мордовии.

Быстрое насыщение рынка медными котлами произошло в XI в. и в начале XII в. достигло таких размеров, что мужские захоронения мордовских племён Притешья, так же как в Поволжье (древнемарийские) и на Чепце (древнеудмуртские могильники), сопровождались медными котелками, что во многом связано с активизацией ремесленного импорта и идеологическими представлениями финских народов. Именно в конце XI–XII вв. складываются региональные особенности производства и торговли медной посуды в Волго-Уралье и Камском регионе. Среди разных центров – приазовского, средневолжского (булгарский), чепецкого (удмуртский), ветлужского (марийский), вымско-чувсовского (пермский) выделяются Сурский, Тешский и Волжский (Валеев, 2012, с. 205–206).

Сурский тип котлов представлен фрагментами медных котелков с поселений. Некоторая их часть – это фрагменты сосудов «булгарского типа». Правда, ряд деталей котлов и фрагментов может быть отнесен к сосудам типа, найденного на Юловском городище (раскопки Г.Н. Белорыбкина). Производились такие сосуды на средневековых городищах пензенской группы и датируются домонгольским временем.

Тешский тип котлов – погребальная посуда (Красное, Личадаево и др.). Вместе с котлами этого типа встречаются котлы «булгарского типа» и датируются также домонгольским периодом. Интересно, что «русский тип» котлов, производимый в крупных и малых городах Руси и относимый к домонгольскому времени в Приочье, близок к тешскому.

Волжский тип котлов – погребальная посуда (Сарлейский, Гачинский могильники). Большая часть сосудов относится к золотоордынскому времени, и предполагаемым центром производства является город Мохши (Наровчат) (Валеев, 2012, с. 206–208).

Обработка цветных металлов была традиционной для деятельности финских ремесленников. Поэтому для поволжско-камских племён освоение выпуска медной посуды после её появления на рынке и в сакрально-бытовой сфере явилось только делом времени. В значительной степени свою роль здесь сыграла культурно-мифологическая (Руденко, 1997, с. 122–129) и магическая функция котла (Головнев, 1995, 600 с.) Всё это в совокупности позволяет понять феномен широкого распространения такого рода посуды у финно-угорских народов, а также активное предложение этого товара булгарами.

Характерными для золотоордынского времени были котлы из чугуна. Технологически они отливались в специальных формах, состоявших из

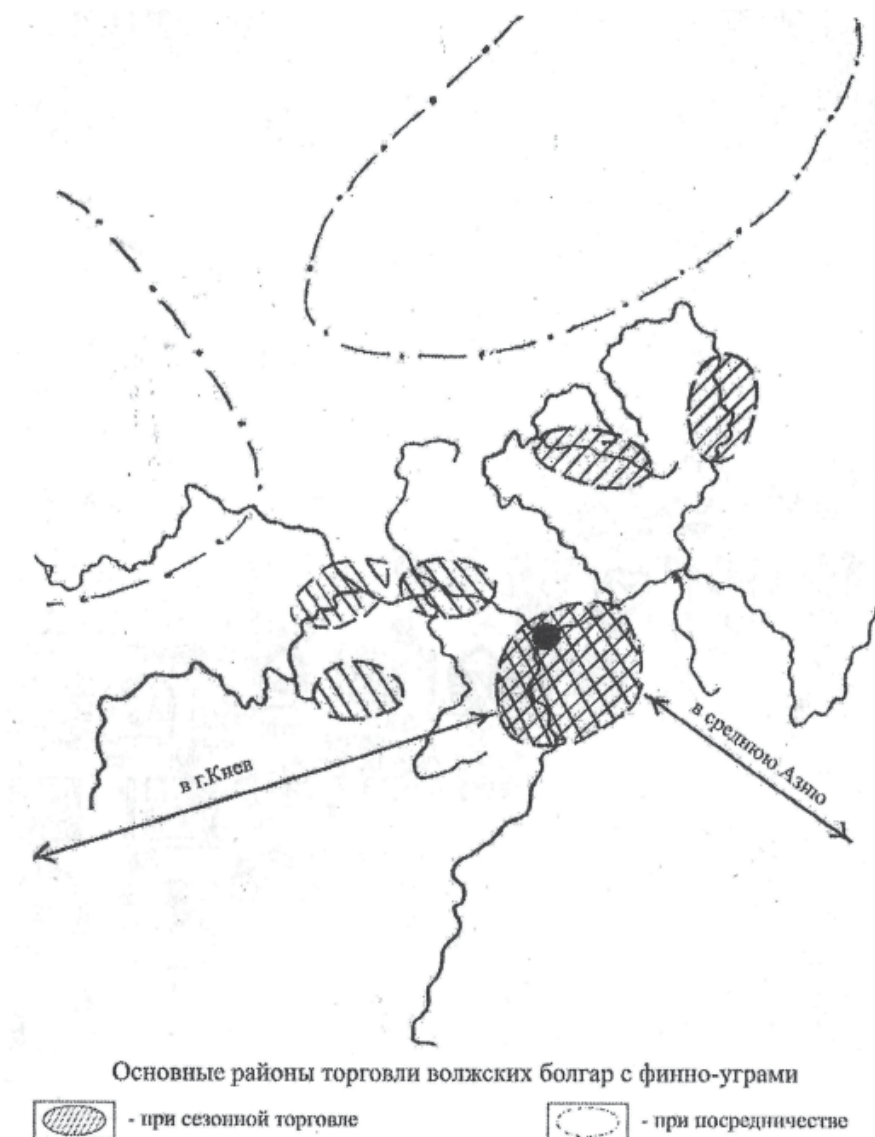

Рис. 1. Карта-схема основных районов торговли волжских болгар с финно-уграми
(по Е.П. Казакову)

Fig. 1. Schematic map of the main trade areas of the Volga Bulgars with the Finno-Ugrians
(according to E.P. Kazakov)

двух полуформ. Верхняя была трёх-составной. Котлы открытого профиля с дополнительно наклепанными моделями ручек из воска и установленным литником. Изготавливались такие сосуды в городских мастерских и с городских рынков продавались в ближайшем округе. Как видим, происходит быстрое усвоение производства новых форм изделий, медных предметов и прогрессивных технологий.

К сожалению, археологические материалы не дают возможности ответить на вопрос о цене за эти товары,

но они позволяют проследить основные «потoki» ремесленной продукции и сельского хозяйства в обмен на высокотехнологичную продукцию ремесленного производства и денег, в частности монет чекана Мохши, распространившихся в XIV в. в Мордовском Поволжье. В это время новые экономические отношения стимулировали развитие товарно-денежных отношений внутри Золотой Орды на территории Мордовии, и в продажу поступала самая разнообразная продукция, в первую очередь предметы

Рис. 2. Мордовские аналогии украшениям волжских болгар
(по В.А. Винничеку В.П. Лебедеву)

Fig. 2. Mordovian analogies to the decorations of the Volga Bulgars
(according to V.A. Vinnichek, VP. Lebedev)

повседневного спроса.

Развитию этих отношений способствовало и то, что мордва расселяется в пределах Золотой Орды. Ею осваиваются черноземные лесостепные районы к югу от основных районов её обитания XI – нач. XIII вв. Мор-

довские могильники и поселения известны на территории Татарстана, Ульяновского, Самарского и Саратовского Поволжья, мордовские украшения встречаются в столице Золотой Орды. По мнению Ю.А. Зеленева, мордовское податное крестьянство

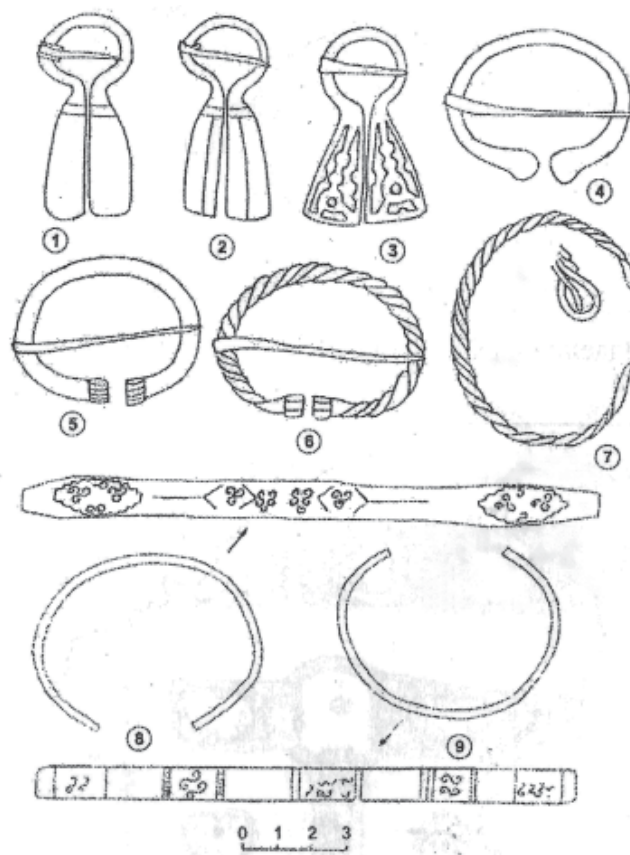

Рис. 3. Мордовские украшения XIV века, найденные на территории Волжской Болгарии (по Е.П. Казакову).

Fig. 3. Mordovian jewelry of the 14th century, found on the territory of Volga Bulgaria (according to E.P. Kazakov).

получило возможность, не подвергаясь опасности, осваивать пустующие земли. Возможно, что переселение осуществляли сами золотоордынские ханы, заинтересованные в увеличении доходов от зависимого мордовского населения (Зеленеев, 1995, с. 32–33).

Таким образом, начавшееся в X в. и активно развивающееся ремесло в Волжской Булгарии, требовавшее рынков сбыта, привело к достаточно упрочившимся контактам с мордвой, и в этом плане важными являются Волжский и Окский речные пути, а также известный по сообщениям Джейхани и Идриси сухопутный путь, соединяющий Булгар и Киев. По мнению Г.Н. Белорыбкина, этот путь проходил по территории Сурской

группы памятников в Пензенской области (Белорыбкин. 1986, с. 89–92) и, как предполагает Е.П. Казаков (Казаков, 2007, с. 81, рис. 1), пересекал южно-мордовские земли.

Мордовские аналоги изделиям волжских булгар определены В.А. Винничком и В.П. Лебедевым, и они свидетельствуют не только о распространении торговых контактов, но и восприятию ремесленных технологий (рис. 2). Массовое переселение мордовского населения на восток и появление их памятников как на правом, так и на левом берегу Волги в период Золотой Орды приводит и к межэтническим контактам, и к ещё большей унификации товарно-денежных отношений. Мордовские этнические изделия, относящиеся

к XIV в., найдены на территории Волжской Булгарии (рис. 3).

Итак, торговые контакты Волжской Булгарии с мордвой в X – нач. XV вв. характеризуются значительной эволюцией и нарастанием объемов взаимодействия, преемственностью и удовлетворением потребности в товарах и технологиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом древностей мордовского народа / Отв. ред.: Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск: Мордовский научно-исследовательский институт, 1941. 138 с.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Путь из Болгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. 1986. С. 89–97.
3. *Валеев Р.М.* Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху Средневековья. Основные тенденции и закономерности развития торговли и денежно-весовых систем Волжской Булгарии и Золотой Орды. Саарбрюкен, LAP, 2012. 477 с.
4. *Валеев Р.М.* Основные этапы развития торговых связей Волжской Булгарии и финноугров в период средневековья (VIII – нач. XV в.) // Вопросы истории. 2021. № 9. С. 173–178.
5. *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.
6. *Жиганов М.Ф.* Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей в XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 138–168.
7. *Жиганов М.Ф.* Память веков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. 136 с.
8. *Зеленева Ю.А.* Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.
9. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.
10. *Кропоткин В.В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 38–62.
11. *Руденко К.А.* Металлические котлы из археологических памятников Поволжья и Приуралья V–XIV вв. н.э. (Вопросы происхождения, использования и назначения) // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 122–129.
12. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
13. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.: Императорский Московский Университет, 1774. 530 с.
14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
15. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.

Информация об авторе:

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, вице-президент ИКОМОС России, заместитель директора по научной деятельности Института международных отношений КФУ, зав. кафедрой всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

TRADE CONTACTS OF VOLGA BOLGARIA WITH THE MORDVINS IN THE 10TH – BEGINNING OF THE 15TH CENTURY

R.M. Valeev

The author publishes the results of studies of trade contacts between the Volga Bulgars and Mordvins in the 10th – early 15th centuries. First of all, coin hoards are investigated, the number of coins found in burial grounds, as well as household items and inscriptions indicating the presence of trade contacts between the Bulgars, Tatars and Mordvins are analyzed. The findings of metal boilers and kettles among the Finno-Ugric peoples, primarily

the Mordvins, who performed a sacred function, and their place in trade are analyzed. In addition, some data from written monuments are given, for example, "Tale of Bygone Years". Based on these sources, a comprehensive analysis of the changes in trade contacts between the Bulgars and Mordvins during the times of Volga Bulgaria and the Golden Horde is carried out, data on their evolution, an increase in trade volumes and the reasons that led to this are given, a general description of the processes is given.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Golden Horde, medieval Volga region, the Mordvins, Bulgarian-Mordovian relations, medieval trade in the Volga region.

REFERENCES

1. In Got'e, Yu. V., Iakovlev, A. I. (eds.). 1941. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda (Album of Antiquities of the Mordovian People)*. Saransk: Mordovian Research Institute (in Russian).
2. Belorybkin, G. N. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 89–97 (in Russian).
3. Valeev, R. M. 2012. *Razvitie trgovli Povolzh'ya i Priural'ya v epokhu Srednevekov'ya. Osnovnye tendentsii i zakonomernosti razvitiya trgovli i denezhno-vesovykh sistem Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordy (Development of the trade between the Volga region and the Urals in the Middle Ages. The main trends and patterns of trade development and monetary systems of the Volga Bulgaria and the Golden Horde)*. Saarbrücken, LAP, 2012. 477 p.t
4. Valeev, R. M. 2021. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 9, 173–178 (in Russian).
5. Golovnev, A. V. 1995. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov (Talking cultures: Samoyed and Ugrians traditions)*. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
6. Zhiganov, M. F. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 138–168 (in Russian).
7. Zhiganov, M. F. 1976. *Pamiat' vekov (Memory of Ages)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
8. Zelenev, Yu. A. 1995. *Otchet o raskopkakh Tsarevskogo gorodishcha v Leninskom rayone Volgogradskoy oblasti za 1995 god (Report on the excavations of the Tsaryov settlement in the Leninsk district of the Volgograd region for 1995)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 19213 (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
10. Kropotkin, V. V. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–62 (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 1997. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* (2), 122–129 (in Russian).
12. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
13. Tatishchev, V. N. 1774. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 3 Moscow: "Imperial Moscow University" Publ. (in Russian).
14. Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
15. In Ivanova, M. G. (ed.). 1999. *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions during the Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute (in Russian).

About the Author:

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Vice-President of Russian National Committee of ICOMOS. Deputy Director of International Relations Institute. Kazan Federal University. Kremlevskaya str., 18, Kazan, 420018, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.72.86>

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ОГРАДКИ СЕМИРЕЧЬЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ¹

© 2023 г. Г.В. Кубарев, А. Нускабай

В статье впервые вводятся в научный оборот и всесторонне интерпретируются данные о раскопанных поминальных оградках эпохи раннего Средневековья на территории Семиречья – юго-восточной части Казахстана. Два рассматриваемых поминальных комплекса Каракыстак 18 и Улькен Какпак существенным образом дополняют корпус подобных исследованных памятников Семиречья. Предпринят анализ как конструктивных особенностей самих сооружений, так и сопроводительного инвентаря. Находки фрагментов керамики от трёх разных сосудов у оградки № 2 памятника Улькен Какпак могут свидетельствовать о преднамеренной их порче после совершения обряда поминовения в честь умершего. На основе сопоставления с подобными же археологическими объектами на территории Саяно-Алтая и Монголии делается предположение о датировке семиреченских поминальных оградок VIII–X вв. Авторы пришли к выводу о том, что поминальные оградки на территории Семиречья отличаются значительно меньшим разнообразием конструктивных особенностей, чем подобные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии. Мемориальные комплексы в Каракыстаке и Улькен Какпаке могли быть возведены как тюрками «десятистрельного» Западнотюркского каганата, так и, что более вероятно, тюргешами или карлуками.

Ключевые слова: археология, поминальная оградка, эпоха раннего Средневековья, Семиречье, фрагменты керамической посуды, тюркоязычные кочевники, племенная принадлежность.

Введение

Как показали архивные изыскания, наиболее корректным определением «Семиречья» можно считать «юго-восточную часть Казахстана, находящуюся между озёрами Балхаш, Сасыкколь и Алыколь на севере, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке и хребтами Северного Тянь-Шаня на юге. ...В состав Семиречья часто включают более западные районы вплоть до долины р. Чу. ...Часть Чуйской долины, входящей в расширенное толкование Семиречья, находится в Кыргызстане» (Рогожинский, 2021, с. 169). Этот регион имел большое значение в различные исторические периоды, и в том числе в эпоху раннего Средневековья. Через него проходили торговые и миграционные пути как с востока на запад, так и с запада на восток. Во второй

половине I тыс. н. э. он являлся одним из центров Западнотюркского, Тюргешского, Карлукского каганатов, через него проходила экспансия тюркоязычных племен далеко на запад. История Семиречья была неразрывно связана с прилегающими с юга территориями Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля. Поэтому сравнительный анализ раннесредневековых поминальных памятников Семиречья и Центрального Тянь-Шаня является важной и неотъемлемой частью нашего исследования.

Каменные изваяния, возвышающиеся в степных и горно-степных ландшафтах Семиречья, неизменно привлекали внимание путешественников и ученых. Среди первых исследователей этого региона конца XIX – начала XX веков, обративших своё внимание на «каменных баб», можно упомя-

¹ Статья написана Г.В. Кубаревым в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи», А. Нускабай – по программе докторантуры при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, РК.

■ - раннесредневековые поминальные оградки

Рис. 1. Месторасположение исследованных мемориальных комплексов Каракыстак 18 и Улькен Какпак.

Fig. 1. Location of the studied memorial assemblages of Karakystak 18 and Ulken Kakpak.

нуть А.А. Спицина, Н.Н. Пантусова, В.В. Бартольда, И.А. Кастанье, Н.И. Веселовского и многих других. Они описывали раннесредневековые изваяния, зарисовывали или фотографировали их, высказывали предположения об их датировке и племенной принадлежности. Уже в советское время каменим изваяниям Семиречья посвятил книгу Я.А. Шер (1966). Исследователи отмечали, что активное хозяйственное освоение земель привело к тому, что изваяния были перемещены в музеи, что затрудняет или делает невозможным установление как мест

их первоначальной установки, так и изучение сопровождающих их объектов – поминальных оградок (Шер, 1966, с. 8; Чариков, 1980, с. 213).

Таким образом, раннесредневековые мемориальные комплексы Семиречья по разным причинам практически не становились объектом целенаправленного изучения. В пример можно привести лишь несколько подобных исследованных памятников: оградки в могильнике Актерек (Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 139, 142) и Иссык (Григорьев, Загородний, 1995; Загородний,

Григорьев, 1998, с. 121–122, рис. 2, 3; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 139, 142) в Алматинской области, оградки в урочище Момбай-сазы (Мотов, 2001), Жайсан и Аралтобе (Досымбаева, 2006, с. 25–29, рис. 26) в Жамбылской области, мемориальный комплекс Когалы в Чу-Илийском междуречье (Рогожинский, 2010, с. 335–342, рис. 5–8). Для сравнения можно указать на то, что на сегодняшний день только на территории Российского Алтая раскопано более 320 поминальных оградок. Количество подобных неисследованных объектов в этом регионе не поддается точному подсчету – их число исчисляется сотнями. Именно поэтому ввод в научный оборот новых, исследованных поминальных оградок Семиречья имеет большое научное значение.

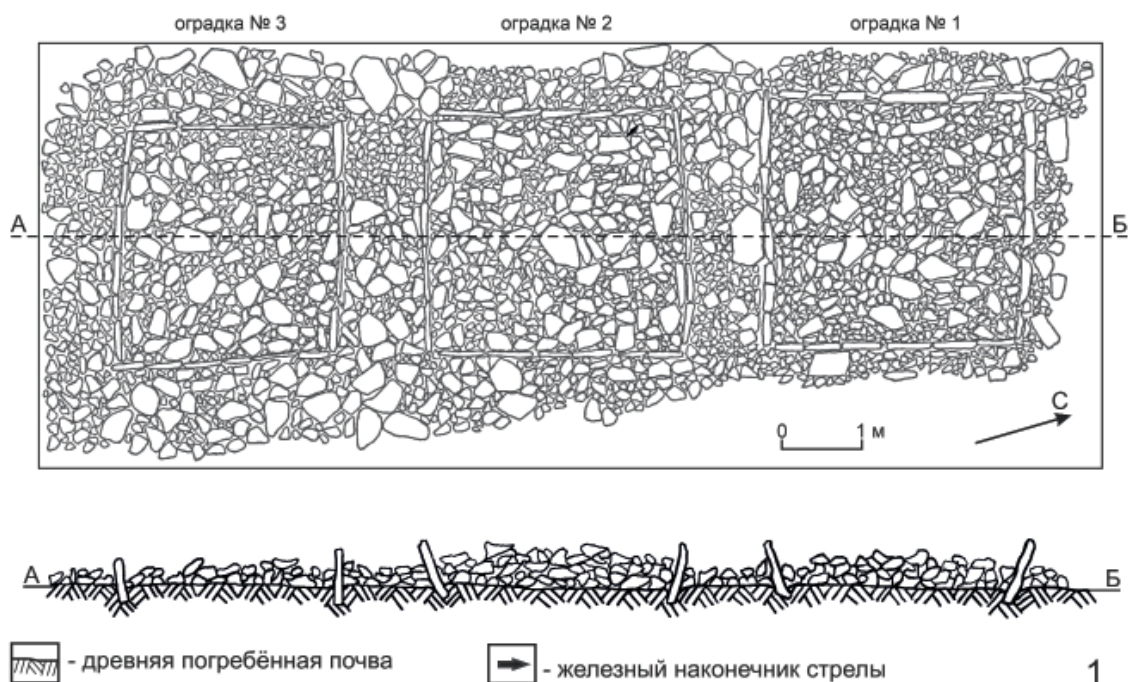
Описание исследованных памятников

Каракыстак 18. В полевом сезоне 2009 года были исследованы три раннесредневековых поминальных сооружения в составе археологического комплекса Каракыстак 18 примерно в 77 км к юго-западу от с. Мерке Меркинского района Жамбылской области (рис. 1). Они находятся в урочище Каракыстак², на правом берегу одноимённой реки. Комплекс состоит из одного кургана и трёх близко расположенных друг к другу поминальных оградок. Последние представляют собой прямоугольные сооружения, выстроенные в ряд почти строго по линии С–Ю. Перед началом раскопок они были практически полностью задернованы, на поверхности различались лишь отдельные плиты оградок и камни заполнения. Все три археологических объекта исследованы одним раскопом, размерами 13,5×5,5 м, с целью изучения прилегающего к ним пространства (рис. 2). У всех трёх оградок в процессе раскопок не были зафиксированы какие-либо изваяния или стелы.

Оградка № 1 является крайним северным сооружением в цепочке этих объектов (рис. 2). Она ориентирована сторонами по странам света с небольшим отклонением к востоку и западу, её размеры: 3,25×3,35 м. Сооружение воздвигнуто из массивных каменных плит, поставленных на ребро и вкопанных на глубину 10–15 см. Средние размеры каменных плит ограждения составляли 0,7–1×0,5×0,2 м. Внутри конструкция имела каменное заполнение из крупных и среднего размера валунов в два-три слоя, высотой 0,35–0,4 м. В пространстве в 30–40 см, примыкающем к оградке, также были зачищены валуны, вероятно ещё в древности перемещённые из её заполнения. Зачистка и разборка каменной кладки не выявила каких-либо дополнительных сооружений, прокалов и артефактов.

Оградка № 2 расположена на расстоянии 1 м к югу от оградки № 1 (рис. 2). Её конструктивные особенности близки к уже рассмотренному объекту. Размеры составляют 3,5×3,25 м, высота плит ограды и каменного заполнения – 0,35–0,4 м. Она сложена из массивных каменных плит, поставленных на ребро и вкопанных на глубину 10–15 см. Подобно оградке № 1 это сооружение также имело каменное заполнение из валунов, частично перемещённое, вероятно, еще в древности за пределы всех четырех сторон. В процессе раскопок в северо-западном углу, на глубине 20 см от дневной поверхности, найден трёхлопастной железный наконечник стрелы (рис. 2: 1; 3).

Оградка 3 расположена на расстоянии около 1 м к югу от оградки № 2 (рис. 2). Размеры составляют 3×3,15 м, высота плит ограды и каменного заполнения – 0,35–0,4 м. Её конструктивные особенности близки к уже двум другим рассмотренным объектам. Она сложена из таких же массивных каменных плит,

2

Рис. 2. План поминальных оградок (1) и общий вид на них с востока (2) памятника Каракыстак 18.

Fig. 2. Plan of the memorial enclosures (1) and the general view of them from the east (2). Karakystak 18.

поставленных на ребро и вкопанных на глубину 10–15 см. Подобно первым двум оградкам это сооружение также имело каменное заполнение из валунов, частично перемещенное за пределы всех четырех сторон. За-

чистка и разборка каменной кладки не выявила каких-либо дополнительных сооружений, прокалов и артефактов.

Улькен Какпак. В полевом сезоне 2015 года проведены археологиче-

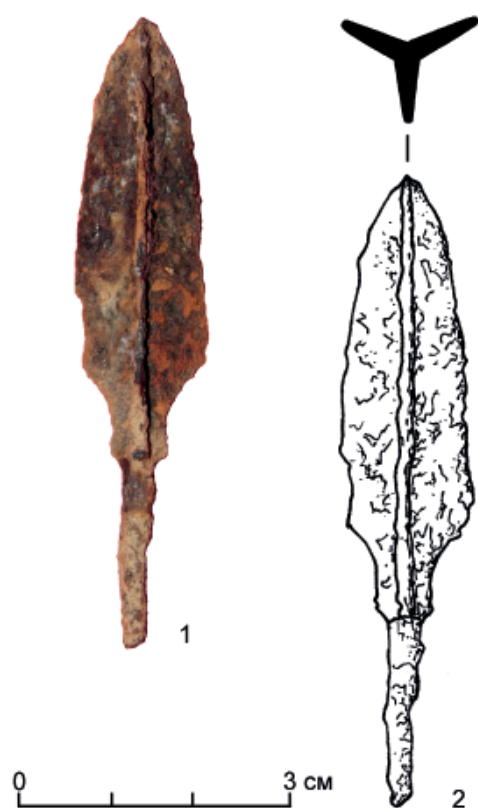

Рис. 3. Фото (1) и прорисовка (2) железного трехлопастного наконечника стрелы из оградки № 2 памятника Каракыстак 18.

Fig. 3. Photo (1) and drawing (2) of iron three-blade arrowhead from enclosure No. 2 of Karakystak 18.

ские раскопки двух поминальных раннесредневековых оградок в *жайлауе* (пастбище – казах.) Улькен Какпак³. Поминальные оградки и курганы находятся на надпойменной террасе левого берега реки Улькен Какпак, в 9 км к югу от села Какпак Райымбекского района Алматинской области (рис. 1). К югу от оградок, возведенных в ряд по линии В–З, на расстоянии 15 м зафиксировано четыре бессистемно расположенных кургана диаметром 6–8 м.

До начала раскопок оградки представляли собой практически полностью задернованные сооружения с отдельными выступающими камнями, в том числе стенками и стелами. Восточная поминальная оград-

ка была обозначена как объект № 1, западная – объект № 2. Оба сооружения, плотно прилегающие друг к другу, исследованы единым раскопом размерами 10×7 м.

Оградка № 1 представляет собой прямоугольное сооружение из вертикально вкопанных плит с каменным заполнением внутри и снаружи (рис. 4; 5: 1). Она ориентирована сторонами по странам света с небольшим отклонением по линии С–Ю, её размеры составляют 3,3×3,8 м. Сооружена из массивных каменных плит, поставленных на ребро и вкопанных на глубину 10–15 см. Средние размеры каменных плит ограждения составляли 0,8×0,4×0,1 м.

С наружной стороны северной стенки поминальной оградки зафиксирована вертикально установленная стела (рис. 6: 1). Она возвышается над уровнем дневной поверхности на высоту 0,5 м, а её общие размеры составляют 1×0,3×0,2 м. Верх стелы был специально обработан в форме острого навершия. Любопытно, что на эти плоскости нанесены многочисленные прорезанные или шлифованные полосы (рис. 6: 2), имитирующие волосы (?).

Внутри конструкция имела каменное заполнение из крупных и среднего размера валунов в два-три слоя высотой 0,35–0,4 м. В пространстве до 1 м, примыкающем к оградке, также зафиксированы валуны, вероятно ещё в древности перемещенные из её заполнения. В каменной кладке центральной части оградки были зачищены фрагменты тазовых костей крупного рогатого скота.

Оградка № 2 расположена с западной стороны вплотную к оградке № 1. Она представляет собой прямоугольное сооружение из вертикально вкопанных плит с каменным заполнением внутри и снаружи (рис. 4, 5). Конструкция ориентирована сторонами по странам света с небольшим

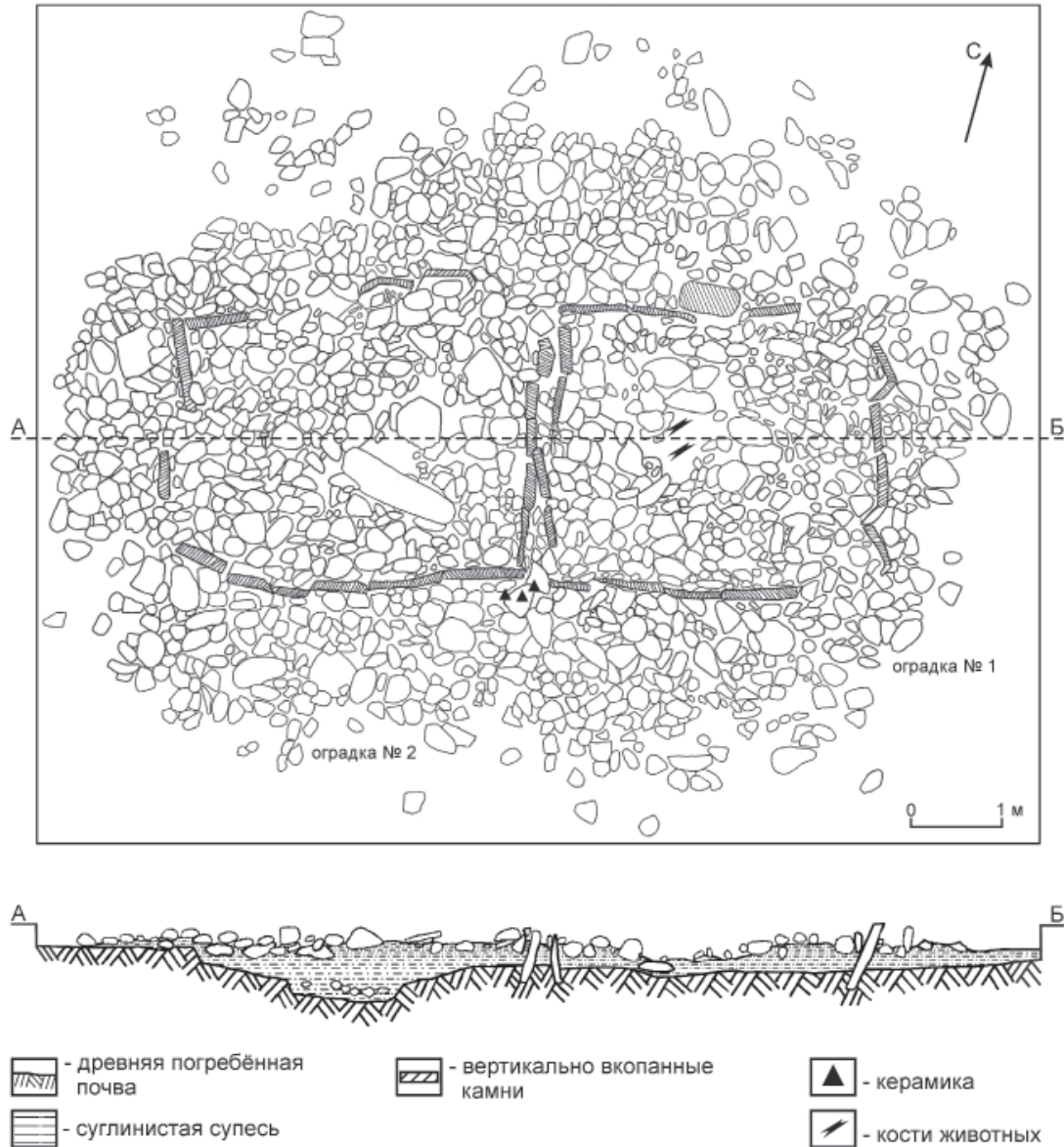

Рис. 4. План поминальных оградок памятника Улькен Какпак.

Fig. 4. Plan of memorial enclosures of Ulken Какпак.

отклонением по линии С–Ю, её размеры составляют 3,5×4 м. Средние размеры каменных плит ограждения 0,8–1×0,5×0,15 м. Оградка имела каменное заполнение из крупных и среднего размера валунов в два-три слоя высотой 0,35–0,4 м.

В юго-восточной части поминальной оградки сверху на каменном заполнении была зачищена каменная стела, выкопанная и перемещенная со своего первоначального места установки – с внешней стороны северной стенки сооружения. Её размеры со-

ставляют 1,4×0,4×0,35 м. В результате зачистки с внешней стороны юго-восточного угла оградки обнаружены фрагменты керамической посуды (рис. 7).

После выборки заполнения на уровне древней поверхности была зафиксирована каменная кладка длиной 1,2 м и шириной 0,5 м, ориентированная длинной осью по линии С–Ю (рис. 5: 2). Предположение о том, что под ней могла находиться могильная яма, в ходе дальнейших раскопок не подтвердилось.

1

2

Рис. 5. Общий вид с севера на зачищенные оградки (1) и вид с запада на оградку № 2 с выбранным внутренним заполнением и кладкой в центре (2). Улькен Какпак.

Fig. 5. General view from the north to the enclosures (1) and view from the west of the enclosure No. 2 with disassembled inner filling and masonry in the center (2). Ulken Kakpak.

Анализ сопроводительного инвентаря

В оградке № 2 памятника Каракыстак 18 был обнаружен железный трехлопастный наконечник стрелы (рис. 3), который по своей форме отно-

сится к типу удлиненно-треугольных наконечников эпохи раннего Средневековья. Длина его пера составляет 4,6 см, ширина – 1,3 см, длина черешка 2 см. Наконечники такого типа принадлежали к числу наиболее рас-

Рис. 6. Стела, замещающая изваяние, у оградки № 1 (1) и вид сверху на нее (2). Улькен Какпак.

Fig. 6. Stele replacing the sculpture at enclosure No. 1 (1) and top view of it (2). Ulken Kakpak.

пространённых в течение всей второй половины I тыс. н. э. (Кубарев, 2005, с. 85, рис. 25, 6–8). Наконечники стрел являются категорией предметов, которые часто жертвовали и помещали в раннесредневековые поминальные оградки. Можно привести несколько примеров нахождения наконечников стрел в мемориалах Семиречья – Жайсан 14 (Досымбаева, 2006, с. 29, рис. 9, б), Момбай-сазы (Мотов, 2001, с. 145, 147, 148), Актерек (Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2004, с. 139).

Фрагменты керамической посуды из поминальной оградки № 2 памятника Улькен Какпак (16 экз.) изучены Ж.С. Калиевой в лаборатории первичной обработки археологических материалов Национального музея Республики Казахстан (г. Астана). Исследование включало в себя фотосъемку фрагментов, обработку фотоматериала, макрофотосъемку через микроскоп следов, связанных с конструированием и обработкой поверхности, оценку особенностей

исходного пластичного сырья, т. е. технико-технологическое изучение керамики по методике, разработанной А.А. Бобринским и основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978).

На основе визуального осмотра и бинокулярной микроскопии были отобраны и зафиксированы образцы с сохранившимися следами формовки и обработки поверхности, а также спаи лент при конструировании полого тела. С учетом выявленных особенностей удалось установить, что найденные фрагменты керамики принадлежали трём разным сосудам. От первого сосуда сохранились два фрагмента размерами от 2 до 6 см, толщиной стенки 7–8 мм (рис. 7: 1–3). В качестве сырья была использована плотная илистая глина, а также окатанный кварц плотностью 1–2 мм, полированные органическими масляными смесями. Поверхность сосуда покрыта тонкой соляной оболочкой. Орнамент отсутствует, об-

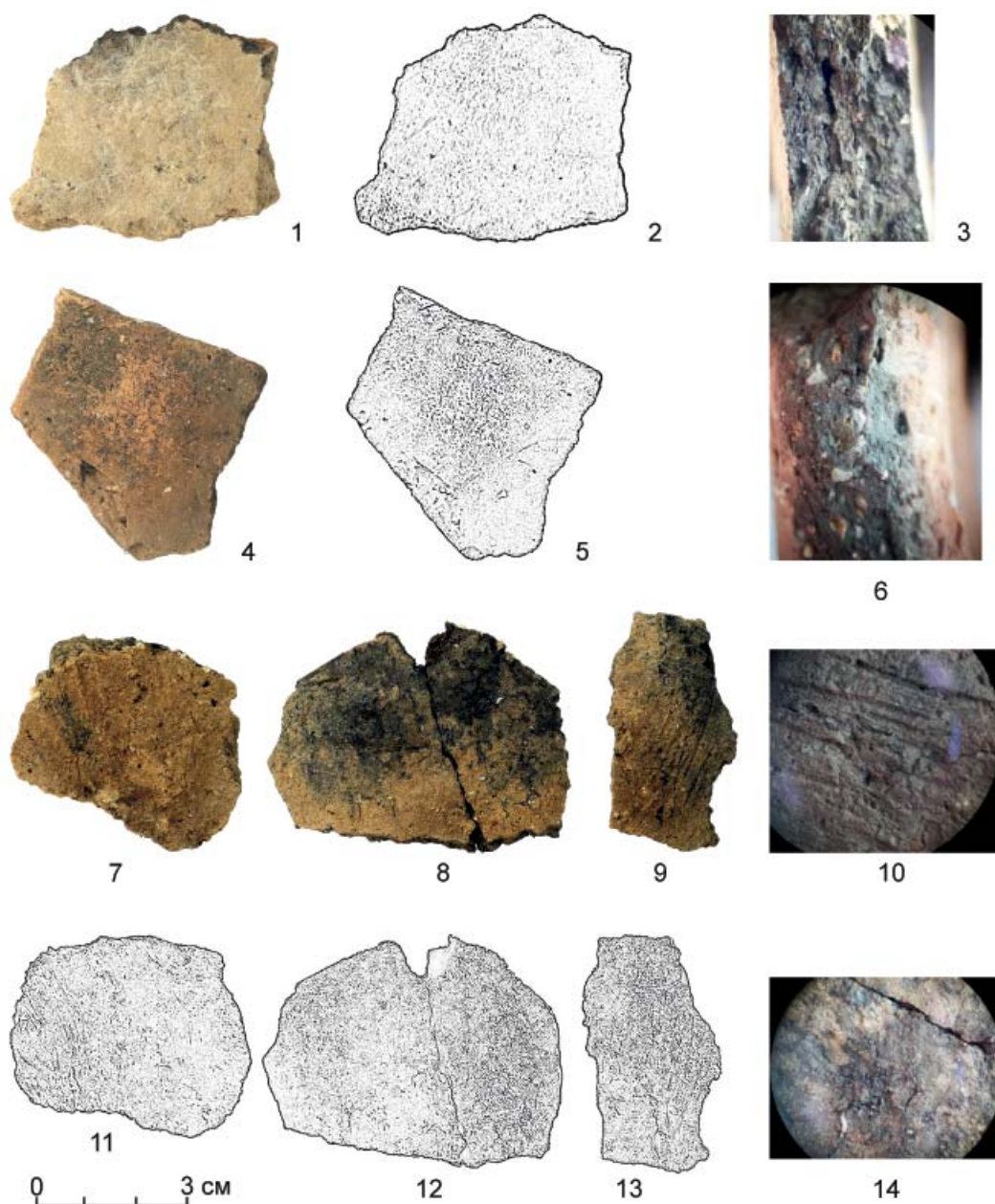

Рис. 7. Фрагменты керамики от трёх сосудов, обнаруженные близ оградки № 2 памятника Улькен Какпак.

Fig. 7. Ceramic fragments from three vessels found near fence No. 2 of Ulken Kakpak.

жиг костровой, в восстановительной атмосфере.

Второму сосуду принадлежат два фрагмента керамики размерами от 4 до 6 см, толщиной стенки 1 см (рис. 7: 4–6). Состав формовочной массы: глина, кварц окатанный плотностью 1–2 мм, слюда 0,1–0,2 мм, органические вещества, выгоревшие аморфные пустоты 2–3 мм. Поверхность сосуда заглажена твердым пред-

метом. Орнамент отсутствует, обжиг костровой, нейтральный, цвет в изломе темно-серый, по краям коричневый.

Третий сосуд представлен оставшимися двенадцатью фрагментами керамики размерами от 2 до 6 см, толщиной 5–6 мм (рис. 7: 7–14). Состав формовочной массы: глина с содержанием окатанного кварца плотностью 1–2 мм, органические вещества, вы-

горевшие аморфные пустоты 2–3 мм. Поверхность заглажена пучком травы – встречаются следы травянистых бороздок (рис. 7: 7–10), также на поверхности отмечаются следы нагара. Орнамент отсутствует, обжиг костровой, в восстановительной атмосфере.

Находки керамических сосудов, а также их фрагментов в раннесредневековых поминальных оградках не являются редкостью как на территории Семиречья (Табалдиев, 1996, с. 73–75; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 82, 87), так и, например, Алтая (Кубарев, 1984, рис. 12, 5; табл. XXX, 4). Жертвенный сосуд (керамический, деревянный, железный, серебряный или золотой) часто фиксируется вкопанным перед изваянием либо в составе других предметов жертвенника и являлся важным и неотъемлемым атрибутом поминального обряда тюркоязычных племен эпохи раннего Средневековья. Следует согласиться с предположением К.Ш. Табалдиева о том, что находки фрагментов керамики, а не целых изделий могут свидетельствовать о преднамеренной порче сосуда после совершения обряда поминовения в честь умершего (Табалдиев, 1996, с. 75). Особенно убедительным этот вывод выглядит на примере совместного обнаружения фрагментов от трёх разных сосудов у оградки № 2 памятника Улькен Какпак.

Несмотря на то, что по рассматриваемым фрагментам керамики из Улькен Какпака мы не можем судить о форме сосудов, такие её черты, как некоторая примитивность (лепная техника изготовления, неаккуратность формовки, грубость формовочной массы и т. д.), свидетельствуют о том, что раннесредневековый керамический комплекс Семиречья входил в число родственных керамических комплексов тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии (Кубарев, Журавлева, 1998,

с. 29; Кубарев, 2005, с. 66). В этом отношении скорее исключением выступают фрагменты керамики от сосуда, изготовленного на гончарном круге из хорошо отмученного теста без примесей, найденные в жертвеннике оградки № 6 могильника Иссык (Загородний, Григорьев, 1998, с. 118). Вероятно, это пример использования пришлыми тюркоязычными кочевниками керамических сосудов, изготовленных оседлым среднеазиатским населением.

Исследованные поминальные оградки в урочищах Каракыстак и Улькен Какпак подтверждают статистику изучения подобных объектов на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, согласно которой подавляющее их большинство (около 70%) не содержат каких-либо артефактов. Зачастую находки представлены единичными предметами (как, например, наконечниками стрел в оградке № 2 памятника Каракыстак 18 и оградке Момбай-сазы) и значительно реже – целым комплексом вещей (нож, отдельные панцирные пластины, сосуд, удила и пр.).

Особенности исследованных оградок, их датировка и возможная племенная принадлежность

Исследованные мемориальные оградки на памятниках Каракыстак 18 и Улькен Какпак, к сожалению, не содержат узко датированных артефактов и каких-либо характерных конструктивных признаков и могут быть датированы в широких пределах второй половины I тыс. н. э. Ориентация стенок сооружений обоих рассматриваемых памятников, отсутствие изваяний на мемориале Каракыстак 18, наличие стел у объектов памятника Улькен Какпак находят многочисленные аналогии в Саяно-Алтае и Монголии. Однако установка стел у северной стенки оградок в Улькен Какпаке, несомненно, представляет собой местную особенность. Сооружение стел, которые

могли быть раскрашены или одеты в одежду и символизировать умерших, также нельзя рассматривать как датирующий признак. Подобные стелы, по-видимому, могли устанавливаться в течение всей древнетюркской эпохи. Если предположение К.Ш. Табалдиева о том, что наиболее ранними (VI–VII вв.) на территории Тянь-Шаня являются оградки, с восточной стороны которых установлены изваяния или стелы (Табалдиев, 1996, с. 81), верно, то рассматриваемые поминальные сооружения должны относиться к VIII–X вв. Исследователь рассматривал восточную ориентировку изваяний и стел, а также наличие рядов балбалов, отходящих на восток, как сохранение алтайских традиций, а установку изваяний с западной стороны (к этому можно причислить и северную сторону) и отсутствие балбалов относил к VIII–X вв. (Табалдиев, 1996, с. 81).

В целом количество как зафиксированных, так и раскопанных поминальных оградок на территории Семиречья и Тянь-Шаня в несколько раз уступает количеству подобных объектов на территории одного из самых изученных регионов Южной Сибири – Российского Алтая. Объяснением этому может быть как совместное проживание и значительная пестрота разных тюркоязычных племен Средней Азии, которая отразилась в большом многообразии скульптурных изображений, не все из которых могли устанавливаться у поминальных оградок, так и в более интенсивной хозяйственной деятельности в этом регионе, перемещении изваяний со своих первоначальных мест установки.

У исследованных семиреченских и тянь-шаньских поминальных оградок в отличие от саяно-алтайских и монгольских крайне редки или неизвестны ряды балбалов, центральная столбовая, а также угловые ямы с остатками деревянных стволов или

жердей, вымостка дна из горизонтально уложенных плит, наличие жертвенников из ямок с каменными или деревянными ящичками, прокалов от огня. Таким образом, можно констатировать, что поминальные оградки на территории Семиречья отличаются значительно меньшим разнообразием конструктивных особенностей, чем подобные сооружения в Саяно-Алтае и Монголии. Именно поэтому типология, предложенная для поминальных раннесредневековых сооружений Алтая, не в полной мере подходит для характеристики семиреченских оградок.

Тем не менее характерные особенности исследованных объектов в Каракыстаке и Улькен Какпаке (размеры, количество плит ограждения, взаиморасположение) сближают их с поминальными сооружениями яконурского типа на Алтае (Кубарев, 1979, с. 149–150). В пользу этого также свидетельствует обычное расположение яконурских оградок в ряд по линии С–Ю, как правило по 3–4 оградки, а также мощное внутреннее заполнение из валунов. В.Д. Кубарев по наличию сопроводительного инвентаря датировал оградки яконурского типа VII–X вв. (1979, с. 156).

Определенные элементы поминальных конструкций могли в каких-то случаях заменяться на подобные, но выполненные из другого материала. Так, например, если в центре алтайских поминальных оградок довольно часто фиксируются следы вкопанного в яму деревянного ствола, то в семиреченских нередко наблюдаются вкопанные в центре каменные стелы (Мотов, 2001, с. 145; Досымбаева, 2006, с. 29, рис. 10–11). По-видимому, и те и другие символизировали важный элемент поминального сооружения – мировое дерево в центре оградки. Но при отсутствии поблизости леса, деревянные столбы могли быть заменены на каменные стелы.

Разрушение оградок, перемещение и раскалывание стел и изваяний ещё в древности, которое фиксируется на примере исследованных объектов в Каракыстаке и Улькен Какпаке, является очень распространенным явлением на территории Саяно-Алтая, а также Центральной и Средней Азии. В Семиречье такие примеры разрушения и осквернения ритуальных оградок пришлым, враждебным населением зафиксированы в раннесредневековых мемориальных комплексах Момбай-сазы (Мотов, 2001, с. 145), Жайсан, Аралтобе (Досымбаева, 2006, рис. 9, 2), Когалы (Рогожинский, 2010, с. 341) и др.

Что касается возможной этнической или племенной принадлежности исследованных памятников, то стоит воздержаться от их исключительно «тюркской» принадлежности, к которой обычно приписывают все погребения с конем и ритуальные оградки с изваяниями. Хотя бы потому, что племенная принадлежность таких памятников собственно на Алтае, откуда, как считается, они распространились в Семиречье и на Тянь-Шане в VI–VII вв. (Табалдиев, 1996, с. 81), остается дискуссионной. Один из авторов данной статьи на основе анализа письменных источников и сопоставления определенной разновидности тамг пришел к выводу о принадлежности таких памятников на Алтае карлукам (Кубарев, 2021). По-видимому, поминальные и погребальные традиции многочисленных тюркоязычных племен, упомянутых в китайских, арабских и других письменных источниках, были весьма близки друг другу. Мемориальные комплексы в Каракыстаке и Улькен Какпаке могли быть оставлены как тюрками «десятистрельного» Запад-

нотюркского каганата, так, что более вероятно, и тюргешами или карлуками (начиная со второй половины VIII века). Так, например, согласно персидскому географическому сочинению конца X века *Худуд ал-'алам* («Границы мира»), область проживания карлукских племен во второй половине VIII – X вв. простиралась на востоке до озера Иссык-Куль, а на западе – до селений Кулан и Мирки, названия и, надо полагать, расположение которых сохранилось до сих пор. Поселение Мирки являлось карлукским (Материалы, 1973, с. 42–43), и не вызывает никаких сомнений его идентификация с современным поселением Мерке, к которому достаточно близко расположен памятник Каракыстак.

Заключение

Представляемые в нашей статье раннесредневековые поминальные сооружения дополняют корпус подобных исследованных памятников Семиречья. Дальнейшие раскопки и введение в научный оборот, картирование поминальных оградок и изваяний эпохи раннего Средневековья на территории Семиречья, их датировка естественно-научными методами, сравнительный анализ с подобными ритуальными объектами Саяно-Алтая, Восточного Туркестана, Монголии являются актуальными исследовательскими задачами. Их решение совместно с другими данными (информацией по погребальным памятникам, ареалом тех или иных тамгообразных знаков и пр.) позволит более обоснованно судить о племенной принадлежности тюркоязычных кочевников, оставивших те или иные памятники, их миграции и контактах с соседними и весьма удаленными регионами.

Благодарности

Авторы статьи благодарят научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Маргулана Ж.С. Калиеву за проведенный технико-технологический

анализ керамических фрагментов из поминальной оградки № 2 памятника Улькен Какпак и за право опубликовать его краткие результаты.

Примечания

² В переводе с казахского языка – «Черная зимовка». Вероятно, это урочище получило название из-за своего расположения на южном склоне горы, на котором зимой не задерживается снег.

³ В переводе с казахского языка – «Большая крышка». Вероятно, урочище получило название из-за формы горы, напоминающей крышку (?).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Григорьев Ф.П., Загородний А.С.* Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: АКИПРО, 1995. С. 176–181.
3. *Досымбаева А.М.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
4. *Загородний А.С., Григорьев Ф.П.* Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы–Москва: Ылым, 1998. С. 117–123.
5. *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160.
6. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
7. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
8. *Кубарев Г.В.* Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д.Г. Савинова. / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 305–323.
9. *Кубарев Г.В., Журавлева А.Д.* Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 25–31.
10. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I / Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, 1973. 280 с.
11. *Мотов Ю.А.* Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-сазы // История и археология Семиречья. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы: Родничок, 2001. С. 142–149.
12. *Рогожинский А.Е.* Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: матер. междунар. научн. конф. (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.) / Ред. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. Алматы: Print-S, 2010. С. 329–344.
13. *Рогожинский А.Е.* От «Жетысу» до «Семиречья»: рождение и трансформация значений // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 160–170.
14. *Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.* Древности Алматы. Алматы: КазИздат КТ, 2005. 184 с.
15. *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
16. *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.
17. *Чариков А.А.* Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
18. *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 138 с.

Информация об авторах:

Кубарев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); gvkubarev@gmail.com

Нускабай Абдинур, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан); abdinur82@mail.ru

EARLY MEDIEVAL MEMORIAL ENCLOSURES IN SEMIRECHYE: NEW DATA

G.V. Kubarev, A. Nuskabay

This article for the first time reproduces and comprehensively interprets the data of excavated memorial enclosures of the early Middle Ages on the territory of Semirechye – southeastern part of Kazakhstan. Two memorial complexes of Karakystak 18 and Ulken Kakpak essentially complement the corpus of similar excavated monuments of Semirechye. The analysis of both constructive features of the memorial monuments and accompanying inventory is undertaken. Finds of ceramic fragments from three different vessels near the enclosure No. 2 of Ulken Kakpak may indicate intentional damage of vessels after the memorial ritual in honor of the deceased. Using the comparative study with similar archaeological objects from the territory of Sayan-Altai and Mongolia we assume the dating of these memorial enclosures in Semirechye in 8th–10th centuries. The authors concluded that the memorial enclosures on the territory of Semirechye have a much smaller variety of constructive features than similar objects in South Siberia and Central Asia. The memorial complexes in Karakystak and Ulken Kakpak could have been created both by the Turks of the "ten arrow's" Western Turkic Qaghanate and more probably by the Turgesh or Karluks.

Keywords: archaeology, memorial enclosure, Early Middle Ages, Semirechye, fragments of pottery, Turkic-speaking nomads, tribal identity.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Grigor'ev, F. P., Zagorodniy, A. S. 1995. In Umanskii, A. P. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altayskogo kraia. Vyp. V. Ch. II (Preservation and Studying of the Cultural Heritage of Altai Krai. Issue V. P. II)*. Barnaul: "AKIPRO" Publ., 176–181 (in Russian).
3. Dosymbaeva, A. M. 2006. *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskikh stepey (Western Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes)*. Almaty: "Tyurkskoe nasledie" Publ. (in Russian).
4. Zagorodniy, A. S., Grigor'ev, F. P. 1998. Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 2. Almaty; Moscow: "Gylm" Publ., 117–123 (in Russian).
5. Kubarev, V. D. 1979. In Pogozheva, A. P. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studies in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 135–160 (in Russian).
6. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia (Ancient Turkic Statues of Altai)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
8. Kubarev, G. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 305–323 (in Russian).
9. Kubarev, G. V., Zhuravleva, A. D. 1998. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 25–31 (in Russian).
10. In Romodin, V. A. (ed.). 1973. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii (Materials on the history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Motov, Yu. A. 2001. In Maryashev, A. N., Motov, Yu. A. (eds.). *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia (History and archaeology of Semirechie)* 2. Almaty: "Rodnichok" Publ., 142–149 (in Russian).

The article was written by G.V. Kubarev within the framework of the of IAET research project FWZG-2022-0006 "Comprehensive Studies of the Ancient Cultures of Siberia and Neighboring Territories: Chronology, Technology, Adaptation, and Cultural Relations", A. Nuskabay – on the doctoral program at the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

12. Rogozhinskii, A. E. 2010. In Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T., Masanova, L. E. (eds.). *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana (Role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: "Print-S" Publ., 329–344 (in Russian).
13. Rogozhinskii, A. E. 2021. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 14, 160–170 (in Russian).
14. Samashev, Z., Grigor'ev, F., Zhumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: "KazIzdat KT" Publ. (in Russian).
15. Tabaldiev, K. Sh. 1996. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian'-Shania (Burial Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tien Shan)*. Bishkek: "Aibek" Publ. (in Russian).
16. Khudiakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh. 2009. *Drevnie tiurki na Tian'-Shane (Ancient Turks in the Tien Shan)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
17. Charikov, A. A. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 213–234 (in Russian).
18. Sher, Ya. A. 1966. *Kamennye izvaianiia Semirech'ia (Stone Sculptures of Semirechye)*. Moscow, Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Kubarev Gleb V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Acad. Lavrentiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; gvkubarev@gmail.com

Nuskabay A. L.N. Guliev Eurasian National University, Satbaeva Street 2, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; abdinur82@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

РАННЕТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КОМПЛЕКСА АК-ДАГ¹

© 2023 г. Н.Н. Серегин, К.М. Монгуш

Статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации материалов раскопок оградок комплекса Ак-Даг, расположенного в Эрзинском кожууне Республики Тыва. Обозначенные объекты исследованы археологической экспедицией ТНИИЯЛИ под руководством М.Х. Маннай-оола в 1961 г. Несмотря на важность сведений, полученных в ходе раскопок, эти данные не были опубликованы и не использовались при разработке авторских концепций истории региона. В статье приведено подробное описание изученных оградок, а также осуществлен анализ зафиксированных особенностей конструкций, элементов обрядовой практики и предметов инвентаря. Установлено, что датировка объектов может быть определена рамками второй половины V – VI вв. н. э. с возможностью сужения хронологии, с учетом известного исторического контекста, до середины – второй половины VI в. н. э. Оградки Ак-Дага, а также другие, пока единичные комплексы Тувы этого периода свидетельствуют о появлении в данном регионе новой группы населения, близкой по традициям кочевникам Алтая. Имеются все основания для утверждения о том, что эти процессы связаны с военными походами тюрков, приведшими к созданию Первого каганата.

Ключевые слова: археологический комплекс, тюрки, Тува, раннее Средневековье, оградка, хронология, культурогенез.

Введение

Процессы формирования этнополитической общности раннесредневековых тюрков и сложения Первого каганата, оказавшие огромное воздействие на историю многих народов Евразии, до сих пор исследованы весьма фрагментарно. В значительной степени это связано с ограниченным объемом археологических материалов раннетюркского периода. К настоящему времени памятники начального этапа в развитии данной общности, с определенной степенью уверенности связываемые с историей кочевников до формирования кочевой империи, известны только на Алтае. Имеется также небольшая серия комплексов, демонстрирующих распространение кочевников в ходе первых военных кампаний середины – второй половины VI в. н. э. Более детальное изучение этих явлений требует получения новых данных в ходе целенаправленных полевых исследований в разных частях центральноазиатского региона.

Кроме того, весьма актуальной остается работа по введению в научный оборот материалов раскопок прошлых лет, по многим причинам остающихся неопубликованными. Настоящая статья посвящена характеристике раннетюркских оградок комплекса Ак-Даг, вскрытых М.Х. Маннай-оолом в 1961 г. Несмотря на то, что сведения, полученные в результате исследования этих объектов, имеют большое значение для реконструкции истории ранних тюрков на территории Тувы, они до сих пор не привлекали внимания специалистов и не были использованы при разработке известных концепций. Важно отметить, что данная публикация является продолжением работы по введению в научный оборот представительного наследия М.Х. Маннай-оола, начатой ранее одним из авторов статьи.

Характеристика источников

Археологический комплекс Ак-Даг расположен у подножия одноименной горы, в 8 км к северу – северо-востоку

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

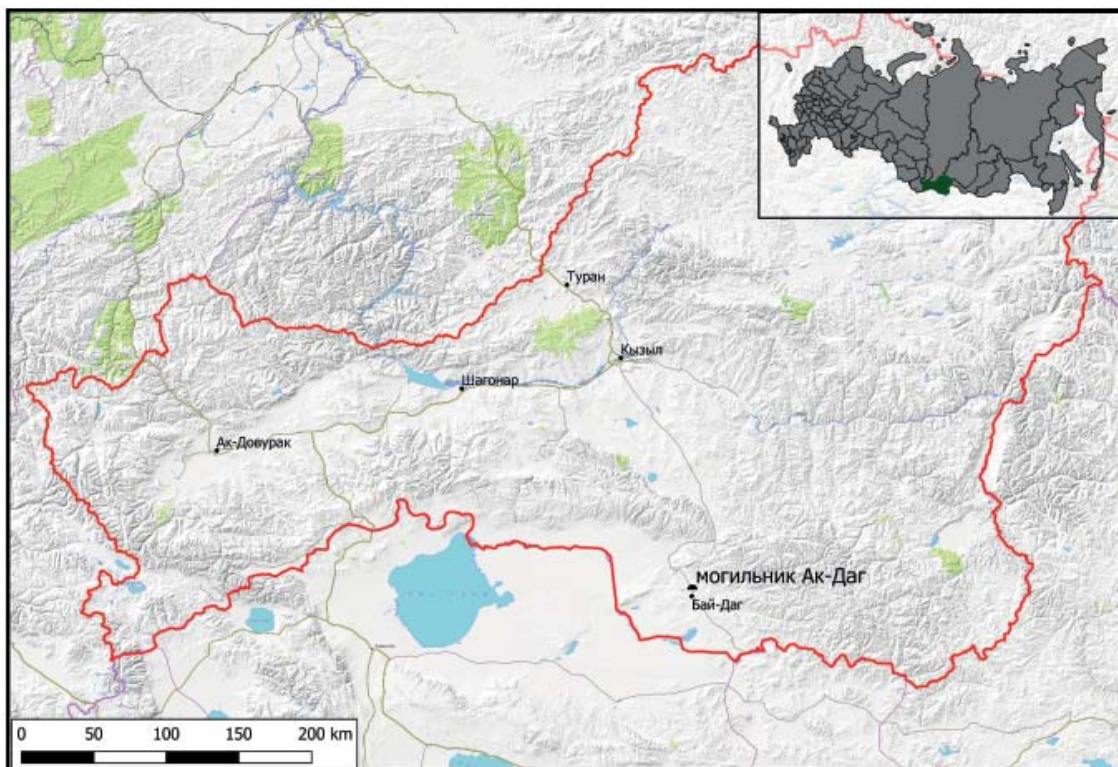

Рис. 1. Место расположения комплекса Ак-Даг.

Fig. 1. Location of the Ak-Dag complex.

ку от с. Бай-Даг Эрзинского кожууна Республики Тыва (рис. 1). По наблюдениям М.Х. Маннай-Оола, составившего план памятника (рис. 2), могильник включает 22 объекта, среди которых большую часть составляют округлые курганные насыпи и подквадратные оградки различных размеров. Исследования на данном комплексе проведены в 1961 г. археологической экспедицией ТНИИЯЛИ под руководством обозначенного ученого. Судя по сведениям, приведенным в полевом отчете (Маннай-оол, 1961), и краткой информации из публикации (Маннай-оол, 1963, с. 243–244), на памятнике раскопаны три оградки. Представим описание результатов исследования этих сооружений.

Оградки № 12–14 (рис. 2–5) выявлены в центральной части комплекса Ак-Даг, в некотором отдалении от других объектов. До раскопок эти сооружения представляли собой слегка задернованные подквадратные конструкции, устроенные в ряд

по линии запад – восток. Стенки оградок ориентированы по сторонам света.

Оградка № 12 (крайняя западная) возведена из 20 поставленных на ребро каменных плит (рис. 3: 1). Размеры объекта 4×4 м. Внутренняя часть сооружения была плотно забутована обломками горных пород. Кроме того, камни фиксировались и с внешних сторон оградки. После разборки внутренней площади в центре объекта выявлена яма овальной формы размером 1,8×1,2 м, ориентированная по линии север – юг. Ее глубина составила 0,6 м. На дне ямы зафиксировано захоронение лошади, уложенной на спине, головой в северном направлении (рис. 3: 2). Ноги животного были подогнуты к туловищу, голова повернута на правый бок. Справа от ребер лошади обнаружено железное стремя, а в центральной части скелета – обломки железных предметов. После разборки скелета также найдены железные удила (рис. 5: 1–4, 6: 1–4).

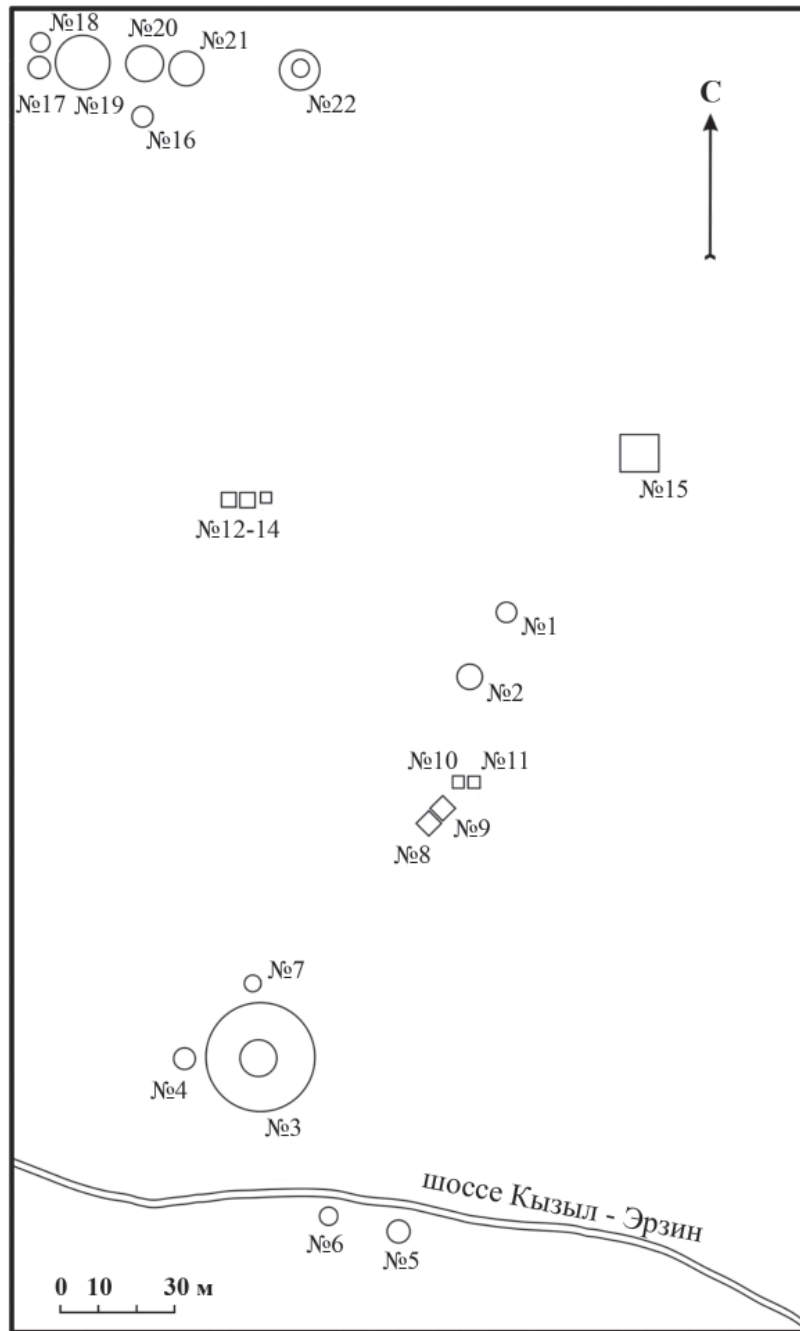

Рис. 2. Ак-Даг. План памятника.
Fig. 2. Ak-Dag. The plan of the site.

Ограда № 13 (центральная) расположена в 0,2 м к востоку от ограды № 12. Объект сооружен из 17 поставленных на ребро каменных плит (рис. 4: 1). Размеры конструкции 3,5×3,5 м. Внутренняя часть ограды была плотно забутована обломками горных пород. Отдельные камни фиксировались также и с внешних сторон сооружения. При разборке внутренней площа-

ди в разных местах найдены останки разрозненных костей крайне плохой сохранности. В центральной части ограды под насыпью обнаружено глиняное пряслице (рис. 5: 5, 6: 5).

Ограда № 14 (крайняя восточная) устроена в 0,2 м к востоку от ограды № 13. Объект возведен из 15 поставленных на ребро каменных плит (рис. 4: 2). Размеры ограды 2,5×2,5 м.

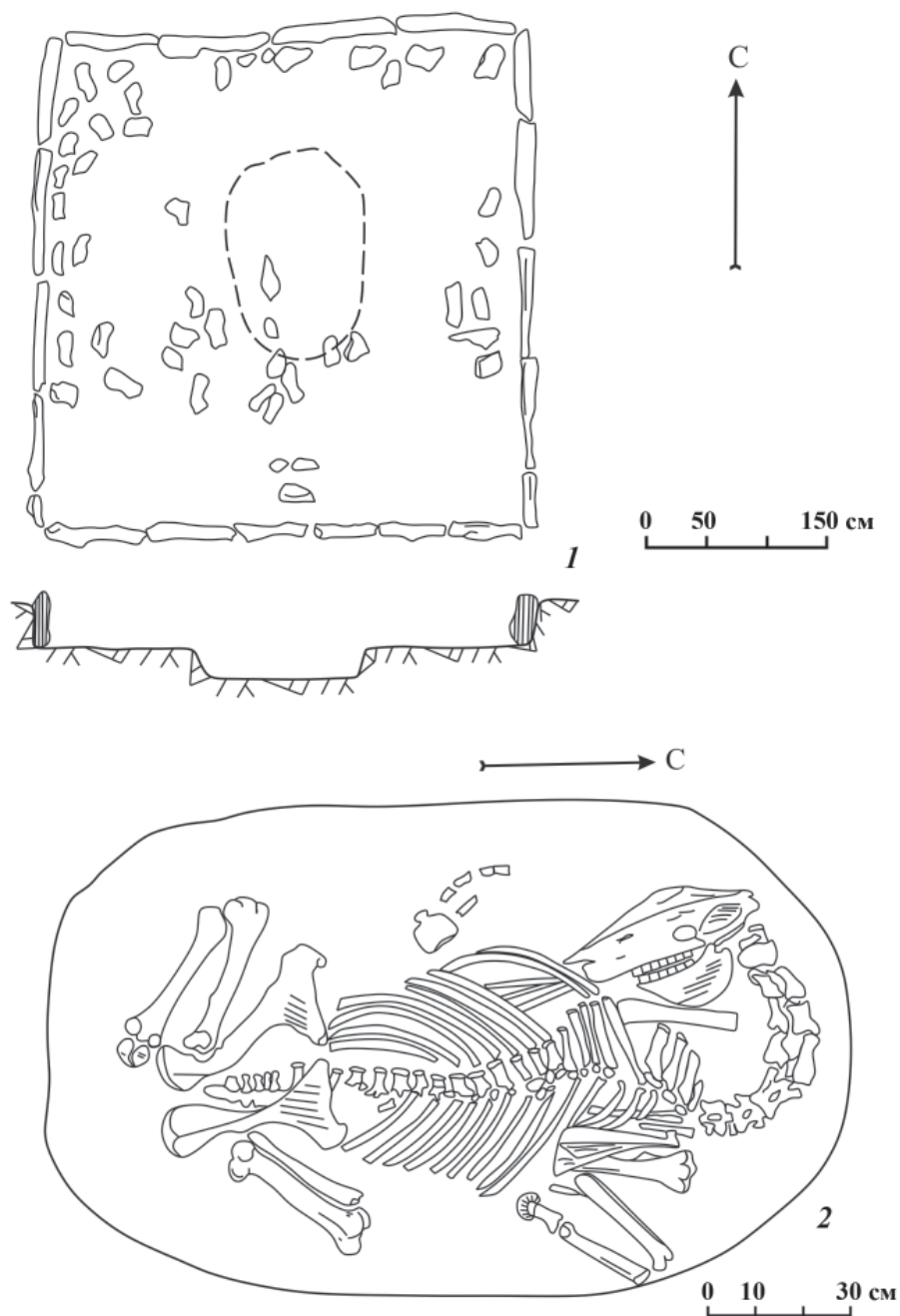

Рис. 3. Ак-Даг. План оградки № 12 и захоронения лошади.

Fig. 3. Ak-Dag. Plan of enclosure № 12 and horse burial.

По своей структуре объект полностью идентичен представленным ранее сооружениям. Каких-либо находок или конструкций после разборки внутреннего заполнения оградки не обнаружено.

Анализ конструктивных характеристик оградок и выявленных элементов обрядовой практики, а также найденных предметов позволяет уста-

новить культурную принадлежность и время сооружения изученных объектов.

Культурно-хронологическая интерпретация материалов

Оградки, исследованные на комплексе Ак-Даг, имеют многочисленные аналогии в материалах раскопок тюркских «поминальных» комплексов. К настоящему времени в разных

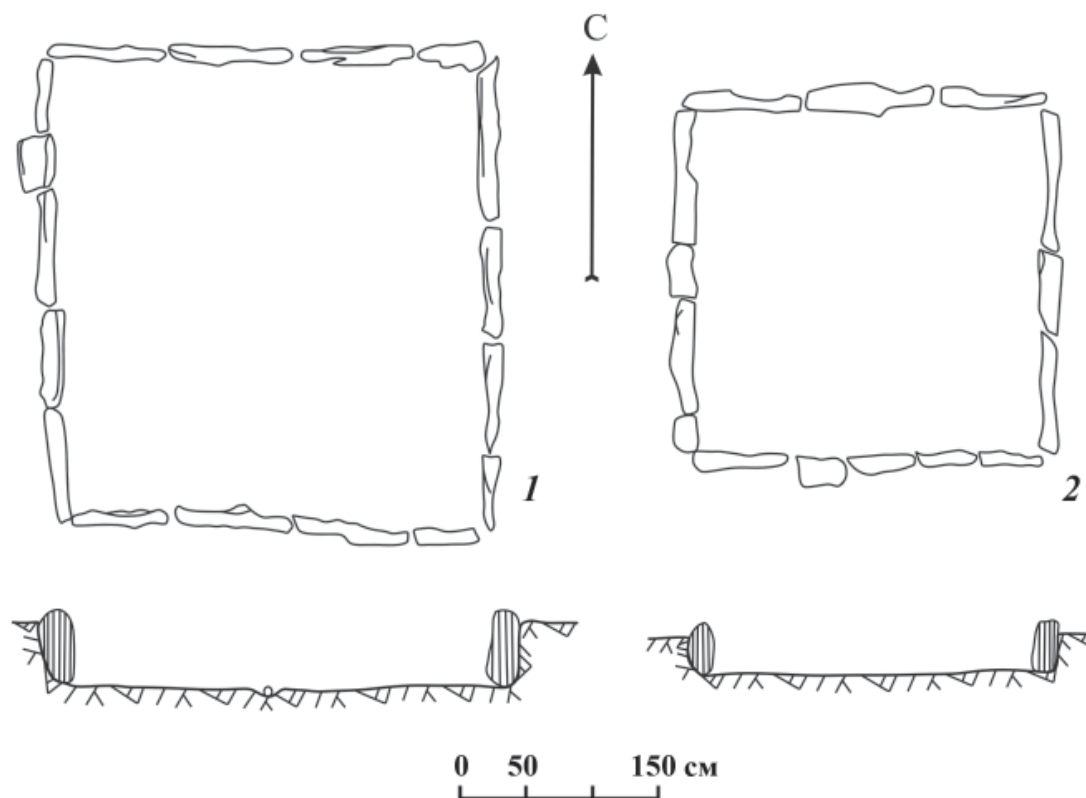

Рис. 4. Ак-Даг. План оградок № 13–14.

Fig. 4. Ak-Dag. Plan of enclosures № 13–14.

частях центральноазиатского региона раскопано значительное количество подобных сооружений, демонстрирующих вариабельность обрядовой практики раннесредневековых кочевников (Кубарев, 1984; Серегин, Шелепова, 2015; Идэрхангай, 2017; и др.). Пока еще не очень многочисленная, но довольно показательная серия тюркских оградок изучена на территории Тувы (Грач, 1961; Кызласов, 1969, с. 30–31; Худяков, Плотников, Данченко, 1988; Овчинникова, 2013; и др.). Одной из характеристик сооружений обозначенного региона является крайняя редкость находок предметов инвентаря в «поминальных» объектах, что является одним из факторов, осложняющих установление их датировки. Оградки комплекса Ак-Даг представляют одно из немногих исключений: полученные материалы позволяют осуществить их достаточ-

но точную хронологическую атрибуцию.

Подквадратные рядом стоящие оградки, подобные объектам памятника Ак-Даг, представляют собой одну из наиболее распространенных групп «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрков. Судя по имеющимся материалам, такие объекты возводились на всех этапах существования культуры кочевников во второй половине I тыс. н. э. (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 209; Серегин, Шелепова, 2015, с. 68).

Относительным показателем, указывающим на раннюю датировку публикуемых оградок, является их конструкция в виде многоплитового ящика. Отмечено, что подобные сооружения характерны в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого кагана-

та (Войтов, 1996, с. 61, 70). Столь же относительной хронологической характеристикой можно считать отсутствие у объектов памятника Ак-Даг изваяний – как лицевых, так и реалистичных.

Ключевой характеристикой обрядовой практики, выявленной в ходе раскопок объекта № 12 памятника Ак-Даг, является захоронение лошади². Данный признак, весьма редкий для «поминальных» сооружений, достаточно уверенно можно считать маркером раннетюркских комплексов. Основным регионом распространения традиции помещения лошади в подквадратную оградку является Алтай, где выявлена небольшая серия таких сооружений на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кишнег-Атудар, Мендур-Соккон-I, Худжирт (Могильников, 1992; Мамадаков, 1994; Соенов, Эбель, 1997; Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001; Тишкин и др., 2019). Отнесение этих объектов к начальным этапам истории тюрков (главным образом в рамках второй половины V – VI вв. н. э.) основывается на фиксации «ранних» конструктивных элементов оградок, времени бытования обнаруженных предметов инвентаря, а также датировке кольцевых конструкций с конскими захоронениями, исследованных на комплексе Кара-Коба-I (Могильников, 1994).

Редкие аналогии подобным памятникам фиксируются в материалах раскопок «поминальных» объектов тюрков на сопредельных территориях. Основная часть оградок с конскими захоронениями выявлена в Кыргызстане на могильниках Беш-Таш-Короо-I и II (Табалдиев, 1996, с. 73–74, рис. 33–34; Табалдиев, Йылмаз Аныл, 2006, с. 194–195). Кроме того, погребение коня обнаружено в ходе исследований одной из рядом стоящих оградок комплекса Красная Горка – 3 в Западной Туве (Килуновская и др., 2017, с. 175, рис. 56–58). В последнем случае рядом с лошадью присутствовал

довольно показательный инвентарь, включавший останки седла, стремя, удила и элементы украшений снаряжения. Исходя из имеющихся материалов, хронология «поминальных» комплексов тюрков с конскими захоронениями определяется границами второй половины V – первой половины VII вв. н. э.

Большое значение для уточнения времени сооружения оградок комплекса Ак-Даг имеют изделия, выявленные в ходе раскопок. Зафиксированные немногочисленные находки связаны главным образом со снаряжением лошади.

С точки зрения хронологии показательно железное стремя (рис. 5: 1, 6: 1). Основными характеристиками изделия являются вертикально-вытянутое петельчатое ушко и узкая (до 2,1 см в ширину) плоская подножка. Отметим также общие небольшие размеры находки (высота 12,9 см, максимальная ширина 11,1 см). Подобные признаки маркируют «ранние» петельчатые стремена, получившие распространение главным образом во второй половине V – VI вв. н. э. В разной степени близкие аналогии подобным находкам известны на Алтае, в Минусинской котловине и Забайкалье (Серегин, 2009, рис. 1–2; Дашибалов, 2011, рис. 9.-11, Серегин, Васютин, 2019, рис. 6.-2; и др.). Предметы более позднего времени (начиная с середины VI в. н. э.) характеризуются появлением таких признаков, как выгнутая, более широкая подножка, ребро жесткости (нервюра) и приплюснутость ушка-петли.

Примечательным является факт обнаружения рядом с лошадью одного стремени, а не пары изделий. Данная традиция получила распространение в раннетюркских комплексах Алтая (Могильников, 1994, рис. 7.-1, 13.-2–3, 14.-2; Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9, 57.-12;

Рис. 5. Ак-Даг. Предметы инвентаря из оградки №12 (1–4) и №13 (5).
1–4 – железо; 5 – глина.

Fig. 5. Ak-Dag. Inventory from enclosure №12 (1–4) and №13 (5). 1–4 – iron; 5 – clay.

Төрбат и др., 2016, з. 3; и др.). Единственным примером обнаружения парных стремян в «поминальном» объекте начального этапа культуры тюрок являются материалы раскопок памятника Усть-Карасу (Серегин, Васютин, 2019, рис. 4). Показательно, что в последующее столетие (вторая половина VI – первая половина VII вв. н. э.) обычай помещения одного стремени в могилу или «поминальный» комплекс фиксируется на обширных территориях – в Туве, Минусинской котловине и Средней Азии (Евтюхова, 1948, рис. 111а; Винник, 1963, с. 87; Трифонов, 1971, рис. 5; Поселянин, Киргинцев, Тараканов, 1999, рис. 16.-19, 22; 17.-14; Худяков, 1999, рис. 3; Килуновская и др., 2017, с. 175, рис. 56; и др.), очевидно демонстрируя распространение традиций «ранних» тюрок в ходе первых военных кампаний середины VI в. н. э.

Весьма редкой находкой, уникальной для археологических комплексов

тюрок Центральной Азии, являются удила из оградки № 12 комплекса Ак-Даг (рис. 5: 2, 6: 2). Изделие представляет собой однозвенные удила с крюковыми окончаниями. Подобные предметы в памятниках номадов рассматриваемой общности не известны. Узкий круг аналогий однозвенным удилам связан с объектами предтюркского времени (IV–V вв. н. э.), исследованными в Туве, Минусинской котловине, Лесостепном Алтае и Кемеровской области (Грязнов, 1956, табл. XXXVIII.-3; Кызласов, 1979, рис. 81.-2; Ширин, 2003, табл. LI.-3; и др.).

Значительно большее распространение в памятниках тюрок центрально-азиатского региона получили пряслица (рис. 5: 5, 6: 5). При этом подобные изделия, рассматриваемые не только в качестве принадлежностей ткацкого производства (Табалдиев, Худяков, 1999, с. 62; Кубарев, 2005, с. 77–78), но также интерпретируемые

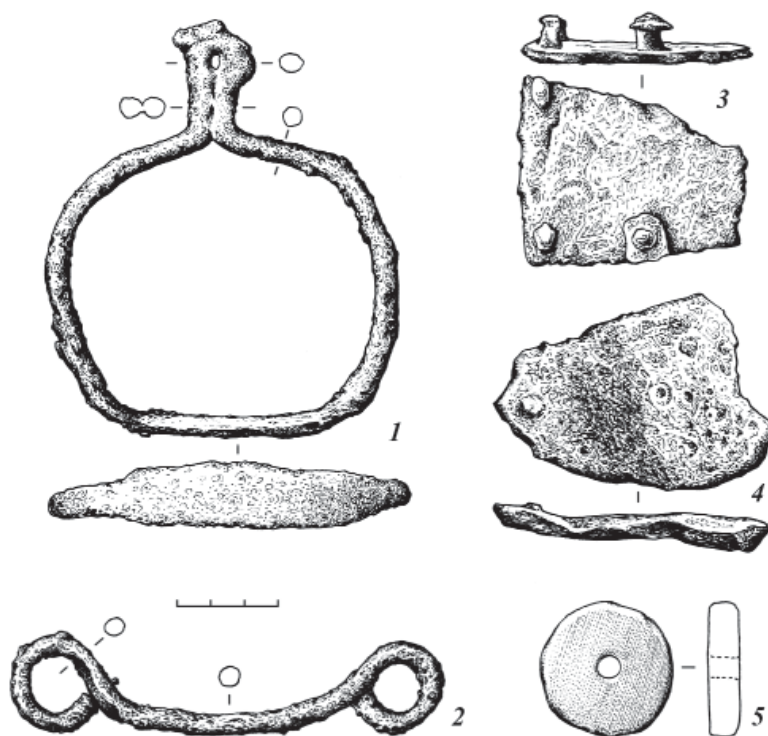

Рис. 6. Ак-Даг. Предметы инвентаря из оградки №12 (1–4) и №13 (5).
1–4 – железо; 5 – глина.

Fig. 6. Ak-Dag. Inventory from enclosure №12 (1–4) and №13 (5). 1–4 – iron; 5 – clay.

как застежки (Гаврилова, 1965, с. 61; Могильников, 1990, с. 156), приспособление для игры с лошадью (Овчинникова, 1990, с. 61) и височные украшения (Савинов, 1994, с. 149), обнаружены только в погребениях. Исключение составляет пряслице, зафиксированное в ходе раскопок оградки известного комплекса Кудыргэ на Алтае (Илюшин, 2000, рис. V.-3), датируемой в рамках начального этапа культуры тюрок.

Таким образом, оградки памятника Ак-Даг демонстрируют общие характеристики традиции возведения «поминальных» сооружений тюрками раннего Средневековья. Отдельные показатели выявленных конструкций, а также облик сопроводительного инвентаря указывают на датировку публикуемых объектов в довольно широких рамках второй половины V – VI вв. н. э. Возможности детализации хронологии оградок, а также их интерпретации связаны с изучением

исторического контекста появления подобных сооружений на территории Тувы.

Оградки комплекса Ак-Даг и ранняя история тюрок Тувы

Археологические материалы, отражающие историю населения Тувы в середине I тыс. н. э., на сегодняшний день весьма фрагментарны. В этом отношении данные, полученные в ходе раскопок оградок памятника Ак-Даг, имеют большое значение, предоставляя возможность для ряда заключений.

Зафиксированная на материалах публикуемых объектов традиция захоронения лошади в «поминальном» сооружении является достаточно надежным маркером появления в Туве населения, близкого по культуре кочевникам Алтая раннетюркского времени. При этом обнаруженные в оградке № 12 изделия демонстрируют не только новации в предметном комплексе (петельчатое стремя),

но и архаичный элемент (однозвенные удила), не характерный для тюрок, но известный населению Тувы IV–V вв. н. э. Публикуемые объекты, таким образом, следует рассматривать как наиболее раннее свидетельство появления в данном регионе тюрок, что стало результатом их первых военных походов в середине VI в. н. э.

Появление новых групп населения на территории Тувы в этот период иллюстрируют также другие, пока единичные объекты. Одно из наиболее ранних захоронений, которое может быть отнесено к только сформировавшейся синкретичной общности тюрок, раскопано на памятнике Улуг-Хорум (Грач, 1982, рис. 1). Материалы впускного захоронения, выявленного на данном известном комплексе, близки к традициям отдельных групп населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени, предполагающим помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры². «Классические» нормы погребальной обрядности раннесредневековых тюрок демонстрируют результаты раскопок нескольких погребений, относящихся, судя по имеющимся материалам, уже к первой половине VII в. н. э. (Грач, 1960, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн, 1966, с. 302–303; Трифонов, 1971, рис. 5). Таким образом, немногочисленные ранние комплексы тюрок Тувы эпохи Первого каганата наглядно отражают

появление в данном регионе групп населения, не оставляя сомнений в происхождении «новых» традиций с территории Алтая.

Заключение

Сведения, полученные в ходе изучения результатов раскопок оградок памятника Ак-Даг, подтверждают приоритетную значимость «поминальных» комплексов для исследования историко-культурных и этногенетических процессов, происходивших в Центральной Азии в раннетюркское время. Анализ имеющихся данных позволяет установить хронологию публикуемых объектов в рамках второй половины V – VI вв. н. э. с возможностью сужения датировки, с учетом известного исторического контекста, до середины – второй половины VI в. н. э. Оградки Ак-Дага, а также другие, пока единичные комплексы Тувы этого периода свидетельствуют о появлении в данном регионе новой группы населения, близкой по традициям кочевникам Алтая. Имеются все основания для утверждения о том, что эти процессы связаны с военными походами тюрок, приведшими к созданию Первого каганата. Очевидно, Тува стала одной из первых территорий при формировании этой масштабной кочевой империи, просуществовавшей всего несколько десятилетий, но серьезным образом повлиявшей на исторические судьбы многих народов Евразии.

Примечания:

² По мнению Л.Р. Кызласова (1969, с. 32), конское захоронение является свидетельством вторичного использования оградки памятника Ак-Даг в более позднее время.

³ Отметим, что похожая ситуация, свидетельствующая об участии населения булан-кобинской культуры в сложении общности тюрок, фиксируется на материалах комплексов Минусинской котловины, а также отдельных объектов Казахстана Средней Азии эпохи Первого каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
2. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–334.

3. Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.
4. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
5. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
6. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1960. С. 7–72.
7. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Вост. лит-ра, 1961. 94 с.
8. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
10. Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. 174 с.
11. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
12. Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология, интерпретация. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
13. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
14. Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов В.А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН № 6 (охранная археология) / Науч. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2017. С. 151–182.
15. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
16. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
17. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
18. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
19. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
20. Маннай-оол М.Х. Отчет о полевых исследованиях ТНИИЯЛИ в 1961 году // Научный архив ТИГПИ. Кызыл, 1962. Док. №302/3 15 л.
21. Маннай-оол М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. X / Отв. ред. Н.А. Сердобов. Кызыл, 1963. С. 238–246.
22. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
23. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
24. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175–212.
25. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
26. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

27. Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 139–172.
28. Поселянин А.И., Киргиников Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 / Отв. ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 88–116.
29. Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 146–152.
30. Серегин Н.Н. Ранние стремена из коллекции С.И. Руденко // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 172–177.
31. Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 32–46.
32. Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
33. Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115–118.
34. Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.
35. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
36. Табалдиев К.Ш., Йылмаз Аныл. Истоки, трансформации и инновации поминальных традиций в среде кочевников Тянь-Шаня // Современные проблемы археологии России. Том II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 194–196.
37. Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 55–81.
38. Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Пластеева Н.А., Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Захоронение лошади в тюркской оградке №5 памятника Хужирт-I (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 290–297.
39. Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернгард В. «Монгол алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи-2015 / Гл. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. С. 172–176.
40. Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯ-ЛИ. Вып. 15 / Отв. ред. Ю.Л. Аранчын. Кызыл, 1971. С. 112–122.
41. Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21–26.
42. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 456–470.
43. Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл-Самагалтай-Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1988. С. 54–89.
44. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Монгуш Кежик Май-Оолович, старший научный сотрудник. Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр (г. Кызыл, Россия); kezhik-mongush.1994@yandex.ru

EARLY TURKIC ENCLOSURES OF THE AK-DAG COMPLEX

N.N. Seregin, K.M. Mongush

The article presents the publication and diverse interpretation of materials from the excavations of the enclosures of the Ak-Dag complex, located in the Erzin district of the Tuva Republic. The objects under study were investigated by the archaeological expedition under the leadership of M.Kh. Mannay-ool in 1961. Despite the importance of the information obtained during the excavations, these data were not published and were not used in the development of well-known concepts of the history of the region. The article provides a detailed description of the studied enclosures, as well as an analysis of the fixed features of structures, elements of ritual practice and inventory items. It has been established that the dating of objects can be determined by the framework of the second half of the 5th – 6th centuries AD with the possibility of narrowing the chronology, taking into account the known historical context, to the middle – the second half of the 6th century AD. The Ak-Dag enclosures, as well as other, so far a very few complexes of Tuva of this period, testify to the emergence in this region of a new population group, close in tradition to the Altai nomads. There is every reason to assert that these processes are associated with the military campaigns of the Turks, which led to the creation of the First Khaganate.

Keywords: archaeological complex, the Turks, Tuva, early Middle Ages, enclosure, chronology, cultural genesis.

REFERENCES

1. Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo peregeleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
2. Vainshtein, S. I. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 292–334 (in Russian).
3. Vinnik, D. F. 1963. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny (Archaeological Sites of the Talas Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kirgiz Soviet Socialist Republic, 79–93 (in Russian).
4. Voïtov, V. E. 1996. *Drevnetiurkiskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Ancient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
5. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Grach, A. D. 1960. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 1. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 7–72 (in Russian).
7. Grach, A. D. 1961. *Drevnetiurkiskie izvaianiia Tuvy (Ancient Turkic Statues of Tuva)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
8. Grach, V. A. 1982. In Konopatskiy, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 156–168 (in Russian).
9. Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Dashibalov, B. B. 2011. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biyskoe nasledie Baykal'skoy Sibiri (Antiquities of Hori Mongols: Hun-Xianbei Heritage of Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).
11. Evtyukhova, L. A. 1948. *Arkheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov) (Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakas))*. Abakan: "Khakas Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 20-78-10037). Processing materials of the excavation was carried out in the framework of "Priority-2030" Program by the Altai State University.

12. Iderkhangai, T.-O. 2017. *Tiurkskie ogradki Mongol'skogo Altaia: sistematizatsiia, khronologiya, interpretatsiia* (Turkic Enclosures of the Mongol Altai: Systematization, Chronology, Interpretation). PhD Diss. Barnaul (in Russian).
13. Iliushin, A. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamiatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii* (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 157–169 (in Russian).
14. Kilunovskaya, M. E., Bokovenko, N. A., Lazarevskaya, N. A., Sadykov, T. R., Semenov, V. I. A., Smirnov, N. Yu. 2017. In Solovieva, N. F. (ed.). *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture) 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 151–182 (in Russian).
15. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia* (Ancient Turkic Statues of Altai). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
17. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka* (The history of Tuva in the Middle Ages). Moscow: Moscow State University (in Russian).
18. Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* (Ancient Tuva (from the Paleolithic to the IX century)). Moscow: Moscow State University (in Russian).
19. Mamadakov, Yu. T. 1994. 1994. In Kiriushin Yu. F. (ed.). *Arkheologiya Gornogo Altaia* (Archaeology of mountain Alatai). Barnaul: Altai University Publ., 58–63 (in Russian).
20. Mannai-ool, M. Kh. 1962. *Otchet o polevykh issledovaniyakh TNIIYaLI v 1961 godu* (Report on field research of Tuva Research Institute for Language, Literature and History in 1961). Kyzyl. Scientific Archive of the Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research. D. 302/3. 151 (in Russian).
21. Mannai-ool, M. Kh. 1963. In Serdobov, N. A. (ed.). *Uchenye zapiski TNIIYaLI* (Scientific Bulletin of the Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History) 10. Kyzyl, 238–246 (in Russian).
22. Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediiia narodov Iuzhnoi Sibiri* (Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia) 3–4. Gorno-Altaysk: "AKIN" Publ., 203–218 (in Russian).
23. Mogil'nikov, V. A. 1990. In Surazakov, A. S. (ed.). *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii Gornogo Altaya* (Issues of studying the ancient and medieval history of the Gornyi Altai). Gorno-Altaysk: "GANIIIYaL", 137–185 (in Russian).
24. Mogil'nikov, V. A. 1992. In Surazakov, A. S. (ed.). *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* (Materials for the study of the past of Gornyi Altai). Gorno-Altaysk, 175–212 (in Russian).
25. Mogil'nikov, V. A. 1994. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia* (Archaeological and Folklore sources on the History of the Altai). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 94–116 (in Russian).
26. Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altai v VI–X vv.* (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries). Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
27. Ovchinnikova, B. B. 2013. In Savinov, D. G. (ed.). *Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoy ekspeditsii)* (The Ancient Turks in Central Tuva (based on the materials of the Sayan-Tuva expedition)). Saint Petersburg: "ElekSis" Publ., 139–172 (in Russian).
28. Poselyanin, A. I., Kirginekov, E. N., Tarakanov, V. V. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii* (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations) 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 88–116 (in Russian).
29. Savinov, D. G. 1994. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny (Gorniy Altay, ploskogor'e Ukok)* (Ancient cultures of the Bertek Valley (the Altai Mountains, Ukok Plateau)). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146–152 (in Russian).
30. Seregin, N. N. 2009. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (Theory and Practice of Archaeological Research) 5. Barnaul: Altai State University, 14–32 (in Russian).
31. Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 28 (2), 32–46 (in Russian).
32. Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n.e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia* (Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd Half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation). Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
33. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1996. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri* (Humanities in Siberia) 3, 115–118 (in Russian).
34. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii* (Bulletin of the Archaeology Laboratory) 2. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 103–115 (in Russian).
35. Tabaldiev, K. Sh. 1996. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian'-Shania* (Burial Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tien Shan). Bishkek: "Aibek" Publ. (in Russian).

36. Tabaldiev, K. Sh., Yylmaz, Anyl. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Current Issues of Archaeology of Russia)* II. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 194–196 (in Russian).
37. Tabaldiev, K. Sh., Khudyakov, Yu. S. 1999. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii (Ancient Turks sites of culture in the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 55–81 (in Russian).
38. Tishkin, A. A., Iderkhangay, T., Plasteeva, N. A., Seregin, N. N., Gorbunov, V. V. 2019. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 25. Barnaul: Altai State University Publ., 290–297 (in Russian).
39. Terbat, Ts., Baiarkhyy, N., Lepets, S., Bernard, V. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2015 (Mongol Archaeology-2015)*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tygkh, 172–176 (in Mongolian).
40. Trifonov, Yu. I. 1971. In Aranchyn, Yu. L. (ed.). *Uchenye zapiski TNIIYaLI (Scientific Bulletin of the Tyva Scientific Research Institute of Language, Literature and History)* 15. Kyzyl, 112–122 (in Russian).
41. Khudiakov, Yu. S. 1999. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 21–26 (in Russian).
42. Khudyakov, Yu. S., Borisenko, A. Yu., Kypchakova, K. Y. 2001. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 456–470 (in Russian).
43. Khudyakov, Yu. S., Plotnikov, Yu. A., Danchenok, G. P. 1988. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Drevnie pamyatniki Severnoy Azii i ikh okhrannye raskopki (Ancient monuments of North Asia and their rescue excavations)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 54–89 (in Russian).
44. Shirin, Yu. V. 2003. *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyachetletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury) (The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Early 1st Millennium A.D. (Burial Monuments of Fominskaya Culture))*. Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of of Historical Sciences. Head of Laboratory. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Mongush Kezhik M. National Museum of the Tyva Republic named after Aldan-Maadyr. Titova str. 30, Kyzyl, 667000, Republic of Tyva, Russian Federation; kezhik-mongush.1994@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г

БРОНЗОВЫЕ КУВШИНЫ МАСТЕРСКОЙ АХМАДА XI В. ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА¹

© 2023 г. Е.Ш. Акымбек, Б.А. Железняков

В статье впервые публикуются материалы, связанные с тремя ранее неизвестными изделиями торевтики XI в. На этом этапе развития производства элитарных кувшинов из бронзы совершенствовалась технология производства, формы и орнаментация кувшинов, а также их маркировка. Кувшины найдены на городищах Тараз и Кысмыши в ходе археологических исследований, случайно найден кувшин и недалеко от Талгара. Кувшины характеризуются своими орнитоморфными формами, доведенными до совершенства стилизации, художественного формообразования. В библиографическом обзоре вопросов изучения подобных кувшинов, не раз обновлявшемся Дж. Ильясовым, уделяется мало внимания казахстанским материалам. Теперь этот пробел восполняется. На всех трех публикуемых кувшинах выгравирована надпись «Амали Ахмад» («работа Ахмада») и стильно-витиеватый медальон мастера. Места всех известных находок или выкупа коллекционерами подобных кувшинов хорошо известны и локализуются на отрезке Великого Шелкового пути между Восточным Ираном и Западным Китаем: все страны Центральной Азии, а также Северный Афганистан и Синьцзян. О месте производства кувшинов может рассказать анализ материалов микроматериала двух кувшинов, приведенный в приложении.

Ключевые слова: археология, «Амали Ахмад» – «работа Ахмада», торевтика, бронзовый кувшин, штамп, медальон, орнитоморфизм, XI в., долины Таласа, Чу, Или.

Введение. Мавераннахр, соседние регионы славились своими торевтами и их школами раннего Средневековья, города региона были центрами самых разных художественных ремесел с Античности. Художественное литье, торевтика региона становились объектом исследования многих ученых. В некоторые периоды развития ремесла, тесно связанные с развитием технологий и политическими событиями, керамическое производство и продукция торевтов были зависимы друг от друга. На ремесла, связанные с художественной культурой, влияла идеологическая сфера. Глубокие процессы исламизации, происходившие с VIII в., меняли жизненные устои, в том числе они значительно повлияли на всю «философию» искусства.

Этапом в раннеисламском зооморфизме был орнитоморфизм. Не происходило полного отказа от антропоморфизма и зооморфизма сразу в декоре мест для развлечений и «изнеженной

роскоши», тому имеются примеры в Хульбуке, Термезе – фигуры львов, датируемых IX–XII вв. Эта тема имела развитие со времен заложивших мощный фундамент исследований темы публикаций О.Г. Большакова, Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпеля, В.Л. Ворониной, Б.Т. Туякбаевой и многих других замечательных исследователей, которые расшифровывали геометризированные и «эпиграфизированные» символику, орнаментику, каноничные образы искусства.

В исламское время не только торевты, но и гончары начали применять авторские штампы для обозначения своей школы. Только в Узбекистане широко известны имена мастеров Ба (Абу) Мухаммада, Мухаммада б. Ахмада, Абдулраззака (Ильясов, 2012, с. 241), много менее известных. Однако имя мастера Ахмада было самым известным, его изделия пользовались заслуженным спросом у элиты разных сословий. Исследователи особое

¹ Работа выполнена в рамках проекта № AP09260358 «Средневековые торткули и культурный ландшафт Таласской долины» по грантовому финансированию Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Рис. 1. Карта с указанием мест находок кувшинов.

Fig. 1. The map with indication of places of find of jugs.

отношение демонстрируют именно, выражаясь современным языком, к «брендовым» работам этого мастера. Судя по многообразию имен мастеров гончарного производства, заключенных в аналогичные же «геометрические» медальоны (Иванов, 2013), мастерских торевтов со своими штампами было намного больше, чем известных имен, дошедших до нашего времени. Значительное число находок со штампами «Работа Ахмада» найдены в кладях (Иванов, Кожомбердыев, 1983; Ильясов, 1989). Например, Ахсикетский клад был датирован сразу XI в. по монете 1047 г. (Воронина, 1977, с. 133).

Находка целого кувшина с авторскими штампами была произведена в 2019 г. на городище Тараз. На одном – надпись: «Амали Ахмад» («работа Ахмада/сделал Ахмад»), на другом – медальон. Последовали и другие находки, аналогичные по формам и маркировке кувшинов, места трех находок указаны на карте (рис. 1).

Кувшины работы этого мастера или его мастерской публиковались много раз. Круг первоисточников

постоянно расширяется. Особый интерес представляют публикации Д. Ильясова, анализирующие находки во всех регионах Среднего востока, за исключением территорий Казахстана, по которым прошла ветка Шелкового пути. Опубликованы данные почти по трем десяткам кувшинов (Ilyasov, 2006, p. 276–279). Данные по трем кувшинам были опубликованы К.М. Байпаковым ранее (Байпаков, 2012, с. 63; Байпаков, Воякин, 2007), данные по трем новым находкам публикуются здесь.

Материалы и методы. В статье дается краткое описание всех известных кувшинов мастера Ахмада, известных на данный момент, приводится их полная статистика. Обращается внимание на различия в сохранности нанесенной орнаментации и авторских штампов на кувшины, а также незначительную разницу в их размерах. Особый интерес представляет географическое распределение находок от Афганистана до Синьцзяна. Особое внимание обращено на регион Юго-Восточного Казахстана, откуда происходят шесть кувшинов. Наибольшая плотность находок отмечает-

ся в округе средневекового Тальхира.

В публикации применяется метод общеисторических исследований, связанный с исследованиями серии элитарных изделий мастера-торевта раннемусульманского периода. Проводится статистический анализ: краткое описание, включающее ключевые параметры по всем известным кувшинам. Вводятся в научный оборот три новых кувшина из целой серии. По двум из них были проведены анализы, что является новшеством при исследовании данных кувшинов.

При исследовании образцов применяли метод рентгеноспектрального микроанализа. Использовали электронно-зондовый микроанализатор марки Superprobe 733 (Суперпроб 733) фирмы JEOL (Джеол), Япония. Анализы элементного состава образцов и фотосъёмку в различных видах излучений выполняли с использованием энергодисперсионного спектрометра INCA ENERGY (Инка Энерджи) фирмы OXFORD INSTRUMENTS (Оксфорд Инструментс), Англия, установленного на электронно-зондовый микроанализатор марки Superprobe 733, при ускоряющем напряжении 25 кВ и токе зонда 25 нА.

Контраст на изображениях в обратно-рассеянных электронах (состав или Компо, или Compo) зависит от среднего атомного номера минерала. Чем больше концентрация тяжёлых элементов в участке зерна, тем он выглядит светлее. Метод позволил найти и проанализировать зёрна минералов, содержащих тяжёлые элементы. Анализы были выполнены в диапазоне элементов отбора до урана. Ошибка анализа составляла $\pm 5\%$ отн. Концентрации элементов определяли в диапазоне от 100% до 0,1%.

Художественная стилистика бронзовых изделий конца IX – первой половины XI вв. Публикуемые кувшины, несмотря на незначительную разницу в размерах, как и многочисленные аналоги, решены в единой

стилистике, сформировавшейся на Среднем Востоке в раннемусульманский период. Они являются ярким воплощением соединения функциональной принадлежности изделия (сосуда на праздничном дастархане) и его формы (стилистического решения своего времени, напоминавшего о новой эпохе ислама). Характерные особенности формы (несколько гипертрофированно) подчеркиваются – например, выделяется носик-слив: прямой, длинный и тонкий, явно напоминающий клюв хищной птицы, привносящий сильно стилизованный, но, пожалуй, самый грозный орнитоморфный мотив в зрительное восприятие этого высокохудожественного изделия. Праздничный сосуд с гипертрофированным, орнитоморфным носиком-сливом (крупной хищной птицы), стилизованным великим мастером. Ручка кувшина обладала также всеми признаками эстетства и удобства: «шишечка» в ее верхней части, небольшое горизонтальное расширение снизу – явно имитация маленького хвоста птицы – были в высшей степени эстетичны и функциональны. Высокий конусообразный поддон – сообразно форме крупной грациозной птицы. Очевидно, что форма этих кувшинов – это «гимн орнитоморфизму» в искусстве и этикете гостеприимства, знаменует этап развития исламской художественной культуры, стилистику одного из направлений этой мастерской Ахмада.

Особенности производства школы торевтов. В раннеисламской торевтике Мавераннахра ощущался явный недостаток дорогого материала (серебра). Торевтика эпохи ислама базировалась на обработке меди и латуни (Ильясов, 2012, с. 218). Б.И. Маршак, объясняя это явление, писал: «В первой половине VIII в. обстановка резко меняется. Арабы начинают выкачивать из Согда, одной из самых богатых покорённых ими областей Азии, материальные и художе-

ственные ценности» (Маршак, 1971, с. 86). Б.И. Маршак выделил школы торевтики, провел их периодизацию, вывел значительное влияние иранского и частично среднеазиатского искусства на формирование раннеисламского. «Синхронно с исчезновением остатков согдийской государственности идет декоративное перерождение школы В. Потеря сюжета была той ценой, которую заплатила среднеазиатская торевтика за широчайшее распространение мотивов её орнаментов в Азии и в Восточной Европе VIII–X вв.» (Маршак, 2012, с. 90).

Характеризуя генезис форм кувшинов, также приведем заключение Д. Ильясова: «В торевтике переходного периода (конец VIII – IX вв.) по-своему отразилось, с одной стороны, стремление местных правителей к возрождению традиций предшествующих династий и сохранению локальных ценностей, а с другой – историческая закономерность интеграции социальной и культурной жизни стран, вошедших в состав Халифата» (Ильясов, 2012, с. 218). Б.И. Маршак отмечает случаи, когда относительно кратковременные политические события этого периода, как опора на старую аристократию Хорасана и Мавераннахра, вызвали кратковременное возрождение сасанидского официального искусства (Маршак, 1971, с. 90). Все известные кувшины, относящиеся к мастеру Ахмаду, его мастерской, имеют характерные черты и различаются по орнаментации, на некоторых из них отсутствует надпись «работа Ахмада». Предполагается, что это могло быть пожеланием заказчика.

К истории находок. В 2019 г. в ходе проведения масштабных археологических исследований на одном из раскопов, разбитых на шахристане Тараза, археологическим отрядом под руководством Ж.Е. Смаилова был обнаружен *целый бронзовый кувшин* (рис. 2) с грушевидным туловом

узнаваемой формы, с гипертрофированным под клюв хищной птицы носиком-сливом, с изящной ручкой, стилизованной под заднюю часть грациозной птицы, коническим поддоном, высоким, стилизованным под длинные ноги птицы. Поддон не был отделен от тулова внутри. Содержит два штампа на лицевой поверхности, противоположной от ручки, под носиком-сливом: с надписью «Амали Ахмад» («работа Ахмада/сделал Ахмад») на одном и именованном орнаментом – витиеватым медальоном – на втором. Размеры кувшина: высота кувшина 24 см, наибольший диаметр тулова 11 см, наибольший диаметр поддона 9,7 см, высота изящной ручки с шишечкой (в самой верхней части) 15,2 см, длина носика-слива 5,9 см. Диаметр венчика 2,1 см, внешний размер «ушек» – двух петелек для крепления крышки – 1,9 см, диаметр петелек 3 мм. Горло, сужающееся кверху, от 3,6 до 2,5 см (восьмигранное), высота до округлого расширения-слива 4 см. Диаметр расширения плечика 6,1 см, нижней части горловины 4,0 см. Толщина металла у носика-слива 1,8 мм. Размеры штампов: орнамента 2,5×4,8 см, надписи 1,8×1,4 см.

Сохранность. Вследствие длительного пребывания в агрессивной среде культурного слоя под современным городом в средней и нижней части тулова образовалось несколько сквозных отверстий, бесформенных, размерами до 1 см. Крышка сосуда не была найдена, впрочем, как и в случаях других, более ранних находок аналогичных сосудов, крышек не найдено. Нужно отметить, что по сравнению с аналогичными находками сохранность кувшина из Тараза очень хорошая. Был проведен анализ фрагмента на содержание химических элементов в сплаве (табл. 1). После камеральной обработки, чистки и консервации кувшин передан в музей «Ежелгі Тараз ескерткіштері».

Фрагмент бронзового кувшина из

Рис. 2. Кувшин из городища Тараз. Бронза. XI в.
Fig. 2. Jug from the Taraz. Bronze. 11 century.

Таблица 1

Химический состав проб цветного металла кувшинов из Тараза (образец 1)

Спектр	O	Si	S	Ca	Fe	Cu	Zn	As	Sn	Итог
Спектр 1	5,54	0,36	0,88	0,15	0,82	77,05	12,23	0,99	1,99	100,00
Спектр 2	7,06	0,90	1,52	0,35	0,74	75,64	11,11	0,90	1,78	100,00
Спектр 3	5,62	0,48	0,98	0,20	0,64	77,73	11,61	0,77	1,98	100,00
Среднее	6,07	0,58	1,13	0,23	0,73	76,81	11,65	0,89	1,91	100,00
Станд. отклонение	0,85	0,28	0,35	0,10	0,09	1,06	0,56	0,11	0,12	
Макс.	7,06	0,90	1,52	0,35	0,82	77,73	12,23	0,99	1,99	
Мин.	5,54	0,36	0,88	0,15	0,64	75,64	11,11	0,77	1,78	

Параметры обработки: Выполнен анализ всех элементов (нормализован) Все результаты в весовых %

городища Кысмыши (рис. 3) – значительный по размерам, с набором авторских маркировок: медальоном и надписью: «Амали Ахмад». Учитывая, что на фрагменте присутствуют основные определяемые детали, может быть включен в учетную документацию. Городище Кысмыши расположено на правом, казахстанском берегу р. Чу в нескольких километрах выше по ее течению городища Красная Речка, сопоставляется с городом

Якалыг. Фрагмент был обнаружен Е.Ш. Акымбеком в профиле глубокой хозяйственной траншеи на шахристане. По глубине культурного слоя сопоставляется с культурными слоями караханидского времени.

Обнаруженный фрагмент относится к «лицевой» части кувшина с горловиной и прилегающей (передней) частью кувшина, которые содержат надпись и медальон. Размеры основных конструктивных частей кувшина

Рис. 3. Фрагмент кувшина из городища Кысмыши. Бронза. XI в.
Fig. 3. Fragment of a jug from the hillfort of Kysmyshy. Bronze. 11 century.

Таблица 2

Химический состав проб цветного металла кувшинов из Кысмыши (образец 2)

Спектр	O	Si	S	Cl	Ca	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Sn	Sb	Итог
Спектр 1	8,04	0,38	0,27	0,17	0,42	0,32	0,23	75,13	8,96	0,79	4,35	0,94	100,00
Спектр 2	10,30	0,44	0,36	0,27	0,35	0,37	0,17	73,34	8,82	1,17	4,08	0,32	100,00
Спектр 3	7,25	0,39	0,01	0,28	0,38	0,24	0,20	74,88	9,72	1,29	4,19	1,18	100,00
Среднее	8,53	0,41	0,21	0,24	0,39	0,31	0,20	74,45	9,17	1,08	4,21	0,81	100,00
Станд. отклонение	1,58	0,03	0,19	0,06	0,04	0,07	0,03	0,97	0,48	0,26	0,14	0,44	
Макс.	10,30	0,44	0,36	0,28	0,42	0,37	0,23	75,13	9,72	1,29	4,35	1,18	
Мин.	7,25	0,38	0,01	0,17	0,35	0,24	0,17	73,34	8,82	0,79	4,08	0,32	

Параметры обработки: Выполнен анализ всех элементов (нормализован) Все результаты в весовых %

на сохранившемся фрагменте: носик-слив – 6 см, высота восьмигранной горловины – 4,2 см, диаметр венчика у шаровидной горловины – 2,2 см, диаметр горловины – 3 см. Размеры орнамента: медальона – 3,7×1,9 см, штампа с надписью – 2,6×1,7 см.

Был проведен анализ фрагмента на содержание химических элементов в сплаве (табл. 2).

Случайная находка кувшина в с. Байтерек (рис. 4). Кувшин был найден местным жителем при планировке личного участка в селе Байтерек в 2010 г. При поступлении в Центральный государственный музей РК

в г. Алматы артефакту присвоен учетный номер КП 28190. Авторы статьи выражают благодарность руководству ЦГМ РК и сотрудникам отдела археологии. Кувшин занял достойное место в экспозиции средневекового периода.

Описание: стандартной, грушевидной формы тулово, плавно сужающееся кверху, переходит в восьмигранную горловину. (Шарообразный) венчик и массивный носик-слив отломаны. На внешней поверхности сосуда, на самой широкой части тулова нанесена орнаментированная полоска, состоящая из чередующихся пунсонных вдавлений. Полоска вы-

Рис. 4. Кувшин. Случайная находка из с. Байтерек. Бронза, XI в.

Fig. 4. Jug. Random find from the village Baiterek. Bronze, 11 century.

делена сверху и снизу рельефными линиями. Противоположная от ручки лицевая поверхность плечика кувшина украшена штампом медальона, который венчается трилистником и надписью, аналогичной надписям на двух других кувшинах: «мастер Ахмад». Кувшин на расширяющемся конусовидном поддоне. Форма сосуда и поддона полностью аналогична другим сосудам, орнаментация имеет свои особенности, возможно связанные с предпочтениями заказчика. Сохранившаяся без венчика горловины и носика высота сосуда – 19 см, диаметр верха горловины – 2,2 см, диаметр дна – 9 см.

Как отмечали исследователи, в частности К.М. Байпаков, у кувшинов подобного вида, изготовленных мастером Ахмадом, поддон был «ложным»: отделяясь перегибом-сужением, он был соединен с основным туловом (Байпаков, 2012, с. 63). Такая же конструкция отмечается и у кувшина из Тараза, и у других, которые довелось полностью исследовать,

произвести все возможные измерения. Бронзовые сосуды того времени часто производились с дном у самого низа сосуда, емкость поддона входила в объем всего сосуда; они были устойчивее. Если в случае с талгарскими кувшинами дно сохранилось, то в случае с таразским – дно отсутствует. К.М. Байпаков пишет, что дно талгарского кувшина – круглая плоская фигурная пластина (Байпаков, 2012, с. 63).

Краткая история изучения кувшинов с надписью «Амали Ахмад». К настоящему времени известно немногим более 30 кувшинов, на которых есть вполне или не вполне разборчивая надпись «Амали Ахмад». На некоторых сосудах она отсутствует, но у исследователей нет сомнений, что мастер или скорее мастерская одна и та же. Эти сосуды легко узнаваемы и фактически отличаются лишь набором орнаментов на поясе тулова или без пояса. Определены и подделки, которые пока входят в число кувшинов, изготовленных этим масте-

ром. Хотя это предположение может носить и субъективный характер. Такие вещи, как, например, бронзовые зеркала, подделывались регулярно, что было выявлено И.И. Копыловым по проведённым анализам бронзовых зеркал с городища Талгар (Мухтарова и др., 2021).

Впервые на подобные, относительно небольших размеров и изящных форм бронзовые кувшины со ставшей уже известной надписью, заключенной в оттиснутой штампом геометризированной рамку, обратил пристальное внимание в публикации А.А. Иванов (Иванов, 1970). Он перечисляет находки кувшинов с надписью «Сделал Ахмад» (три кувшина, надпись на четвертом – неразборчива). Всего к тому времени было известно восемь кувшинов, семь из которых происходящих (купленных или найденных) с территории Мавераннахра (Иванов, 1970, с. 104).

О.Г. Большаков отмечал, что по материалам (художественной) бронзы и поливной керамики прослеживается тот факт, что между X–XI и XI–XII вв. проходит грань стиля в искусстве, где-то во второй половине XI в. намечается рубеж между двумя стилями в прикладном искусстве (Иванов, 1970, с. 105). Пик орнитоморфности в стилистике сосуда может склонять исследователя к датировке первым периодом, а точнее XI в.

Исследованиям отдельных кувшинов, как найденных в ходе раскопок, так и случайно найденных или выкупленных у хозяев музеями и коллекционерами, посвящено достаточно много литературы. Им уделено определенное внимание в трудах А.И. Смирнова, Н.Н. Негматова, Е. Баера, В.Л. Ворониной, Б.И. Маршака, Д. Ильясова, других исследователей. Последовательно, на протяжении многих лет темой занимается Д. Ильясов. В публикации 2006 г., посвященной этой теме, исследователь приводит данные обо всех известных

на момент публикации кувшинах – 28 учтенных, приводит их описания и сводную таблицу. Большинство описаний кувшинов снабжено прорисованными изображениями. Известный исследователь тореvтики эту форму сосудов считает творческим развитием традиции (Южного) Мавераннахра (Mavera al-Nahr) (Ильясов, р. 2006, 281–282).

Сокращенные сведения о местах находок и современном местонахождении кувшинов с авторскими штампами по Д. Ильясову (Ильясов, 2006, р. 276–279).

1–3-й кувшины: коллекция Ф.Р. Мартина; два из них были выкуплены в Ташкенте: без ручек и крышек. Один – без штампов. Второй с декорацией штампом на шейке: орнамент в «скобках». Третий – без верхней части. Местонахождение всех трех неизвестно.

4-й: сейчас находится в Эрмитаже, выкуплен в 1936 г. в Центральной Азии. Надпись на куфи «Работа Ахмада» – вертикальная.

5-й: был найден в Ахсикете, в Ферганской долине в 1959 г. в составе клада. С ручкой. Имеет два декоративных пояса вдавлений и надпись «Работа Ахмада».

6-й: был найден в составе клада на городище Кала-и Кахка (северный Таджикистан) в 1961 г. С ручкой, орнаментирован поясом вдавлений по центру тулова. Также имеет другие виды орнаментации, включая «узел Соломона». Сверху медальона оттиснута корона – пальметта. Надпись на куфи: «Работа Ахмада».

7-й: был найден на городище Чуль-Духтарон, недалеко от Кала-и Кахка (Таджикистан). Ручка отсутствует, украшен «скобками» на шее сосуда.

8-й кувшин находится в Музее Исламского искусства (Берлин) (Inv. No. I.85/63), выкуплен в 1963 г. в Каире: с ручкой, куфической надписью, растительным мотивом.

9-й кувшин из Кетмень-Тюбе

(Кыргызстан), найден в 1964 или 1965 г. Ручка и крышка отсутствуют. Надпись на куфи: «Работа Ахмада». Находится в экспозиции Государственного Исторического музея Кыргызстана.

10–12-й: три кувшина из краеведческого музея г. Ош. Два из них имеют надпись «Работа Ахмада».

13-й: представлен фрагментами кувшина, найденного на памятнике Лягман (Южный Таджикистан) в 1968 г.

14-й: фрагментированный кувшин, найденный в 1973 г. на памятнике Ярык-депе (Юго-Западный Туркменистан), содержит надпись: «амаль» – «работа». Рельефный узор – «узел Соломона».

15–16-й: два кувшина (частная коллекция), приобретены Е. Байер в г. Газна (Афганистан). Один имеет надпись «Работа Ахмада», декорированы округлыми вдавлениями по поясу и «узлами Соломона».

17-й кувшин: происходит из Ташкента, Музея Народов Узбекистана, теперь в музее Истории Тимуридов.

18–20-й кувшины: три фрагментированных кувшина из клада бронзовых сосудов из Будрача (Чаганиан), найденных в 1987 г. На одном – надпись «Работа Ахмада». На другом сохранилась крышка. Орнаментированный пояс из «узлов Соломона» был отгиснут на всех трех кувшинах. На одном – оттиск штампа с пальметтой.

21-й кувшин из клада, найденного в Хетяне (Синьцзянь, КНР) в 1989 г. Орнаментирован двумя рядами круглых вдавлений по орнаментальному поясу на тулове. Сохранилась ручка.

22-й кувшин из коллекции М. Бумиллера (Inv. No. BC-466). Был выкуплен в Кабуле в 1986 г. Отсутствуют и крышка, и ручка. Тулово без орнаментации. Надпись «Работа Ахмада» без сопровождающей орнаментации.

23-й: еще один кувшин из коллекции М. Бумиллера (Inv. No. BC-2368), также был выкуплен в Кабуле. Крыш-

ка и ручка отсутствуют, носик сломан. Орнаментирован изображением «узла Соломона», медальоном-пальметтой.

24-й кувшин, чье местонахождение неизвестно, был лотом на трех аукционах с 1997–2001 гг. Содержит надпись «Работа Абу (?) Ахмада». Орнаментирован по поясу вдавлениями, чередующимися с мотивом «узел Соломона». Посередине тулова, над орнаментальным поясом, медальон с пальметтой. Ручка и крышка отсутствуют.

25-й, и третий кувшин из коллекции Бумиллера, был приобретен в Лондоне (Inv. No. BC-3278). Крышка, ручка, дно не сохранились. Носик украшен орнаментом – треугольником расположенные волноты. Куфическая надпись: «Благословение хозяину».

26-й кувшин был выставлен лотом на аукцион Кристи (Christie's) в 1994 г. Ручка аутентична, крышка отсутствует. Место нахождения неизвестно.

27–28-й: два кувшина, случайно обнаруженных в 2002 г. в восточной части Чуйской долины (Кыргызстан). Один из них (27) имеет надпись «Работа Ахмада» и орнаментальный пояс в виде округлых лунковидных углублений, ручка сохранилась. В частной коллекции. Фрагменты второго с надписью – в музее г. Чолпон-Аты.

Дж. Ильясов не приводит прорисовок данных кувшинов (Ilyasov, 2006, p. 276–279). По этой причине не вполне ясно, о тех же или иных кувшинах ведет речь А.М. Камышев. Также о двух кувшинах, происходящих с городища Кен-Булун Шуйской долины, содержится информация в публикации А.М. Камышева (Камышев, 2012, с. 110). А.М. Камышев приводит фото одного из этих кувшинов (Камышев, 2012, с. 122, илл. ЛII, с. 110). Отметим, что он приводит изображение этого кувшина. То есть, по-видимому, это уже учтенные Дж. Ильясовым кувшины.

Два кувшина (29, 30-й, продолжающие общую нумерацию, пред-

ложенную Дж. Ильясовым) аналогичной формы были найдены на городище Талгар. На одном (без орнамента) отчетливо читается слово «Работа...» и имеются основания для предположения – «Ахмада». Второй украшен по тулову вдавлениями миндалевидной формы и пояском круглых вдавлений в рамке из прореченных линий. К.М. Байпаков отмечал, что кувшины спаяны из отдельных частей: слив и крышка, горло, тулово, поддон (Байпаков, 2012, с. 63, илл. XX). Кувшин без орнамента сохранился без венчика и носика-слива. Кроме того, более информативная прорисовка этих кувшинов свидетельствует о том, что у второго кувшина отсутствует носик-слив и у обоих кувшинов отсутствуют ручки (Байпаков, 2012, с. 63, 56, рис. 8).

31-й кувшин был найден на городище Каялык. Фото неочищенного от корки соли и окислов, которой покрывается бронза (Байпаков, Воякин, 2007, рис. 90). Тулово пробито в нескольких местах, ручка и крышка отсутствуют. Форма сосуда была идентичной.

Тем самым в предлагаемом продолжении общей нумерации кувшинов 29–31 – кувшины из Казахстана, известные ранее по публикациям К.М. Байпакова и Д.А. Воякина. 32–34 – новые кувшины, публикуемые в этой статье. Необходимо отметить, что, например, 13-й кувшин у Дж. Ильясова представлен лишь фрагментами. Кроме того, приведенное краткое описание кувшинов с запада Центральной Азии свидетельствует о разнице в орнаментике с казахстанскими материалами. Там весьма часто выбивались такие композиции, как «узел Соломона» и «скобки», на территории Казахстана кувшины с подобными штампами пока не были отмечены.

К датировке кувшинов. Точная датировка кувшинов максимально затруднена. В публикации, заслуживаю-

щей особого внимания благодаря коллективу именитых редакторов, дается датировка – XI в. (Памятники..., 1983, с. 72). Подробную сводку по предлагаемым исследователями датировкам с их обоснованиями приводит Д. Ильясов. Они достаточно сильно варьируются в рамках X–XII вв. у разных исследователей (Пыасов, 2006, р. 282). Наиболее ценной нам представляется информация относительно датировок предметов Бударчского клада, где найден подобный кувшин. Автор публикации Д.Я. Ильясов предлагает датировать подобные кувшины первой половиной XI в. (Пыасов, 2006, р. 283). Достаточным для этого основанием является факт, что в мастерской было найдено 46 бронзовых предметов, из которых 28 уже было невозможно использовать, их собирали для очередной переплавки в мастерской, неожиданно подвергшейся разрушению (Пыасов, 2006, р. 281–283). Этот факт нам представляется вполне достаточным для подобной датировки, кроме того, он не противоречит ни форме, ни орнаментации кувшинов, ни палеографии надписей

О локализации мастерской Ахмада. Относительно всех наиболее возможных мест производства подобных кувшинов была дана краткая, но исчерпывающая информация Д. Ильясовым. Он приводит различные мнения исследователей этих кувшинов, они сильно разнятся (Пыасов, 2006, р. 284–285). Сам же исследователь считает наиболее вероятным производство в государстве Газневидов в первой половине XI в., где было несколько центров по производству торевтики. Одним из таких центров являлся Чаганиан (Пыасов, 2006, р. 284–285). Из чего Д.Я. Ильясов делает весьма важное заключение относительно датировок всех изделий, найденных там, в частности кувшинов Ахмада. При этом нельзя исключить возможность того, что подделки, а также подлин-

ные кувшины «работы Ахмада» производились (или подделывались) в других мастерских несколько позже. К.М. Байпаков датировал талгарские кувшины XI–XII в. (Байпаков, 2012, рис. 8). На городище Талгар мастерская торефта располагалась напротив мастерской ювелира (через мостовую) в самом центре шахристана. Мастерская существовала длительное время на городище на протяжении обоих строительных горизонтов IX–XIII вв. (Мухтарова и др., 2021).

Разные методики по определению состава сплава бронзовых изделий, примененные в 80-х гг. прошлого века, а также результаты новых исследований, приведенные в таблице пока не могут дать однозначного ответа о сходстве или различии в материале из которых изготовлены разные кувшины. На городище Талгар было найдено множество кувшинов и других материалов торефтического производства. Очевидно, город обладал и собственной «школой» мастерства, которое было мобильным.

Заключение. Число введенных в научный оборот кувшинов с авторскими штампами и гравированной подписью мастера Ахмада растет. Они хорошо узнаваемы своими формами тулова и поддона, орноморфностью ручки и слива, различаются орнаментацией, незначительно размерами, сопоставимы с другими типами изделий из его мастерской. Если Б.И. Маршак писал о девяти подобных кувшинах, то Ильясов к 2006 г. «довел» их число до двадцати восьми.

Шесть кувшинов происходят с казахстанского отрезка Шелкового пути: три были опубликованы К.М. Байпаковым, один из которых в соавторстве с Д.А. Воякиным. Последние три публикуются авторами в настоящей статье. Все они были найдены от Тараза до Каялыка, что свидетельствует, как минимум о во-

влеченности городских центров этого отрезка пути в «мировую» торговлю и рынок услуг. Публикуемые в статье кувшины из Тараза и Байтерека и фрагмент кувшина с гравировкой «Работа Ахмада» из Кысмыши являются 32-м, 33-м и 34-м известными кувшинами из мастерской торефта Ахмада. Авторы не располагают достаточными доказательствами, что эти кувшины были подделаны. Однако, оригинальных мастерских могло быть несколько, в них производились «модели», пользовавшиеся повышенным спросом уже спустя несколько десятилетий учениками мастера.

Художественные стили, в частности зооморфизм, новые технологические приемы в торефтике повторяли себя и в керамике в аналогичных по форме и назначению сосудах. Законодателями в стилистике форм сосудов и изделий из керамики и бронзы были торефты. «Мастер Ахмад» применил такие методы «формовки» сосудов, которые трудно или невозможно было повторить даже мастеру-керамисту. Эти форма и методика производства явно отражали вершину значительного этапа развития художественного мастерства торефтики Среднего Востока. Отказ от массивных серебряных сосудов с плавными формами и богато орнаментированными традиционными изображениями и сюжетами VIII–IX вв. компенсировался внешней легкостью изделий, манерностью всех его конструктивных частей. Кувшины мастерской Ахмада являются шедеврами художественной бронзы, вошедшими в историю торефтики, вершиной одного из ярких этапов развития домонгольской торефтики. Эти процессы в художественной бронзе были синхронными с развивающейся культурой и искусством Газневидов и Караханидов эпохи Мусульманского Ренессанса на Среднем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М.* Казахстан // *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.* Т. III. Торевтика / Научные редакторы К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 29–96.
2. *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. 224 с.
3. *Воронина В.Л.* Бронзы Ахсикета из коллекции А.И. Смирнова // *Средняя Азия в древности и средневековье: История и культура* / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М: Наука, 1977. С. 133–138.
4. *Иванов А.А.* О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время // *КСИА. № 122* / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1970. С. 101–105.
5. *Иванов А.А.* Таинственный мастер Мухаммад-Али Инайтон // *Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б.И. Маршака (1933–2006)* / Труды ГЭ. Т. 62 / Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. СПб.: ГЭ, 2013. С. 402–407.
6. *Иванов А.А., Кожомбердиев И.К.* Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе // *Киргизия при Караханидах* / Под ред. Е.А. Давидович. Фрунзе: Илим, 1983. С. 193–202.
7. *Ильясов Д.Я.* Будрачский клад бронзовых изделий // *Учёные записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций Древнего и Средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники)* / Отв. ред. Г.А. Кошеленко С.А. Узянов. М.: Наука, 1989. 294–308 с.
8. *Ильясов Дж., Хакимов А.* Узбекистан // *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.* Том III. Торевтика. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 216–255.
9. *Камышев А.М.* Кыргызстан // *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.* Том III. Торевтика. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 97–122.
10. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 156 с.
11. *Мухтарова Г.Р., Железняков Б.А., Жумай Г.* Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И.И. Копылова // *Археология Казахстана.* 2021. № 2(12). С. 43–60.
12. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье // *Каталог выставки* / Редколлегия: А. Каниметов, Б.И. Маршак, В.М. Плоских, Я.А. Шер. Л.: Искусство, 1983. 80 с.
13. Ilyasov J.Ya. Bronze Ewers of Craftsman Ahmad. In *Eran ud Aneran. Studies Presented to B.I. Marsak on the Occasion of His 70th Birthday.* Venezia, 2006. P. 275–292.

Информация об авторах:

Акымбек Ералы Шардарбекулы, PhD, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана, и.о. доцента, Казахский национальный университет им. аль-Фараби МНВО РК (г. Алматы, Республика Казахстан); eraly_a@mail.ru

Железняков Борис Анатольевич, PhD, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

**BRONZE JUGS FROM AHMAD'S WORKSHOP
OF 11TH CENTURY FROM SOUTHEAST KAZAKHSTAN**

E.Sh. Akymbek, B.A. Zheleznyakov

The authors publish the materials related to three unknown before toreutic products produced in the 11th century. Production technology, shapes and ornamentation of pitchers, as well as their labeling, were improved on the stage of production of elite jars from bronze. These jars were found on the hillforts of Taraz and Kysmyshi during archaeological research as well as accidental finding of jar on the Talgar hillfort. Their ornithomorphic forms, brought to the perfection of stylization, artistic formation, characterize pitchers. In the bibliographic review of the study of such pitchers, which has been updated few times by J. Ilyasov, no attention is paid to Kazakhstani materials. Now that gap is filling. Three published jugs were

---

The work was carried out within the framework of project No. AP09260358 "Medieval tortkuls and the cultural landscape of Talas Valley" on grant funding from the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan.

marked with engraved inscription: «Amali Ahmad» («Ahmad's work») and the master's stylish-florid medallion. The sites of all known finds or buyouts by collectors of such jugs are well known and localized along the stretch of the Great Silk Road between Eastern Iran and Western China: all Central Asian countries, as well as Northern Afghanistan and Xinjiang. The analysis of the materials of the micro-material of two pitchers can tell about the place of production of pitchers, given in the appendix.

Keywords: archaeology, «Amali Ahmad» – «Ahmad's work», toreutics, bronze jug, stamp, medallion, ornithomorphism, 11th century, valley of Talas, Chu, Ily.

REFERENCES

1. Baipakov, K.M. In Baipakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). 2012. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. III. Torevtika (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. III. Toreutics)*. Samarkand-Tashkent: “MITsAI” Publ., 29–96 (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2007. *Srednevekovyy gorod Kayalyk (Medieval city of Kayalyk)*. Almaty: “Print-S” Publ. (in Russian).
3. Voronina, V. L. 1977. In Gafurov, B. G., Litvinskiy, B. A. (eds.). *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e: Istoriya i kul'tura (Middle Asia during Antiquity and Middle Ages: History and culture)*. M: “Nauka” Publ., 133–138 (in Russian).
4. Ivanov, A. A. 1970. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 122. Moscow: “Nauka” Publ., 101–105 (in Russian).
5. Ivanov, A. A. 2013. In Lurje, P.B., Torgoev, A. I. (eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii «Sogdiitsy doma i na chuzhbine», posvyashchennoi pamyati B.I. Marshaka (1933–2006) (Sogdians, Their Precursors, Contemporaries and Heirs Based on proceedings of conference “Sogdians at Home and Abroad” held in memory of Boris Il'ich Marshak (1933–2006))*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 62. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 402–407 (in Russian).
6. Ivanov, A. A., Kozhombardiev, I. K. 1983. In Davidovich, E. A. (ed.). *Kirgiziya pri Karakhanidakh (Kyrgyziya in the Karakhanids time)*. Frunze: “Ilym” Publ., 193–202 (in Russian).
7. Il'yasov, D. Ya. 1989. In Koshelenko, G. A., Uzyanov, S. A. (eds.). *Uchenye zapiski Komissii po izucheniyu pamyatnikov tsivilizatsiy Drevnego i Srednevekovogo Vostoka Vsesoyuznoy assotsiatsii vostokovedov (Arkheologicheskie istochniki) (Scientific notes of the Commission for the study of monuments of civilizations of the Ancient and Medieval East of the All-Union Association of Orientalists (Archaeological sources))*. Moscow: “Nauka” Publ., 294–308 (in Russian).
8. Il'yasov, Dzh., Khakimov, A. 2012. In Baipakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). 2012. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. III. Torevtika (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. III. Toreutics)*. Samarkand-Tashkent: “MITsAI” Publ., 216–255 (in Russian).
9. Kamyshayeva, A. M. 2012. In Baipakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). 2012. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. III. Torevtika (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. III. Toreutics)*. Samarkand-Tashkent: “MITsAI” Publ., 97–122 (in Russian).
10. Marshak, B. I. 1971. *Sogdiiskoe serebro. Ocherki po vostochnoi torevtike (Sogdian Silver. Essays on Oriental Toreutics)*. Moscow: “Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).
11. Mukhtarova, G. R., Zheleznyakov, B. A., Zhumay, G. 2021. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 2 (12). 43–60 (in Russian).
12. In Kanimetov, A., Marshak, B. I., Ploskikh, V. M., Sher, Ya. A. (eds.). 1983. *Pamyatniki kul'tury i iskusstva Kirgizii. Drevnost' i srednevekov'e. Katalog vystavki (Monuments of culture and art of Kyrgyzstan. Antiquity and the Middle Ages. Exhibition Catalog)*. Leningrad: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
13. Ilyasov, J. Ya. 2006. In *Eran ud Aneran. Studies Presented to B. I. Marsak on the Occasion of His 70th Birthday*. Venezia, 275–292.

About the Authors:

Akymbek Eraly Sh. PhD, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; eraly_a@mail.ru

Zheleznyakov Boris A. PhD, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; boriszheleznyakov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ХАММАМ ИЗ ХАНКУРГАНА¹

© 2023 г. Б.А. Байтанаев, А.А. Ергешбаев, А.Х. Шаяхметов

В статье публикуются результаты архитектурно-археологических исследований средневековой бани, проведенных на территории городища Ханкурган в 2015–2016 годах. В ходе раскопок было вскрыто шесть помещений, два из которых, построенные из жженого кирпича, оказались «паровой» с подпольной системой отопления, остальные четыре – каркасными помещениями, «помывочной». Все помещения покрыты водонепроницаемым раствором и штукатуркой. Их первоначальный слой был украшен рисунками красно-коричневого цвета, резным стуком и налестями. Штукатурка имеет обновления, нанесенные более двадцати раз в процессе многократных ремонтных работ. Зафиксированы две крупные перестройки бани, не затронувшие «горячие» помещения, сохранившие первоначальную планировку. Определены этапы перестроек и ремонтных работ за весь период функционирования хаммама. Баня городища Ханкурган, имея хорошую сохранность, представляет собой уникальный образец средневекового зодчества саманидской эпохи и относится к довольно ранним образцам подобных сооружений, возникших в середине IX века. Функционировавшая до середины XI в., она дает нам представление об особенностях архитектурных и строительных приемов, использованных при возведении бань домонгольской эпохи Казахстана. Хаммам Ханкургана, являясь ярким образцом архитектуры Средневековья, позволяет определить время возникновения данной культуры в Испиджабском историко-культурном районе, уточняя ее планировочные, конструктивные и формообразующие принципы, отражая в целом культурно-экономические связи региона с мусульманским миром.

Ключевые слова: археология, архитектура, баня, хаммам, гипокауст, штукатурка, керамика, глазурь, эпиграфика, комплекс, саманиды, Испиджаб.

С приходом ислама в Центральную Азию вместе с религиозными канонами эволюционируют и урбанизационные процессы региона. В городах строятся медресе, мечети, бани. Последние становятся важным атрибутом мусульманской культуры, где гигиенические, медицинские и общественные значения являлись объектом внимания многих средневековых ученых и путешественников, в трудах которых количество бань и их состояние служили мерилем процветания того или иного города. Не является исключением и средневековый округ Испиджаб, в одном из городов которого во время полевых работ была исследована баня – хаммам².

Городище Ханкурган находится на левом берегу р. Арысь в Сайрамском районе Туркестанской области у северо-западной окраины одноимен-

ного поселка Ханкорган (прежнее название Мадани). Оно было возведено недалеко от самого русла реки на невысокой надпойменной части левобережья. Городище имеет округлый заваленный план с пологим въездом с восточной стороны. Название городища связано с именем казахского хана Аблая, избравшего в качестве ставки в XVIII в. Ханкурган (Байтанаев и др., 2018). Стратиграфия памятника неоднородна, даты культурных слоев на различных участках разнятся. Жизнь на городище начинается в первых веках нашей эры и хронологически составляет периоды обживания с временными лакунами: I–IV, VI–VIII, IX–XII, XIII–XIV, XVII–XIX вв.

В ходе археологических работ в 2015–2016 годах на территории рабада, примыкающего к городищу с юга, была обнаружена баня, представлявшая собой остатки средневекового

¹ Работы проведены в рамках проекта BR20280993 «Казахстан в древности и Средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

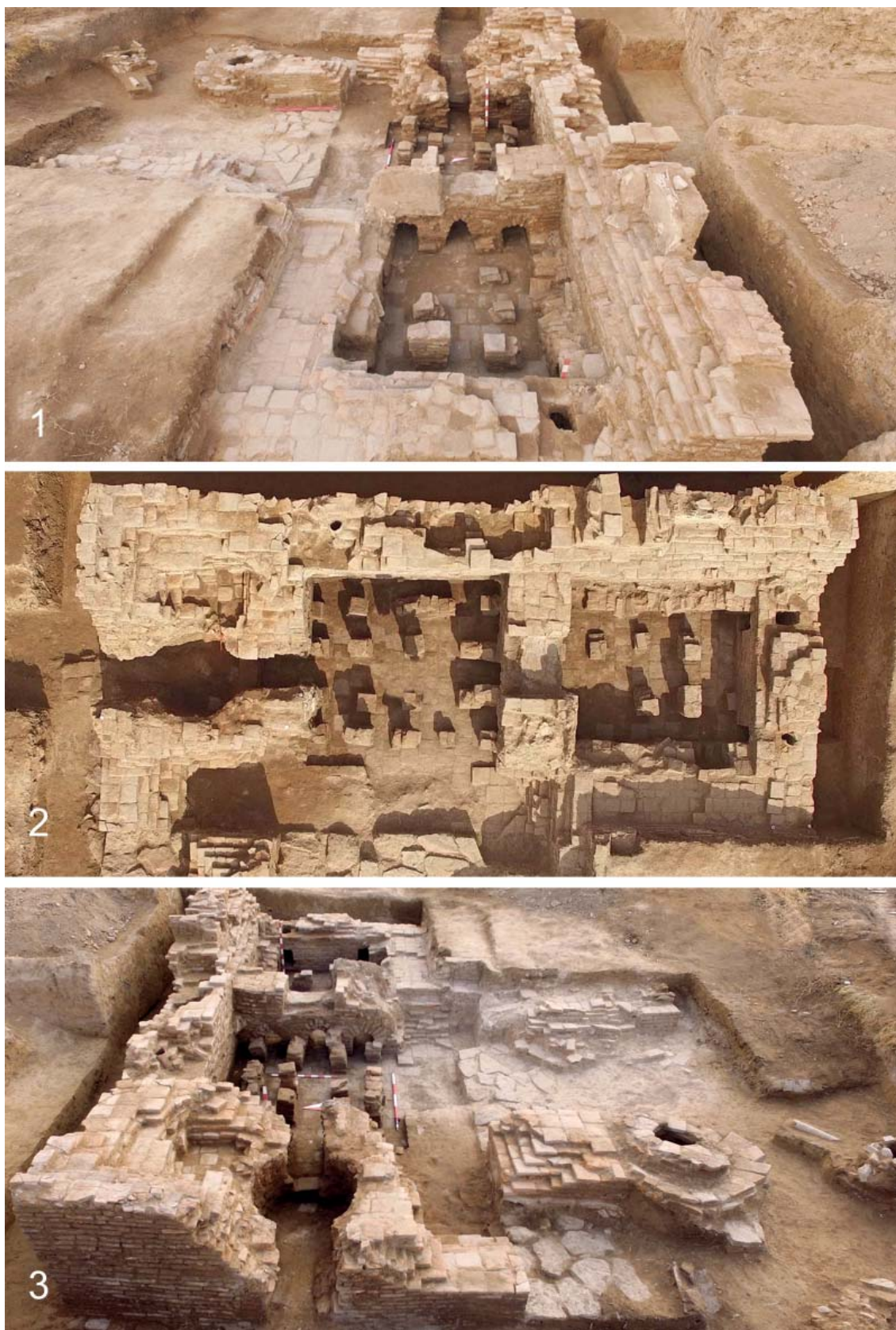

Рис. 1. Баня-хаммам городища Ханкурган.
1 – вид с восточной стороны; 2 – вид сверху; 3 – вид с западной стороны.

Fig. 1. Bath-hammam of the settlement of Khankurgan.
1 – view from the east side; 2 – top view; 3 – view from the western side.

общественного сооружения из жженого кирпича.

Сооружение прямоугольное, с типичной анфиладной планировкой и соответственным продольным расположением помещений по оси восток – запад, углублено в землю на 1–1,5 м по краю вала рабада. В процессе раскопок хорошо зафиксирована главная составляющая часть бани – «горячие» помещения с подпольной системой отопления, с запада которых располагалась топочная часть с резервуаром для подогрева воды (рис. 1).

«Горячая» часть бани – собственно сам хаммам (паровая)³ – представлена двумя помещениями с одинаковыми размерами – 2,5×2,5 м, с покрытием напольной части плиткой размером 50–52×50–52×4–5 см. Кладка стен «горячей» части бани вместе с топкой осуществлена со сдвигом «цепного» типа кирпичами квадратной формы (19×19×5 см), выложенными по стене в четыре ряда, что делало их весьма устойчивыми в конструктивном отношении. Эти помещения имели купольное перекрытие, чему свидетельствуют найденные в процессе раскопок фрагменты «ребристой» штукатурки, повторяющие кладку, выполненную напуском по углам, служившим для выведения куполов (рис. 2: 1). По мнению В.Л. Ворониной, такие купола были невысокими, т. к. служили надежным способом сохранения тепла (Воронина, 1983, с. 142).

Первое (№ 1) помещение, примыкающее к топке с запада, являлось самым горячим в общем температурном режиме, в северной стене вертикально установлен дымоход, выполненный в виде внутрстенного вертикального канала, куда, очевидно, после ремонта была установлена керамическая труба. Напротив него по южной стенке располагался еще один дымоход, разобранный впоследствии.

Второе аналогичное по размерам помещение (№ 2) соединено с запада

с первым по проходу шириной 70 см. На его восточной стенке имеется два вертикальных внутрстенных дымохода, в одном из которых установлена послеремонтная керамическая труба. В южной стене помещения располагался основной вход, ведущий в парилку через помывочную часть бани. В северной части присутствуют ниша и карниз, выполненные в стене по кладке кирпича (рис. 2: 2).

Все помещения в паровой покрыты изнутри кыровым раствором⁴ и тонко отмученной белого цвета ганчевой штукатуркой. Толщина штукатурки на разных участках паровой составляет более пяти сантиметров и насчитывает более двадцати покрытий, свидетельствующих о многочисленных ремонтных работах и долговременной эксплуатации бани (рис. 4: 3).

Внутренняя настенная часть паровой была искусно декорирована. Первый слой штукатурки, нанесенный по кыру, на некоторых участках имеет следы рисунков краской красновато-коричневого цвета, гипсовых налепов виде растительного орнамента и резьбу по стуку (рис. 2: 3–6). Плохая сохранность штукатурки, обнаруженной в завалах помещений, не позволила изучить мотивы рисунков и орнаменты, выполненные резьбой.

«Помывочная» часть бани построена строго по анфиладному плану и представлена четырьмя каркасными пахсовыми помещениями, два из которых (№ 4, 5) хорошо фиксируются, третье (№ 6) частично. Четвертое помещение (№ 3) не сохранилось и оказалось разобранным к концу эксплуатации бани. На его месте обнаружен строительный мусор с битым кирпичом и штукатуркой. Несмотря на это, контуры помещения № 3 фиксируются фрагментами настенной штукатурки, обнаруженными *in situ* (рис. 4: 1). Выявлено наличие септика с направленной трубой к центру и фрагменты суфы в северо-восточном углу поме-

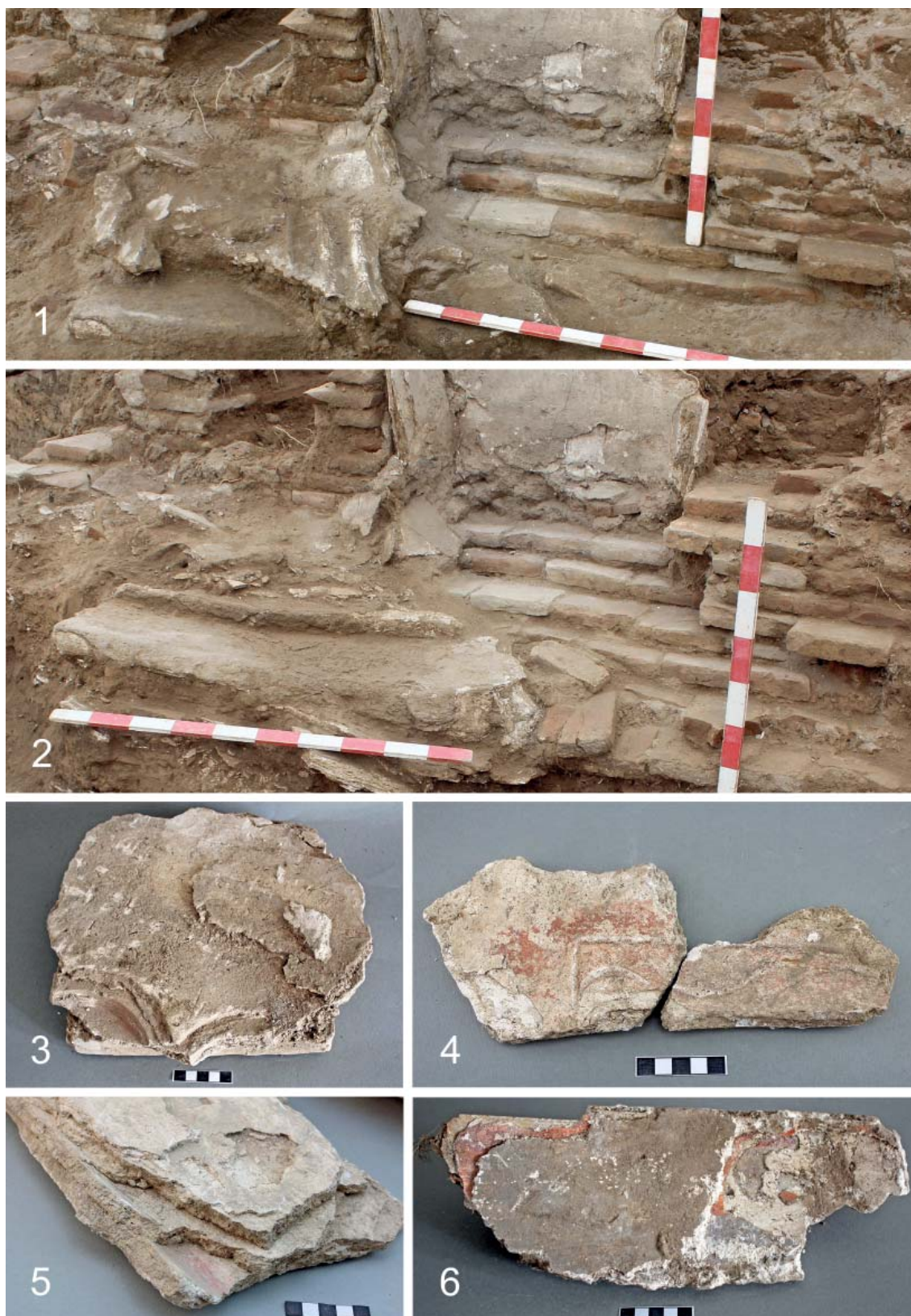

Рис. 2. Элементы штукатурки и декора «горячих» помещений. 1 – фрагменты «ребристой» штукатурки с подкуольных конструкций северо-западного угла второго помещения; 2 – ниша и карниз; 3–6 – фрагменты декора «горячих» помещений.
Fig. 2. Elements of plaster and decor of "hot" rooms. 1 – fragments of "ribbed" plaster from the under-dome structures of the north-western corner of the second room; 2 – niche and cornice; 3–6 – fragments of the decor of "hot" rooms.

щения № 3 (рис. 3).

Общие размеры этой части бани по внешней стороне 14,8×4,3 м, внутренней 13,7×2,7 м. Во всех помещениях в восточной стене находился проход около 1 метра с невысоким выступом-порогом из жженого кирпича с чередой пахсой, покрытой кыровым раствором и штукатуркой, которая, как выяснилось, в этой части бани имеет более 9 слоёв ремонтных подновлений. Пол в помещениях № 4–6 был выложен квадратной жженой плиткой размерами 50×50×5 см и имел с востока на запад уклон 3°.

В центральной части помещений № 4, 5 вмонтирован круглый каменный слив – ташнау со сквозным отверстием по центру, ниже которого под полами всех помещений была проложена керамическая труба. Очевидно, сливы-ташнау имелись и в помещениях № 3, 6, но они не сохранились. В «помывочной» вдоль стен установлены небольшие выступы-суфы высотой 40 см, шириной 28 см (рис. 3; 4: 1).

Несомненно, на городище Ханкурган выявлены остатки неординарного и, безусловно, интересного архитектурного сооружения. Здание с шестью удовлетворительно сохранившимися помещениями было полностью исследовано. В процессе вскрышных работ выявлены планировка и назначение всех шести помещений. Наличие капитальных стен из жженого кирпича, гипокаустной системы, обилие штукатурки с кыровым и белым ганчем, присутствие нескольких «помывочных» помещений со сливом-ташнау однозначно позволяет трактовать это сооружение как руины средневековой бани-хаммама.

В ходе раскопок зафиксированы две крупные радикальные перестройки бани, осуществленные за весь период функционирования и затронувшие все ее составные части, кроме «паровой». При этом главная составляющая

хаммама – «горячие» помещения – за все время их эксплуатации, несмотря на многочисленные ремонтные работы, сохраняют свою первоначальную планировку (рис. 4: 3).

Изначальный строительный период от «паровой» фиксируется южнее по выявленным контурам бутового камня, использованного в качестве фундамента для возведения стен, стоящих вплотную, особняком к «горячей» части бани (рис. 4: 1). Очевидно, в этой части бани находилась «помывочная», построенная из жженого кирпича с купольным перекрытием. Правильности этого утверждения свидетельствуют керамические трубы диаметром 30 см, обнаруженные ниже уровня древней поверхности, перпендикулярно основанию фундамента. Они, несомненно, являются канализационным отводом «помывочной», которая, судя по расположению труб, находилась традиционно у входа в «паровую» (рис. 3).

Первая радикальная перестройка «помывочной» и хозяйственных частей, затронувшая всю территорию, кроме «горячих» помещений, происходит, по нашему мнению, во второй половине X в. Тогда все постройки, кроме «паровой», разбираются, кирпич, полученный в ходе разбора, используется для ремонта «паровой» и строительства новых каркасных построек, при этом стены с жженым кирпичом и сырцовым чередуются. Бутовый камень, служивший фундаментом первоначальной конструкции, оставляется на прежнем месте в положении *in situ*. Напоминанием о наличии первой перестройки, являющейся по сути вторым строительным периодом, становятся остатки стен из бутового камня и септика № 1 (рис. 3; 4: 2).

Вторая радикальная и последняя перестройка перед входом в «паровую» происходит уже в XI в. и является третьим строительным периодом, на что указывает появление кирпича

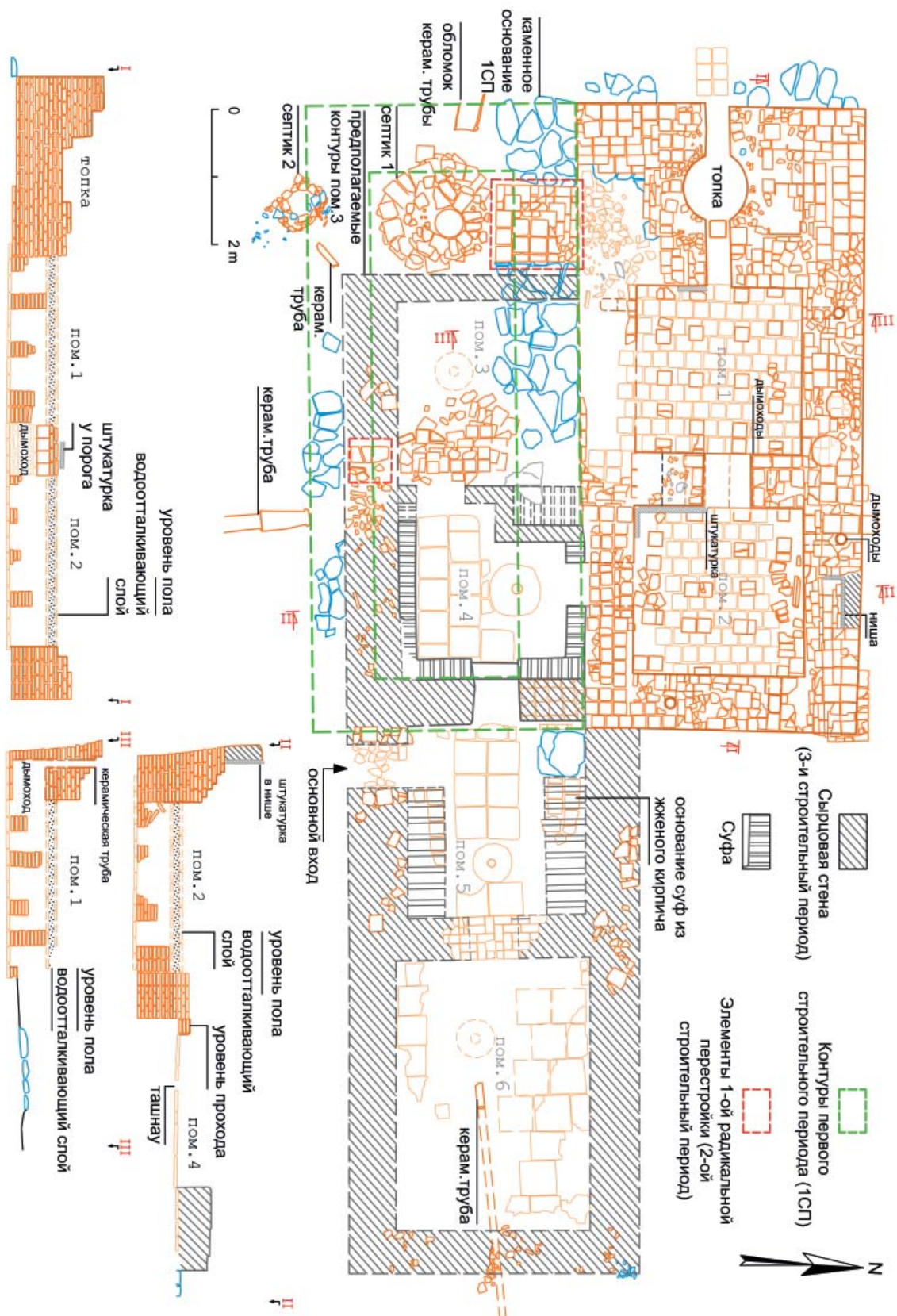

Рис. 3. План бани-хаммам Ханкурган.
Fig. 3. Plan of bath-hammam Khankurgan.

инового формата (22–23×22–23×5 см, 28×18×6 см) в ремонтных кладках стен и в подпольной системе отопления. На заключительном этапе предыдущие постройки также разбираются, кирпичи из этих строений используются везде: как при ремонте «горячих помещений», так и при строительстве «помывочной» с четырьмя каркасными помещениями. При этом последняя перестройка проходила в два этапа и эволюционировала по мере необходимости увеличения площади «помывочной».

Первоначально «помывочная» состояла из двух каркасных помещений (№ 3, 4), расположенных традиционно напротив «паровой», где с восточной стороны помещения № 4 находился вход в баню. На этой стадии «паровая» и «помывочная» имели общую площадь (рис. 3), как при первоначальном плане строительства. В дальнейшем после возникшей необходимости увеличения количества помещений «помывочной» строятся помещения № 5, 6. На это указывает различие размеров ташнау помещения № 4 (75 см в диаметре) с помещением № 5 (60 см в диаметре), появление нового, в отличие от других помещений, жженого кирпича размером 25×12×4–5 см, выстеленного на пороге между помещениями № 5–6, и другого размера напольной плитки 50×50×5 см, нежели в помещении № 4 (45×45×5 см), явно установленных одновременно. Заметим, сырцовые стены помещения № 5 и № 6 строятся прямо на утрамбованном грунте, где отсутствуют следы предшествующей конструкции и строительного мусора, как это было в помещениях № 3, 4. При этой пристройке меняется расположение основного входа в «помывочную», теперь он с юга, между помещениями № 4 и № 5.

Проведенные раскопочные работы и георадарные исследования у входа в «помывочную» и за помещениями

№ 5, с северной стороны не дали никаких результатов. Каковы были другие по назначению помещения, связанные с этой частью бани, и были ли они вообще, мы не знаем. Территория прилегающей к этой части бани в последующие эпохи активно возделывалась, вблизи проходит идущий из реки арык, очевидно ранее снабжавший хаммам водой.

Не менее важны вопросы датировки комплекса, времени его возведения и основные этапы функционирования. В нашем случае в качестве опорных вех для датировки являются строительный материал и керамика. Основная масса кирпичей при первоначальной постройке Ханкурганской бани размером 19×19×5 см, иногда с небольшой погрешностью 18–18,5×18–18,5×5 см. Полы в помещениях выстилаются кирпичом (плиткой) 50×50×4–5 см и 45×45×5 см. В процессе ремонтных работ, произведенных в период длительной эксплуатации бани, на верхних частях ее стен и по гипocaustической системе совместно с кирпичом формата 19×19×5 см используется кирпич 22–23×5 см, 28×18×6 см.

Стандарт кирпича 19×19 см традиционно считается характерным для построек саманидского времени. В постройках XI–XIII вв. он встречается редко, за исключением вторичного использования. Для Южного Согда (Кашкадарьи) квадратный жженный кирпич со стороной 20–22 см и толщиной 4 см характерен для построек X – начала XI вв. (Лунина, 1984, с. 97). Для Ташкентского оазиса квадратный жженный кирпич со стороной 18–20 см и толщиной 3,5–4 см характерен для второй половины X в. (Буряков, 1975, с. 42, 56). По мнению С.Г. Хмельницкого, квадратный жженный кирпич со стороной 21–23 см и толщиной 4–5 см характерен для построек среднеазиатского региона IX–X вв. (Хмельницкий, 1992, с. 36). В поль-

Рис. 4. Элементы конструкций различных строительных периодов. 1 – «помывочная» третьего строительного периода; 2 – сохранившиеся элементы конструкций второго строительного периода; 3 – профиль порога «горячих» помещений со слоями штукатурки, образованной после каждого строительного периода.

Fig. 4. Structural elements of various construction periods. 1 – "washing room" of the third construction period; 2 – preserved structural elements of the second construction period; 3 – threshold profile of "hot" rooms with layers of plaster formed after each construction period.

зу этого говорит кирпич размерами 22,5–23×3 см, использованный при строительстве мавзолея Исмаила Самани в городе Бухара в X в. (Засыпкин, 1948, с. 41). Отметим, кирпичи размерами 24×24×4 см и 20×20×4 см использовались в моечных комнатах бани XII в. Рабат-и-Малик (Немцева, Сапаров, 2002, с. 247).

Второй тип – крупный квадратный жженный кирпич (напольная плитка) размером 50×50×5 см или 45×45×5 см – также встречается в постройках саманидской эпохи (Шишкина, 1973, с. 135–136) и более поздних постройках, где основная его сфера применения – выстилка полов помещений и дворов. Из близких аналогий отметим кирпичи таразской бани, обнаруженной А.Н. Бернштамом в 1938 году, размерами 25×25×4,5 см и напольную плитку 50×50×6,5 см, датируемые X–XI вв. (Бернштам, 1941, с. 54–55). Обнаруживается полное сходство кирпича бани Ханкурган и у Екпиндинской бани, открытой в 2003 году в урочище Бургулюк Туркестанской области. Баня расположена непосредственно в Испиджабском историко-культурном районе, в 60 км южнее от городища Ханкурган. Кладка стен кирпичом размерами 19,5×19,5×3,5 см, напольных элементов плиткой 46,5–47×47×46,5–47×5–6 см, время возникновения X–XI вв., синхронно с Ханкурганской баней (Байтанаев, 2011, с. 115–142).

Керамический комплекс, обнаруженный в слоях бани, представлен тремя группами: кухонной, столовой и глазурованной. В первой группе находится посуда, которая соприкасалась с огнем. К ней относятся котлы, жаровни, горшки, крышки. Состав глиняного теста отличается большой примесью песка и шамота (рис. 5: 9–17).

Столовая посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения из хорошо отмученного теста с при-

месью мелкого песка и органических добавок. Ее поверхность покрывалась ангобом разного оттенка, в основном красно-коричневым, и в некоторых случаях тщательно залощена. К этой группе относятся чаши, хумы, кувшины, тазики-тагора, дастарханы (рис. 5: 1–8, 18–29). Кухонная и столовая посуда, имея широкие хронологические рамки – VIII–XII вв., находит свои аналогии среди комплексов керамики Отрарского, Туркестанского, Ташкентского оазисов, Ферганы, Тараза и Испиджаба. Она не дает нам более дробной датировки всего комплекса бани Ханкурган, что нельзя сказать про глазурованную керамику.

В группе глазурованных керамических изделий выделяются фрагменты раннеглазурованной керамики IX века, покрытой глазурью с лиловым оттенком и украшенной по ней крупными пятнами бирюзового цвета (рис. 6: 1). Донце с эпиграфическим (псевдонадпись) орнаментом зеленого цвета по белой глазури (рис. 6: 2). Полное сходство декора и техники изготовления этих материалов мы находим среди комплексов керамики Ташкента, где они уверенно датируются IX веком (Брусенко, 1986, с. 133–134, табл. 47; Ильясова и др., 2016, с. 468, 480). Вообще раннеглазурованная керамика IX века для казахстанских памятников большая редкость. Имеется лишь небольшая коллекция керамики IX века, найденная на городище Сайрам в 2013 году (Байтанаев, 2016, с. 166–171).

Следующую группу определяют глазурованные изделия с эпиграфикой. Они подразделяются на два типа. К первому относится белофонная боковина сосуда, имеющая устойчивые хронологические рамки (рис. 6: 9). Г.В. Шишкина считает, что белофонная керамика с эпиграфикой, выполненная с почерком куфи, появилась в конце IX в. и продолжала свое существование всё X столетие (Шиш-

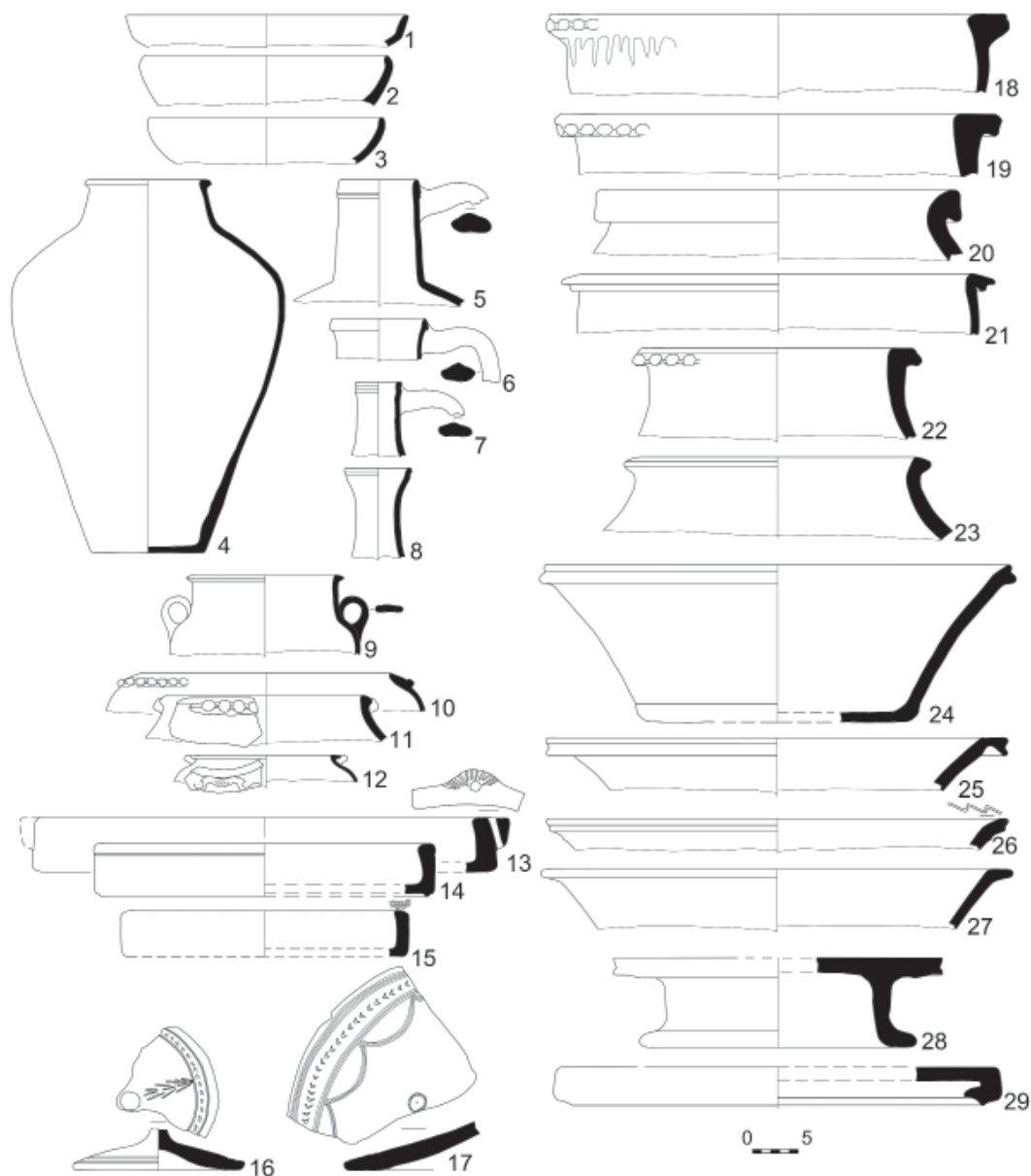

Рис. 5. Комплекс керамики кухонной и столовой посуды.
Fig. 5. Complex of ceramics of kitchen and tableware.

кина Г.В., 1979, с. 53). Л.Г. Брусенко отмечает, что в керамике Шаша второй половины IX – первой половины X в. известно несколько типов эпиграфического декора, выполненного почерком строгого куфи, и определяет аналогичную керамику первой половиной и серединой X века. Датировка данного эпиграфического декора концом IX – первой половиной X в. достаточно полно освещена в специальной литературе и не вызывает никаких сомнений (Брусенко, 1986,

с. 54, 55, 133–134, табл. 47; Ильясова, и др., 2016, с. 29–33).

Второй тип эпиграфического декора на глазурованной посуде складывается уже в XI в. По двум фрагментам чаш и фрагменту закрытой формы посуды нанесено почерком куфи беспрерывно повторяющееся слово *албирр*- «благодаяние» (рис. 6: 10–12). Надписи нанесены верхушками букв к венчику, что является характерной особенностью керамического производства XI в. (Ильясова, и др., 2016,

Рис. 6. Комплекс керамики глазурованной посуды.

Fig. 6. Complex of ceramics of glazed ware.

с. 382, 514–516).

Выделяется серия глазурованных чаш и блюд с дисковидными поддонами, на дне которых поверх светлого фона нанесен центрический орнамент в виде разнообразных розеток. Посуда с декором вихревой розетки по белому фону широко представлена в Таразе X–XI вв. (Сенигова, 1972, с. 156–157), Отраре XII в. (Байпаков, 1986, с. 112, 113), Испиджабе (Байтанаев, 2011, с. 119; 2012, с. 105) и в других регионах Центральной Азии. Л.Г. Брусенко по материалам Шаша отмечает, что в конце X – первой половине XI в. вихревая розетка, теряя свою былую популярность, изображается с наименьшей тщательностью, небрежно, жидкой коричне-

вой краской. Она также отметила, что в Шаше розетки всегда исполнялись интенсивно черным цветом в отличие от Согда, где мастера предпочитали охристо-красный (Брусенко, 1986, с. 57, 133). В данном комплексе имеются изображения розетки как черным, жидким коричневым, так и охристо-красным (рис. 6: 15, 16) цветом, и датируются серединой X – второй половиной XI века.

Комплекс дополняют чираги и сфероконусы, которые являются неотъемлемой принадлежностью бани. Чираги имеют два типа, отличающиеся как по форме, так и хронологически. Белофонные чираги с округлой чашей, коротким носиком и орнаментацией в виде пятен темной краской,

имея широкую географию, датируются X в. Светильники с глазурью коричневого цвета, с округлым туловом датируются XI веком (Байтанаев, 2016, с. 176–177; Брусенко, 1986, с. 118). Выявленные в слоях бани сфероконусы, по классификации З.С. Галиевой, относятся к I типу и датируются X – началом XI вв. (Галиева, 2014, с. 78–79). По определению К.М. Байпакова, схожие по форме и типу сфероконусы в материалах городища Отрар датируются XI–XII вв. (Байпаков, 1986, с.144). В комплексе керамики бани Екпинды урочища Бургулюк аналогичные сфероконусы датированы XI веком (Байтанаев, 2011, с. 132).

Раннеглазурованная керамика, обнаруженная в составе комплекса глазурованной посуды, позволяет нижнюю шкалу всего комплекса датировать IX веком, но при этом отметим отсутствие глазурованной бирюзовой и желтофонной посуды, характерной для XII века, что дает нам основание датировать верхнюю шкалу комплекса XI веком.

Строительный материал (жженный кирпич), использованный для возведения бани на городище Ханкурган, позволяет отнести ее создание к саманидскому времени. Примечательна в этом плане одна деталь – несмотря на общие аналогии с Центральным Согдом, где в основном в это время использовался жженный кирпич чуть большего формата, ханкурганские кирпичи вслед за екпендинскими прямо аналогичны материалам Ташкентского оазиса. То же самое можно сказать и про керамический комплекс. Глазурованная керамика бани Ханкурган представлена дисковидными донцами и стенками чаш, блюд, закрытой формы сосудов различного размера, которые в целом по составу, по типам посуды, по приемам обработки поверхности находят близкие аналогии (кроме Испиджаба) в первую очередь

среди комплексов керамики IX–XI вв. поселений и городов Ташкентского оазиса. Несомненно, строительство Ханкурганской бани близко по времени с Екпендинской, возникновение которой определено концом X века (Байтанаев, 2011, с. 141–142). Однако керамический комплекс с раннеглазурованной керамикой из бани Ханкурган оказался на век древнее и дал возможность определить время строительства бани IX веком.

На сегодняшний день в Казахстане изучено три бани со схожей прямоугольной планировкой домонгольского времени. Первая баня была обнаружена в 1938 году в Таразе (в предвоенные годы – Джамбул). Кирпичная постройка бани размерами 13,60×12,40 м была ориентирована по сторонам света и сохранилась по уровню фундамента, утопленного в грунт. В составе бани зафиксированы помещения с подпольным отоплением и ванночками, а также элементы водопровода. Размеры «паровой» Таразской бани 3×3 м схожи с размерами «паровой» Екпендинской. Стены бани имели богатое обрамление с росписями и стукowymi рельефами. Она датирована X–XI вв. (Бернштам, 1940, с. 177–183).

Следующая баня найдена в том же Таразе в 1973 году. Первоначально исследование ее проводили местные краеведы К. Байбосынов, А. Попов, но не создали полевою документацию. В 2011–2012 годах она была повторно изучена. Исследователям удалось установить размеры кирпича (22×22×4,5 см, 26×15×4,5 см) и напольной плитки (48×48×5 см). Они идентичны ханкурганским. По вскрытым двум помещениям, одно из которых, вероятно, являлось предбанным (5×3 м), второе (3,5×3,5 м) – горячим, судя по наличию в нем жаропроводящих каналов, удалось интерпретировать остальную часть бани и предоставить условный план с че-

тырьмя помещениями с купольным перекрытием. Датировка бани XI–XII вв., установленная по найденному керамическому комплексу, была подтверждена радиоуглеродным анализом по саже, взятой из жаропроводящего канала (Байпаков и др., 2013, с. 158–161).

В 2003 году в поселке Екпенды урочища Бургулюк была исследована баня подквадратной формы, стороной около 14–15 м. Она состояла из 13 помещений, «горячей» частью углубленной в грунт около 1,5 м, «помывочной», где были установлены ванночки, и предбанником (Байтанаев, 2011, с. 115–142). В данном комплексе не наблюдаются крупные ремонтные работы или радикальные перестройки как это имеет место в Ханкурганской бане, в период длительной эксплуатации. Расположенная в живописном горном (курортном) районе Екпиндинская баня, несомненно, является частной, очень богатого человека, может, самого правителя Испиджаба, позволившего построить ее в «безлюдном» месте, содержание которой в то время было не под силу обычному человеку. Она подтверждает, насколько важным в жизни мусульман в те века являлась банная культура, даже вдалеке от городских центров, в зонах отдыха с охотничьими угодьями и временной ставкой.

Большинство исследователей считают, что появление бань в городах Центральной Азии произошло не раньше VIII–IX вв., и связывают этот факт, безусловно, с включением территории в состав арабского халифата (Хмельницкий, 1992, с. 282; Немцева, Сапаров, 2002, с. 244). В этом, с одной стороны, сказались влияние прямых культурных контактов с ближневосточными областями, где в определенной мере сохранялись и перерабатывались бытовые и эстетические традиции, восходящие к эллинизму. С другой стороны, сыграло большую

роль распространение новой религии, когда благодаря бытовым и культовым предписаниям ислама бани становятся важным атрибутом мусульманской культуры.

Каковы были пути распространения ранних бань в Казахстане, учитывая, что Испиджаб, расположенный на месте городища Сайрам, долгое время был местом войны за веру, ареной политических событий, напрямую связанных со временем распространения данной мусульманской культуры.

Возвышение Испиджаба, в то время расположенного на крайнем востоке мусульманского мира, началось в IX в. Согласно ал-Белазури: «... Взятие крепости Исбиджаба было в старину, потом завладели ею турки [т. е. тюрки] и с ними группа людей из жителей Шаша, потом взял его Нух ибн Асад в халифат эмира правоверных ал-Мутасима Биллаха и построил вокруг него стену, окружающую виноградники и посеы его жителей». Сочинение ал-Белазури написано во второй половине IX в. и, как следует из текста, сведения о событиях, связанных с завоеванием Испиджаба Нух ибн Асадом, относятся к 833–844 гг. (Волин, 1949, с. 176), по которым можно констатировать начало активного распространения ислама в Казахстане, полностью подтверждая время распространения ранних бань в Испиджабском историко-культурном районе.

Недавно Э.Д. Зиливинская, рассмотрев общественные бани с подпольным отоплением Волжской Болгарии, пришла к заключению, что они возникли в домонгольское время и связаны с проникновением в Поволжье ислама. Все здания Волжской Болгарии этого периода состоят из прямоугольных помещений, расположенных в один или в несколько рядов, повторяющих планировку некоторых бань этого периода Кавказа (Даманиси, Ани), Казахстана (Тараз) (Зили-

винская, 2020, с. 145–158).

Продолжая эту мысль, отметим, баня из городища Ханкурган несет все специфические черты структуры бань-хаммамов и является ее классическим, что очень важно, достаточно ранним образцом. Она отражает один из путей становления этого типа бань, с компактно организованным сооружением, с характерным для ранних бань центральноазиатского региона

подпольным утопленным в грунт отоплением, размещенными помещениями по принципу нарастания температур, с использованием всех известных к тому времени строительных технологий. Построенная в середине IX века, прослужившая до середины XI в., ханкурганская баня отражает в целом культурно-экономические связи Испиджабского региона с мусульманским миром.

Примечания:

² Хаммам – от арабского (ḥammām) «баня» – буквально «горячая вода». В основе арабский производный корень «хаммам» – греть, топить.

³ Термин «паровая», предложенный В.Л. Ворониной, мы принимаем условно, учитывая, что в банях типа хаммам наличествует жар и нет пара, как, например, в русской бане. Сама же В.Л. Воронина по этому поводу отметила: «Усматривая в температурном режиме хаммам сходство с римскими термами, зарубежные исследователи пользуются при описании хаммам античными терминами «тепидарий», «кальдари», «лаконик» и т. д. Насколько правомерно сопоставление с термами, каковы пути развития у различных народов? Эти вопросы поддаются решению лишь на основе широкого обзора, сопоставления типов хаммам на территории Советского Союза и зарубежного Востока» (Воронина В.Л., 1983, с. 133).

⁴ Кыр – гидроизолирующий раствор, иногда по цвету и по крепости напоминающий цемент. Это своего рода нефтяной продукт, особое битумное вещество, придающее раствору гидравлические свойства и издавна широко применявшееся в центральноазиатской строительной практике. Вместе с тем в быту широко использовался искусственный кыр, который изготавливался из извести, камышовой золы, камышового пуха как связующего компонента и патоки. (Пугаченкова, 1949, с. 258). По мнению В.Л. Ворониной, состав гидравлического раствора оставался практически неизменным с IX–X вв. (т. е. включал известь, золу и камышовый пух), но следов каких-нибудь «пищевых» добавок как патока, молоко и яйца анализами не обнаружено (Воронина, 1983, с. 145).

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.
2. Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Алматы: Археологическая экспедиция, 2013. 320 с.
3. Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы, 2011. 200 с.
4. Байтанаев Б.А. История Шымкента. 2200 лет по археологическим источникам. Алматы: Хикари, 2012. 252 с.
5. Байтанаев Б.А. Керамика Сайрама. Алматы, 2016. 316 с.
6. Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А., Шаяхметов А.Х. Городище Ханкорган – ставка Аблайхана // Древние города Туркестанской области. Алматы: Казығұрт, 2018. С. 228–231.
7. Бернитам А.Н. Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л. 1940. С.177–183.
8. Бернитам А.Н. Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941. 67 с.
9. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: Наука, 1986. 136 с.
10. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент: «Фан», 1975. 204 с.
11. Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Семиреченской археологической экспедиции. (1936–1938 гг.) Таласская долина / Материалы и исследования по археологии

Казахской ССР. Т. I. / Под общ. ред. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: АН КазССР, 1949. С. 174–197.

12. *Воронина В.Л.* Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // *Архитектурное наследие*. № 31 / Отв. ред. О.Х. Халпахчян. М.: Стройиздат, 1983. С. 133–167.

13. *Галиева З.С.* Типология керамических сфероконусов Средней Азии // РА. 2014. № 1. С. 75–87.

14. *Засыпкин Б.Н.* Архитектура Средней Азии М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1948. 161 с.

15. *Зиливинская Э.Д.* Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // *Поволжская археология*. 2020. № 4. С. 145–158.

16. *Ильясова С.Р., Ильясов Д.Я., Имамбердыев Е.А., Исхакова Е.А.* «Нет блага в богатстве...». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. 596 с.

17. *Лунина С.Б.* Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. 127 с.

18. *Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж.* Банный комплекс Рабат-и-Малик. // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 33 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 2002. С. 243–248.

19. *Пугаченкова Г.А.* «Архитектурные памятники Нисы. Баня в Цитадели. // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ)*. Т. I / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1949. С. 241–247.

20. *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз, Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.

21. *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин – Рига: Изд-во Continent, 1992. 340 с.

22. *Шишкина Г.В.* Городской квартал VIII–XI вв. на северо-западе Афрасиаба // *Афрасиаб*. Вып. II / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1973. С. 117–156.

23. *Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в. в.). Ташкент: Фан, 1979. 165 с.

Информация об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич, доктор исторических наук, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); bautanaev@mail.ru

Ергешбаев Азамат Адилевич, научный сотрудник. Научный центр «Археологические и антропологические исследования». Южно-Казахстанский университет им. М.О. Ауэзова (г. Шымкент, Республика Казахстан); aza.kz.85@mail.ru

Шаяхметов Анатолий Хайрутдинович, научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); toliktommy@gmail.com

HAMMAM FROM KHANKURGAN

B.A. Baitanayev, A.A. Ergeshbaev, A.Kh. Shayakhmetov

The authors publish the results of architectural and archaeological research of the medieval bath house carried out on the territory of the settlement Khankurgan in 2015–2016. During the excavations, six rooms were unearthed, two of which were built of burned bricks and turned out to be “steam rooms” with an underfloor heating system, the remaining four were frame rooms – “washing rooms”. All rooms are covered with waterproof mortar and plaster. Their original layer was decorated with red-brown drawings, carved stucco and moldings. The plaster has been updated more than twenty times in the course of multiple repairs. Two major reconstructions of the bathhouse were recorded, which did not affect the “hot” rooms, due to which their original layout was preserved. The stages of restructuring and repair work for the entire period of operation of the hammam are determined. The Khankurgan bath house is well preserved and is a unique example of medieval architecture of the Samanid era, it belongs to rather early examples of such structures that arose at the middle of the 9th century. Functioning until the middle of the 11th century, it gives us a represent of the features of the architectural and construction techniques used in the building of the baths of the pre-

The work was carried out within the framework of the project BR20280993 "Kazakhstan in antiquity and the Middle Ages: systematization and analysis of archaeological sources"

Mongolian era in Kazakhstan. Hammam Khankurgan, being a vivid example of the medieval architecture, allows to determine the time of the emergence of this culture in the Ispidzhab historical and cultural region, clarifying its planning, constructive and shaping principles, reflecting in general the cultural and economic connection of the region with the Muslim world.

Keywords: archaeology, architecture, bathhouse, hammam, hypocaust, plaster, pottery, glaze, epigraphy, complex, Samanids, Ispidzhab.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazahstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII) (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI–beginning of XIII))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Kapakova, G. A., Voyakin, D. A., Mar'yashev, A. N. 2013. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoi oblasti (Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl Region)*. Almaty: “Archaeological Expertise” Publ. (in Russian).
3. Baitanayev, B. A. 2011. *Drevnosti Burgulyuka (Antiquities of Burgulyuk)*. Almaty (in Russian).
4. Baitanayev, B. A. 2012. *Istoriia Shymkenta. 2200 let po arkhelogicheskim istochnikam (History of Shymkent. 2200 Years According to Archaeological Sources)*. Almaty: “Hikari”, Publ. (in Russian).
5. Baitanayev, B. A. 2016. *Keramika Sairama (Pottery of Sairam)*. Almaty (in Russian).
6. Baitanayev, B. A., Ergeshbaev, A. A., Shayakhmetov, A. Kh. 2018. In *Drevnie goroda Turkestanskoi oblasti (Ancient cities of the Turkestan region)*. Almaty: “Kazygurt” Publ., 228–231 (in Russian).
7. Bernshtam, A. N. 1940. In *Trudy otdela kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Oriental Culture and Art of the State Hermitage) 2*. Leningrad, 177–183 (in Russian).
8. Bernshtam, A. N. 1941. *Pamyatniki stariny Talasskoy doliny: Istoriko-arkheologicheskii ocherk (Monuments of antiquity of the Talas Valley: Historical and archaeological essay)*. Alma-Ata (in Russian).
9. Brusenko, L. G. 1986. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vekov (Glazed Ceramics from Chach of the 9th–12th Centuries)*. Tashkent: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Buryakov, Yu. F. 1975. *Istoricheskaya topografiya Tashkentskogo oazisa. (Historical topography of the Tashkent oasis)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
11. Volin, S. 1949. In Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (1936–1938 gg.): Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition. (1936–1938) Talas Valley)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of the Kazakh Soviet Socialist Republic. Vol. 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic, 174–197 (in Russian).
12. Voronina, V. L. 1974. In Khalpakhch'ian, O. Kh. (ed.). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage) 31*. Moscow: “Stroiizdat” Publ., 133–167 (in Russian).
13. Galieva, Z. S. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology) (1)*, 75–87 (in Russian).
14. Zasyupkin, B. N. 1948. *Arkhitektura Sredney Azii (Architecture of Central Asia)*. Moscow: Publishing House of the Academy of Arts of the USSR (in Russian).
15. Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 34 (4), 145–158 (in Russian).
16. Ilyasova, S. R., Ilyasov, D. Ya., Imamberdiev, E. A., Iskhakova, E. A. 2016. *“Net blaga v bogatstve...”. Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa IX–XII vekov (“There is no good in wealth...”. Glazed ware of the Tashkent oasis of the 9th–12th centuries)*. Moscow: “Fond Mardzhani” Publ. (in Russian).
17. Lunina, S. B. 1984. *Goroda Yuzhnogo Sogda v VIII–XII vv. (Southern Sogdia urban settlements in the 8th–12th centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
18. Nemtseva, N. B., Saparov, N. Zh. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan) 32*. Tashkent: “Fan” Publ., 243–248 (in Russian).
19. Pugachenkova, G. A. 1949. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) I*. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 241–247 (in Russian).
20. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka”, Publ. (in Russian).
21. Khmel'nitskii, S. G. 1992. *Mezhdru arabami i tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Sredney Azii (Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia)*. Berlin - Riga, “Continent” Publ. (in Russian).
22. Shishkina, G. V. 1973. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab) II*. Tashkent: “Fan” Publ., 117–156 (in Russian).

23. Shishkina, G. V. 1979. *Glazurovannaya keramika Sogda (vtoraya polovina VIII – nachalo XIII vv.)*. (*Glazed ceramics of Sogd (second half of the 8th – early 13th centuries)*). Tashkent: “FAN” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, General researcher of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Ergeshbaev Azamat A. The South Kazakhstan University named after M.O. Auezov. Tauke Khan Avenue 5, 160012, Shymkent, Republic of Kazakhstan; aza.kz.85@mail.ru

Shayakhmetov Anatoliy Kh. The Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; toliktommy@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

MAUSOLEUMS IN THE MEDIEVAL CITY OF SYGANAK¹

© 2023 B.S. Sizdikov, B.A. Baitanayev, S.S. Murgabayev,
M.M. Bakhtybayev, K.S. Arynov, M. Gursoy, A.A. Seraliyev

The city of Syganak was recognized as one of the major political centers in the middle reaches of Syrdarya in the 11th and 16th centuries. The city was one of the main centers of the Kypchak Khanate, the White Horde, the Abulkhair Khanate and the Kazakh Khanate. For this reason, the rulers of the above-mentioned khanates, famous personalities were buried near the city. The huge mausoleums were built for demand the city became one of the sacred and spiritual centers. The mausoleum – a monument of architecture, built on a grave or cemetery. The mausoleums were considered as the afterlife home of the deceased. According to the constructions of the mausoleum it is possible to determine the social level of people, buried in the mausoleum or to which class they belong. The identified burial grounds and the found objects allow to determine the status, level of social development, worldview, lifestyle, traditions, religious beliefs, funeral rite and social relations of ancient people. The authors set the goal to study, analyze and introduce into scientific discourse the mausoleums №6 and №7, discovered during archaeological excavations in the medieval city of Syganak in 2022. In addition, the authors consider it is important to determine the history of the creation and development of mausoleums. Basing on the results of archaeological research, conducted in the city of Syganak in 2022, the absolute chronology of the mausoleums was determined using the analysis C14, similarities and differences with the same type of mausoleums in neighboring regions were discussed, scientific observations were carried out.

Keywords: archaeology, Syganak, medieval cities, holy places, mausoleum, architectural monument, funeral tradition, ceramic claddings.

Introduction

The medieval city of Syganak is located 2 km west of the village of Sunakata, Zhanakorgan district, Kyzylorda region, on the right side of the highway Turkestan–Kyzylorda (Murgabayev et al., 2022, p. 206). The city of Syganak, recognized as one of the major medieval centers on the Great Silk Road, was one of the important cities of the middle Syrdarya region, where culture and economy, crafts and trade, agriculture and animal husbandry were developed simultaneously. The city was the center of the Kypchak Khanate in the 11th–13th centuries: White Horde in the 14th–15th centuries, the Abulhhair Khanate in the middle of the 15th century, the capital of the Kazakh Khanate in the last quarter of the 15th century – the beginning of the 16th century. The city was one of the important centers in the middle

reaches of Syrdarya, where the khans and sultans who ruled the region in the 13th and 17th centuries, famous scientists and figures were buried in the burial places near the city (Kozha, Nurzhanov, Krupko, 2021, p. 900–901). In the 14th–17th centuries, many khans and sultans were buried in the city of Syganak and the city was recognized as “the city of mausoleums”. There are reports that the descendants of Orys Khan fought with the Shaybanite clan for the cemetery of their ancestors buried in the city until the late 15th century and took the city under their authority (Nagamine, 2020, p. 533–551). According to many khans and sultans, buried near the city in the 14th–17th centuries, we can say that the city was one of the sacral and spiritual centers in the middle reaches of Syrdarya. This is confirmed by archaeological research. This is due to the fact that during the

---

¹ The work was carried out within the framework of the project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan No. BR10965310 "Comprehensive archaeological research of the object of historical and cultural heritage, the medieval settlement of Syganak".

archaeological excavations carried out in the city, 8 places of the mausoleum have been identified and studied in the cemetery near the city.

Mausoleum – a historical monument with a dome, built over a grave or cemetery. Turkic peoples built mausoleums over the graves of their relatives for centuries. The mausoleums are considered the afterlife home of the deceased. According to the constructions of the mausoleum, it is possible to determine the social level of people, buried in the mausoleum or to which class they belong. After all, it is known that large mausoleums, consisting of several rooms, with internal and external walls, lined with decorative ceramic cladding were built for famous people.

If we refer to the etymology of the words of the mausoleum, it is known that medieval Kipchaks called it “Kezene”, the Karachais called it “Keshene”, the Kyrgyz people called it “Kasana”, the Ingush and Chechens called it “Kashi”, equating the word to the word «mausoleum» that means «mound» or «burial ground» (Radlov, 1899, p. 1174). Barthold V.V. analyzed the word «Kasana», t.e. «mausoleum» and noted that this word means «home of the deceased» and this word is still used among the Kazakhs. The confirmation of this fact is «Blue mausoleum», located 4–5 km from Tomen Arak station near the city of Syganak. That is, it says that the word «grave» is still in use among the Kazakhs. At the same time, the conclusion is made that the word «Kezene» in the Kypchak language may have undergone a change and become used as «Kesene» in the Kazakh language (Barthold, 1947, p. 519). On the basis of the researches of the aforementioned scientists it has been established that the word «kesene (mausoleum)» became used in 13th–14th centuries and is used without changes until now.

A number of scientists conducted research on the mausoleums in the Kazakh

steppe, including the Syrdarya valley. The research of scientists focused more on the architecture of the mausoleums, the period of their construction and the legends about them. Little attention was paid to the history and stages of development of mausoleums. For these reasons, in this article, studying the history of the mausoleum, which is an important part of architectural monuments, it was determined that the roots of this type of monuments can be traced to the Early Iron Age in Central Asia. In addition, the uniqueness, technology of construction and the period of mausoleums №6 and №7, discovered in the medieval city of Syganak in 2022, have been studied and their similarities and differences was identified by comparing with the same type of mausoleums in neighbouring regions.

History of mausoleum creation

In the burial tradition of nomadic and sedentary peoples living in Central Asia in antiquity, the tradition of building mound putting heaps of land or stones over the grave of the deceased, changed in the 10th–11th centuries and monumental architectural monuments were called “mausoleum” (Glaudinov, 2012, p. 41). If we look at the history of architectural monuments in the regions of the spread of the Islam religion, we see that mausoleums were rare in periods before the 10th century and after the 10th century, this type of monuments began to appear in large numbers in the areas of Khorasan and Turkestan. In general, the Islamic religion did not approve the erection of large architectural monuments over the grave (Ragheb, 1996, p. 17-23; Koshenova, 2016, p. 184). However, from the 9th century the peoples of Central Asia erected this type of monument. Pugachenkova G.A. also mentions in her research that in the early days of Islam it was strictly forbidden to erect dome-shaped or mound-type constructions over the grave of the deceased (Glaudinov, 2012, p. 41). Over time, this pro-

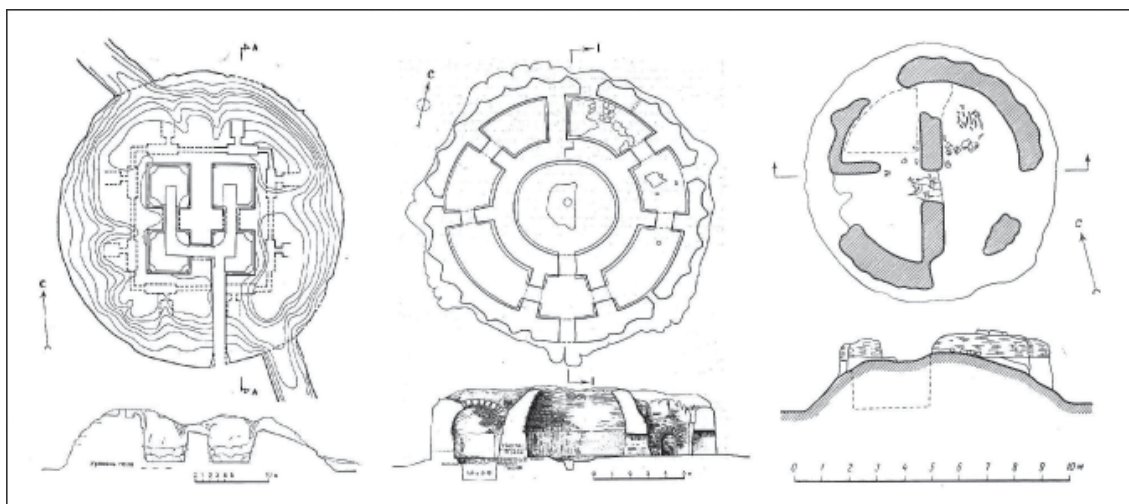

Fig. 1. Mausoleums belonging to Shirik-Rabat culture (Tolstov, 1962, p. 145–180).

Рис. 1. Мавзолеи, относящиеся к культуре Ширик – Рабат (Толстов, 1962, с. 145–180).

hibition was eliminated for the sake of caliphate status and it is known that in the 9th century mausoleums were built over the graves of Khalifa al-Muntasir and Kubba al-Sulabii (Baypakov, 2012, p. 57; Çoruhlu, 2000, p. 15).

In the early 10th century, the mausoleums were massively built in the districts of Turkestan and Khorasan. Evidence of this are the mausoleum of Ismail Samani, built in Bukhara in 907 (Arik, 1967, p. 57–100; Cezar, 1977, p. 114–115), mausoleum of Al-Hakim al-Tirmizi, built in the late 10th century, an Arab Ata tomb, built in Tim near Samarkand in 977–978 (Aslanapa, 1972, p. 24), mausoleum of Gombede-Kavus in Golestan, built in 1007 (Kuban, 2009, p. 170–171), mausoleum of Nasr ibn Ali, built in Ozgent in 1012, mausoleum of Aslan Gazip, built in the city of Sang of Iran in 170–171 and etc. (Tahaoglu, 1988, p. 13–16). These mausoleums are square-shaped with domes on top. Arik M.O., who has been studying mausoleums for many years, noted that the constructions, built on graves of this type existed in the territory of Mesopotamia and Central Asia in the pre-Islamic period (Arik, 1967, p. 57–100).

The mausoleums of the Saka tribes, belonging to the 4th–2nd centuries BC, which were widespread in the southeast

of the Aral Sea, confirm the above conclusion of Arik M.O. These mausoleums, belonging to the Shirik-Rabat culture, are round or quadrangular and crowned with domes (Fig. 1) (Tolstov, 1962, p. 145–180; Vainberg, Levina, 1993, p. 37–56; Kurmankulov, 2011, p. 360–361). The doors are stretched to south or southeast. In the construction of most of the mausoleums were used blocks of pacha and rectangular raw bricks (sizes 40x30x10 – 50x40x12 cm) (Utubayev et al., 2022, p. 33–34). In these mausoleums one or more people are buried according to various traditions. The cremation was made in the mausoleum itself and there was a tradition of burying bodies in wooden coffins and special stretchers (Baypakov, Taymagambetov, 2009, p. 227–247). These mausoleums were built as the afterlife home of the deceased. At the same time, it can be said that the ancient nomadic peoples built such monuments in order to forever remember their dead ancestors, visit their ancestors' graves and pray for their spirits.

The mausoleums (crypt, naus) dating back to the 4th–8th centuries, found in large numbers in the middle and lower reaches of the Syrdarya, are the continuation of the mausoleum belonging to the mentioned Saka mausoleum. Comparing the mausoleums belonging to the Saka

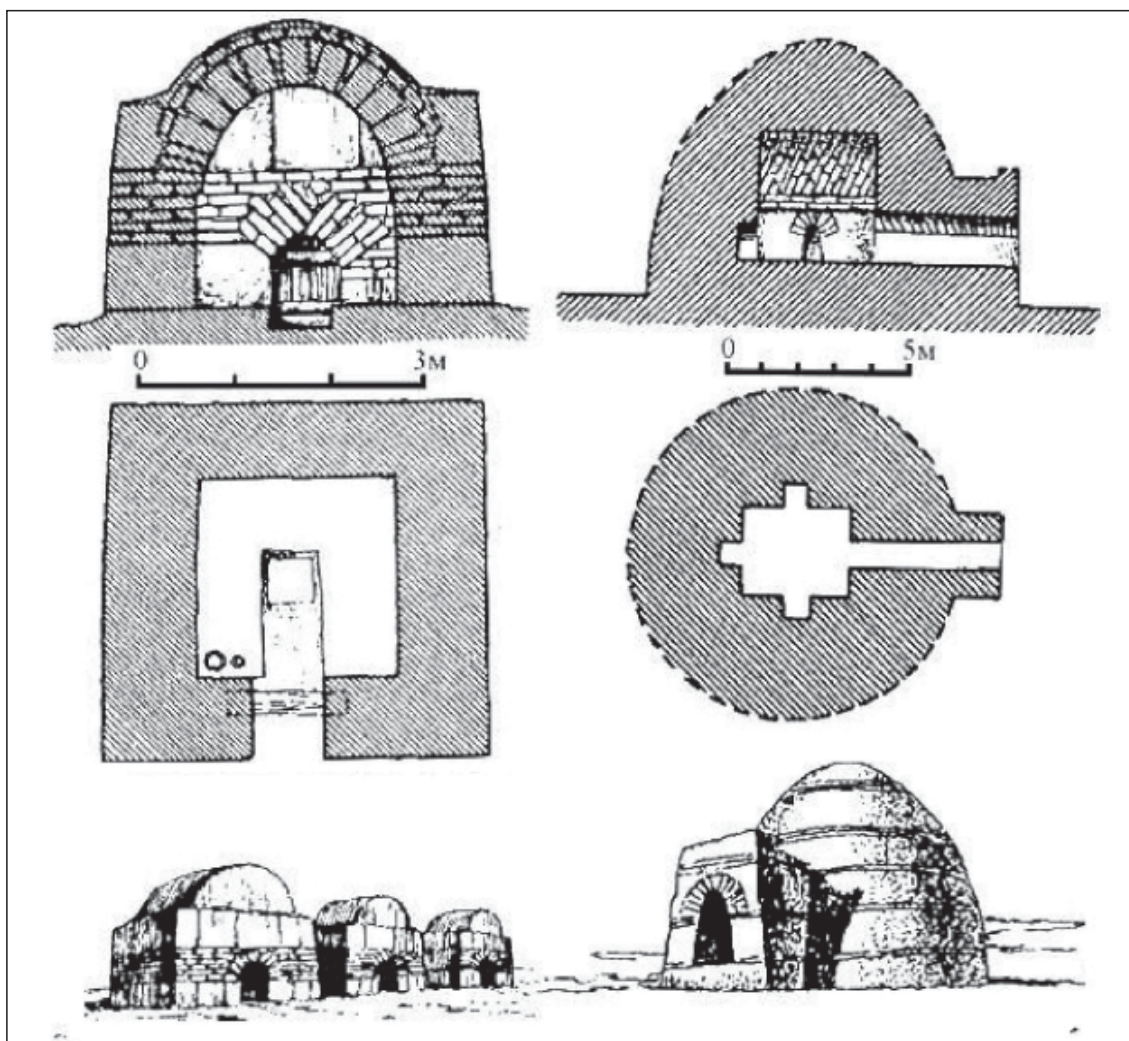

Fig. 2. Naus belonging to the Kangju and Turkic periods (Smagulov, 2018, p. 246).

Рис. 2. Склепы, относящиеся к кангюйскому и тюркскому периодам (Смагулов, 2018, с. 246).

mausoleum with the naus of the Kangju and Turkic periods, the naus, built on the ground, are completely covered with soil. And mausoleums belonging to the Saka tribes were left open for the purpose of burying their relatives. Both the mausoleums mentioned in the early period and the tombs of the later period were erected as the afterlife home of the deceased. The naus, built of raw brick or bakhsa (pahsa), are round or quadrangular with dromos or door, directing to the south, south-east or south-west and burials with one or two chambers in the center (Fig. 2). The upper part of the crypt is crowned with a dome and lined with masonry (Baypakov, Taymagambetov, 2009, p. 227–247). After burying the

deceased, the crypt was entirely covered by soil.

Pugachenkova G. A. who studied architectural monuments, including architecture of mausoleums, concludes that burials with naus underground can be the first samples of mausoleums (Pugachenkova, 1983, p. 23–24). Smagulov E.A., who has been studying the naus in the middle reaches of Syrdarya for many years, agrees with the opinion of Pugachenkova G.A. (Smagulov, 2011, p. 123). It can be understood that it comes from the mausoleums of the Saka tribes belonging to the 4th–2nd centuries and mausoleums appeared in the 9th–10th centuries AD on the basis of the mausoleum constructions, which were built in

Fig. 3. General view of the mausoleum №6.

Рис. 3. Общий вид мавзолея №6.

a large number in the 4th –8th centuries. Thanks to the acceptance of Islam by the Turkic peoples, the mausoleums were built with rooms where the pilgrims read the Koran and prayed. During the adoption of Islam as the state religion under the Karakhan state, the mausoleums acquired special significance and began to be built in large numbers (Glaudinov, 2012, p. 45). Thus, the tradition of erecting one or two-room square mausoleums crowned with a dome on the graves of famous personalities, state and religious figures, has become a tradition and continues to this day.

Gabriel A., Stshigowski Zh., Diez E., Künel E., Otto-Dorn C., Erdman C. and etc. conducted research on the history of

mausoleum creation. In their research, the scientists connect the roots of the mausoleums with the material culture of the Turkic peoples inhabited Central Asia (Önkal, 2009, p. 126). From the research of these scientists it can be understood that the mausoleums the Turkic peoples had a monumental character. In addition, Wilhelm de Rubruk, who described the funerary tradition of the Kipchaks in the 12th and 13th centuries, noted “Kipchaks build large constructions over the graves of their relatives. There are square brick or stone towers with a domed roof in their burials» (Wilhelm de Rubruk, 1911, p. 79; Risch, 1934, p. 73; Ögel, 1984, p. 296). According to the data of Wilhelm de Rubruk the tow-

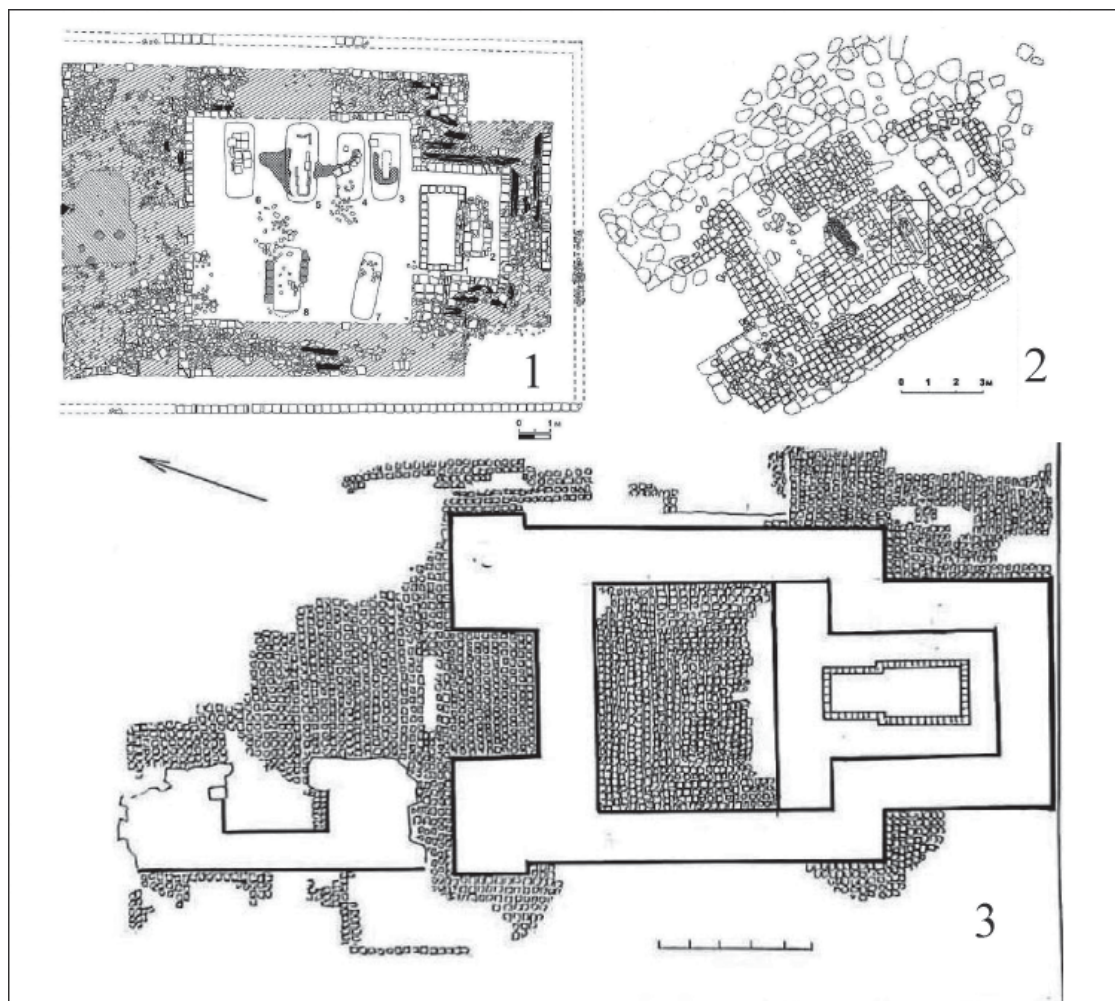

Fig. 4. 1 – Mausoleum Kerderi II (Baypakov, 2012, p. 233),
 2 – Mausoleum of Auliekol (Petrov, Smagulov, 2018, p. 167-184),
 3 – Mausoleum of Kyshkala №1 (Eleuov et al. 2021, p. 91).

Рис. 4. 1 – мавзолей Кердери II (Байпаков, 2012, с. 233), 2 – мавзолей Аулиеколь (Петров, Смагулов, 2018, с. 167-184), 3- мавзолей Кышкала №1 (Елеуов и др., 2021, с. 91).

er-like buildings made of brick or stone were mausoleums.

In the 13th and 14th centuries, new developed models of architecture began to appear. In particular, the portal and domes of the mausoleums were improved and the external and internal walls of most mausoleums began to be covered with glazed and unglazed ceramic claddings. As an example of the beautiful architectural work of this period can be mentioned mausoleums in the ancient cemetery of the medieval city of Syganak. In 2022, the graves in the ancient cemetery near the medieval city of Syganak were investigated and two mausoleums identified. The identified

mausoleums were conventionally defined as mausoleums №6 and №7.

Mausoleum №6 in the medieval city of Syganak

The mausoleum is preserved as a small hill at a distance of 230 m in the south-west of the medieval city of Syganak. The above-mentioned hill is a smooth round-shaped, its dimensions are 20x10 m and the height is 1 m. As a result of archaeological excavations, the mausoleum measuring 16,5x8,6 m was discovered. The mausoleum has a portal and two rooms (Fig. 3). The portal entrance to the mausoleum is directed to northwest. The mausoleum is very poorly preserved. According to the villagers,

under Soviet rule, the ceramic claddings of historical monuments near the city of Syganak were destroyed and used in the buildings of neighboring state farms. For this reason, the south-eastern part of the mausoleum was completely destroyed. However, the design of the mausoleum was determined on the basis of ceramics claddings in the last row, preserved in the original form.

During the archaeological research, it was established that the width of the mausoleum entrance portal is 3 m, the thickness of the walls on the right and left side of the portal is 2 m and the remaining height is 0,5x0,5 m. 05 m. The mausoleum entrance room is 5,3x4,1 m; the floor is covered with light orange clay of 20 cm thick. The width of right and left stone walls is 1,35 m. 1,3 m wide brick wall separates the first and second rooms of the mausoleum. The entrance door to the second room is located in the middle of the above-mentioned wall, its width is 1 m, the remaining height is 0.4 m. The size of the second room is 4,3x2,65 m, 1,7 m thick clay wall. Unfortunately, as we mentioned above, the plaster wall in this part was completely destroyed. However, we have determined the dimensions and architectural structure of this part due to well-preserved ceramic claddings. The human bones were found in the north-western corner of the second room of the mausoleum. In addition, it was established that the floor of the above-mentioned room was completely covered with clay and its surface and walls were plastered with gypsum.

As a result of our analysis, based on the architectural design of the mausoleum, floor level of the first and second rooms, we suppose that the second room may have served as a funeral hall. This is due to the fact that a human body was laid on the floor of the room, which was completely covered with ceramic claddings and plastered with gypsum of 2-3 cm thick and the walls on all four sides

were plastered. Unfortunately, during the demolition of ceramic claddings on the walls of the mausoleum, the crypt part of the mausoleum was completely destroyed. However, there are the preserved remains of ceramic cladding and traces of the wall of 1,7 m thick burial (crypt) room in the southwestern corner of the mausoleum. That is, in a large room of the mausoleum, the door of which opens to the north-west, the pilgrims read the Koran and pray and a man is buried in the second smaller room. As we mentioned above, thanks to the adoption of Islam by the Turkic peoples of Central Asia, a large number of mausoleums with rooms where pilgrims read the Koran and prayed, were built.

As for the structure of the mausoleum, the construction of the mausoleum was built on a platform with a flat clay surface. In the construction of the mausoleum ceramics made of high-quality light orange clay measuring 25x25x5 – 26x26x5 cm were used. The outer and inner edges of the wall of the mausoleum were covered with whole or half ceramic claddings and the center was filled with broken ceramics mixed with clay. At the beginning of the excavation work it was established that the adobe bricks was used in the mausoleum. We consider that the mausoleum had two domes. That is, if the entrance part of the front portal is crowned with a large dome, the top of the second room can be crowned with a small dome because the walls of the mausoleum are made of ceramics.

Portal, two-room mausoleums of this type are found in the medieval Aral-Asar (Mausoleum of Kerderi II) (Fig. 4, 1) (Baypakov, 2012, p. 65–68; Kurmankulov, 2011, p. 85–86), Kyshkala (Fig. 4, 3) (Eleuov et al. 2021, p. 26–31; Eleuov et al. 2021, p. 122), Auliekol (Fig. 4, 2) (Petrov, Smagulov, 2018, p. 167–184) during the archaeological excavations, conducted in Turkestan cities. It turned out that people were buried in the second rooms of these mausoleums.

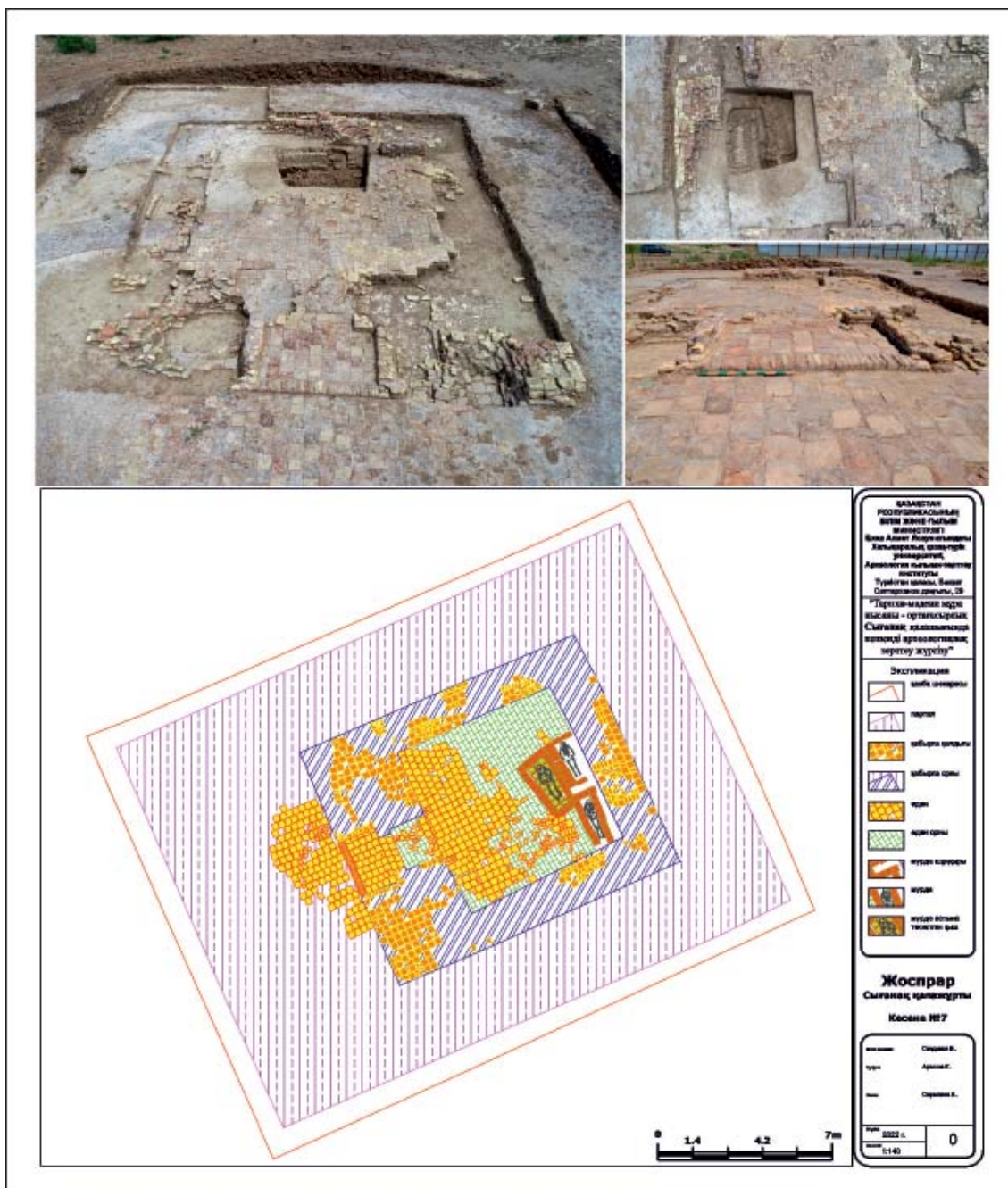

Fig. 5. General view of mausoleum №7.

Рис. 5. Общий вид мавзолея №7.

If we compare the mausoleum 6 in the medieval city of Syganak with the above-mentioned mausoleums, the mausoleum has a close resemblance to the mausoleum №1 identified at the city of Kyshkala. The portal doors of both mausoleums are directed to northwest. The mausoleums have spacious halls for pilgrims and a large tomb. The mentioned mausoleums differ from each other in

that the bottom part of crypt of mausoleum №6 in the city of Syganak is completely plastered with clay and its surface is covered with gypsum to form a mausoleum (crypt) and in the mausoleum №1 in the city of Kyshkala, the grave pit was dug in the ground. The ends of the grave were covered with clay. As for the mausoleum of Kerderi II and the mausoleum of Auliekol, the portals of these

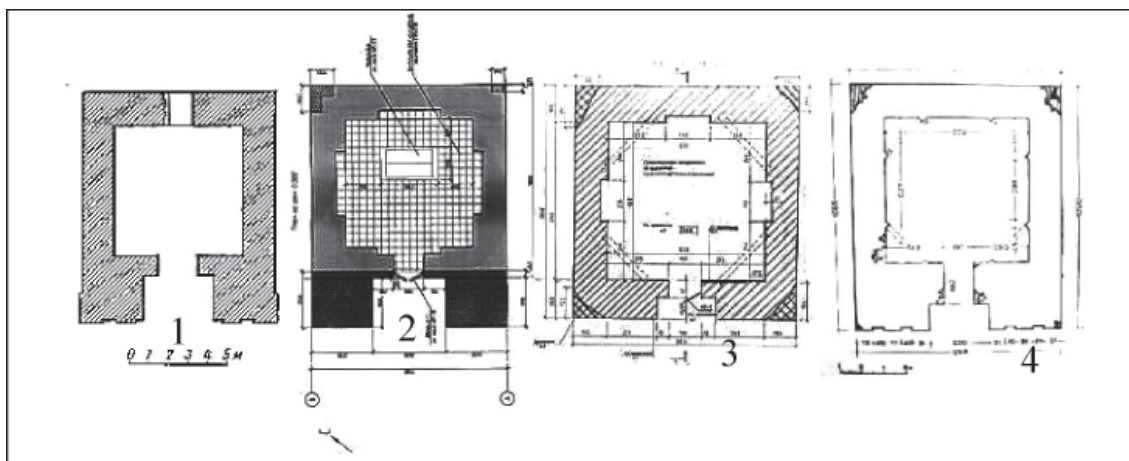

Fig. 6. 1 – Mausoleum of Syrlytam, 2 – Mausoleum of Asanas, 3 – Mausoleum of Syrlytam, 4 – Mausoleum of Bolgan Ana (Koshenova, 2016, p. 273–508).

Рис. 6. 1 – Мавзолей Сырлытам, 2 – мавзолей Асанас, 3 – мавзолей Сырлытам, 4 – мавзолей Болган Ана (Koshenova, 2016, p. 273–508).

mausoleums are oriented to the south-west; the burial rooms are short and narrow. People were buried in special pits, dug on the floor of large rooms of both mausoleums for pilgrims.

When clearing empty soil on the floor of the mausoleum №6 in the medieval city of Syganak, several ceramic claddings of different sizes and 6 pieces of coins were discovered. Two of these coins were made of silver, the other four were made of copper and the inscriptions are preserved on the obverse and the reverse. As for the ceramic claddings, all of them were made of high-quality light orange clay. Well mixed clay was mixed with fireclay (crushed clay), sometimes with a concrete mixture consisting of a mixture of crushed stone. By bentonite we mean yellowish grey clay, which locals call «a holiday lump». The surface of ceramic claddings with braided chain and geometric patterns, casted in a special mould, was cut using engraving method and the extra part was cut with a sharp tool. Ceramic claddings were burnt in the furnace at temperatures up to 900°. In the mentioned mausoleum, ceramic claddings, similar to window sills, were also found. This type of cladding was produced by moulding in the form.

According to the results of examination C14, carried out to determine the absolute chronology of the mausoleum, it was established that the mausoleum was built 588 ± 25 years ago, that is, in the first half of the 15th c. (Table 1). The conclusions of the C14 examination are confirmed by the objects, found in the mausoleum. According to the results of examination C14, it was established that the portal, two-room mausoleums belong to the 15th century.

Mausoleum №7 in the medieval city of Syganak

The mausoleum is preserved as a small hill at a distance of 1400 m south-east of the medieval city of Syganak. The hill is a smooth round-shaped. Its size is 26 m, height is 1,5 m. During the excavation works, a rectangular mausoleum with dimensions of 12,2x10,1 m was discovered. The portal of the mausoleum is directed to the south-west. It is placed the front side of the portal is covered with burnt clay. Three burials have been identified in the north-eastern part of the mausoleum (Fig. 5). In our opinion, the outer part of the mausoleum was covered with a dyed ceramic cladding because during the excavation in the outer part of the mausoleum was found many dyed ceramic claddings.

The length of the mausoleum is 22,2 m, width 16,7 m, height 0,3–0,4 m. It was built on the platform. The edge of the platform was made in four rows of burnt clay and the center is filled with a mixture of black adobe and clay. The north-western part of the western wall of the platform is damaged at a distance of 3 m. Apparently, the villagers destroyed it by heavy machinery. This particular platform area was filled with black clay, the surface was leveled and a mausoleum was built in the middle. The length of the open mausoleum is 12,2 m, the width is 10,1 m, the height of the walls is 0,1–0,6 m. The portal of the mausoleum is directed to the south-west. The site in front of the portal is covered with a burnt clay, its length is 10,1 m, width is 3,15 m. The identified portal has a length of 2,3 m and width of 1,6 m. The thickness of the common portal, that is the south-west wall – 3,7 m. On the doorway, the ceramics were cut vertically and in the rest of the inner part of the ceramic claddings were laid flat. The width of the mausoleum door is 1,45 m. The thickness of the western, northern and eastern walls of the mausoleum is 1,55 m. The size of burnt ceramics placed on the walls of the identified mausoleum is 24x24x5, 25x25x5 cm. Also on the base and edges of the wall the whole ceramic claddings were cut and put broken claddings were put in the middle. The reed was laid under the wall, because the rotten reed is well preserved. The ceramic claddings have been removed from some parts of the wall till the rotten reed. In addition, the inner size of the open mausoleum is 7x7 m., the floor is covered with burnt ceramic. Mainly this flooring was preserved only in the southern part of the mausoleum and the ceramics of the northern part was completely destroyed and removed. Three burials were identified at the depth of 0,3 m above the floor level in the north-eastern part of the mausoleum. The burial sites were designated as burial sites №1, №2 and №3

from south to north. All burial sites are located in the north-west-south-east direction. Length of grave pits is 2,65–2 m, width is 10,4 m, depth is 0,5 m. On the bottom of the tombstones are set burnt ceramic cladding measuring 24x24x5 cm, four sides are lined with burnt ceramic claddings with a height of 0,5 m, the surface is covered with a vertically laid ceramic claddings. So the surface of the grave pit is laid like arch. The identified skeletons were anatomically laid, the head was directed to northwest, the face was directed to southwest, two arms and two legs were vertically laid together.

The anthropological examination established that the bone found at the burial site 1 belonged to a man who died around age of 44–47 years. The bone found at the burial site №2 was found to belong to a woman who died between the ages of 34 and 36. The bone found at burial site 3, belongs to a man who died around at the age of 27–30 years. During the clearing of loose soil, an iron knife, iron stone, bone ornament, T-shaped bronze, iron nails, bronze mirror and bone comb were found on the graves. In the course of cleaning the mausoleum from ceramics fragments were found painted and unpainted ceramic claddings of various patterns. 22 types of ceramic claddings have been identified. In addition, blue-coloured ceramic claddings were found interwoven into a dome of various sizes. It was found the fragments of the dome, placed in the middle of the mausoleum.

Among such portal, quadrangular, one-room mausoleums can be mentioned the mausoleum of Syrlytam (Fig. 6: 1), mausoleum Asanas (Fig. 6: 2), mausoleum Syrlytam in the south-east of the Aral Sea (Fig. 6: 3), mausoleum Bolgan Ana (Fig. 6: 4) and etc. These mausoleums were attributed by researchers to the 13th–15th centuries (Tolstov, 1962, p. 278–294; Koshenova, 2016, p. 273–508). According to the results of exam-

Table 1 – C14 analysis results

№	Laboratory inventory №	Expedition inventory №	¹⁴ C age	Sample type	Date of measurement
1	TÜBİTAK-2553	KKT6-K1	588±25	bone	16.01.2023
2	TÜBİTAK-2554	KKT7-A1	786±24	carbon material	16.01.2023

This table shows the results of a C14 examination made in the TUBITAK Marmara Laboratory in the Republic of Turkey on bone and carbon materials from mausoleums No. 6 and No. 7 discovered during excavations in the medieval city of Syganak in 2022 (Doğan, Ilkmen, Kulak, 2021, p. 48–54).

ination C14, designed to determine the absolute chronology of the mausoleum №6, it was established that the mausoleum was erected 786± 24 years ago, that is, in the first half of the 13th century (Table 1). Based on the results of the examination of C14, it can be concluded that in the first half of the 13th century, the inhabitants of this city have not yet fully accepted Islam or yet have preserved local traditions, even converted to Islam.

Conclusion

Summing up, the city of Syganak, recognized as one of the largest medieval centers in the middle reaches of Syrdarya, was one of the sacred and spiritual centers of the region in the 18th and 15th centuries. This is because there are many mausoleums near the city, which are considered an important part of architectural monuments, built on the graves of khans and sultans, famous scholars and personalities. These mausoleums are lined and decorated with finishing ceramic claddings that inferior to each other. In medieval sources the city was also known as “the city of mausoleums”. The mentioned above scientific conclusion is supported by both written and archaeological data. In the course of archaeological excavations on the ancient necropolis №8 the mausoleums were identified and examined in the suburbs of city. The genetic study is currently under way to collect new data on the ethnic composition of those buried in the mausoleums using natural history methods.

As for the history of the origin of the mausoleums, it becomes clear that the

mausoleums have their roots in the Early Iron Age. On the basis of the mausoleums belonging to the Saka tribes of the 4th–2nd centuries BC in the southeast of the Aral Sea, the mausoleum belonging to the 4th–8th centuries in the middle and lower reaches of Syrdarya, it can be said that the mausoleums appeared in the 9th–10th centuries. Thanks to the acceptance of Islam by the Turkic peoples in the state of Karakhan, the mausoleums with rooms are being built for reading the Koran and prayer for pilgrims. Thus, the tradition of erection over the graves of famous personalities, state and religious figures of one or two-room mausoleum of a square or round shape, crowned with a dome, becomes a tradition and continues to this day. This opinion is supported by studies of Smagulov E. A. and Pugachenkova G.A.

Based on the results of the C14 analysis obtained from the mausoleums, discovered in the medieval city of Syganak in 2022, it was determined that mausoleum No.6 was built 588±25 years ago, that is, in the first half of the 15th century and mausoleum No.7 was built 786±24 years ago, that is, in the first half of the 13th century. This opinion is strengthened by the architectural structure of the mausoleums, the burial tradition, decorative ceramic claddings and artefacts, found in the mausoleums. In addition, as a result of our research work, it was determined that portal, two-room and quadrangular, portal, one-room mausoleums with a dome are found in large numbers in the middle and lower reaches of Syrdarya.

REFERENCES

1. Arik, M. O. 1967. *Anadolu (Anatolia)*. Sayı 11, 57-100. <https://doi.org/10.1501/andl.0000000097> (in Turkish).
2. Aslanapa, O. 1972. *Türk Sanatı: Başlangıçından Büyük Selçukluların sonuna kadar (Turkish Art: From the Beginning to the End of the Great Seljuks)*. Istanbul: Milli Eğitim Bakanlığı Kültür Yayınları (in Turkish).
3. Baypakov, K. M. 2012. *Islamskaya Areologicheskaya Arhitektura i Arheologiya Kazahstana (Islamic Archaeological Architecture and Archeology of Kazakhstan)*. Almaty: TOO «Arheologicheskaya ekspertiza» (in Russian).
4. Baypakov, K. M., Taymagambetov Zh. K. 2009. *Kazakstan arheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: Kazak universiteti (in Kazakh).
5. Barthold, W. W. 1947. *Belleten*. Cilt 11. Sayı 43, 515–539 (in Turkish).
6. Vaynberg, B. I., Levina, L. M. 1993. *Chirikrabatskaya kultura (Chirik Rabat culture)*. Series: Nizovya Syrdari v drevnosti (Lower Syrdarya during ancient time). Issue I. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
7. Vilgelm de Rubruk. 1911. *Puteshestvie v vostochnye strany (Journey to the Eastern countries)*. Introduction, translation and note by A.I. Malein. Saint Petersburg: Tipograph. A. S. Suvorina (in Russian).
8. Glaudinov, B. 2012. *Kazakstan Arhitekturası (Kazakhstan Architecture)*. Vol. 8. Almaty: Oner baspasy (in Kazakh).
9. Doğan, T., İlkmen, E., Kulak, F.A. 2021. In *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*, 509, 48–54. <https://doi.org/10.1016/j.nimb.2021.08.013>
10. Eleuov, M., Taleev, D., Esen, S., Kurmaniyazov, I.S., Moldahmet, A. 2021. In *Margulan okulary (Margulan readings)*. Vol. 2, 120–124 (in Kazakh).
11. Eleuov, M., Taleev, D., Esen, S., Moldahmet, A., Sapataev, S., Ersariev, A., Nurman, B., Kiyasbek, M. 2021. «Ortagasyrlyk Kyshkala (Barshynkent): Altyn Orda dauirindegi kalalyk madeniet kontekstinde» takyrybyndagy zhobanyñ esebi (Report of the project "Medieval Kishkala (Barshinkent): in the context of urban culture during the Golden Horde"). Almaty: Al-Farabi atyndagy Kazak ulttyk universiteti (in Kazakh).
12. Cezar, M. 1977. *Anadolu Öncesi Türklerde Şehir ve Mimarlık (City and Architecture in Pre-Anatolian Turks)*. Istanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları (in Turkish).
13. Çoruhlu, Y. 2000. *Türk İslam Sanatının ABC'si (ABC of Turkish Islamic Art)*. Istanbul: Kabalci Yayınları (in Turkish).
14. Koshenova, G. 2016. In *Bilig – Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi (Bilig – Journal of Turkish World Social Sciences)*. Sayı 77, 183–202 (in Turkish).
15. Kozha, M. B., Nurzhanov, A. A., Krupko, I. 2021. In *Bylye Gody (Bygone years)*. Vol. 16, iss. 2, 898–907.
16. Kuban, D. 2009. *Batiya Göçen Sanatsal Evreleri (Artistic Phases Migrating to the West)*. Istanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları (in Turkish).
17. Kurmankulov, Zh. 2011. In Kurmankulov Zh. (ed.). *Kazakstan Respublikasynyn tarihi madeni eskertkishterinin zhinagy (Collection of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan)*. Kyzylorda oblysy. Almaty: Aruna (in Kazakh).
18. Murgabaev, S. S., Maldybekova, L. D., Bahtybaev, M. M., Zhetibaev, K. M., Gursoy, M., Sizdikov, B. S. 2022. In *Povolzhskaya Arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 2 (40), 206–214. <https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.206.214>. (in Russian).
19. Nagamine, H. 2020. In *Zolotoordynskoe obozerenie (Golden Horde Review)* 8(5), 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551 (In Russian).
20. Ögel, B. 1984. *İslamiyetten Önce Türk Kültürü Tarihi Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre (Turkish Culture History Before Islam According to Central Asian Sources and Finds)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi (in Turkish).
21. Önkal, H. 2009. In *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi (Journal of Turkish Studies Literature)*. Cilt 7, sayı 14, 125–139 (in Turkish).
22. Petrov, P. N., Smagulov T. N. 2018. In *Stratum plus* 6, 167–184 (in Russian).
23. Pugachenkova, G. A. 1983. *Srednaya Aziya. Spravochnik-putevoditel (Middle Asia. Guidebook)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
24. Ragheb, Y. 1996. In *İslam Dünyasında Mezarlıklar ve Defin Gelenekleri I (Cemeteries and Burial Traditions in the Islamic World I)*. Ankara, 17–23 (in Turkish).

25. Risch, F. 1934. *Wilhelm von Rubruk – Reise zu den Mongolen 1253-1255*. Leipzig: Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl.
26. Radlov, V. 1899. *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy (Experience of the dictionary of Turkic dialects)*. Vol. 2, part 2. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian).
27. Smagulov, E. A. 2018. In Nosov, E. N. (ed.) *Drevnie nekropoli – pogrebalno-pominalnaya obryadnost, pogrebalnaya arhitektura i planirovka nekropoley (Ancient necropolises – burial and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 241–250 (in Russian).
28. Smagulov, E. A. 2011. In Beisenov A. Z. *Kazakstan arheologiyasynyn maseleleri (Issues of archaeology of Kazakhstan)*. 3 – shi shygarylym. Gylymi makalalar zhinagy. Almaty: TOO NICIA «Begazy-Tasmola», 119–150 (in Russian).
29. Tahaoğlu, T. Ö. 1988. *Istanbul'da Osmanlı Türbelerinin Tipolojisi (Typology of Ottoman Tombs in Istanbul)*. Doktora Tezi. İstanbul (in Turkish).
30. Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxarth)*. Moscow: Izdatelstvo Vostichnoy Literatury (in Russian).
31. Utubaev, Zh. R., Otar, A., Ersariyev, A., Suyundikova, M.K. 2022. In *KazUU Habarshysy. Tarih Seriyasy (KazNU Herald. History Series)*. Vol. 104, №2, 31–46. <https://doi.org/10.26577/JH.2022.v105.i2.04> (in Kazakh).

About the Authors:

Sizdikov Bagdaulet S. PhD. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Murgabayev Sagynbay S. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Bakhtybayev Mels M. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Arynov Kuanysh S. Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; kuanysh.arinov@ayu.edu.kz

Gursoy M. PhD. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Seraliyev Ali A. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; ali.seraliev@mail.ru

МАВЗОЛЕИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ СЫГНАК

**Б.С. Сиздиков, Б.А. Байтанаев, С.С. Мургабаев,
М.М. Бахтыбаев, К.С. Арынов, М. Гурсой, А.А. Сералиев**

Город Сыганак считался одним из крупных политических центров в среднем течении реки Сырдарьи в XI–XVI вв. Сыганак был одним из главных центров Кыпчакского ханства, Белой Орды, ханства Абулхаира и Казахского ханства. В связи с этим рядом с городом хоронили правителей вышеупомянутых ханств, известных личностей, для них строили огромные мавзолеи, а город стал одним из сакральных и духовных центров. Мавзолей – памятник архитектуры, построенный на могиле или кладбище. Мавзолеи считались загробным домом умерших. По строениям мавзолея можно определить социальный уровень погребенных там людей или к какому сословию они принадлежат. Выявленные захоронения и найденные материальные данные позволяют определить статус, уровень общественного развития, мировоззрение, образ жизни, традиции, ре-

---

Работа выполнена в рамках проекта МОН РК № BR10965310 «Комплексное археологическое исследование объекта историко-культурного наследия – средневековое городище Сыганак».

лигиозные верования, погребальный обряд и социальные отношения древнего населения. Цель данной статьи – проанализировать и ввести в научный оборот мавзолей № 6 и №7, обнаруженные при археологических раскопках в средневековом городе Сыганак в 2022 году. Кроме того, авторы посчитали целесообразным определить историю возникновения и развития мавзолеев. На основе результатов археологических исследований, проведенных в городе Сыганак в 2022 г., определена абсолютная хронология мавзолеев с помощью анализа С14, рассмотрены сходства и различия с однотипными мавзолеями в соседних регионах, приведены научные наблюдения.

Ключевые слова: археология, Сыганак, средневековые города, святые места, мавзолеев, памятник архитектуры, погребальная традиция, керамические облицовки.

Информация об авторах:

Сиздиков Багдаулет Сапарбаевич, PhD, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Байтанаев Бауыржан Абишевич, доктор исторических наук, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); baytanaev@mail.ru

Мургабаев Сагынбай Серикбаевич, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Бахтыбаев Мэлс Маратович, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Арынов Куаныш Суйндикович, докторант. Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); kuanysh.arynov@ayu.edu.kz

Гурсой Музаффер, PhD, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Сералиев Али Алимбекович, докторант. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан); ali.seraliyev@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

КАМЕННАЯ ПЕЧАТЬ С РЕКИ КАРАКЕНГИР¹

© 2023 г. В.В. Варфоломеев

Цель этой публикации состоит в необходимости введения в научный оборот редко-го памятника сигиллографии – каменной резной печати. Печать была найдена на правом берегу реки Каракенгир, в 15 км к северо-востоку от г. Сатпаев Улытауской области Республики Казахстан. В настоящее время хранится в Карагандинском областном историко-краеведческом музее. На лицевой стороне этой матрицы вырезаны прямоугольные знаки, напоминающие письмо пхаг-па, или монгольское квадратное письмо. Для атрибутирования, лингвистического и текстологического анализа были проведены консультации с востоковедами и лингвистами из России и дальнего Зарубежья. В результате таких консультаций выяснилось, что это не монгольское квадратное письмо и надпись на печати не читается. Вероятно, резчик печати не владел монгольским квадратным письмом и воспроизводил текст на лицевой панели по памяти, допустив искажения. Предполагается, что эта печать принадлежала кому-то из калмыцких или джунгарских высокопоставленных особ XVII–XVIII вв. Возможно, она была утрачена во время Последнего великого кочевья – исхода калмыков из Российской империи на историческую родину в Джунгарии в 1771 г. Автор выражает надежду на перспективность публикации, которая сделает печать доступной для продолжения исследования загадочной надписи.

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, Каракенгир, каменная матрица, квадратное письмо, калмыки, джунгары, гипотезы.

Некоторое время тому назад от знакомых геологов автору поступила информация о находке каменной резной печати недалеко от г. Сатпаев нынешней Улытауской области Республики Казахстан.

После нескольких лет поисков удалось установить авторов находки и место её хранения. Печать случайным образом при поиске агатов нашел житель Сатпаева Александр Шишов (ныне покойный) в начале 1990-х годов. Печать хранилась в г. Сатпаев сначала у Владимира Паршина, а после его смерти у его друга Владимира Сошникова, он и передал её мне. Сейчас находка хранится в Карагандинском областном историко-краеведческом музее.

Печать была найдена на правом берегу р. Каракенгир (20–50 м от берега реки), в 15 км к северо-востоку от г. Сатпаев, в 20 км к ЮЗ от мавзолея Джучи-хана. Место находки археологически не обследовалось и археологический контекст не известен.

Печать-матрица изготовлена из серпентинита яблочно-зеленого цвета. Её корпус несколько асимметричен и имеет форму усеченной пирамиды размером по основанию 27×26 мм. Два нижних ребра печати выкрошены, поэтому при виде сверху печать имеет форму ромба. На вершине печати из части камня вырезана ручка. Высота печати вместе с ручкой 18 мм, в ручке печати имеется овальное отверстие размером 4×3 мм (рис. 1). Очевидно, печать носилась на шнурке или кожаном ремешке. Внешний вид печати с легким налетом патины, выкрошенность нижних ребер не оставляют сомнений в её аутентичности.

На лицевой стороне сохранились остатки синей краски, вероятно следы пасты для шариковой или капиллярной авторучки, оставшейся после попыток получить оттиск. Вся лицевая панель размером 22×24 мм покрыта лабиринтообразным узором (легендой?), заключенным в рамку.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан (номер гранта AP09261083).

Рис. 1. Внешний вид печати.

Fig. 1. Print appearance.

Прямоугольные знаки были обозначены узкими неглубокими резными линиями, образующими причудливый лабиринтообразный рисунок (рис. 1: 1), напоминающий письмо пхаг-па, или монгольское квадратное письмо (Поппе, 1941). Необходимость унификации письменности для нужд империи Юань стала причиной создания и использования квадратной письменности в период царствования императора Хубилая. Она была разработана Пагба-ламой и введена в 1269 г., стала выходить из употребления после падения династии в 1368 г., но применялась для нанесения легенд на печатях еще сотни лет (Поппе, 1941, с. 23). Письменность пхаг-па была международной, известны тексты, выполненные квадратной письменностью на монгольском, китайском, тибетском, санскритском и тюркском языках (Поппе, 1941, с. 10).

С целью атрибуции и проведения лингвистического и текстологического анализа письма на матрице печати были проведены консультации с востоковедами и лингвистами из России

и дальнего Зарубежья, не приведшими, к сожалению, к положительным результатам. Конкретная атрибуция печати и прочтение легенды остались проблемными.

Может быть предложено два варианта предварительной атрибуции каракенгирской находки. Возможно, резчик печати не владел монгольским квадратным письмом и воспроизводил текст на лицевой панели по памяти, допустив искажения. Другое предположение, менее вероятное, заключается в том, что каракенгирская печать может относиться к жанру хуая (huaya). В Китае это особая категория печатей с декоративными знаками, символами, орнаментами или преднамеренно неразборчивой надписью. Такая печать несла нагрузку оберега, талисмана счастья или была личной подписью художников, писателей, людей искусства, знаки фиксации речи отсутствуют (Chen, 2018, p. 5–7).

Для атрибутирования печати с р. Каракенгир важно отметить её импортное происхождение. В казахских степях у чингизидской элиты

существовала традиция ношения серебряных, реже золотых перстневых печатей с каплевидными щитками (Ерофеева, 2001, с. 13–16).

Наиболее вероятным представляется калмыцкое или джунгарское происхождение каракенгирской находки. На территории Казахстана она могла оказаться в связи с коллизиями джунгарско-казахских отношений XVII–XVIII вв. Джунгары при продвижении на запад, вглубь казахских степей, занимали территории до Тургая и Иргиза и зачастую кочевали совместно с казахами. Это отмечалось в «Книге Большому Чертежу»: «промеж реки Кендерлика (Каракенгир – В.В.) и реки Сарсу Казацкая кочевая орда да калмыки» (Волобуев, 1993, с. 11–16; Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 71; Дремов, Семенова, 2015, с. 154–160). Ханы и тайши волжских калмыков имели именные печати тибетского происхождения (Митруев, 2021, с. 50, 51). Рисунок на каракенгирской печати имеет определенное сходство с печатями Лоузана-тайши (Митруев, 2021, рис. 1, 3–5), Аюки-хана и ойратского правителя Тибета Тендзин Даян-хана (Митруев, 2021а, рис. 4–5).

Благодарности:

Andrea Jian Chen, The University of Hong Kong, HKU, Department of Social Sciences, Ph.D.; Gian Luca Bonora, Researcher, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Ph.D.; Наталия Ямпольская, Институт восточных рукописей РАН; Павел Рыкин, Институт лингвистических исследований РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аубекеров Б.Ж., Ерофеева И.В. Ландшафтно-геоморфологические факторы формирования наступательной стратегии и тактики казахов-кочевников в войне с джунгарами 1723–1730 гг. // Булантинская битва: история исследований / Под ред. Б.С. Кожаметова и др. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 68–83.
2. Батмаев М.М. Уход большей части калмыков в Джунгарию // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. I / Отв. ред. Н.Г. Очирова. Элиста: Герел, 2009. С. 420–436.
3. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел. 1834. 269 с.
4. Волобуев В.И. Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 6. С. 11–16.

Нельзя исключать возможность утери печати на берегу р. Каракенгир в связи с событиями 1771 г., известными как Пыльный поход, или Торгоутский побег, когда калмыцкий Убашихан предпринял попытку возвращения значительной части калмыков с берегов Волги в Джунгарию (Батмаев, 2009, с. 420–436). Начавшийся в январе 1771 г. поход калмыков проходил через Улытау (Бичурин, 1834, с. 254), вероятно, вдоль реки Каракенгир, а затем в направлении горного массива Ортау и далее на р. Моинты (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 71; Колесник, 2003, с. 213). Нельзя исключать и версию утери печати кем-то из купцов, ведь вдоль рр. Сарысу и Каракенгир проходил караванный торговый путь, соединявший присырдарьинские города с Сибирью (Таиров, 1995, с. 8). Но это только гипотезы.

Легенда на матрице остается непрочитанной, а её происхождение и смысл более чем туманны. Остаётся надежда, что эта публикация сделает печать доступной для изучения специалистами, что поможет прочитать некоторые неизвестные пока страницы истории Центральной Азии и Восточной Европы.

5. Дремов И.И., Семенова И.В. Казахи и калмаки Улытау в постзолотоордынское время // Булантинская битва: история исследований / Под ред. Б.С. Кожакметова и др. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 154–160.
6. Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время. Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
7. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.
8. Митруев Б.Л. Печать Лоузан-тайши // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. Вып. 4. С. 39–44.
9. Митруев Б.Л. Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021а. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
10. Понне Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 165 с.
11. Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. 43 с.
12. Chen, Jian Andrea. Silk Road Influences on the Art of Seals: A Study of the Song Yuan Huaya // Humanities. Special Issue Further Explorations Along the Silk Road. 2018. P. 7–83.

Информация об авторе:

Варфоломеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор. Карагандинский университет имени Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан); vicvarfolomeev@mail.ru ORCID: 0000-0002-3598-2345

STONE PRINT FROM THE KARAKENGIR RIVER²

V.V. Varfolomeev

The meaning of the article is determined by the necessity to introduce into scientific discourse a rare monument of sigillography – a stone carved print. The print was found on the right bank of the Karakengir River, 15 km northeast of the city of Satpayev, Ulytau Region, Republic of Kazakhstan. Currently it is stored in the Karaganda Regional Museum of History and Local Lore. Rectangular symbols which remind of Phag-pa or Mongolian square writing are carved on the front side of this matrix. Consultations were held with orientalists and linguists from Russia and abroad for attribution, linguistic, textual analysis. As a result of these consultations, it turned out that this is not a Mongolian square letter and the inscription on the print is not readable. Probably, the print cutter did not know the Mongolian square writing and reproduced the text on the front panel from memory, making misrepresentation. It is assumed that this print could belong to one of the Kalmyk or Dzhungar high-ranking persons of the 17th–18th centuries. It could have been lost during the Last Great Nomadic Migration – the exodus of the Kalmyks from the Russian Empire to their historical homeland in Dzungaria in 1771. The author expresses hope for the prospect of publication which will make the print item available for further research of the mysterious inscription.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Karakengir, stone matrix, square writing, the Kalmyks, the Dzhungars, hypotheses.

REFERENCES

1. Aubekerov, B. Zh., Erofeeva, I. V. 2015. In Kozhakhmetov, B. S. et al. (eds.). *Bulantinskaya bitva: istoriya issledovaniy (Bulanty battle: history of research)*. Ulytau: Natsional'nyy istoriko-kul'turnyy i prirodnyy zapovednik-muzey «Ulytau», 68–83 (in Russian).
2. Batmaev, M. M. 2009. In Ochirova, N. G. (ed.). *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 3-kh t. T. I (The history of Kalmykia from ancient times to the present day. In 3 vol. Vol. 1)*. Elista: “Gerel”, 2009. 420–436 (in Russian).
3. Bichurin, N. Ya. 1834. *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni (Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present days)*. Saint Petersburg: Tipografiya Meditsinskogo Departamenta Ministerstva Vnutrennikh Del (in Russian).

The work was supported financially by the Science Committee of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan (grant number AP09261083).

4. Volobuev, V. I. 1993. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 6, 11–16 (in Russian).
5. Dremov, I. I., Semenova, I. V. 2015. In Kozhakhmetov, B. S. et al. (eds.). *Bulantinskaya bitva: istoriya issledovaniy (Bulanty battle: history of research)*. Ulytau: Natsional'nyy istoriko-kul'turnyy i prirodnyy zapovednik–muzei «Ulytau», 154–160 (in Russian).
6. Erofeeva, I. V. 2001. *Simvol'y kazakhskoy gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i novoe vremya) (Symbols of Kazakh statehood in the late Middle Ages and the New Time period)*. Almaty: “Arkaim” Publ. (in Russian).
7. Kolesnik, V. I. 2003. *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh (The Last Great Nomad Migration: Moving of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
8. Mitruiev, B. L. 2021. In *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Buryat State University)* 4, 39–44 (in Russian).
9. Mitruiev, B. L. 2021. In *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 4, 44–61 (in Russian).
10. Poppe, N. N. 1941. *Kvadratnaya pis'mennost' (Square writing system)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Tairov, A. D. 1995. *Torgovye kommunikatsii v zapadnoi chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Trade Communications in the Western Part of the Ural and Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
12. Chen, Jian Andrea. 2018. In *Humanities*, Special Issue Further Explorations Along the Silk Road, 7–83.

About the Author:

Varfolomeev Victor V. Candidate of Historical Sciences. Buketov Karaganda State University. Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; vicvarfolomeev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3598-2345

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК: 902/904 7. 033

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.150.159>

РОГОВЫЕ ОБОЙМИЦЫ ИЗ РАСКОПОК В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ И СМОЛЕНСКЕ

© 2023 г. Н.Н. Точилова

В статье рассматриваются три роговые обоймицы с изображениями драконов из Великого Новгорода и Смоленска XII–XIII вв. Предметы вооружения и поясные наборы с образами драконовидной геральдики являлись частью формирующихся институтов власти монгольской империи. Древнерусские предметы, сделанные под влиянием золотоордынской культуры, зачастую рассматриваются как подражание более сложным в технологическом и семантическом плане прототипам. Внимательное изучение иконографических и стилистических особенностей трех обоймиц из Новгорода и Смоленска позволяет предположить, что новгородская находка имеет непосредственную связь с золотоордынской традицией, восходящей к искусству династии Юань. Смоленские находки являются попыткой следовать известной схеме в рамках развития древнерусского искусства периода монгольского завоевания.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Великий Новгород, Смоленск, древнерусское искусство, монгольское завоевание.

Период татаро-монгольского завоевания Руси является одним из наиболее трагичных в истории Древнерусского государства, сопровождающимся гибелью многих памятников искусства. Однако было бы неправильно рассматривать данный этап древнерусской истории исключительно как период упадка. Империя, созданная завоевателями, нуждалась в собственной художественной культуре, в становление которой она стремилась вовлечь как можно больше сил. Феномен золотоордынского государства как транзита многих художественных идей уже освещался в литературе (Лелеков, 1978; Стерлигова, 2019). Этот процесс нельзя рассматривать в порядке одностороннего привлечения государством монголов множества художественных ресурсов, в том числе и с территории Древней Руси (Полубояринова, 1978). Обратная связь, нашедшая отражение в иконографии и стилистике древнерусского искусства, может считаться результатом взаимодействия Востока и Запада, где Монгольская империя была посредником. Этот процесс можно проследить на примере ряда предметов прикладного искусства, обнаруженных в результате археологических раскопок на территории Северо-Запада Руси.

Восточные импорты изучались в основном методами археологии (Хорошев, 2004; Козлова, 2004; Козлова, 2006). В то же время, наряду с массовыми материалами, такими как детали поясных гарнитур или застежки на сумки (Козлова, 2004; Козлова, 2006), имеют место находки высокого художественного уровня. К ним относятся три роговые обоймицы с изображениями драконов из Великого Новгорода и Смоленска, датируемые XII–XIII вв.

Новгородская находка была обнаружена в 2002 г. на берегу реки Волхов (НГОМЗ, КП-42354, инв. № АЕ-187) (рис. 1: 1). Обоймица побывала во вторичном использовании, о чем свидетельствует гладко спиленная петля. Её лицевая сторона выпуклая, тыльная – гладкая. Компоновка тела дракона полностью подчинена квадратной форме изделия. Оскалившаяся морда имеет тупой абрис с небольшим выступом на кончике носа, что позволило вписать изображение головы в верхний левый угол изобразительного поля. Хорошо проработаны мелкие зубы, валики губ, широко раскрытый глаз каплевидной формы. На затылке изображены три складки и гребень. Композиция фигуры состоит из отдельных элементов: линия спины переходит в бедро левой задней лапы,

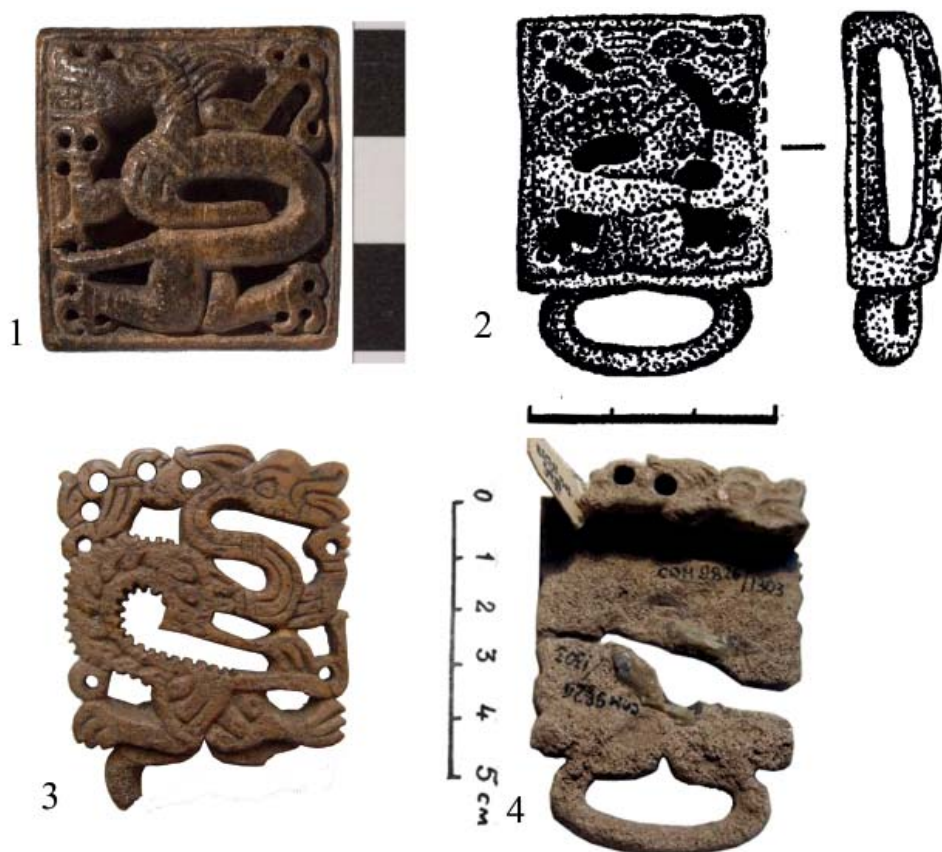

Рис. 1. Роговые обоймицы с изображением дракона.

1 – роговая обоймица с изображением дракона, Великий Новгород, НГОМЗ, КП-42354, инв. № АЕ-187 (Фото: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/218639?page=2&query=обоймица&fund=11&index=82>); 2 – роговая обоймица с изображением дракона, Билярское III селище (Фото по: Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога, 2005, Таб. 19); 3 – роговая обоймица с изображением дракона, Смоленск, СОМ, инв. № 11694-400 (фото предоставлено ОГБУК Смоленский государственный музей-заповедник) без масштаба; 4 – обломок роговой обоймицы с изображением дракона, Смоленск, СОМ, инв. № 9826-1303 (фото предоставлено ОГБУК Смоленский государственный музей-заповедник)

Fig. 1. Horn ferrules with dragon image. 1 – horn ferrule with dragon image, Novgorod the Great; 2 – horn ferrule with dragon image, Bilyar, the third settlement; 3 – horn ferrule with dragon image, Smolensk; 4 – the fragment of horn ferrule with dragon image, Smolensk

линия груди формирует плавный выступ, образуя форму туловища, напоминающего звено цепи. Из четырех лап с округло загнутыми когтями только одна связана с туловищем анатомически. Три других, подчиненных форме изобразительной поверхности, визуальнo отделены от туловища. Композиционное положение фигуры создает ощущение распластанности, обусловленной, вероятно, необходимостью вписать изображение в форму обоймицы. Об этом свидетельствует чрезмерно длинный коготь

верхней правой лапы, упирающийся в рамку.

Точной иконографической копией новгородского дракона является изображение на аналогичной находке из Билярского III селища (рис. 1: 2). Находка была обнаружена в отвале грунта из заполнения ямы № 1 третьего раскопа (Валиулина, 2001, с. 224; Руденко, с. 72, таб. 19). При описании предмета автор статьи предполагает, что фигура опирается на раздвоенный хвост, напоминающий рыбий (Валиулина, 2001, с. 224.). Более внима-

тельное рассмотрение моделировки нижней части фигуры, раздвоенность которой имеет характерные округлые формы, позволяет предположить, что вместо хвоста дракон имеет пару ног и тонкий хвост, композиционно расположенных так же, как и на новгородском экземпляре. Дополнительным доказательством иконографического родства драконов являются идентично смоделированные головы и передние лапы, имеющие характерные удлиненные когти.

Изображение дракона на обоймице из Смоленска (вт. пол XII – нач. XIII вв.) (СОМ 11694-400) (Асташова, 1993, с. 73) иконографически похоже на новгородское и билярское изображения, но отличается стилистически (рис. 1: 3). Тело дракона смоделировано плавно изгибающейся кривой. Абрис туловища проработан мелкими зубцами, на поверхности тела изображен декор в виде жгута, имитирующего чешую. Композиция задних лап аналогична изображениям из Новгорода и Биляра: конечности сохраняют свое положение, остается и тонкий хвост с колечком на конце, являющимся, вероятно, отверстием для крепления. Из передней пары лап отчетливо изображена только одна, соединенная с туловищем при помощи стилизованного сустава. Стилистика головы дракона явно подражает изображениям из Биляра и Новгорода: пасть раскрыта, проработан округлый глаз, показан гребень на затылке. Важно отметить, что изображения на гарнитурах из Новгорода и Биляра равномерно занимают весь формат изобразительной плоскости, а резчик смоленской находки для того, чтобы не нарушать композиции, заполняет пустые места орнаментальными элементами.

Идентичное изображение представлено и на втором фрагменте обоймицы, сохранившей лишь угол щитка с изображением дракона (СОМ

9826–1303) (Асташова, 1993, с. 73; Козлова, 2006, с. 83) (рис. 1: 4). От изображения дракона остался лишь фрагмент головы и два отверстия. Их стилистическое и композиционное решение идентично первой смоленской обоймице.

В интерпретации образов на роговых обоймицах исследователи указывают на их родство с изображениями драконов на золотоордынских поясах конца XII – первой половины XIV вв. При этом подчеркивается дериватность происхождения изображений изделий, обнаруженных в древнерусских городах на уровне исполнения и семантического значения образов (Горелик, 2008, с. 117–120; Крамаровский, 2001, с. 57; Крамаровский, 2001а, с. 66).

В действительности сравнительный анализ изображений роговых обоймиц позволяет говорить о типологическом родстве с изделиями из металла. География этих находок очерчивается районами Поднепровья, степного Предкавказья и Среднего и Нижнего Поволжья (Крамаровский, 2001, с. 46), среди которых встречаются действительно выдающиеся произведения искусства, например, пояс с драконами из Западной Сибири, ранее атрибутированный как находка с Березани (ГЭ, XIII–XIV вв.) (Юрченко, 2013, с. 368–369); две накладки на пояса из средней Азии (ГЭ, XIII–XIV вв.), пояс из городища Красный Яр (ГЭ, XIII в.) и пр. (Юрченко, 2013, с. 359–360, 368–369, 372–374, 413) (рис. 2: 2, 3, 4).

М.Г. Крамаровский связывает появление поясов с драконовидной символикой с первым поколением Джучидов 20–50 гг. XIII в. Сам образ дракона рассматривается в контексте создания имперской геральдики, восходящей к образам династии Юань (Barnes, 2010, p. 333). При этом уточняется, что воинские пояса с изображением драконов известны только из архео-

Рис. 2. Изображение дракона в произведениях торевтики Золотой Орды.
 1 – пряжка с изображением дракона, Красноярское городище, Астрахань. ГЭ, инв. № 30 – 762 (фото) без масштаба; 2 – обоймица с изображением дракона, Красноярское городище, Астрахань. ГЭ, Инв. № 30 – 762 (фото); 3 – накладка на пояс с изображением дракона, XIII – XIV вв. Приобретено в Бухаре. ГЭ, инв. № СА – 12964 (фото: Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней, 2013. с. 374) без масштаба; 4 – накладка на пояс с изображением дракона, XIII–XIV вв. ГЭ, инв. № СКи 877, 880-882, 884, 727, 728, 739, 741 (фото: Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней, 2013. с. 368) без масштаба; 5 – бляха-пронизь с рельефным изображением дракона, XIV в., реконструкция. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (фото предоставлено Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем заповедником им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе), без масштаба.

Fig. 2. Dragon images in the toreutics art of Golden Horde. 1 – the buckle with the image of a dragon, Krasnoyarsk settlement, Astrakhan; 2 – the ferrules with dragon images, Krasnoyarsk settlement, Astrakhan; 3 – the onlay on belt with dragon image, 13th – 14th century, from Bukhara; 4 – the onlay on belt with dragon image, 13th – 14th century; 5 – the metal plate with dragon image, 14th century, reconstruction.

логических материалов европейской зоны степей (Крамаровский, 2001a, с. 46; Крамаровский, 2001, с. 18, 36). Следует подчеркнуть, что исследователи не приводят непосредственных аналогий предметам с драконьей геральдикой среди произведений прикладного искусства Юань, а обращаются к стилистическим аналогиям

чжурчженей-удиге, повлиявших на развитие образа дракона в искусстве этой династии (Горелик, 2011, с. 104; Шавкунов, 1990, табл. 41, 5–7; табл. 43, 7, 31; табл. 44, 10, 12 табл. 49, 3).

Искусство династии Юань демонстрирует большое разнообразие образов драконов на разных произведениях искусства. Это четырехлапые

существа с длинным, изогнутым змеобразным телом, завершенным хвостом. Особое внимание на себя обращает голова животного с распахнутой пастью, рогами и гребнем, вырастающим из-за щеки (рис. 3: 1–4). Эти же иконографические особенности можно отметить и у золотоордынских драконов, несмотря на все разнообразие образов. На большинстве известных примеров фигура дракона расположена головой вверх, с одной поднятой передней лапой.

Изобразительный ряд драконовидной геральдики можно расширить изображениями на бляшках ременных гарнитур и поясных бляхах (Горелик, 2010, с. 105; Юрченко, 2016, с. 368, 419).

Актуальной является проблема заимствования образов в рамках взаимодействия кочевнического и древнерусского искусства. В литературе закрепилось мнение, что обоймицы, обнаруженные на территории земель, не входящих в золотоордынское государство, имеют подражательный характер (Крамаровский, 2001а, с. 66). Однако, анализируя проработку композиции и стилистику всей совокупности изображений, можно заключить, что эти выводы преждевременны.

Возвращаясь к группе золотоордынских поясов, важно подчеркнуть, что образы некоторых из них демонстрируют явное непонимание изображения и его механическое воспроизведение. Это выражается в распадении фигуры на составные элементы, тяготеющие к абстрактности форм. В качестве примера можно указать бляху из комплексов погребений у сел Новоподкряжск и Новобережанская (Крамаровский, 2001а, с. 76). Примечательно, что сами исследователи золотоордынской и дальневосточной материальной культуры отмечают единовременное существование в рамках одного хронологического

периода как подробно воспроизведенных, так и схематизированных изображений драконов (Горелик, 2011, с. 104; Шавкунов, 1990, табл. 41, 5–7; табл. 43, 7, 31; табл. 44, 10, 12 табл. 49, 3). Поэтому утверждение о последовательном упрощении образа в рамках единой художественной традиции кажется преждевременным.

Резьба новгородской обоймицы демонстрирует абсолютное понимание художественной задачи, что выражается не только в композиционном решении, но и в умении мастера совместить изображение и конструкцию. Об этом свидетельствует композиционное решение лап, хвоста и когтей дракона, вписанных в формат изделия. Предположение выглядит верным при анализе изображения из Смоленска, где резчик, воспроизводя композиционную схему неточно, был вынужден использовать дополнительные элементы для сохранения идеи общего рисунка и равномерного заполнения композиции. Это и растительные мотивы рядом с головой и изгибом спины дракона, и маленькое кольцо над нижней левой лапой. Стоит еще раз подчеркнуть, что новгородская обоймица имеет точную композиционную и стилистическую копию в образе аналогичной находки из Билярского селища, материальная культура которого свидетельствует о тесном контакте с золотоордынским миром. Таким образом, можно предположить, что новгородская находка имеет непосредственную связь с золотоордынской традицией, а смоленская – попытка следовать известной схеме.

Данная гипотеза делает актуальной проблему поиска стилистического и композиционного протографа, имеющего, вероятно, более ярко выраженную китайскую стилистику. В качестве такого протографа можно предположить изображение дракона на бляхе-пронизи из воинского захоронения, обнаруженной в Ставро-

Рис. 3. Изображение дракона в произведениях декоративно-прикладного искусства династии Юань. 1 – дракон, карабкающийся по скале, XIV в.. Metropolitan Museum, accession number: 2018.151 (Фото: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/781809?searchField=All&sortBy=Relevance&when=A.D.+10001400&ft=dragon+china&offset=0&rpp=80&pos=9>) без масштаба; 2 – фрагмент ткани с изображением драконов, играющих огненной жемчужиной, XIII–XIV вв., Metropolitan Museum, accession number: 2012.399 (Фото: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/77154?what=Textiles&ft=Yuan+dynasty&offset=0&rpp=40&pos=6>) без масштаба; 3 – бело-синяя ваза с изображением дракона, 1279-1368. Idemitsu Museum, Tokyo (Фото: <http://www.alaintruong.com/archives/2014/05/28/29969193.html>); 4 – *the David Vases*, 1351 г, Yuan dynasty, 63.6 x 20.7 cm, Jiangxi province, China © Trustees of the British Museum (Фото: <https://www.khanacademy.org/humanities/ap-art-history/south-east-se-asia/china-art/a/the-david-vases-chinese-porcelain>) без масштаба.

Fig. 3. The image of a dragon in the works of decorative and applied art of the Yuan Dynasty. 1 – a dragon climbing a cliff, 14th century; 2 – the textile fragment with dragons images, playing with flamy pearls; 3 – blue and white vase with the image of a dragon, 1279-1368; 4 – *The David Vases*, 1351 г, Yuan dynasty.

польском крае у села «Семеновод» в 1989 г. (Горелик, 2010, с. 105–106; Юрченко, 2013, с. 419, рис. 118) (рис. 2: 5).

Бляха датируется XIV в., тем не менее особенности композиции изображения позволяют увидеть близкое понимание художественных задач и родство типов изображения находкам северо-запада. Свойства металла позволяют придать фигуре дракона

больше пластичности и заполнить пустоты дополнительными «летающими» элементами. Дракон вписан в криволинейную четырехлепестковую форму таким образом, чтобы фигура занимала всю изобразительную поверхность. Зигзагообразное туловище дракона перекручено в центральной части так, что нижние и верхние конечности, развернутые в профиль, обращены в разные стороны. Надо

отметить, что в данном случае расположение задних ног аналогично изображениям на древнерусских находках, в то время как подавляющее большинство золотоордынских и китайских аналогий демонстрируют более сложный ракурс, подразумевающий разворот в пространстве (Barnes, p. 353–356). Центральная часть тела имеет наиболее выразительный изгиб, в который вписана непропорционально длинная лапа, анатомически не связанная с телом. Стилистика изображений разнится, но их схема расположения в формате идентичная.

Интересным примером единовременного сосуществования двух изобразительных традиций является поясной набор из Красного Яра (рис. 2: 1). Ее пряжка, предположительно, была выполнена русским мастером (Крамаровский, 2001, с. 45). На квадратном лицевом щитке изображен дракон, иконография которого отличается от других изображений: зверь имеет только две передние лапы и крылья, смоделированные плавно изогнутыми у основания прядями с небольшими завитками на конце. Туловище заканчивается длинным хвостом, завершающимся двойным растительным побегом. Проработка фигуры свидетельствует об ином понимании формы: тело моделируется двойным контуром, внутри которого штрихами нанесена фактура шкуры. Обращает на себя внимание и моделировка лап, изображения которых являются включенными в общий контур фигуры. Единственной деталью, роднящей это изображение с другими изображениями на гарнитуре, является проработка головы с распахнутой пастью, оттопыренными губами и длинным гребнем на затылке. Однако при сохранении типологической схожести стилистические особенности отличаются: если на оригинальном изображении каждый элемент отделен контуром, то в изображении на

застежке плавник является продолжением головы.

Основной аргументацией в пользу древнерусского происхождения этого сюжета является использование техники черни, не популярной в золотоордынском искусстве, а также морфологическая близость зверя изображениям на двустворчатых браслетах Южной Руси домонгольского периода (Крамаровский, 2001, с. 44; Макарова, 1986, с. 74, 88). При несомненном морфологическом сходстве этих образов важно подчеркнуть их стилистическое различие. Для древнерусских образов характерно наличие удлиненных линейных элементов, образующих округлые нерегулярные плетения. Часто эти плетения дополнены растительными мотивами (Макарова, 1986, с. 74, 78, 81, 88). В отличие от них красноярский дракон имеет хвост с двумя растительными побегами, композиция которого не образует петель. Кроме того, элементы хвоста выполнены в форме растительных элементов, имеющих почкообразные утолщения на концах побегов, эту же особенность можно отнести к исполнению языка и оперения крыльев. Пластика контуров и пышные растительные элементы позволяют предположить стилистическую близость изображения тюркитике среднежужидского периода (Юрченко, 2013, с. 377, кат. 43; Крамаровский, 2001, с. 93, 98–100), нежели древнерусским аналогиям более раннего периода.

Изображения драконов часто встречаются в декоре древнерусских вещей ордынского периода (Козлова, 2004, с. 195–200; Козлова, 2006, с. 78–83, 113–115). Широка распространения мотива, вариативность воспроизведения образов от высокохудожественных предметов до подражательных форм (Горелик, 2008, с. 117–125) свидетельствует о быстром и глубоком проникновении новой образности в древнерусское

искусство. Была ли это мода, необходимость интегрироваться в новую политическую действительность или результат интенсивного взаимодействия двух полярных культур (Стерлигова, 2019, с. 45–49) – механизмы этого процесса остаются открытыми для изучения. Однако необходимо отметить, что в ходе данных процессов древнерусское искусство не проявляло себя как реципиент, но было

способно создавать собственные образы. Примером этого может быть единовременное существование трех образов дракона – новгородского и билярского, смоленского, красноярского. Каждый из них демонстрирует идею преемственности, подражания и создания собственных форм в рамках выработанной системы имперской гегемонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташова Н.А. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. Москва: Издательский центр ГИМ, 1993. С. 69–78.
2. Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение и история Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 216–243.
3. Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 117–125.
4. Горелик М.В. Находки на Ставрополье и сложение монгольской имперской культуры // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 105–109.
5. Козлова А.В. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 18 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород. 2004. С. 188–207.
6. Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий. Дисс... канд. ист. наук. Москва, 2006. 192 с.
7. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
8. Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – первой половины XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение и история Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт Истории АН РТ, 2001а. С. 43–81.
9. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. М.: Советский художник, 1978. 160 с.
10. Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 155 с.
11. Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань-Яльчик. Казань: Школа, 2005. С. 67–97.
12. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.
13. Стерлигова И.А. К изучению «монгольского» периода в древнерусской торевтике // Вестник сектора древнерусского искусства. 2019. № 1. С. 43–52.
14. Хорошев А.С. Седло начала XIII в. из Новгорода // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 329–341.
15. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.
16. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. СПб: Евразия, 2013. 432 с.
17. Barnes L.E. Yuan Dynasty Ceramics. In Chinese Ceramics: From the Palaeolithic Period through the Qing Dynasty; Li, Z.Y., Bower, V.L., He, L., Eds.; New Haven: Yale University Press, 2010. P. 331–385.

Информация об авторе:

Точилова Надежда Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штигица (г. Санкт-Петербург, Россия); arhivolt@yandex.ru

**HORN FERRULES FROM EXCAVATION
AT NOVGOROD THE GREAT AND SMOLENSK**

N.N. Tochilova

The article deals with tree horn ferrules with dragon images 12th – 13th centuries from Novgorod the Great and Smolensk. Armors and belts with dragon images became a part of the power institute of the Mongol Empire. The Old Russian works of art created under the influence of the Golden Horde are considered frequently as an imitation of more elaborated and process complicated prototypes. A careful study of the iconographic and stylistic features of the three ferrules from Novgorod and Smolensk suggests that the Novgorod find has a direct connection with the Golden Horde tradition, dating back to the art of the Yuan dynasty. The Smolensk finds are an attempt to follow a well-known pattern within the framework of the development of ancient Russian art during the Mongol conquest.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Novgorod the Great, Smolensk, Art of Ancient Rus, Mongolian invasion.

REFERENCES

1. Astashova, N. A. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekove drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities of Eastern Europe)*. Moscow: "State Historical Museum" Publ., 69–78 (in Russian).
2. Valiulina, S. I. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie i istoriya Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source study and history of the Ulus of Jochi (Golden Horde) from Kalka to Astrakhan 1223–1556)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 216–243 (in Russian).
3. Gorelik, M. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 117–125 (in Russian).
4. Gorelik, M. V. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)* (1), 105–109 (in Russian).
5. Kozlova, A. V. 2004. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istorii i arkheologii (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18. Veliky Novgorod, 188–207 (in Russian).
6. Kozlova, A. V. 2006. *Vostochnye traditsii ukrasheniy i predmetov byta iz tsvetnykh metallov v gorodakh severo-zapadnoy Rusi i sopredel'nykh territoriy (Oriental traditions of jewelry and household items made of non-ferrous metals in the cities of North-Western Rus and adjacent territories)*. PhD Thesis. Moscow: "Moscow State University" (in Russian).
7. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
8. Kramarovskii, M. G. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie i istoriya Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source study and history of the Ulus of Jochi (Golden Horde) from Kalka to Astrakhan 1223–1556)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 43–81 (in Russian).
9. Lelekov, L. A. 1978. *Iskusstvo Drevney Rusi i Vostok (The art of the Ancient Rus and the East)*. Moscow: "Sovetskiy khudozhnik" Publ. (in Russian).
10. Makarova, T. I. 1986. *Chernevoe delo Drevney Rusi (Niello of Old Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo nasledia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoy Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 67–97 (in Russian).
12. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoy Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Sterligova, I. A. 2019. In *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva (Bulletin of the Russian Medieval Art Department)* 1, 43–52 (in Russian).
14. Khoroshev, A. S. 2004. In Makarov, N. A. Chernetsov, A. V. Lopatin, N. V. (eds.). *Vostochnaya Evropa v Srednevekove: k 80-letiiu V.V. Sedova (Eastern Europe during the Middle Ages: Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Sedov)*. Moscow: "Nauka" Publ., 329–341 (in Russian).
15. Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and*

the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

16. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita Mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov. Vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire. Time for Festivities. Time for Executions)*. Saint Petersburg: “Evraziia” Publ. (in Russian).

17. Barnes, L. E. 2010. In Li, Z.Y., Bower, V.L., He, L. (eds.). In *Chinese Ceramics: From the Palaeolithic Period through the Qing Dynasty*. New Haven: “Yale University Press Publ.”, 331–385.

About the Author:

Tochilova Nadezhda N. Art History PhD, Associate Professor. Department of Art History of the Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design. Solyanoy lane 13, St. Petersburg, 191028, Russian Federation; arhivolt@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.160.172>

ФОРТИФИКАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В. И ПЛЕТНЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

© 2023 г. А.Н. Медведь

В статье рассматриваются вопросы использования плетневых конструкций в фортификации Московского государства XVI в. Предположительно в XVI в. существовало три возможных источника распространения таких конструкций в Европе – итальянские государства, Венгерское королевство, Османская империя. На основании анализа результатов археологических исследований археологов Венгрии, венгерских изобразительных источников 2-й пол. XVI – нач. XVII вв. можно сделать вывод об особенной популярности плетневых конструкций в Венгерском королевстве. Выдвигается гипотеза о трансформации итальянских технологических приемов, отраженных в трактатах по фортификации, в Венгрии и оформлении отдельной венгерской технологической традиции (*Modus Hungaricus*) использования плетней в фортификации. Можно предположить возможное влияние венгерской технологии *Modus Hungaricus* (а через нее и итальянских технологий возведения земляных крепостей) на фортификацию Московского государства при сооружении крепостей в Москве, Смоленске и некоторых других городах.

Ключевые слова: археология, история фортификации, *Modus Hungaricus*, древоземляные укрепления, фортификация Московского государства.

Вопрос об использовании в русских землях плетней как элемента фортификации исследовался достаточно давно. Однако до сих пор исследователи не пришли к единому мнению, как могли выглядеть такие сооружения, какие технологические особенности они имели.

Плетневые конструкции известны еще в период Средневековья (Моргунов, 2009, с. 43, Федоров, Чашников, 1974, с. 88).

В 1-й половине XVI в. плетни упоминаются уже применительно к Великому княжеству Московскому.

Следует отметить, что в период с 1480-х до 1530-х гг. настолько сменилась фортификационная парадигма, появилось такое количество инноваций в русском крепостном зодчестве, что это дало основание некоторым исследователям назвать это время «фортификационным скачком» (Мильчик, 2021, с. 150). Это определение дается применительно к каменным крепостям, строившимся как в центральных районах Великого княжества Московского (Китай-город, Зарайск, Коломна, Тула), так и в других регионах (Копорье, Нижний Новгород). Но в это

же время на территории княжества продолжали сооружаться и крепости из земли и/или дерева.

Русские летописцы иногда уточняли, из чего именно сооружался город – из земли или из дерева. На наш взгляд, это является косвенным подтверждением различных технологий, использовавшихся при сооружении этих крепостей.

К сожалению, более точные указания на технологию сооружения таких городов в летописях встречаются крайне редко.

В этом ряду особняком стоит один из наиболее масштабных объектов, где использовалась земля и деревянные конструкции (в том числе и плетни). Мы имеем в виду древоземляную Китайгородскую крепость, сооруженную в Москве летом 1534 г. Технология ее создания была описана в Новгородской IV летописи (список Дубровского) достаточно подробно: «устроиша хитрецы велми мудро: начен от каменная стены, и сплетяху тонкий лес около болшаго древия и внутрь насыпаху землю и велми крепко утвержаху, и того ведоша много по реце Москве, и тако приведоша к той

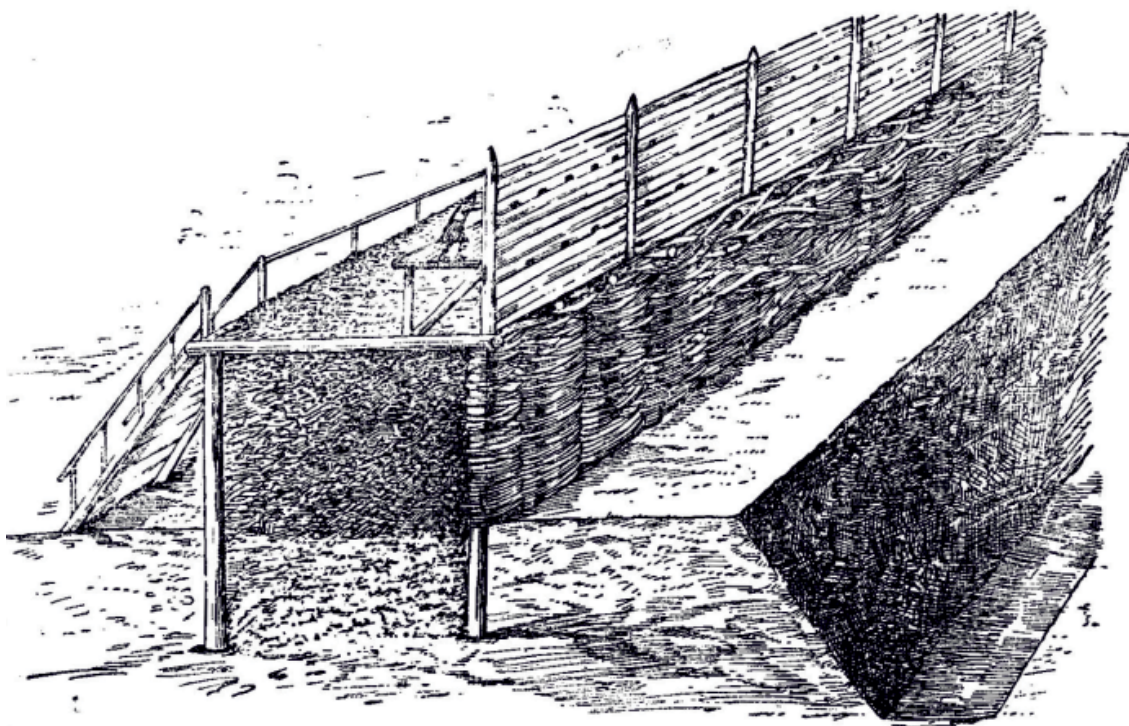

Рис. 1. Реконструкция древо-земляной Китайгородской крепости
(по Н.И. Фальковскому).

Fig. 1. Reconstruction of the wood-and-earth Kytaigorodskaya fortress (by N.I. Falkovsky).

каменной стене; и на версе устроиша град по обычаю» (Полное собрание..., 2000, с. 567).

Если это описание верно, то процесс сооружения крепости состоял из трех фаз. Первая – создание деревянной основы с плетнем. Вероятно, это были ряды столбов, соединенных ветками. Вторая фаза – заполнение внутреннего пространства землей. Вероятнее всего, речь может идти все-таки о двух параллельных рядах столбов, пространство между ними заполнялось землей, которая утрамбовывалась. Третья фаза – сооружение некоего «деревянного града» наверху этой конструкции (заплота, тына, городен?). Примечательно, что летописец особо отметил, что «град древян» был устроен наверху стены «по обычаю».

В 1940-х гг. историк техники Н.И. Фальковский опубликовал реконструкцию древо-земляного Китая (Фальковский, 1950, с. 27) (рис. 1). По его мнению, Китайгородская кре-

пость состояла из вертикальных столбов с внешней и внутренней стороны, переплетенных ветками с внешней стороны. Столбы были соединены горизонтальными перемышками. Внутри этого каркаса находилась плотно утрамбованная земля – она составляла основу стены и одновременно была боевым ходом. По мнению автора реконструкции, на вершине стены располагался один ряд вертикальных столбов, забранных горизонтальными бревнами, в которых были прорезаны бойницы («заплот»), причем в «заплоте» обозначено два уровня бойниц. Общая высота такой конструкции могла быть около 6 м, ширина – около 4,5 м. Конструкция тыльной части стены на рисунке не показана, но судя по изображению вертикального бревна, находившегося в тыльной части, она не имела плетеных элементов.

Эта реконструкция вызывает множество вопросов, но заслуживает внимания, особенно при отсутствии других реконструкций.

Первым исследователем, который высказал гипотезу о возможных европейских аналогиях ранней Китайгородской крепости, был С.С. Подъяпольский (Подъяпольский, 1983, с. 36). Он обратил внимание на возможное сходство древо-земляной Китайгородской крепости и венгерских укреплений.

Позже В.М. Неделин в статье, посвященной Петроку Малому (Неделин В.М., 2007, с. 51), привел иллюстрацию венгерской крепости в «Сабаче» (без указания источника, где эта иллюстрация была опубликована). Ниже мы более подробно рассмотрим это изображение, а пока лишь отметим, что В.И. Неделин также попытался связать древо-земляную крепость Китай-города с венгерской традицией.

По сообщению Н.Н. Воронина, в 1536 г. сооружается крепостная стена в Переславле-Залесском. Здесь «рубилась новые «городни» стен и оплетался вал» (Воронин, 2003, с. 10). Однако ссылок на источник этой информации в книге Воронина нет.

Также следует отметить, что археологически русские древо-земляные укрепления середины – 2-й пол. XVI в. мало изучены, и пока трудно делать какие-то выводы относительно связи европейской практики на русской почве. Одним из редких примеров исследования местонахождения древо-земляной крепости 1535 г. являются раскопки Замковой горы в г. Себеж (руководитель исследований – Б.Н. Харлашов), где изучались остатки древо-земляной крепости, сооруженной под руководством Петрока Малого летом 1535 г. В процессе исследований был обнаружен слой гравия и обожженной глины, перемешанный с песком и углями, который автор раскопок связал с фортификационными работами 1535 г. (Харлашов, 2013, с. 220). По мнению Б.Н. Харлашова, целью этих работ могла стать попытка укрепить

сыпучий грунт на площадке крепости. Однако этот слой обожженной глины мог быть и слоем одного из пожаров, связанных с боевыми действиями в Себеже в 1536 г. и 1562 гг. и в XVII в. Следует отметить, что каких-либо элементов Себежской крепости, позволяющих реконструировать ее первоначальный облик, во время этих раскопок обнаружить не удалось.

Одним из немногих примеров конструкций из плетня, обнаруженных в процессе раскопок, является Вологодское городище. Конструкции были обнаружены в 1994 г. на ул. Ударников. Автор раскопок И.П. Кукушкин так описал эти сооружения: «В слоях второго строительного горизонта, предварительно датированных второй половиной XV – серединой XVI века, выявлено четыре параллельные линии изгородей, проходившие по диагонали через раскоп. Расстояние между крайними рядами колебалось в пределах 5–5,2 метра. Изгороди состояли из вертикальных жердей, оплетенных ветками» (Кукушкин, 1997, с. 45). Автор отметил, что сооружениям из плетня предшествовал ров, который впоследствии был засыпан. После этого по линии рва были сооружены изгороди.

Колья Вологодского городища, ставшие основой для плетневой стены, довольно тонкие (их толщина не превышает 10 см), расстояние между ними – около 40 см.

Столь тонкие кольца вряд ли могли быть основой для мощных укреплений – они не смогли бы выдержать давление грунта, который должен был заполнять пространство между ними. Поэтому вологодская фортификация могла представлять собой либо плетневые стенки без внутренней засыпки, либо очень невысокие стены с земляной засыпкой внутри. Кроме того, не очень понятно, почему здесь располагалось целых четыре линии таких стенок. Возможно, мы имеем

дело с очень небольшим фортификационным объектом, существовавшим непродолжительное время и, возможно, созданным в преддверии возможной осады.

Вероятно, исследовались и другие объекты, однако публикаций, где бы обобщались результаты этих исследований, мы не знаем.

Плетневые конструкции в фортификации русских городов упоминаются в 1580-е гг. применительно к Смоленску. Папский посол А. Поссевино пишет о различных типах крепостей: «Другие же [крепости] состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния, как, например, в Смоленске» (Поссевино, 1983, с. 43). В.Ю. Коваль считает, что Поссевино так описал тарасы (Коваль, 2022, с. 170), однако, на наш взгляд, ни русский перевод, ни тем более латинский текст не допускают двойной трактовки – папский легат говорил именно о плетневых конструкциях. Вопрос лишь в том, какими эти конструкции были и где они располагались.

Археологические исследования древо-земляных укреплений Смоленска, проведенные Н.В. Сапожниковым в 1978 и 1981 гг. в западной части крепостного вала, выявили «остатки деревянных конструкций в виде плах, бревен, жердей очень плохой сохранности» (Сапожников, 2016, с. 50), а также следы толстых жердей, ориентированных перпендикулярно продольной оси вала. Эти находки позволили автору раскопок связать эти конструкции с существованием здесь неких плетневых конструкций. Он описал их так: «...сначала ставились плетеные из толстых жердей клетки, которые заполнялись землей, после этого склоны вала укреплялись с применением рустовой конструкции» (Сапожников, 2016, с. 51). Предлагая такую конструкцию, Н.В. Сапожников явно руководство-

вался описанием крепости, сделанным А. Поссевино.

Эту гипотезу опроверг В.Ю. Коваль, на наш взгляд, обоснованно предположивший, что автор раскопок наблюдал остатки трехстенных срубов (Коваль, 2020), но никак не плетневых конструкций. Очевидно, что *горизонтально* расположенные деревянные конструкции вряд ли могли быть основой для плетня. Такой основой должны были стать *вертикальные* конструкции. Таким образом, конструкции, выявленные Н.В. Сапожниковым, скорее всего, не были связаны с плетневыми конструкциями, упомянутыми А. Поссевино.

На этом краткий обзор плетневых конструкций в московских землях XVI в. можно было бы закончить. Но остается главный вопрос: какой источник имели эти конструкции?

Первым источником могли стать итальянские земли. Еще два итальянских мастера упоминаются как строители деревянной крепости в Дорогобуже в 1508/09 г. Этими мастерами были Машробан и Бартоломей. Возможно, строителем древо-земляной Китайгородской крепости был Петрок Малой (Пьетро Франческо Аннибале) – фортификатор, руководивший возведением уже в 1535 г. каменной Китайгородской крепости. Правда, нет ни одного письменного источника, где Петрок Малой упоминается как создатель древо-земляного Китая. Но оснований подвергать сомнению устоявшуюся версию об авторстве древо-земляного Китая у нас нет, тем более что Петрок Малой упоминается в русских летописях как организатор возведения в 1535 г. и 1536 гг. двух древо-земляных крепостей – в Себеже и Пронске.

Но было ли итальянское влияние на развитие технологии сооружения древо-земляных крепостей в московских землях столь же очевидным и определяющим, как, например, при

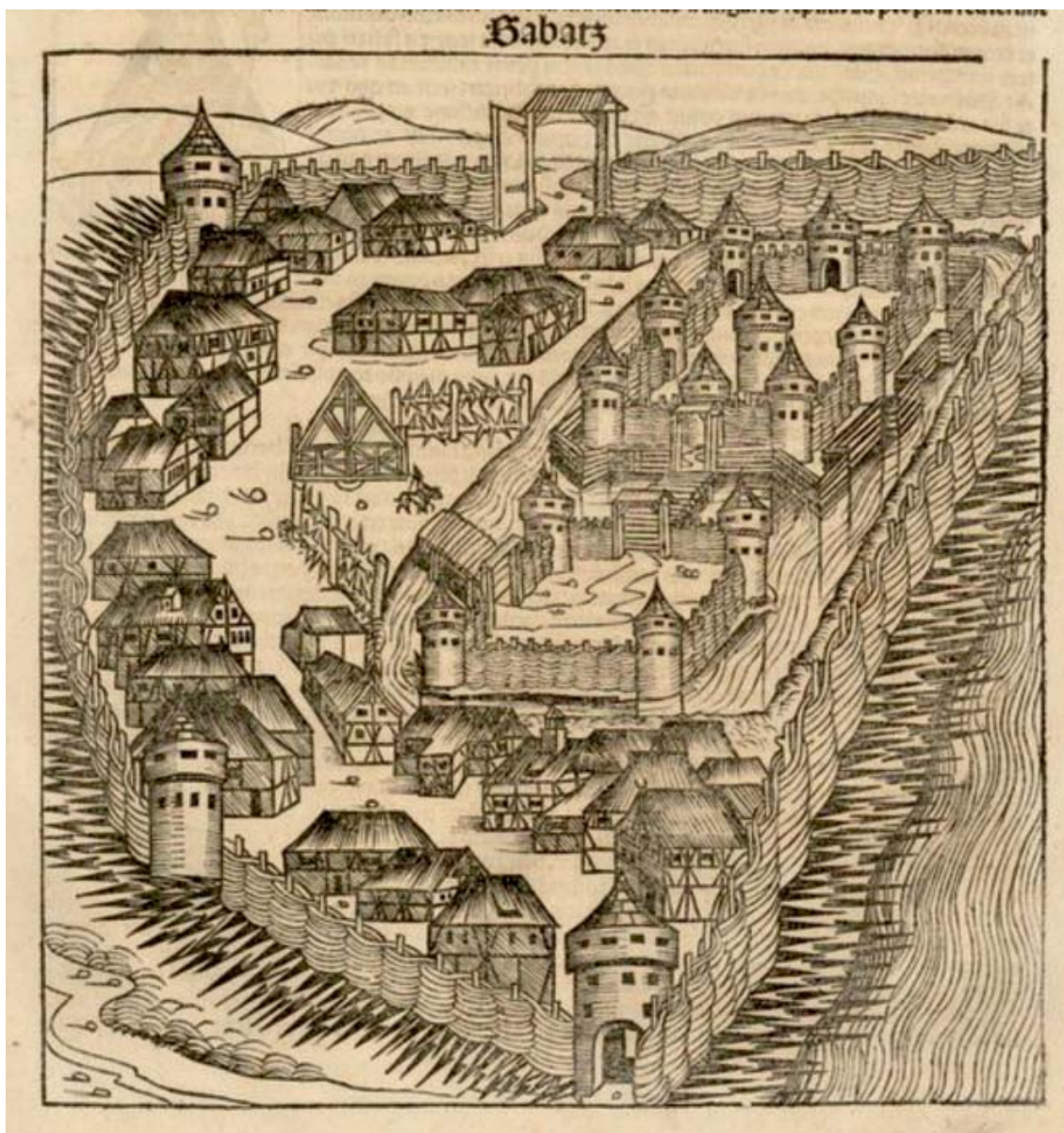

Рис. 2. Шабатц (гравюра из Нюрнбергской хроники, конец XV в.).

Fig. 2. Sabac (engraving from the Nuremberg Chronicle, late 15th century).

строительстве каменных крепостей в этот же период? И имело ли какое-либо продолжение это влияние на русскую фортификацию?

Похожие вопросы были не так давно заданы В.Ю. Ковалем (Коваль, 2022, с. 412). Исследователь признал, что итальянский опыт после 1530-х гг. в Московском государстве уже не использовался, «поскольку итальянские архитекторы на Русь больше не приезжали, а древо-земляная фортификация стала развиваться по иному пути – строительству стен

в виде «тарас»...» (Коваль, 2022, с. 412).

Действительно, в письменных источниках 1540–1550-х гг. итальянские архитекторы и инженеры почти не упоминаются. Однако следует иметь в виду, что в Московском государстве могли остаться ученики этих мастеров. Например, известен Григорий Мистробонов, который в 1538/39 гг. в качестве переводчика сопровождал Петра Малого в его поездке в Себеж и оказался невольным соучастником побега итальянского мастера. Че-

Рис. 3. Города Папа (слева) и Сольнок (справа)
(изображения конца XVI – начала XVII вв.).

Fig. 3. The towns of Papa (left) and Solnok (right) (images from the late 16th and early 17th centuries).

рез 15 или 16 лет «городовой мастер» Григорий Мистробонов упоминается в одном из судебных дел. Очевидно, что речь идет об одном и том же человеке, вероятнее всего, сыне Мastroбана и, возможно, ученике Петрока Малого. Так или иначе этот потомок итальянского фортификатора работал в Москве еще в 1550-е гг. именно как инженер-фортификатор. И вряд ли он был единственным итальянцем (пусть даже и обрусевшим) на территории Московского государства.

Вторым возможным источником технологий создания фортификаций с использованием плетневых конструкций могло стать Венгерское королевство.

Прежде всего отметим, что в Венгрии существовала технология создания древо-земляных укреплений, получившая в современных венгерских исследованиях условное название «Modus Hungaricus».

Особенностью древо-земляных укреплений, возводимых в соответствии с «Modus Hungaricus», было то, что в качестве стен используются толстые сваи, соединенные плетнем.

Нами выявлено два типа таких конструкций:

- однорядная стена из кольев с оплеткой;
- двухрядная стена из кольев с оплеткой, с земляной насыпью между

рядами кольев. Плетень обмазывается глиной.

Первый тип укреплений (одно-рядная стена из кольев с оплеткой) встречается на изображении крепости Шабач (приведено в упоминавшейся статье В.М. Неделина под названием «Сабач»). Изображение этой крепости было помещено в Нюрнбергской хронике (1490-е гг.) (рис. 2). Крепость представляет собой сочетание плетневых и бревенчатых стен, дополненных каменными башнями. Именно эти башни являлись узлами обороны. Кроме того, укрепления дополнены рядом наклонных заостренных кольев, располагавшихся на эскарпе.

Второй тип укреплений (двух-рядная стена из кольев с оплеткой, с земляной насыпью между рядами кольев) мы наблюдаем на нескольких гравюрах конца XVI в. Плетеные стены становятся одной из «визитных карточек» венгерских укреплений – они появляются на гравюрах, изображающих города Папа, Сольнок и др. (рис. 3) На этих изображениях конструкция стен реконструируется как два ряда свай, соединенных плетнем, между которыми насыпана земля.

Хотя термин *Modus Hungaricus* и отсылает нас к Венгрии, правильнее было бы соотнести эту технологическую традицию с регионом южноне-

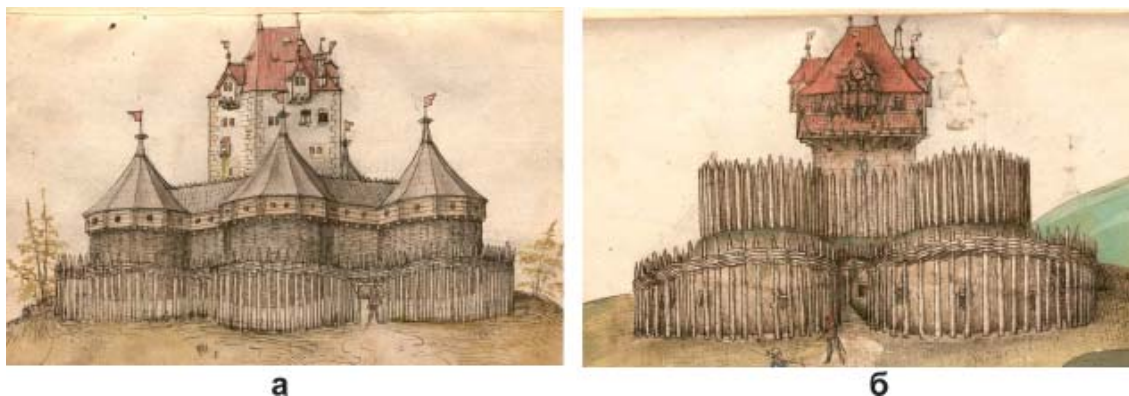

Рис. 4. Изображения древо-земляных укреплений из трактата М. Мерца «Feuerwerksbuch» (2-я пол. XV в.).
 Fig. 4. Images of wood-and-earth fortifications from treatise by M. Merz "Feuerwerksbuch" (2nd half of the 15th century).

мецких земель, Австрией и собственно Венгрией.

Например, имеется более раннее изображение, где на одном объекте сосуществуют оба типа укреплений. Мы имеем в виду книгу немецкого специалиста в области артиллерии Мартина Мерца (ок. 1425–1501) «Feuerwerksbuch»¹. Эта книга, написанная между 1473–1480 гг., содержит два рисунка, на которых изображены древо-земляные укрепления, близкие к «Modus Hungaricus». На стр. 30 (рис. 4а) мы можем наблюдать каменный замок, обнесенный двумя рядами укреплений. Внешний ряд таких укреплений представляет собой палисад из кольев, вбитых в землю, заостренных сверху и соединенных сверху оплеткой. Судя по рисунку, колья вбиты на некотором расстоянии друг от друга, так что между ними имеются промежутки, достаточно широкие, чтобы видеть, что происходит за палисадом, но при этом не дающие проникнуть внутрь. Внутренняя линия укреплений представляла собой полукруглые башни с оплетенными стенами и боевым уровнем из бревенчатых стен, снабженных бойницами. Вероятно, нижняя часть этих башен представляла собой плетневую конструкцию, заполненную утрамбованной землей.

Еще одна миниатюра из книги М. Мерца изображает каменный замок, дополненный также двумя линиями укреплений (рис. 4б). Первая линия идентична первой линии укреплений на предыдущей миниатюре, а вот вторая линия – это земляные насыпи с бойницами в нижней части и забором из кольев с оплеткой – наверху насыпи. Примечательно, что верхний уровень представляет собой сплошной забор из кольев без амбразур.

Как мы видим, земляные стены с поддержкой в виде плетня и кольев описывались уже во 2-й пол. XV в. в источниках, не связанных с Венгрией.

Остатки крепостей, выстроенных в соответствии с Modus Hungaricus, венгерскими археологами изучались крайне редко. Отчасти это объясняется плохой сохранностью этих объектов. Например, укрепления первого типа вообще невозможно выявить, т.к. от них на поверхности земли не остается почти ничего.

Однако некоторые памятники были исследованы и довольно подробно описаны.

Одним из таких памятников является крепость 2-й пол. XVI в. Байчавар. В процессе исследований 1995–2001 гг. были обнаружены остатки бастионной крепости с деревянными элементами. Часть крепости оказа-

лась значительно разрушена эрозивными процессами и деятельностью песчаного карьера. Однако некоторые ее участки сохранились относительно хорошо и их удалось исследовать.

Замок представлял собой пятиугольную крепость с бастионами, очень хорошо приспособленную по местности (рис. 5). Авторы исследований отмечают правильность очертаний крепости, повторяющие классические образцы итальянской бастионной архитектуры (Vándor L., Kovács G., 2002, p. 49).

Крепость имела относительно небольшие размеры – ее внутренняя площадь оценивалась современными исследователями в 1 га (Vándor L., Kovács G., 2002, p. 53).

Строительство крепости началось осенью 1578 г. В 1581 г. крепость еще была не закончена. В качестве ее архитектора в этот год упоминается итальянец Джузеппе Винтани. Крепость официально была закончена в 1584 г., однако ее состояние было далеко от идеального – ее стены постоянно разрушались.

Одной из главных причин столь быстрого разрушения крепости могло стать активное использование при строительстве песка. Кроме того, крепость располагалась в местности с песчанистыми почвами. Никаких работ по созданию прочного фундамента не проводилось – стены крепости стояли на песке. Много проблем доставляли и сваи – они довольно быстро гнивали. Замок был снесен в начале 1600-х гг., не простояв и 30 лет.

Стены крепости (в северной ее части) представляли собой смешанную конструкцию из кирпича и глины, заложённых и утрамбованных внутри двойной свайной стены.

А вот один из бастионов, обнаруженный в южной части крепости, имел несколько иную конструкцию. Исследователи описали ее особенности. На расстоянии 4 м друг от дру-

га были выкопаны две параллельные траншеи шириной 40–60 см и глубиной 120–150 см. Затем в траншеи были вбиты сваи, вероятно, около 4 м длиной и 25–30 см в диаметре. Эти сваи располагались на расстоянии 20–30 см друг от друга во внешних траншеях и 30–60 см друг от друга во внутренних траншеях. Затем пространство между рядами свай было заполнено песчаной почвой из рва, смешанной с глиной, с последующей утрамбовкой.

Здесь же был выявлен сухой V-образный ров шириной 20 м и глубиной 4–5 м (Vándor L., Kovács G., 2002, p. 50). Через ров был перекинут разводной мост.

Венгерские коллеги не представили реконструкцию внешнего вида этого укрепления, однако описание, данное ими, позволяет сделать несколько предположений о конструктивных особенностях Байчаварской крепости. Если конструкция северной части крепости, выложенной из не очень качественного кирпича и глины, не вызывает особых вопросов и повторяет технологические схемы итальянских бастионов XVI в., то конструкция южной части, где на расстоянии друг от друга размещались деревянные сваи, довольно странная. Главный вопрос: как эти сваи были соединены друг с другом?

Вряд ли между сваями находилось пустое пространство (напомним, что расстояние между сваями снаружи составляло ок. 30 см., а изнутри оно доходило до 60 см). Никаких следов закладки промежутков между сваями глиной либо кирпичами не обнаружено. Кроме того, вероятно, свайная стена была вертикальна, что подразумевает некую конструкцию, которая должна была поддерживать эту вертикальность. Такой конструкцией вполне мог быть обмазанный глиной плетень.

Можно сделать очень осторожный

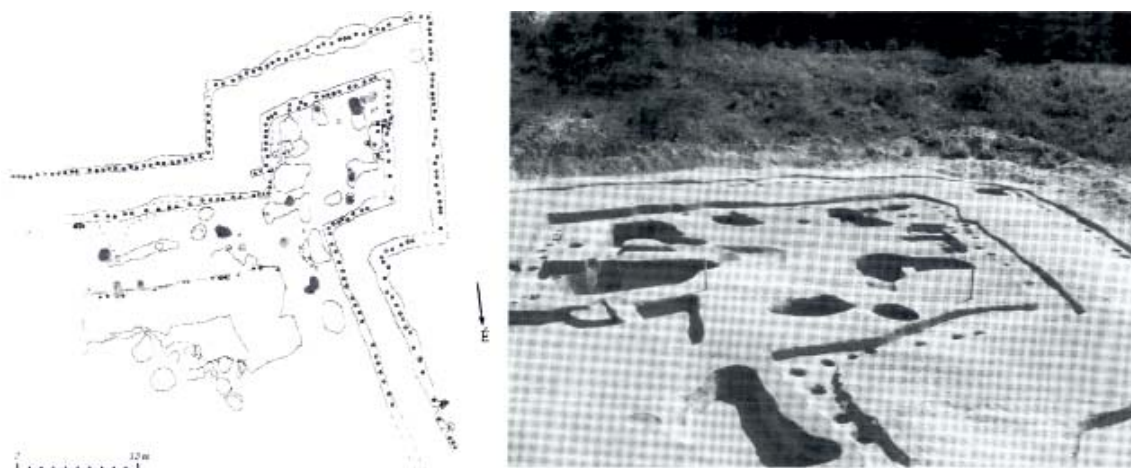

Рис. 5. Байчаварская крепость (план южного бастиона и фото зачистки по материку).
 Fig. 5. Baichavar Fortress (plan of the southern bastion and photo of the sweep across the natural land)

вывод о том, что описанный тип древо-земляных укреплений (сваи, соединенные плетнем) зародился в южнонемецких землях в эпоху позднего Средневековья и распространился на центрально-европейские земли, получив наибольшее распространение в венгерских землях. С расширением и усилением империи Габсбургов в 1-й пол. XVI в. древо-земляные укрепления на территории Венгрии получают новые для этих территорий черты, вобрав в себя как уже известные в XV в. элементы (плетень, деревянный забор и пр.), соединенные с новым бастионным начертанием крепостей.

В отличие от Байчаварской крепости некоторые из венгерских крепостей 2-й пол. XVI в. просуществовали довольно длительное время – от 30 до 70 (!) лет.

Но если «*Modus Hungaricus*» – лишь развитие центрально-европейской технологической традиции, то где ее истоки?

Одним из наиболее очевидных центров возможного заимствования технологий в XV–XVI вв. являются итальянские земли.

Нам уже приходилось отмечать, что во 2-й пол. XVI в. в Италии сложилась традиция сооружения земляных укреплений с использовани-

ем конструкций из дерева (Медведь, 2022). Попробуем сравнить итальянскую теорию создания земляных крепостей с использованием деревянных элементов с венгерскими примерами реально возведенных крепостей.

На известных нам изображениях венгерских крепостей мы видим, что в качестве основы стены использовалась либо плетневая конструкция, либо конструкция из двух параллельных рядов свай (кольев?), вбитых на небольшом расстоянии или даже вплотную друг к другу. Пространство между двумя рядами свай закладывалось землей и тщательно трамбовалось.

В итальянских трактатах 2-й пол. XVI в. предлагалось создавать свайную основу в шахматном порядке, да и самих рядов свай должно было быть не 2, а 4 или даже более. Сваи в этом случае выступали не как внешнее или внутреннее ограничение стены, а как некая внутренняя «арматура». Фасы древо-земляных стен должны были выкладываться из дерновых кирпичей, внешняя оплетка в итальянских трактатах не упоминалась. Лишь в трактате Дж. Б. Беллуцци упоминались фашины из веток, которые крепились к стене (Медведь, 2021, с. 384). Конструкции в виде плетня

Рис. 6. Конструкции из плетня (по Ф. Тензини, 1620-е гг.)

Fig. 6. Wicker structures (by F. Tenzini, 1620s)

в исследованных нами итальянских трактатах упоминались лишь как защита воинов, располагавшихся на боевом ходе древо-земляной стены.

В более позднее время итальянские фортификаторы предлагали использовать плетневые конструкции иначе. В трактате итальянского фортификатора Франческо Тензини (предположительно датированном 1624 г.) изображены плетеные корзины-габионы, забитые землей (рис. 6). Из них рекомендовалось сооружать стены, размещая габионы в несколько рядов. Причем такое укрепление имело два уровня. Первый представлял собой сплошную стену, а на втором уровне габионы располагались на некотором расстоянии друг от друга, выполняя роль мерлонов. В трактате Ф. Тензини такие укрепления показаны как дополнение к каменным крепостным сооружениям, но никак не самостоятельная фортификация.

Также для крепостей «венгерского» типа наряду с плетневыми и свайными конструкциями было характерно использование горизонтальных бревен, из которых могли выкладываться как полностью стены (как в Шабаче), так и верх стен. Описания бревенчатых конструкций в известных нам итальянских трактатах отсутствуют.

Еще одним коренным отличием от древо-земляных укреплений «итальянского» типа было наличие в крепостях «венгерского» типа частокола перед собственно крепостями. Итальянские авторы, наоборот, советовали оставлять пространство перед крепостью максимально широким и пустым для наблюдения за действиями противника и максимально эффективного его обстрела.

Другим объектом сравнения этих трактатов может стать форма древо-земляных крепостей, описываемая авторами. Здесь картина получается непростая. В итальянских трактатах (Дж. Б. Беллуцци, Дж. Лантьери, Г. Галилей) описывается бастионное начертание крепостей, к середине XVI в. ставшее вполне традиционным. А вот на миниатюрах, изображающих венгерские крепости, бастионы далеко не всегда имеют классическую форму, но иногда представляют собой округлые сооружения. При этом прясла венгерских крепостей имеют прямое начертание, без изломов, характерных для бастионных крепостей Италии 2-й пол. XVI в.

Таким образом, можно констатировать, что существовала определенная разница в технике возведения земляных крепостей в итальянских землях и в Венгрии.

Впрочем, имеются факты, подтверждающие участие итальянских фортификаторов в создании крепостей, возведенных по принципам *Modus Hungaricus* (Байчаварская крепость, Сольнок). Добавим к этому и то, что со 2-й пол. XV в. – сер. XVI в. в Венгрии работало большое количество итальянских архитекторов и инженеров. Этой тематике была посвящена значительная часть номера итальянского журнала «*Arte Lombardia*» (*Arte Lombardia*, 2003). Возможно, плетневые конструкции в венгерской фортификации стали отдельной веткой развития итальянских технологий создания земляных укреплений, прижившейся в Венгрии, но не ставшей популярной в Италии.

Отдельные исследователи связывают развитие технологии создания древо-земляных крепостей в Центральной Европе с турецким влиянием. Исследователи вполне резонно считают триггером для такого развития активные действия в Центральной Европе турецких войск. Но и здесь нельзя однозначно говорить именно о турецком влиянии. Возможно, скорее турки восприняли венгерскую традицию создания небольших быстровозводимых крепостей из дерева

и земли (либо раствора), создав его вариант – «паланку» – полевое укрепление, создававшееся из земли и деревянных конструкций. Впрочем, турецкое влияние – тема отдельного исследования.

Таким образом имеется как минимум три пути, откуда в Московское государство могла попасть технология создания плетневых сооружений: итальянские земли, Венгрия, Турция. В московских землях могли работать не только итальянские, но и венгерские специалисты. Более того, можно предположить участие в сооружении древо-земляных крепостей в этот период и русских людей, получивших подобный опыт на военной службе в других странах. Известен, например, уроженец Литвы Иван Пересветов, служивший наемником в венгерских и молдавских землях и в конце 1530-х гг. перебравшийся в Московское государство.

Надеемся, что в будущем отечественным исследователям станут доступны для изучения русские фортификационные объекты XVI вв. и появится больше информации для сравнения между европейскими и российскими земляными крепостями.

Примечание:

¹ Код доступа: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00045460&pimage=125&v=100&nav=&l=de>

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин Н.Н. Переславль-Залесский. М.: MelanarE, 2003. 30 с.
2. Коваль В.Ю. Проблемы изучения древо-земляной фортификации средневекового Смоленска // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2020. № 4. С. 132–160.
3. Коваль В.Ю. Снова о фортификации Смоленска в XVI в. // Археология Подмосковья. Вып. 18 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2022. С. 164–173.
4. Кукушкин И.П. Вологодское городище // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2 / Ред. М.А. Безнин. Вологда: ВГПИ, 1997. С. 36–46.
5. Медведь А.Н. Джамбаттиста Белуцци и его «Трактат о земляных укреплениях» // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 376–387.
6. Медведь А.Н. Древо-земляные укрепления в Италии XVI в. – становление традиции // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 396–409.
7. Мильчик М.И. Город камен Копорье. СПб.: Коло, 2021. 256 с.
8. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

9. Неделин В.М. Петрок Малой – архитектор крепости Пронск. 1535 г. // Архитектурное наследство. Вып. 47. М.: ЛКИ, 2007. С. 57–67.

10. Подъяпольский С.С. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стилль, атрибуции, датировки / Отв. ред. В.П. Выголов. М.: Наука, 1983. С. 34–50.

11. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983. 271 с.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 690 с.

13. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М.: Московский рабочий, 1950. 528 с.

14. Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Кишинев: Штиинца, 1974. 133 с.

15. Харлашов Б.Н. Археологические исследования в Себеже в 2011 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли / Отв. ред. Н.В. Лопатин. Москва, Псков, 2013. С. 213–220.

16. Arte Lombardia. 2003. № 139 (3).

17. Vándor L., Kovács G. Bajcsavár régészeti kutatása // Weitschawar/Bajcsa-var Egy stájer erődítmény Magyarországon a 16. század második felében. Zalaegerszeg 2002. 257 p.

Информация об авторе:

Медведь Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); man1153@yandex.ru

FORTIFICATION OF THE MOSCOW STATE IN THE 16TH CENTURY AND THE WATTLE STRUCTURES IN CENTRAL EUROPE

A. N. Medved

The article deals with the use of wattle and daub structures in the Moscow state fortification of the 16th century. Presumably in the 16th century there were three possible sources of distribution of such designs in Europe – the Italian states, the Kingdom of Hungary, the Ottoman Empire. On the basis of the analysis of Hungarian archaeological research, Hungarian pictorial sources from the 2nd half of the 16th century and the beginning of the 17th century, we can conclude that wattle and daub structures were particularly popular in the Hungarian Kingdom. The Hungarian archaeological research results and Hungarian pictorial sources from the second half of the 16th and early 17th centuries show that wattle and daub structures were particularly popular in the Hungarian Kingdom. It is hypothesised that Italian technological methods, reflected in treatises on fortification, were transformed in Hungary and that a separate Hungarian technological tradition (*Modus Hungaricus*) of using wattle and daub in fortification was formed. We can assume a possible influence of *Modus Hungaricus* technology (and through it Italian technologies of erecting earthen fortresses) on the fortification of the Moscow state in the construction of fortresses in Moscow, Smolensk and some other cities.

Keywords: archaeology, history of fortification, *Modus Hungaricus*, wood and earth fortification, fortification of the Moscow state.

REFERENCES

1. Voronin, N. N. 2003. *Pereslavl'-Zalesskij (Pereslavl-Zalessky)*. Moscow: “MelanarE” (in Russian).

2. Koval', V. Yu. 2020. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIII. Istorii (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria VIII. History)* 4, 132–160 (in Russian).

3. Koval', V. Yu. 2022. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 18. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 107–119 (in Russian).

4. Kukushkin, I. P. 1997. In Beznin, M. A. (ed.). *Vologda. Kraevedcheskij al'manah (Vologda. Local History Almanac)* 2. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Publ., 36–46 (in Russian).

5. Medved, A. N. 2021. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 376–387 (in Russian).

6. Medved, A. N. 2022. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 267, 396–409 (in Russian).

7. Mil'chik, M. I. 2021. *Gorod kamen Kopor'e (Koporye – the city of stone)*. St. Petersburg: “Kolo” Publ. (in Russian).
8. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Nedelin, V. M. 2007. In *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)* 47. Moscow: “LKI” Publ., 57–67 (in Russian).
10. Pod'yapol'skiy, S. S. 1983. In Vygolov, V. P. (ed.). *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Stil', atributsii, datirovki (Sites of Russian architecture and monumental art: Style, attribution, dating)*. Moscow: “Nauka” Publ., 34–50 (in Russian).
11. Possevino, A. 1983. *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. (Historical writings on Russia in the 16th century)*. Moscow: “MGU” Publ. (in Russian).
12. Novgorodskaya chetvertaya letopis' (4-th Novgorod chronicle). 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles) Vol. 4. Part I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
13. Fal'kovskiy, N. I. 1950. *Moskva v istorii tekhniki (Moscow in the history of engineering)*. M.: “Moskovskiy rabochiy” Publ. (in Russian).
14. Fedorov, G. B., Chebotarenko, G. F. 1974. *Pamyatniki drevnih slavyan (VI–XIII vv.) (Monuments of the ancient Slavs (6th–13th centuries))*. Chisinau: “Shtiintsya” Publ. (in Russian).
15. Harlashov, B. N. 2013. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskov i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Region)* 29(59), 213–220 (in Russian).
16. Arte Lombardia. 2003. № 139 (3).
17. Vándor, L., Kovács, G. 2002. Bajcsavar régészeti kutatása. In *Weitschawar/Bajcsa-var Egy stájer erődítmény Magyarországon a 16. század második felében*. Zalaegerszeg.

About the Author:

Medved Aleksandr N. Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities. Miusskaya sq., 6, Moscow, 125047, Russian Federation; man1153@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VII – VIII ВВ. У Д. ГОРА УСЛАНЬ

© 2023 г. А.М. Колоколов

Автором рассматривается сооружение в виде сложенной из камня насыпи, внутри которой обнаружены остатки кострища, содержащего комплекс находок. Объект обнаружен на площадке городища у д. Гора Услань, расположенного на левом берегу р. Упы, в черте современного г. Тулы. По причине отсутствия человеческих останков данный комплекс не относится к погребальным памятникам, а связан с поминальной обрядностью. На основании аналогий вещевой и керамической комплекс может быть датирован в рамках 2-й пол. VII – VIII вв. Пряжка из кострища имеет аналогии в мордовских могильниках. находка миниатюрного лепного кувшина связана со степными древностями. Лепной сосуд, обнаруженный у подножья насыпи, близок к материалам типа сахновки. Аналогичных объектов на территории Окско-Донского водораздела и сопредельных регионов не известно. Наиболее конструктивно и функционально схожие сооружения известны в кочевнических древностях самарского Поволжья VII–VIII вв. Культурный синкретизм публикуемого комплекса отражает этнокультурную ситуацию на территории региона в период 2-й пол. VII–VIII вв.

Ключевые слова: археология, Тульская область, Окско-Донской водораздел, городище, VII–VIII века, поминальный комплекс.

В 2020 г. на левом берегу р. Упы, у д. Гора Услань, расположенной в черте современного г. Тулы, было выявлено неизвестное ранее городище (рис. 1: 2) (Столяров, 2020). Оно было возведено и активно использовалось в период раннего железного века (VII в. до н. э. – I в. н. э.). В ходе разведочных работ в СЗ части площадки был заложен шурф площадью 4 кв. м. В его ЮВ углу был зафиксирован край конструкции, сложенной из камня. На остальной площади шурфа зафиксирована часть заглубленного в предматериковый слой объекта, в верхней части заполнения которого содержалось несколько фрагментов груболепной керамики IX–X вв. (Столяров, 2020, рис. 28). После выявления этих объектов шурф был законсервирован.

В 2021 г. работы на памятнике были продолжены. Шурф был расконсервирован и включен в площадь раскопа № 2 (рис. 1: 3). Конструкция, часть которой располагалась в углу шурфа, была расчищена полностью. Она представляла собой каменную насыпь округлой в плане формы диаметром около 3 м, сложенную из плотно подогнанных необработанных обломков

известняка и лимонита (рис. 2: 1). В профиле конструкция имела усеченноконическую форму (рис. 2: 2). Между камнями обнаружены многочисленные фрагменты костей животных.

У подножья насыпи, в ЮЮЗ части, был зафиксирован развал груболепного горшка (рис. 2: 1; 3). Он изготовлен из ожелезненной глины с примесью в тесте дресвы и мелкофракционного шамота, орнамент отсутствует. Горшок приземистый, конической формы, с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком, плавным переходом от тулова к плечу. В верхней части имеются следы ремонта – два сквозных отверстия, расположенных рядом, просверленных для стягивания трещины. Сосуд изначально стоял в неглубокой ямке (ок. 3 см). Отнести его как к керамике IX–X века, так и к материалам эпохи РЖВ, богато представленным на памятнике, не представляется возможным. По характеру теста и профилировке данный сосуд ближе всего к древностям сахновского типа, выявленным на территории региона недавно (Колоколов, 2022, с. 185). По форме он близок к типу I-2 сахновской керамики по О.М. При-

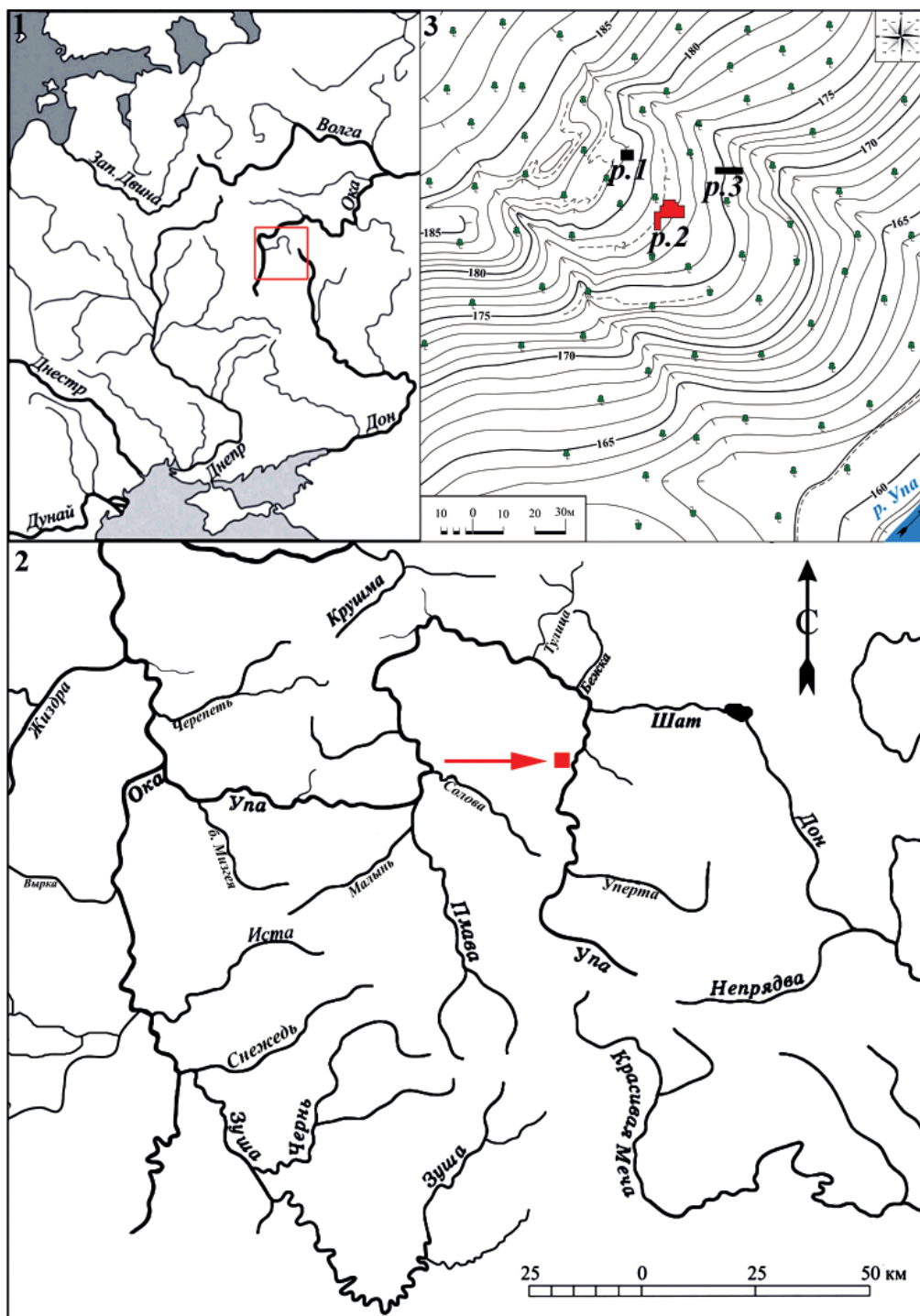
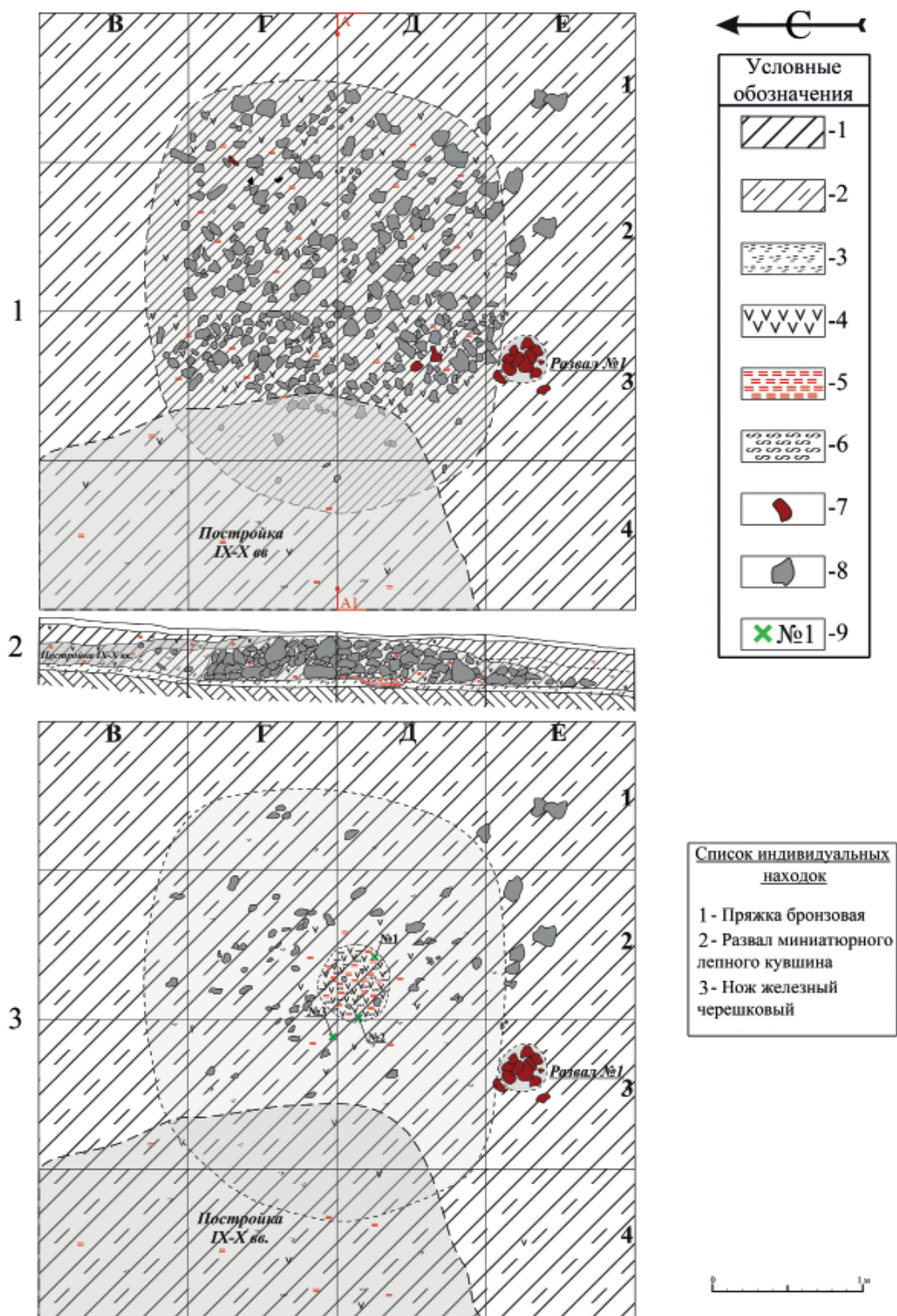

Рис. 1. 1 – регион исследования; 2 – месторасположения памятника;
3 – топографический план городища у д. Гора Услань.

Fig. 1. 1 – region of study; 2 – location of the site; 3 – the topographic plan of the hillfort nearby the village of Gora Uslan.

ходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27). Аналогичные по характеру теста и близкие по морфологии сосуды происходят из постройки VIII в. 4 раскопа на поселении Куриловка-1 на р. Судже (прав. приток Пслы).

В ходе разбора конструкции, в центральной ее части, под толщей камней было зафиксировано кострище. Оно представляло собой линзу округлой в плане формы, диаметром около 50 см, мощностью около 5 см, состоя-

Условные обозначения. 1 – темно-серый суглинок; 2 – диффузионный предматериковый слой; 3 – материковая глина; 4 – древесный уголь; 5 – обожженная глина; 6 – зола; 7 – фрагмент керамического сосуда; 8 – камень; 9 – индивидуальная находка.

Рис. 2. Восточная часть раскопа II. 1 – поминальный комплекс после расчистки каменной насыпи; 2 – стратиграфический профиль А–А1; 3 – поминальный комплекс после разбора каменной насыпи.

Fig. 2. The eastern part of the excavation II. 1 – memorial assemblage after clearing the stone mound; 2 – stratigraphic profile A–A1; 3 – memorial assemblage after dismantling the stone mound.

Рис. 3. Лепной сосуд, обнаруженный у подножья каменной насыпи.

Fig. 3. Hand-made vessel, found at the foot of a stone mound.

щую из древесного угля, золы и пачины. Под ней располагалось округлое пятно прокаленного предматерика диаметром около 30 см, мощностью до 7 см (рис. 2: 3).

В нижней части каменной насыпи, непосредственно над кострищем, был обнаружен высокий S-видный венчик лепного сосуда (рис. 4: 5). Тесто его плотное, из ожелезненной глины с мелкофракционными примесями. По профилировке и характеру теста он наиболее близок к горшкам из заполнения хозяйственных ям II и XLIX селища Каменка 1 на р. Вырке (левый приток Оки). Материалы, происходящие из этих объектов, интерпретированы как сахновские (Екимов, Колоколов, в печати, рис. 14, 16).

Непосредственно из кострища происходят две находки – бронзовая пряжка и развал миниатюрного груболепного кувшина.

Пряжка имеет размеры 2,1×2,2 см, с лицевой стороны покрыта точечным пуансонным орнаментом, язычок крепится к короткой стороне рамки (рис. 4: 1). Еще две аналогичные по типу пряжки, но без орнамента, най-

дены на склоне площадки городища (рис. 5: 2, 3). Эти находки уникальны для Окско-Донского водораздела. Главными их морфологическими признаками являются прямоугольная форма рамки и характерные ромбовидные выступы на углах.

Наиболее ранняя серия пряжек, имеющих прямоугольную рамку и рельефное литое изображение ромбов по углам рамки, известна в могильниках 1-й пол. I тыс. верхнего Поволжья и Прикамья.

Две таких пряжки с неподвижной обоймой происходят из комплексов III–V вв. азелинской культуры: погр. 5 Суворовского могильника (рис. 6: 4; 7: 41) и погр. 15 Азелинского могильника (рис. 6: 5: 7: 32) (Амброз, 1971, с. 108, рис. 9:60–61; Генинг, 1963). Аналогичное изделие с подвижной обоймой содержалось в комплексе кургана 7 Салиховского могильника III–VI вв. в Башкирии (рис. 6: 8; 7: 36) (Васюткин, 1986, с. 188, рис. 6: 15; 193–194). Рамка пряжки без обоймы была найдена в погребении 8 Селиксо-Трофимовского могильника IV–V вв. (рис. 6: 7; 7: 37) (Полесских, 1974, с. 25,

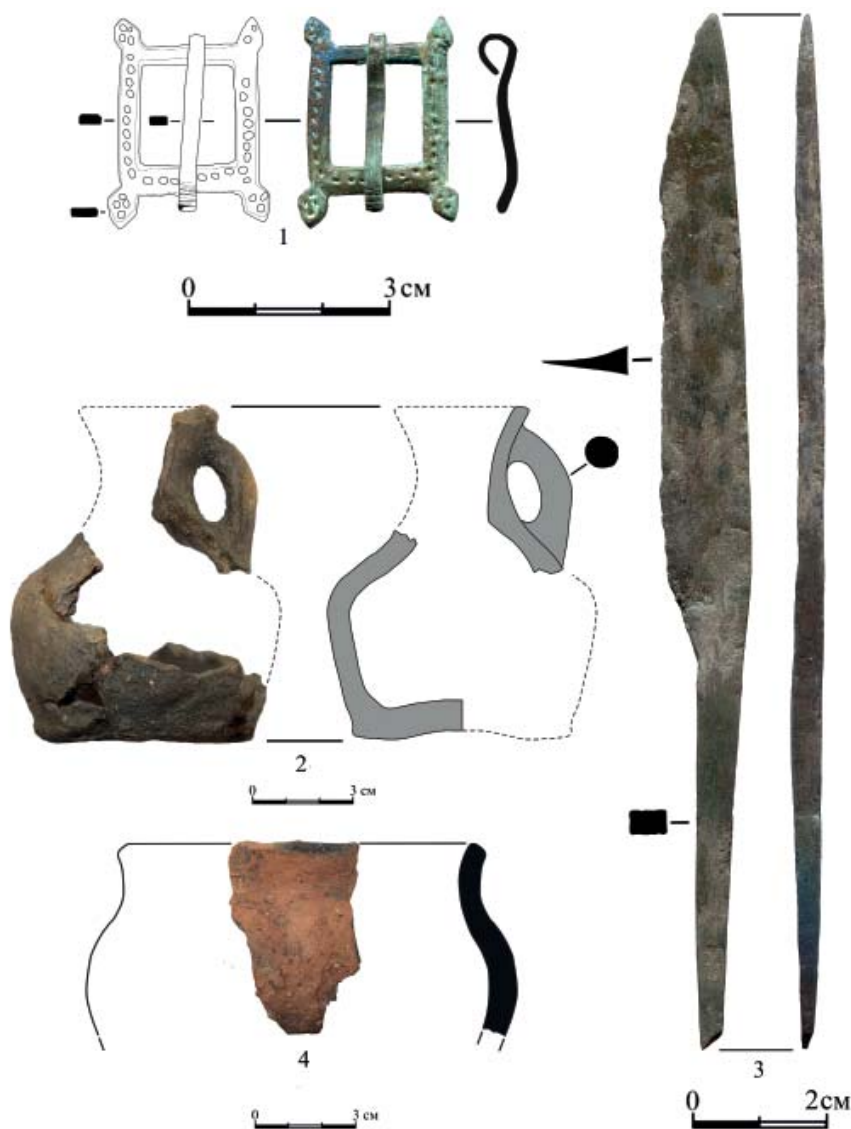

Рис. 4. Находки из поминального комплекса. 1 – пряжка; 2 – миниатюрный лепной кувшин; 3 – нож; 4 – фрагмент лепного горшка. 1, 2 – кострище; 3 – 20 см. к СЗ от кострища; 4 – нижняя часть насыпи над кострищем. 1 – бронза; 2, 4 – керамика; 3 – железо.

Fig. 4. Finds from the memorial assemblage. 1 – buckle; 2 – miniature hand-made jug; 3 – knife; 4 – fragment of hand-made pot. 1, 2 – fireplace; 3 – 20 cm to the NW of the fireplace; 4 – lower part of the mound above the fireplace. 1 – bronze; 2, 4 – ceramics; 3 – iron.

рис. 3:9). Наиболее ранним изделием в этой серии является пряжка из погребения 727 Тарасовского могильника (рис. 6: 6; 7: 42), датирующегося сер. II – сер. III вв. (Голдина, 2003, с. 314, табл. 312: 9–3; Красноперов, 2015, с. 207–234). Эти изделия можно рассматривать в качестве дальних прототипов интересующих нас находок.

Более близкую им морфологию имеют пряжки из комплексов VI–VII вв. Одна из них происходит из

захоронения 149 Безводнинского могильника, расположенного на территории верхнего Поволжья (рис. 6: 14; 7: 33) (Краснов, 1980, с. 206, рис. 35: 6). Данное захоронение, по мнению Ю.А. Краснова, относится ко второй стадии функционирования могильника, укладываемой в рамки VI – нач. VII вв. (Краснов, 1980, с. 108). В данный момент предмет хранится в фондах музея «Куликово поле» (ГМЗ-КП-63-10).

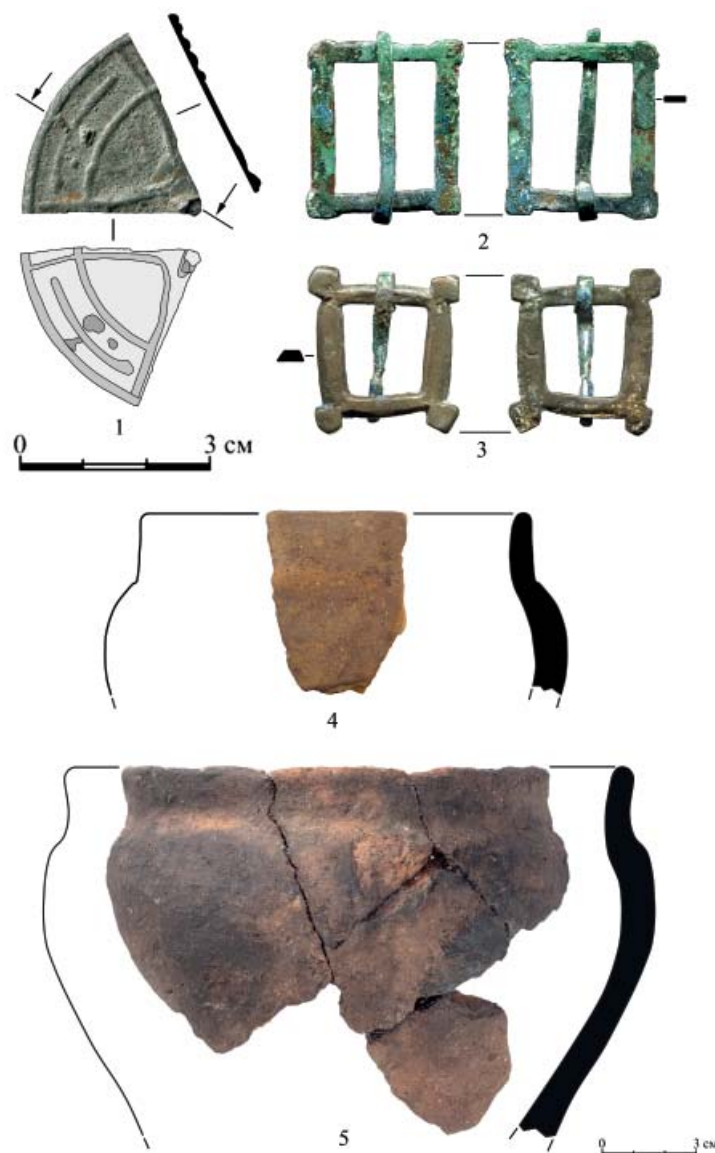

Рис. 5. Находки с площадки и склонов городища. 1 – фрагмент зеркала; 2, 3 – пряжки; 4, 5 – фрагменты лепных сосудов. 1–4 – склоны городища; 5 – раскоп 3, слой 0.
1–3 – бронза; 4, 5 – керамика.

Fig. 5. Finds from the site and slopes of the settlement. 1 – fragment of a mirror; 2, 3 – buckles; 4, 5 – fragments of hand-made vessels. 1–4 – slopes of the hillfort; 5 – excavation 3, layer 0.
1–3 – bronze; 4, 5 – pottery.

Близкие пряжки, но с округлыми угловыми выступами содержатся в комплексе погребений № 2 и 15 старшего Кужендеевского могильника VI–VII вв., расположенного в бассейне р. Теши (рис. 6: 15; 7: 40) (Жиганов, 1959, с. 221, рис. 3:11). Отдаленно схожие предметы, отличные тем, что имеют только два выступа на углах, противоположных месту крепления обоймы, известны в комплексе 2-го Старобадиковского могильника VII–

IX вв. (рис. 7: 39) в бассейне р. Вад (Петербургский, 1987, с. 63, рис. 5; 8).

Единичные находки пряжек с угловыми выступами известны в раннеславянских и северокавказских древностях середины I тыс. Массивная квадратная пряжка с прямоугольной рамкой и стержневидными выступами на углах происходит из постройки 1 сер. – 2-й пол. V в. н. э. поселения Целиков Бугор (рис. 6: 12; 7: 44) (Терпиловский, 1985, с. 96, рис. 17:

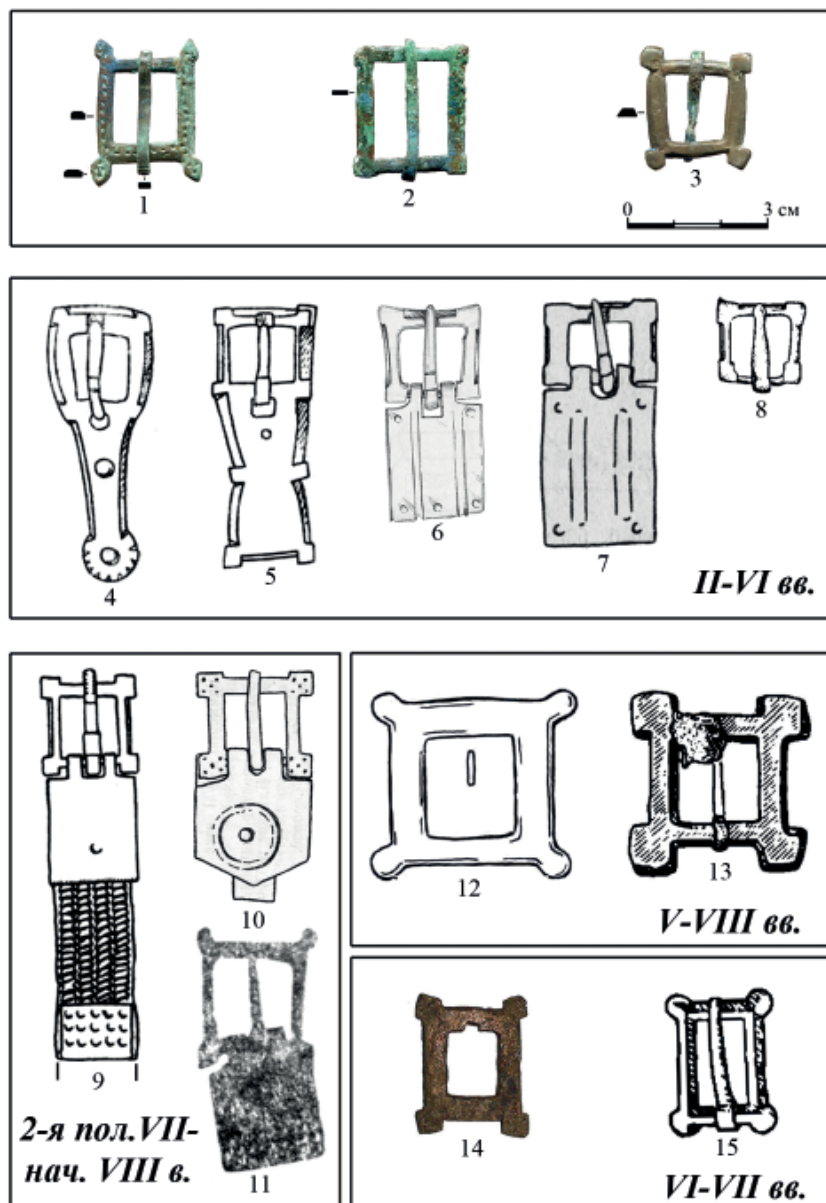
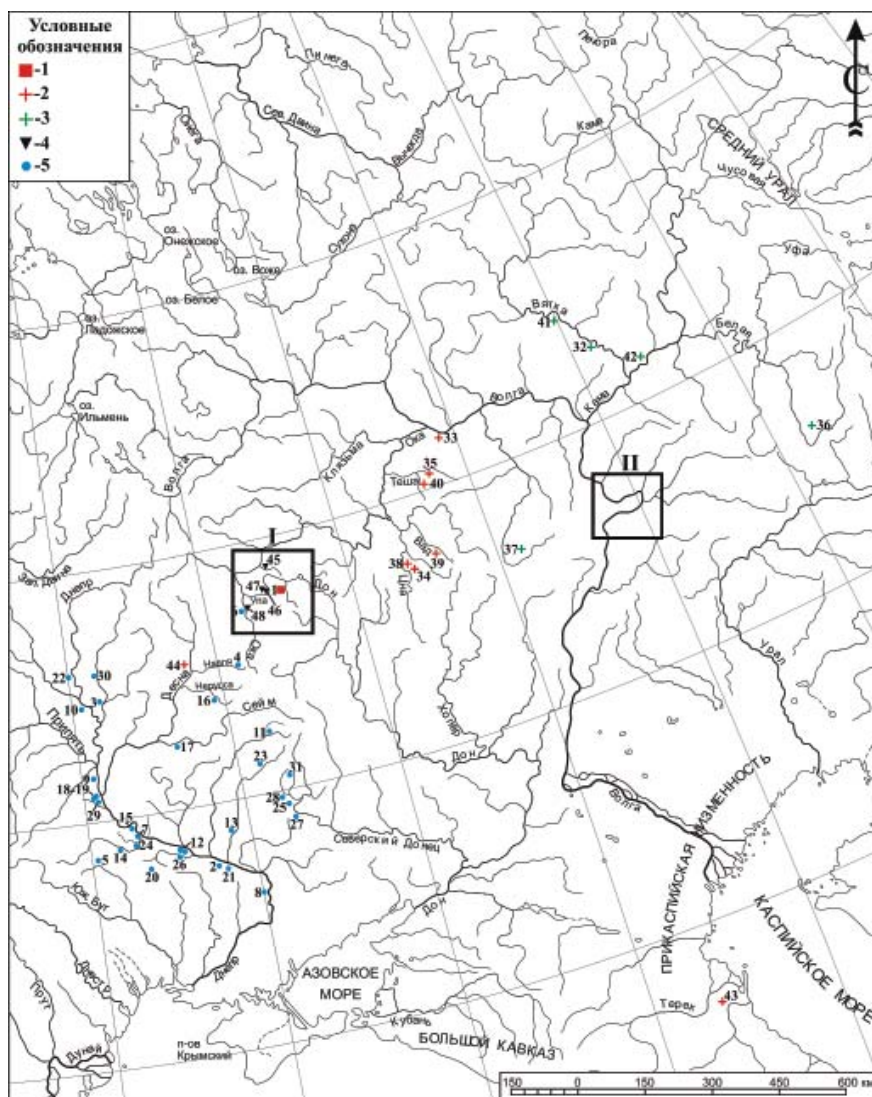

Рис. 6. Аналогии и прототипы пряжкам со склонов городища и из поминального комплекса. 1–3 – городище у д. Гора Услань; 4 – Суворовский могильник, погр. 5; 5 – Азелинский могильник, погр. 15; 6 – Тарасовский могильник, погр. 727; 7 – Селиксо-Трофимовский могильник, погр. 8; 8 – Салиховский могильник, кург. 7; 9 – могильник Красное-III, погр. 10; 10 – Серповский могильник, погр. 33; 11 – Елизавет-Михайловский могильник, погр. 10; 12 – с. Целиков Бугор, постр. 1; 13 – Харачеевский могильник, погр. 10; 14 – Безводнинский могильник, погр. 149; 15 – Старший Кужиндеевский могильник, погр. 2 и 15.

Fig. 6. Analogies and prototypes to buckles from the slopes of the hillfort and from the memorial assemblage.

23). Схожее с ней по форме и размеру изделие, однако с ромбовидными, а не стержневидными выступами на углах, было обнаружено в погребении 11 Харачоевского могильника на территории горной Чечни (рис. 6: 13; 7: 43) и датируется авторами работ

V–VIII вв. (Багаев, Виноградов, 1972, с. 85, рис. 4:4). Приведенные изделия, хотя и схожи с пряжками с Горы Услань по основному их отличительному признаку – прямоугольной рамке и наличию выступов на углах, однако они превосходят последнюю по раз-

Условные обозначения: 1 – городище у д. Гора Услань; 2 – находки прямоугольных рамчатых пряжек с угловыми выступами; 3 – вероятные прототипы прямоугольных рамчатых пряжек с угловыми выступами; 4 – находки 2-й пол. VII – VIII вв. на территории Окско-Донского водораздела; 5 – памятники типа «сахновка».

Рис. 7. Область распространения древностей, обнаруживающих наибольшую типологическую близость материалам поминального комплекса у д. Гора Услань.

I – Окско-Донской водораздел; II – Самарская лука, регион распространения могильников новинковского типа.

- 1 – Гора Услань; 2 – Б. Андрусовка; 3 – Гомель; 4 – Железное городище; 5 – Журавка Ольшанская; 6 – Каменка-1; 7 – Канев; 8 – Канцерка; 9 – Киев; 10 – Колочин; 11 – Куриловка-2; 12 – Луг-1-2; 13 – Махучи; 14 – Момоты; 15 – Монастырек; 16 – Новоямское-3; 17 – Обмачев; 18 – Обухов-2; 19 – Обухов-7; 20 – Пастырское; 21 – Пеньковка; 22 – Проскурни; 23 – Рябовка; 24 – Сахновка; 25 – Соколово; 26 – Стецовка; 27 – Сухая Гомольша; 28 – Таранцево; 29 – Ходосовка; 30 – Черчерск; 31 – Шоссейное; 32 – Азелинский могильник; 33 – Безводнинский могильник; 34 – Елизавет-Михайловский могильник; 35 – Красное-III могильник; 36 – Салиховский могильник; 37 – Селикса-трофимовский могильник; 38 – Серповский могильник; 39 – 2-й Старобадиковский могильник; 40 – старший Кужиндеевский могильник; 41 – Суворовский могильник; 42 – Тарасовский могильник; 43 – Харачоевский могильник; 44 – Целиков Бугор; 45 – Никулино; 46 – Супруты; 47 – Тризново-3; 48 – Темрянь.

Рис. 7. The area of distribution of antiquities that reveal the greatest typological proximity to the materials of the memorial complex near the village of Mount Uslan.

меру, значительно массивней и грубее по исполнению, а форма их ближе к квадратной. Сходство их с нашей находкой скорее случайно, чем вызвано наличием культурных связей. В любом случае, на этих территория такие находки не образуют устойчивой традиции.

Самые близкие аналогии нашим находкам происходят из комплексов 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в. мордовских могильников среднего и нижнего Поочья. Прямоугольная пряжка с характерными ромбовидными выступами на углах и подвижной обоймой для крепления ремня, покрытой пуансонным орнаментом, происходит из кремационного погребения № 10 Елизавет-Михайловского могильника (рис. 6: 11; 7: 34) (Алихова, 1969, с. 46; 123, табл. 25: 2). По мнению О.В. Зеленцовой, это погребение относится к ранней группе стадии А среднецнинских могильников, датируемой серединой – концом VII в. (Зеленцова, 2005, с. 324). Близкая по форме пряжка в комплексе сложносоставного пояса происходит из женского погребения № 10 мордовского могильника Красное III, расположенного в бассейне р. Теши (рис. 6: 9; 7: 35) (прав. приток р. Оки, нижнее течение) (Алексеев, Зеленева, Мартыанов, 1990, табл. VI:1). Могильник датируется в рамках конца VI – нач. VIII в. (Алексеев, Зеленева, Мартыанов, 1990, с. 89). Аналогичные пряжки содержатся в комплексе погребений № 33 и 36 Серповского могильника на р. Цне (рис. 6: 10; 7: 38) (Алихова, 1959, с. 124, табл. 53: 5). В целом время бытования Серповского могильника укладывается в рамки 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в. (Зеленцова, 1999, с. 64).

Таким образом, можно заключить, что пряжка из кострища и находки со склона, вероятнее всего, относятся к кругу мордовских древностей и датируются в рамках 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в.

К этому же комплексу относится железный черешковый нож, обнаруженный в 20 см к западу от кострища воткнутым в грунт (рис. 4: 4). Лезвие его имеет прямую спинку, переходящую в черешок прямоугольного сечения, скошенный на конце, и широкий дол с одной стороны.

Миниатюрный груболепной кувшинчик из кострища имеет высоту 10 см, диаметр горла – 4,2 см, тулова – 8 см. Ручка расположена с одной стороны. Изделие имеет следы вторичного прокала, вероятно, обгорело в костре (рис. 4: 3). Подобных находок на территории региона ранее известно не было. Лепные кувшины близких форм, размеров и пропорций происходят из захоронений кочевнических могильников VII–VIII вв. на Средней Волге – I и II Новинковского, II Бруснянского, I Малорязанского (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998, с. 141, рис. 38).

Со степным кругом древностей VII–VIII вв. среднего Поволжья – памятниками новинковского типа (рис. 7: II) связана и возможная интерпретация самой каменной насыпи. Для погребальных памятников этого типа характерно перекрытие захоронений каменными выкладками, содержащими среди камней кости домашних животных и фрагменты сосудов, являющихся, вероятно, остатками поминальных тризн (Лифанов, Зубов, 2011, с. 53). Неоднократно зафиксированы также каменные выкладки, не содержащие захоронений и выполнявшие поминальную функцию (Лифанов, 2017, с. 79–90). Такие комплексы известны в составе могильников на Самарской Луке, в частности курганы 3 и 5 Бруснянского II могильника, курган 9 Выползовского могильника (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998, с. 51, 194). Под насыпью кургана 12 Новинковского II могильника, который имел каменную обкладку, содержащую кости животных,

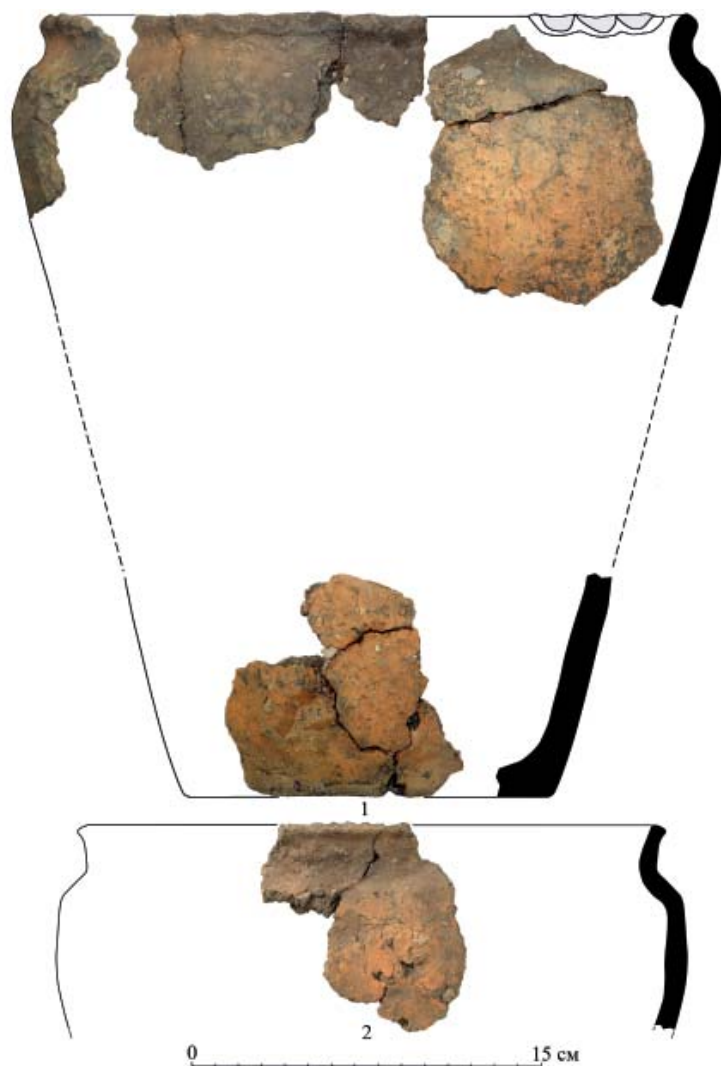

Рис. 8. Керамика роменского типа из постройки IX–X вв., частично перекрывавшей поминальный комплекс.
 Fig. 8. Romny type pottery from the buildings of the 9th–10th centuries, which partially covered the memorial assemblage.

на уровне материка располагалось, как и в нашем случае, зольное пятно овальной формы, не содержащее следов захоронения (Матвеева, 1997, с. 23–24, 154, рис. 56). Курган 9 Выпозовского могильника, также не содержащий захоронения, по форме, размеру и мощности каменного панциря близок к объекту на площадке городища у д. Гора Услань (Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996, с. 86, 97, рис. 4). Как было сказано выше, находки лепных кувшинов, аналогичных обнаруженному в кострище, также характерны для новинковских древностей.

В целом вещевой и керамический набор, связанный с комплексом, изученным на городище у д. Гора Услань, можно датировать в рамках 2-й пол. VII – VIII вв. Как было показано выше, наиболее близкими аналогиями сооружению являются погребальные и поминальные комплексы Среднего Поволжья. Поскольку в нашем случае человеческих останков выявлено не было, этот комплекс не является погребением, а связан с поминальной обрядностью. Таким образом, вполне правомерно будет применить к нему термин «поминальный комплекс».

Дополнительным подтверждением датировки является то, что западную часть каменной насыпи перекрывает наземная часть жилой постройки IX–X вв. (рис. 2: 1). Участок площадки, на котором располагалась постройка, имеет понижение в сторону склона. Вероятно, в связи с этим близкая к склону стена жилища опиралась на предварительно сnivelированную каменную насыпь как на фундамент. В заглубленной части постройки располагался развал печи, сложенной из камней, схожих с теми, из которых была возведена насыпь. Вероятно, при создании печи были использованы камни из верхней части насыпи, которая изначально имела близкую к конической форму и возвышалась над дневной поверхностью. В заполнении постройки были обнаружены многочисленные фрагменты груболепной керамики роменского типа. Многие из них являлись частью одного сосуда (рис. 8).

На площадке городища был найден фрагмент зеркала с центральной петлей и орнаментом в виде расходящихся частых лучей и нескольких концентрических кругов на оборотной стороне (рис. 1: 1). Такие зеркала возникают в сер. – 2-й пол. II в. и существуют вплоть до IX в. На территории Окско-Донского водораздела они могут относиться к двум культурно-хронологическим горизонтам: середина IV – V в. (мощинская культура, памятники типов Криволучье и Чертовицкое – Замятино) (Обломский, 2015, с. 294, рис. 316: 10–13; Воронцов, Столяров, 2017, с. 308, рис. 6: 6) и IX–X вв. (Плетнева, 1989, с. 101–103, рис. 51–53). При этом древностей IV–V в. на памятнике не обнаружено, а в комплексах IX–X вв. на территории региона не известно ни одной находки подобного зеркала, несмотря на внушительные объемы исследований. В то же время зеркала с бортиком, украшенные концентрическими

окружностями и расходящимися лучами, известны в аланских материалах VII – 1-й пол. VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 36:4; 112:4; 116:20; 126:11). Таким образом, не исключено что данная находка относится ко времени создания поминального комплекса на площадке городища.

Также на памятнике обнаружено несколько фрагментов сосудов, которые могут относиться ко времени сооружения поминального комплекса. В верхнем слое раскопа 3 на площадке городища обнаружен развал миски, по характеру теста и профилировке схожий с горшком из подножья насыпи (рис. 5: 5). Фрагмент сосуда, обнаруженный на склоне городища, по характеру теста близок сосуду из развала № 1, однако отличается по профилировке: имеет высокий прямой венчик и округлое плечико (рис. 5: 4). Горшки схожих форм известны в волынцевских древностях VIII в. В известной степени он напоминает сосуда типа VII по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59:8).

Возможно, находки пряжек, зеркала и сосудов также происходят из ритуальных комплексов, разрушенных в результате оползания склонов городища либо лишенных насыпей.

Поминальный комплекс, обследованный на площадке городища у д. Гора Услань, является уникальным объектом как для Окско-Донского водораздела, так и для сопредельных территорий. При этом он отражает сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся на территории региона в VII–VIII вв. Она не вполне ясна, так как материалы этого периода, накопленные к настоящему моменту, крайне немногочисленны и разнородны. К середине VII в. относятся финал наиболее поздних памятников мощинской культуры, господствующей на территории региона с сер. III в. (Воронцов, 2014, с. 323). В начале

IX в. Окско-Донской водораздел активно осваивается носителями древностей круга роменской культуры. Период же 2-й пол. VII – VIII в. до недавнего времени представлялся хронологической лакуной, заполнить которую можно было лишь гипотетически.

Появившиеся на сегодняшний день материалы позволяют соотнести период 2-й пол. VII – VIII в. в нашем регионе с временем существования здесь древностей типа сахновки-вольнцево. К ним относятся пока только материалы поселения Каменка-1 на р. Вырке (Колоколов, 2022, с. 186). Ближайший к нашему региону памятник этого круга, хотя и относящийся к деснинскому бассейну, – поселение Железное Городище, демонстрирует вектор продвижения носителей древностей сахновского типа в междуречье Оки и Дона (Воронцов и др., 2017, с. 168–172). Кроме этого, с памятников региона происходят отдельные находки украшений и предметов поясного набора этого времени, в частности серег пастырского типа и поясных накладок типов Врап-Ерсеке и Арадац-Фенлак (Колоколов, 2022, с. 212, рис. 12:6; Колоколов, в печати,

рис. 1: 1, 2). Также есть основания предполагать существование в регионе группы населения, продолжающей мощинские традиции материальной культуры. Косвенно об этом свидетельствуют синхронное существование глиняной посуды роменской и мощинской традиций в некоторых комплексах IX в. (Колоколов, 2022, с. 187)

Поминальный комплекс, обнаруженный на городище Гора Услань, демонстрирует удивительный культурный синкретизм. Горшковидные сосуды, связанные с насыпью, относятся к материалам типа сахновки, пряжка из кострища находит надежные аналогии в мордовских древностях, находка же миниатюрного лепного кувшина и сама традиция сооружения подобных мемориальных комплексов имеют явное степное происхождение. Материалы этого комплекса позволяют предположить участие в сложении этнокультурной картины региона во 2-й пол. VII–VIII в., наряду с остатками местного мощинского и пришлым славянским населением, представителей степного круга культур эпохи раннего Хазарского каганата.

Благодарности:

Выражаю благодарность автору археологических работ Евгению Васильевичу Столярову за возможность воспользоваться неопубликованными материалами, Ивану Сергеевичу Простякову за неоценимую помощь в проведении полевых работ, Власте Евгеньевне Родинковой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.И., Зеленева Ю.А., Мартынов В.Н. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 83–100.
2. Алихова А.Е. Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Красный октябрь, 1959. С. 117–130.
3. Алихова А.Е. Среднецнинская мордва // Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 129 с.
4. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
5. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.

6. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
7. Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. Вып. 132 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1974. С. 80–86.
8. Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 83–98.
9. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
10. Воронцов А.М. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 310–326.
11. Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Простяков И.С., Колоколов А.М., Фомин К.Н. Археологические исследования в Тульской и Орловской областях в 2014–2015 гг. // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 168–172
12. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского / РСМ. Вып. 19 / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 298–310.
13. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск-Ижевск, 1963. 195 с.
14. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
15. Екимов Ю.Г., Колоколов А.М. Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Проблемы изучения древнерусских сельских территорий. Тула: гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. В печати.
16. Жиганов М.Ф. Старший Кужендеевский могильник в долине реки Теша // СА. 1959. № 1. С. 218–227.
17. Зеленцова О.В. О месте Серповского могильника в истории древнемордовского населения // Забелинские научные чтения – 1995–1996 гг. / Труды ГИМ. Вып. 103 / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 1999. С. 60–65.
18. Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецнинской мордвы (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 320–328.
19. Колоколов А.М. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 1 / Ред. А.М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2022. С. 184–202.
20. Колоколов А.М. Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела. В печати.
21. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
22. Красноперов А.А. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье // Stratum plus. 2015. № 4. С. 207–234.
23. Лифанов Н.А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 79–90.
24. Лифанов Н.А., Зубов С.Э., Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской луке // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції “П’ятнадцять слобожанські читання”. Вип. 1 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2011. С. 50–56.
25. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
26. Обломский А.М. Хронология верхнедонских памятников середины I тыс. н. э. // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени

у с. Ксизово (конец IV – V в.). / Раннеславянский мир. Вып. 16 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 291–295.

27. *Петербургский И.М.* Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 80 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 50–78.

28. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

29. *Полесских М.Р.* Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1974. С. 12–32.

30. *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980. 152 с.

31. *Смиленко А.Т., Юренко С.П.* Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Ред. В.Д. Баран Киев: Наукова думка, 1990. С. 279–290.

32. *Столяров Е.В.* Отчет о разведочных археологических работах на территории МО г. Тула Тульской области в 2020 г. // Архив ИА РАН, 2020.

33. *Терпиловский Р.В.* Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1985. С. 93–97.

Информация об авторе:

Колоколов Александр Михайлович, научный сотрудник. Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула, Россия); kolokoloff.sasha@yandex.ru

MEMORIAL COMPLEX OF THE SECOND HALF OF THE 7TH–8TH CENTURIES AT THE HILLFORT NEAR THE VILLAGE OF GORA USLAN

A.M. Kolokolov

The author discusses the structure which is stone mound. Inside it the remains of a campfire were found containing a complex of finds. The object was found on the hillfort near the village of Gora Uslan, located on the left bank of the Upa River, within the boundaries of the city of Tula. Due to the absence of human remains, this complex does not belong to burial sites, but is associated with memorial rites. On the basis of analogies, the complex of finds can be dated to the second half of the 7th–8th century. The buckle from the campfire has analogies in the mordovian burial grounds. The find of a miniature handmade jug is connected with the steppe antiquities. The handmade vessel found at the foothill of the mound is close to “Sakhnovka” type materials. Similar objects on the territory of the Oka-Don watershed and adjacent regions are not known. Structurally and functionally the most similar constructions are known in nomadic antiquities of the Samara Volga region of the 7th–8th centuries. The cultural syncretism of the published complex demonstrates of complicated the ethno-cultural situation in the region during the second half of the 7th–8th centuries.

Keywords: archaeology, Tula region, Oka-Don watershed, hillfort, 7th–8th century, memorial complex.

REFERENCES

1. Alekseev, S. I., Zeleneev, Yu. A., Mart'yanov, V. N. 1990. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Novye istochniki po etnicheskoy i sotsial'noy istorii finno-ugrov Povolzh'ya. I tys. do n. e. – I tys. n. e. (The new sources on the ethnic and social history of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. 1st millennium BC – 1st millennium AD)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 83–100 (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: “Krasnyi oktiabr” Publ., 117–130 (in Russian).
3. Alikhova, A. E. 1969. *Material'naiia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (Material Culture of the Mordva People on the Middle Tsna River in 8th–10th Centuries)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
4. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 3, 106–134 (in Russian).
5. Afanas'ev, G. E., Runich, A. P. 2001. *Mokraia balka. Vyp. 1. Dnevnik raskopok (Mokraia balka. Part 1. Field notebook)* Moscow: “Nauchnyi Mir” Publ. (in Russian).
6. Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V., et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (The Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*.

Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).

7. Bagaev, M. Kh., Vinogradov, V. B. 1972. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 132. Moscow: "Nauka" Publ., 80–86 (in Russian).

8. Bogachev, A. V., Ermakov, S. F., Khokhlov, A. A. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 83–98 (in Russian).

9. Vasiutkin, S. M. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 180–197 (in Russian).

10. Vorontsov, A. M. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 235, 310–326 (in Russian).

11. Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V., Stolyarova, K. A., Prostyakov, I. S., Kolokolov, A. M., Fomin, K. N. 2017. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2007 g. (Archaeological Discoveries of 2007)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 168–172 (in Russian).

12. Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V. 2017. In Rodinkova, V. E., Rumiantseva, O. S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: k 60-letiyu A.M. Oblomskogo (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbaric World and the Birth of the Slavic Cultures: Dedicated to the 60th Anniversary of A.M. Oblomsky)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 298–310 (in Russian).

13. Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).

14. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

15. Ekimov, Yu. G., Kolokolov, A. M. 2023. *Problemy izucheniya drevnerusskikh sel'skikh territoriy (Issues of studying Old Rus rural areas)*. Tula: "Kulikov Pole" State Museum-Reserve Publ. In print (in Russian).

16. Zhiganov, M. F. 1959. *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 218–227 (in Russian).

17. Zelentsova, O. V. 1999. In Egorov, V. L. (ed.). Proceedings of the State Historical Museum 103. Moscow: State Historical Museum, 60–65 (in Russian).

18. Zelentsova, O. V. 2005. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiyu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Aprel' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 320–328 (in Russian).

19. Kolokolov, A. M. 2022. In Vorontsov, A. M. (ed.). *Arkheologiya Oksko–Donnskogo vodorazdela. Kn. 1. (Archaeology of the Oka-Don watershed. Book 1)*. Tula: "Kulikov Pole" State Museum-Reserve, 184–202 (in Russian).

20. Kolokolov, A. M. In print. *Elementy poyasnoy garnitury s pamyatnikov VIII–X vekov Oksko-Donnskogo vodorazdela (Belt set parts from archaeological sites of the 8th–10th centuries in the Oka and Don watershed)* (in Russian).

21. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Krasnopeorov, A. A. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 207–234 (in Russian).

23. Liphonov, N. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 248, 79–90 (in Russian).

24. Liphonov, N. A., Zubov, S. E., 2011. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 1. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 50–56 (in Russian).

25. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoy Luke (Burial Grounds of the Early Bulgars on Samara Bend)*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ. (in Russian).

26. Oblomskii A. M. 2015. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Ostraya Luka v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V vv.) (Ostraya Luka in ancient times. Archaeological complex of monuments of the Hunnic period nearby Ksizovo (end of the 4th–5th c.))*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 291–295 (in Russian).

27. Peterburgskii, I. M. 1987. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Voprosy drevney istorii mordovskogo naroda (Materials for the Archaeology of Mordovia) (Issues of the Mordovian people ancient history)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnog-

raphy 80. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 50–78 (in Russian).

28. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkhelogicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

29. Poleskikh, M. R. 1974a. In Smirnov, A. P. (ed). *Materialy po arkhologii i etnografii Mordovii (Materials for the Archaeology and Ethnography of Mordovia)*. Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 45. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 12–32 (in Russian).

30. Prikhodnyuk, O. M. 1980. *Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprova VI–IX st. n. e. (Archaeological sites of the Middle Dnieper region of the 6th–9th centuries)*. Kyiv: Nauk. Dumka Publ. (in Ukrainian).

31. Smilenko, A. T., Yurenko S. P. 1990. In Baran, V.D. (ed.). *Slavyane Yugo-Vostochnoy Evropy v predgosudarstvennyy period (Slavs of south-eastern Europe in the pre-state period)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 279–290 (in Russian).

32. Stolyarov, E. V. 2020. *Otchet o razvedochnykh arkhelogicheskikh rabotakh na territorii MO g. Tula Tul'skoy oblasti v 2020 g. (Report on 2020 exploratory archaeological works in Tula in Tula region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).

33. Terpilovskii, R. V. 1985. In Baran, V.D. (ed). *Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainiskoy SSR v I tys. n. e. (Ethno-cultural map of the territory of the Ukrainian SSR in the 1st millennium AD)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 93–97 (in Russian).

About the Author

Kolokolov Alexander M. Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Lenin Ave., 47, Tula, 300041, Russian Federation; kolokoloff.sasha@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА РАСКОПЕ СХСІV В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2023 г. И.В. Волков, О.В. Лопан, А.Г. Ситдииков

В статье представлены результаты исследований, произведенных в юго-восточной части Болгарского городища в 2013 г. Здесь были выявлены золотоордынские объекты, относящиеся к разным периодам. Поскольку ранние монеты составляют более 15% нумизматической коллекции, это позволяет предполагать, что участок начал осваиваться уже во 2-й пол. XIII в. К этому времени могут быть отнесены ямы в юго-западном углу раскопа. Уникальны находки двух динаров к. XII в. и сер. XIII в., относящихся к начальному этапу освоения участка. В пределах периода со 2-й пол. XIII в. до 30-х гг. XIV в. на участке был построен деревянный дом с каном (сооружение № 2). Вероятно, со временем бытования деревянного дома связана конструкция из трех ям с большими столбами, а также, может быть, и частокол. Постройка погибла в пожаре. Следующий строительный период связан с каменным зданием (сооружение № 1), вскоре возведенным на месте сгоревшего дома. Судя по найденным монетам, каменное здание с каном здесь было построено не ранее чем в 1340-х гг. и функционировало до 60-х гг. XIV в. Горизонт строительства каменного дома маркируют прослойки строительного мусора, перекрывавшие большинство ям на раскопе. Каменная кладка здания была практически полностью выбрана на стройматериал, скорее всего, уже в начале XX в., но хорошо сохранившиеся контуры траншей фундамента, плотно забитые известью и обломками камня, позволяют восстановить планировку здания. Портал здания, располагавшийся с северной стороны, был оформлен двумя пилонами, являвшимися основанием арочного входа, а к западному вплотную примыкала квадратная пристройка, вероятно башенка. Уникальность здания состоит в удивительном сочетании признаков частной жилой и общественной архитектуры. После 1360-х гг. участок запустевает, а образовавшийся пустырь стали использовать как кладбище: рядом с остатками каменного здания были выявлены погребения с обломками его архитектурных деталей в заполнении. Территориально исследованная усадьба тяготеет к кварталу «монгольской администрации» у Малого минарета, где концентрируются жилища с канами.

Ключевые слова: археология; Золотая Орда; Болгарское городище; архитектура; подпольная система отопления; динары; чугунные котлы; варган.

В 2013 г. на раскопе СХСІV в юго-восточной части Болгарского городища, на расстоянии немногим более 400 м к ЮЮВ от Малого минарета и Ханской усыпальницы, были исследованы остатки каменного здания. На старых планах городища эта постройка обозначалась нечасто. На группе чертежей, восходящих к схеме 1869 г., она входит в «куст» из трех сооружений, расположенных параллельно трем другим, а именно – мавзолеям № 1, 2, 4, музеефицированным в настоящее время (Аксёнова, 2001, с. 211–217). Как объект № 25 это сооружение фигурирует на сводном плане Н.Ф. Калинина (Абдуллин и др., 2016, с. 108–109), составленном в 1932–1942 гг., где в экспликации дан

рисунок еще видимых на тот момент вскрытых «фундаментов».

Раскоп СХСІV площадью 400 кв. м был заложен в центре хорошо видимого всхолмления, на поверхности которого просматривались отдельные камни (Волков, Лопан, Ситдииков, 2014, с. 6). Периферия «холма» была распаханна, а севернее располагалась вытянутое широтно всхолмление – результат отвала при повороте плуга. Подквадратные контуры выявленной здесь по результатам предварительного георадирования аномалии позволяли тогда гипотетически предполагать наличие монументального погребального сооружения. Каменная кладка здания была практически полностью выбрана на стройматериал, скорее

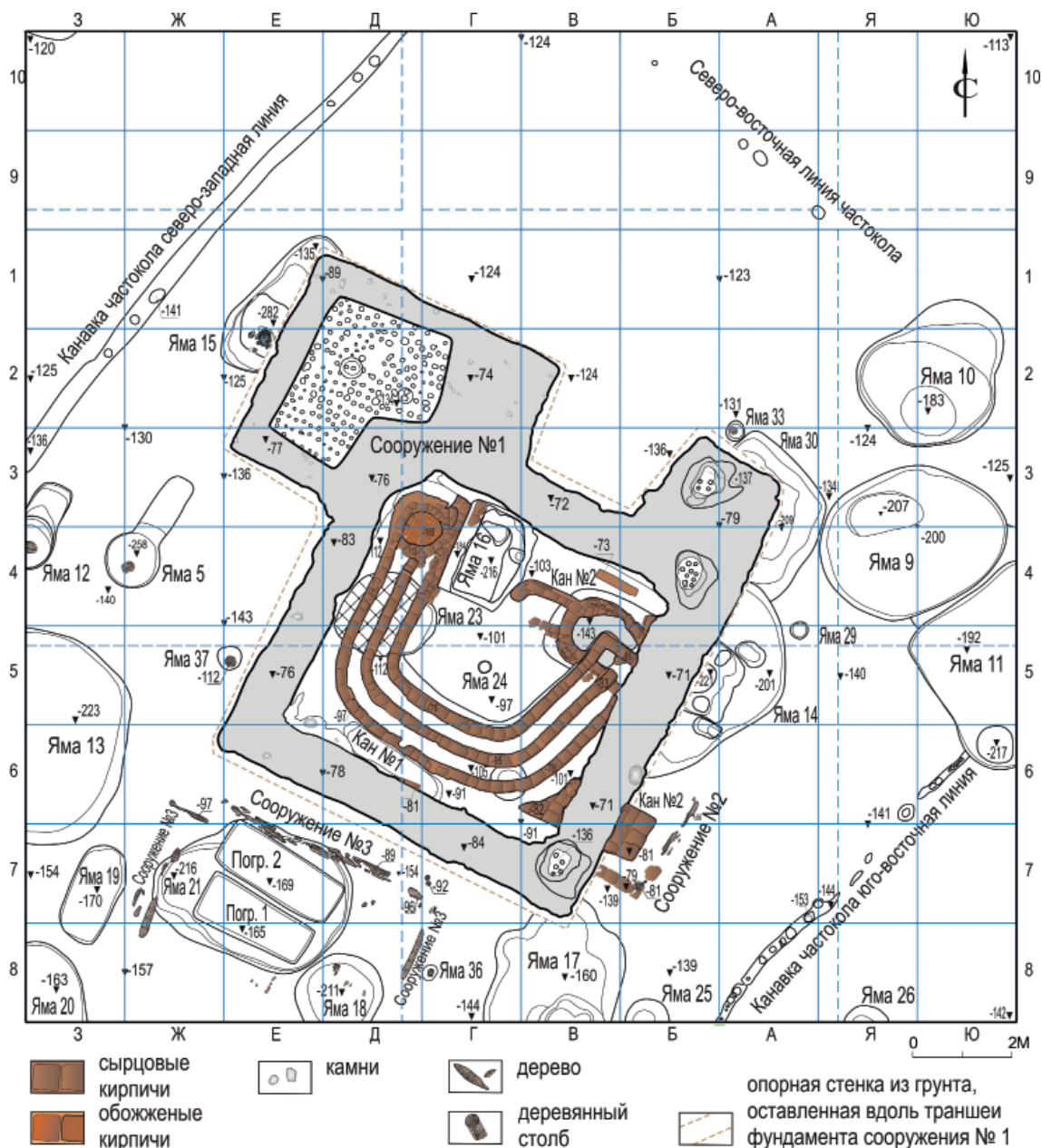

Рис. 1. Сводный план объектов, выявленных на раскопе СХСIV: строительные конструкции с пластов 4–6 (сооружения № 1, № 2, № 3; столбовые ямы 36, 37), погребения 1, 2 и материковые ямы.

Fig. 1. Summary plan of objects identified at the CXCIV excavation: building structures from layers 4–6 (structures No. 1, No. 2, No. 3; pillar pits 36, 37), burials 1, 2 and mainland pits in the bedrock.

всего, уже в начале XX в., о чем свидетельствуют многочисленные обломки поливных сосудов периода русского села, встреченные в завалах. Но хорошо сохранившиеся траншеи фундамента, плотно забитые известью и обломками камня, позволяют восстановить планировку здания (рис. 1; 2).

Каменная постройка, ориентированная по направлению ССВ – ЮЮЗ,

имела габаритные размеры 9,9×10,4 м.

Основное помещение квадратное, с внешней стороной 7,7–7,9 м при толщине стен 0,9–0,95 м. Портал здания, располагавшийся с северной стороны, был оформлен двумя пилонами, являвшимися основанием арочного входа, глубина арки около 2,2 м, ее ширина около 2,8 м. Толщина восточного пилона – до 2,5 м, а к западному

Рис. 2. Раскоп СХСIV на уровне зачистки материка (фотограмметрия).

Fig. 2. The CXCIV excavation at the level of the bedrock sweep (photogrammetry).

вплотную примыкала квадратная пристройка, вероятно являвшаяся остатками башенки, поскольку материковое дно фундамента всего основания сооружения было сплошь покрыто ямками от свай диаметром 8–12 см и глубиной до 0,3 м, располагавшимися на расстоянии 0,1–0,2 м между центрами. Внешние стороны башенки составляли 5,3 м по фасаду (вместе с западным пилоном) и 4,4 м в глубину; внутренний угол пересекался с основным помещением. Поскольку изначально предполагалась музеефикация объекта с максимальным сохранением архитектурных конструкций с целью включения его в число экскурсионных объектов БГИАМЗ, ложе

фундамента основного помещения было вскрыто только в двух местах позднейших перекопов¹ – оно так же, как и у башенки, было укреплено короткими сваями, на существование которых указывают ряды ямок.

Основное помещение представляло собой квадрат с внутренней стороной 5,9–6,0 м. Пол помещения был выровнен за счет слоя известковой подсыпки. Следы дверного проема между пилонами не сохранились. О конструкции перекрытия можно судить только по обломкам, встреченным в основании завала внутри помещения. Это – фрагмент кладки со штукатуркой на внутренней сферической поверхности и каменная маковка

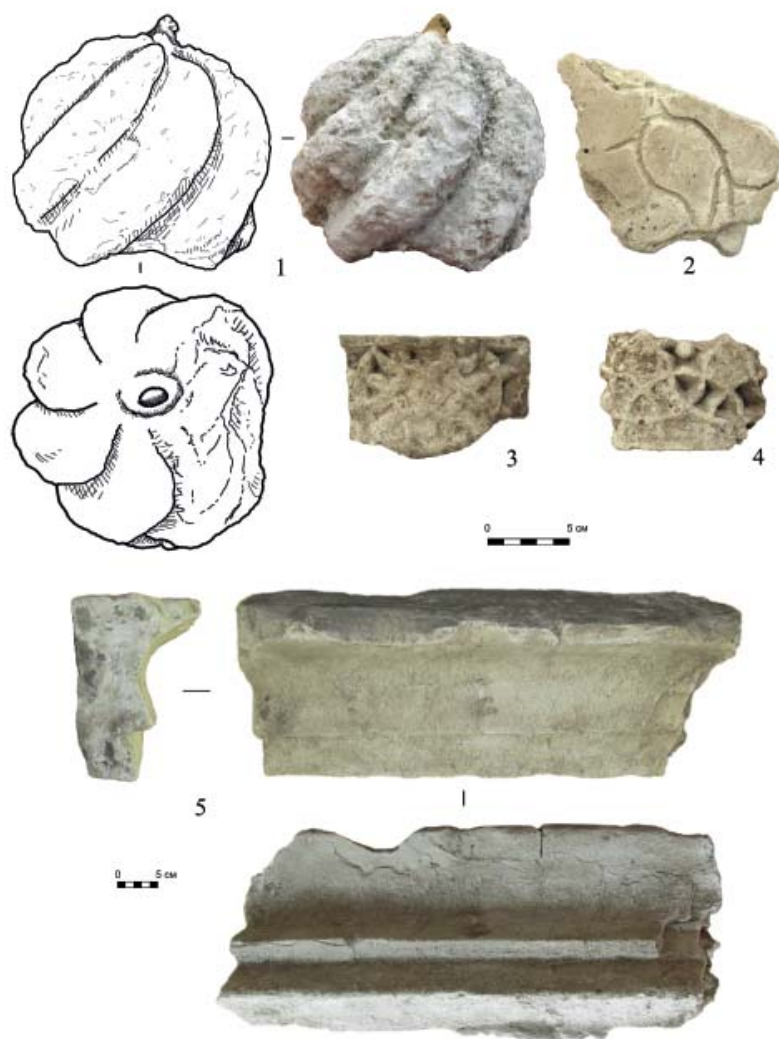

Рис. 3. Раскоп СХСIV. Архитектурные детали каменной постройки: 1 – верхушка купола; 2 – фрагмент штукатурки с резным орнаментом; 3–4 – фрагменты резных известковых панелей; 5 – фрагмент гипсового наличника.

Fig. 3. The CXCIV excavation. Architectural details of the stone building: 1 – the top of the dome; 2 – a fragment of plaster with a carved ornament; 3–4 – fragments of carved lime panels; 5 – a fragment of plaster casing.

с вихревыми каннелюрами, предназначавшаяся, вероятно, для верхушки купола (рис. 3: 1). Она сделана из желтоватого ракушечника, но снаружи покрыта толстым слоем известкового раствора, что придавало ей вид мраморной. В ее центре, сверху, находилось основание железного стержня-шпиля – сам стержень также найден под завалом. Эти находки, в совокупности с квадратным планом зала, позволяют считать постройку купольной. В завале встречены фрагменты архитектурного декора: резной орнамент по штукатурке (рис. 3: 2), резные

на манер ганча известковые плитки (рис. 3: 3–4) и профилированные наличники дверных и оконных проемов, представленные во фрагментах в завале (рис. 3: 5). Также внутри постройки встречен фрагмент диска оконного стекла (рис. 5: 9).

Внутри здания выявлены связанные с ним по планировке кан № 1 и печь № 1 с глубокой прямоугольной предпечной ямой 16. Дымоходы кана сложены из половинок сырцового кирпича и перекрыты плоскими камнями, в основном из обломков жерновов.

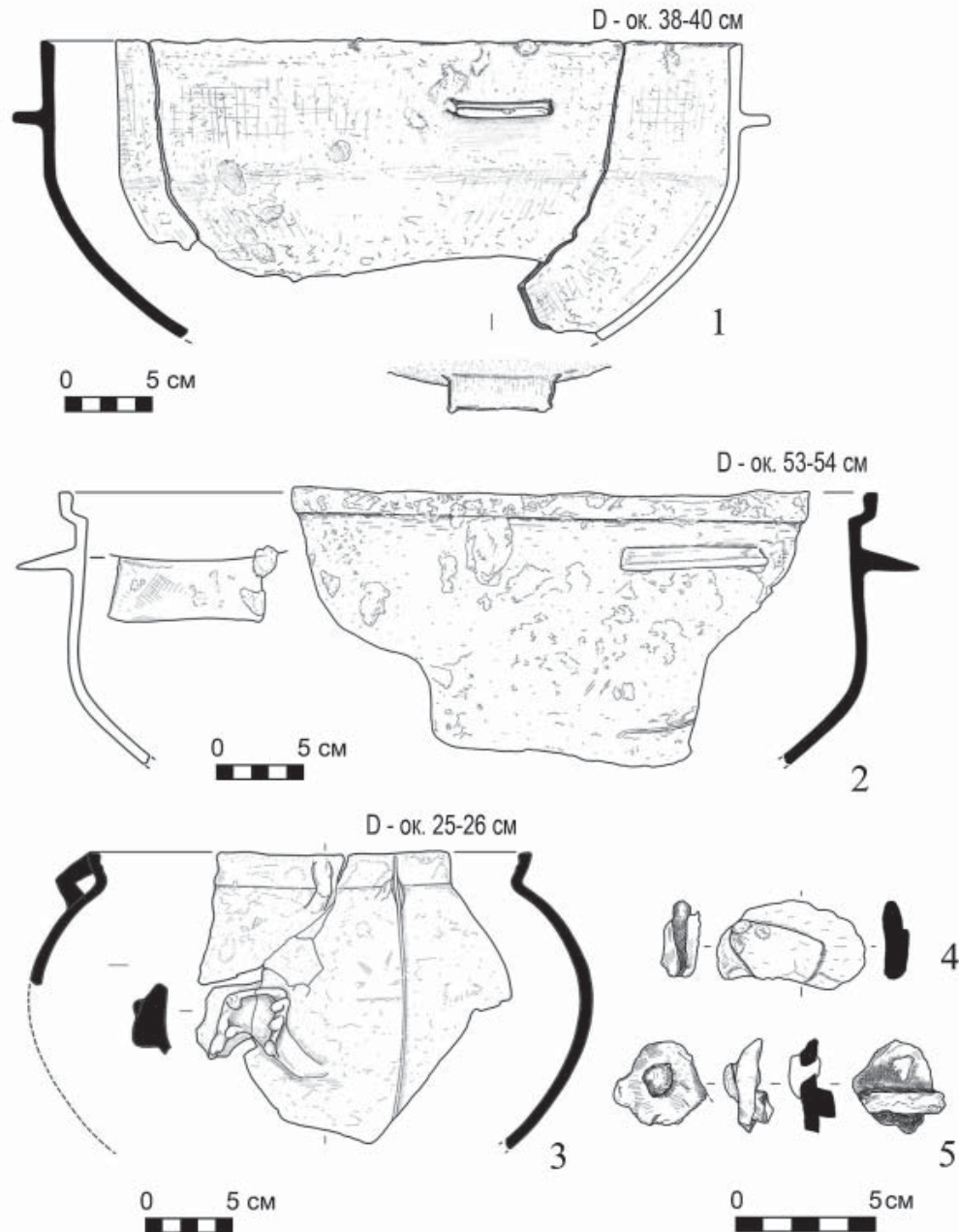

Рис. 4. Раскоп СХСIV. Чугунные котлы (1–3 – яма 16; 4 – пласт 3; 5 – пласт 4).

Fig. 4. The СХСIV excavation. Cast iron cauldrons (1–3 – pit 16; 4 – layer 3; 5 – layer 4).

Ранее сформировалось представление, что все каменные сооружения, расположенные так далеко от центра города, являлись поздними мавзолеями, но ситуация оказалась иной – наличие кана, конструктивно связанного с постройкой и синхронного ей, указывает на принадлежность здания к объектам гражданской архитектуры. При этом большую часть единственного зала занимала отапливаемая ле-

жанка (суфа), что не оставляет сомнений в жилом характере помещения.

Каменные жилые дома не характерны для Болгарского городища. Но уникальность выявленного на раскопе СХСIV здания состоит в удивительном сочетании признаков частной жилой (однокомнатное помещение не слишком большого размера, печь с суфой) и общественной – гражданской или культовой архитектуры (куполь-

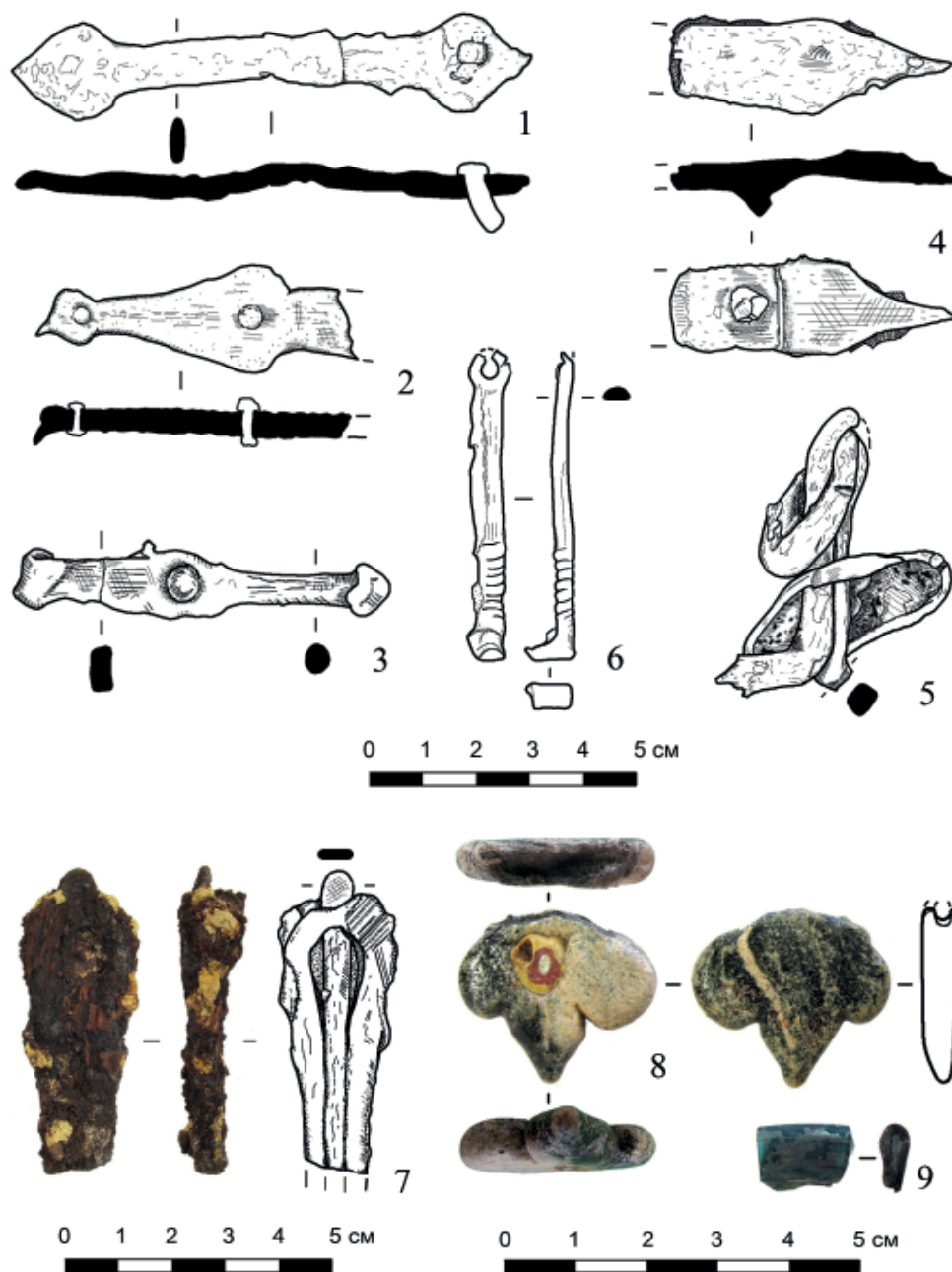

Рис. 5. Раскоп СХСIV. Находки из каменного дома с каном (1, 3–9 – яма 16; 2 – пласт 4, сооружение № 1): 1–5 – фурнитура железная; 6 – ключ из медного сплава; 7 – варган железный; 8 – подвеска стеклянная; 9 – фрагмент диска оконного стекла.

Fig. 5. The СХСIV excavation. Finds from a stone house with a kang bed-stove (1, 3–9 – pit 16; 2 – layer 4, building No. 1): 1–5 – iron fittings; 6 – a key made of copper alloy; 7 – an iron Jewish harp; 8 – a glass pendant; 9 – a fragment of a window glass disc.

ный свод, арочный вход, архитектурный декор), а башенка у входа вообще напоминает «минарет», что при жилой постройке – явление немыслимое.

Площадь основного зала составляла приблизительно 35 м². Печь с наиболее горячим участком кана занимала 6,4 м², суфа – 18 м². Остав-

шее свободное пространство (10,6 м²) составляло менее 1/3 площади. Кроме того, в центре, между тремя сторонами кана, находилась круглая столбовая ямка диаметром 0,25 м, вероятно предназначенная для опоры стола. Поскольку обычно в золотоординских домах стол для

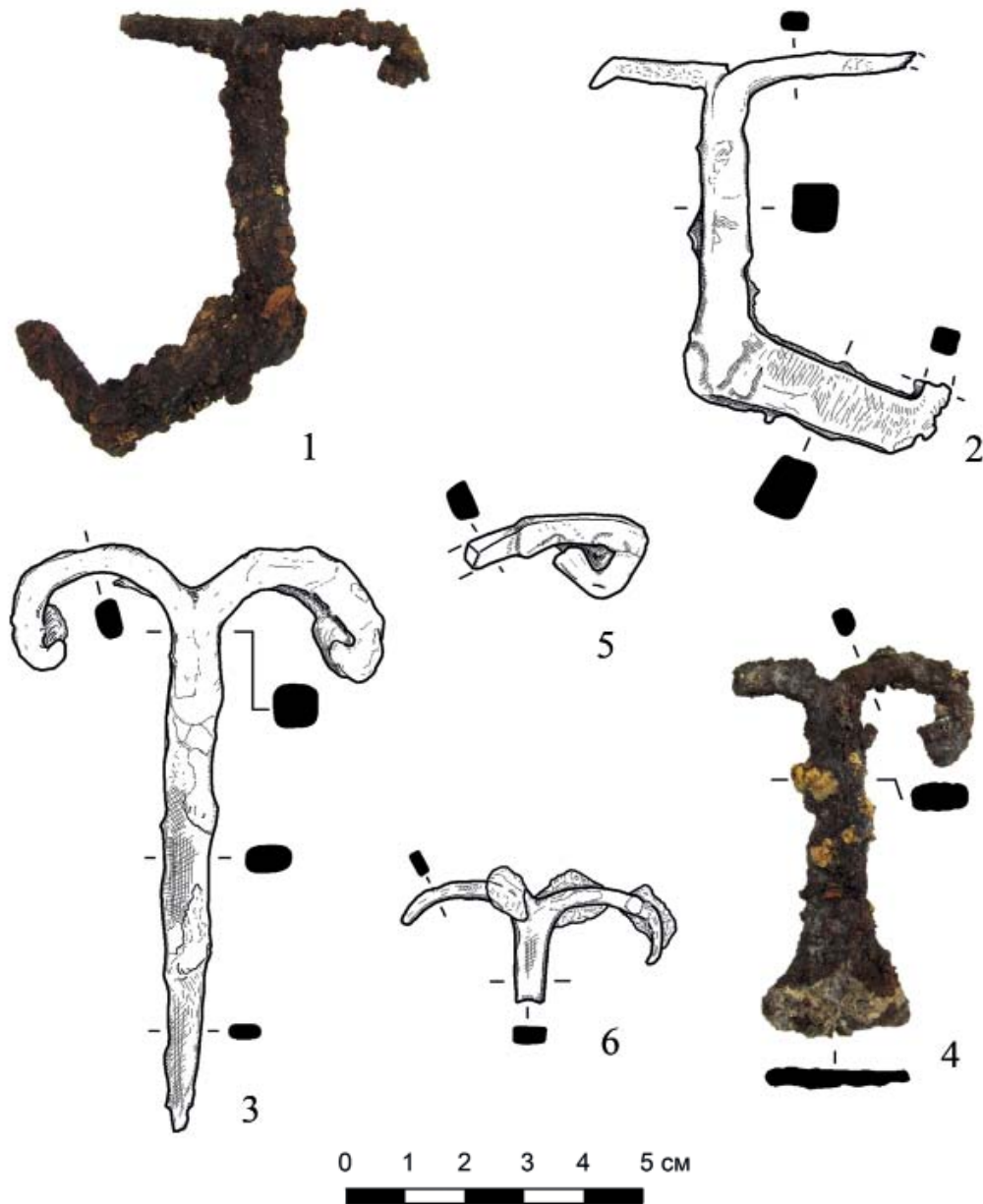

Рис. 6. Раскоп СХСIV. Железная фурнитура (1–4 – яма 16; 5 – пласт 5; 6 – пласт 3).
Fig. 6. The СХСIV excavation. Iron fittings (1–4 – pit 16; 5 – layer 5; 6 – layer 3).

еды не предусмотрен, можно предположить, что здесь он предназначался для записей, чтения или просмотра чего-либо. Получается, что на суфе могли сидеть несколько человек (до девяти – свободно), а стоять на пустом пространстве между суфой, столом и печью – еще несколько (порядка пяти) человек. При всей проблематичности интерпретации назначения постройки создается впечатление, что она – общественная и должна была функционировать круглогодично для приема

небольшого количества людей внутри нее. Не исключено, что постройка могла иметь какое-то административное назначение: возможно, исследованное здание было рабочим местом некоего должностного лица, например, предназначалось для суда, сбора таможенных пошлин или налогов либо чего-то подобного. Башенка, возможно, была сделана для помпезности, но, впрочем, у нее могло быть и утилитарное назначение, определить которое однозначно затруднительно. Например,

Рис. 7. Ранние монеты с раскопа СХСIV: 1 – динар конийского султана Гийяс ад-Дина Кей Хосрова II (1236/1237-1242), Конья, 635 г.х. (1245/46); 2 – динар египетского султана ал-Малика ал-Азиза Бен Усмана Бен Юсуфа (1171-1198), Каир, 589 г.х. (1193/94); 3 – анонимный дирхем Укека (Сингатуллина, 2003, № 252; Недашковский, 2000, с. 21–22, тип 3); 4 – Болгар, XIII в. (видна маловероятная дата 661 г.х. – 1262/3); 5 – медная с именем ан-Насира ли-д-Дина (Сингатуллина, 2003, № 7а); 6 – Менгу-Тимур, 677 г.х (1278/9) (Сингатуллина, 2003, № 34); 7 – Болгар, XIII в. (Сингатуллина, 2003, № 29); 8 – Туда-Менгу (1282–1286), Болгар (Сингатуллина, 2003, № 58); 9 – Болгар, XIII в. (Сингатуллина, 2003, № 136); 10 – фрагмент медной оторочки кольчуги (яма 16).

Fig. 7. Early coins from the СХСIV excavation: 1 – Sultan of Konya Giyas ad-Din Kay Khosrow II's (1236/1237-1242) dinar, Konya, 635 (1245/46); 2 – Sultan of Egypt al-Malik al-Aziz Bin Usman Bin Yusuf's (1171-1198) dinar, Cairo, 589.H. (1193/94); 3 – anonymous dirhem, city of Ukek (Singatullina, 2003, No. 252; Nedashkovsky, 2000, pp. 21-22, type 3); 4 – 13th century, Bulgar (the unlikely date of 661 H. – 1262/3 is visible); 5 – copper with the name of an-Nasir li-d-Din (Singatullina, 2003, No. 7a); 6 – Mengu-Timur's, 677 g.x (1278/9) (Singatullina, 2003, No. 34); 7 – Bolgar, 13th century (Singatullina, 2003, No. 29); 8 – Tuda-Mengu's (1282-1286), Bolgar (Singatullina, 2003, No. 58); 9 – Bolgar, 13th century. (Singatullina, 2003, No. 136); 10 – a fragment of a copper edging of a chain mail (pit 16).

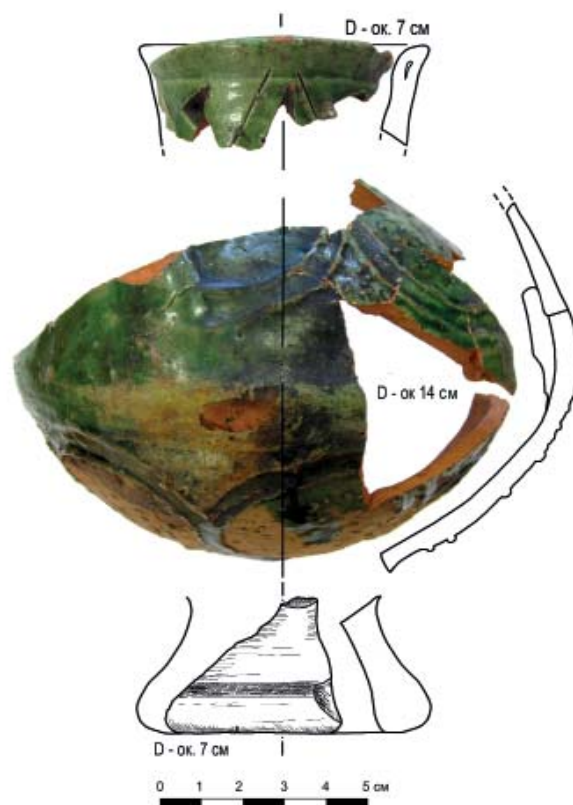

Рис. 8. Раскоп СХСIV. Фрагменты поливного штампованного кувшина группы Юго-Восточного Крыма (яма 16).

Fig. 8. The CXCIV excavation. Fragments of a glazed molded jug of the Southeastern Crimea group (pit 16).

это мог быть склад для хранения облагаемых или конфискованных товаров или же место предварительного заключения подозреваемых и т. п.

Вещевой материал, соответствующий каменному зданию, очень фрагментарен, поскольку, вероятно, участок убрали весьма тщательно. Тем не менее здесь встречено значительное количество импортной керамики: китайский селадон, персидская люстровая и кашинная керамика, среднеазиатская сероглиняная и желтоглиняная с бирюзовой глазурью, поливная группы Юго-Восточного Крыма (рис. 8). О высоком статусе обитателей свидетельствуют находки, среди которых представлены перекрестие сабли и фрагменты бронзовой оторочки кольчуги (рис. 7: 10).

Наибольшее количество находок (почти три сотни) в пределах постройки представлено в припечной

яме 16, засыпанной уже после запустения здания. Среди украшений, встреченных здесь, можно отметить трехлопастную подвеску-кулон (рис. 5: 8) – подобные подвески известны в Болгаре и в других золотоордынских городах Поволжья, а также в Маджаре и в Хорезме (Бусятская, 1976, с. 44 (Гр. I, Отд. 2, Тип I), табл. II: 30; Полу-бояринова, 1988, с. 186 (Гр. I, Подгр. Б, Отд. I, Тип II), рис. 85: 17; Курышова, 2021, с. 165, рис. 3: 5–7).

В постройке было найдено значительное количество обломков чугунных котлов: из них почти пять десятков – непосредственно в яме 16, а два десятка – в слое развала стен здания и под ним. В яме 16 встречены крупные профильные фрагменты, которые относятся по крайней мере к трем экземплярам разнотипных котлов², диаметром от 25 до 55 см, что пред-

полагает готовку на значительное число людей (рис. 4: 1–3). Чугунные котлы подобных форм хорошо известны по материалам золотоордынского времени (Рязанов, 1997; 2008; Руденко, 1999; 2000; Недашковский, 2000, с. 82–86; Тропин, 2018; Постикэ, Бакуненко-Пырнэу, 2020; Савченкова, 1996, с. 58–59 рис. 24, 25; Набиуллин и др., 2017). Из них два разнотипных экземпляра относятся к группе округлодонных котлов с прямостенной верхней частью корпуса, за счет чего имеют выраженный перегиб тулова ко дну, и снабжены характерными для подобных изделий горизонтальными ручками-«полочками» подпрямоугольной формы (Руденко, 2000, с. 39–40). Венчик первого котла вертикальный, прямо переходящий в стенки, вследствие чего тулово имеет цилиндрическую форму (рис. 4: 1). Высота тулова составляет приблизительно 0,4 общей реконструируемой высоты сосуда, и по этому показателю котел занимает промежуточное положение между типами Ч-2 и Ч-3, выделенными К.А. Руденко, и соответствует типу 2 по Г.И. Постикэ и Л.В. Бакуненко-Пырнэу (Руденко, 2000, с. 39–40; Постикэ, Бакуненко-Пырнэу, 2020, с. 187, рис. 3: 5–8). Край второго котла имеет двойной перегиб, формирующий шейку и прямо поставленный венчик, и образующий внутренний паз под крышку (рис. 4: 2). Тулово имеет форму, близкую к цилиндру. Высота тулова до перегиба ко дну составляет около 0,5 общей реконструируемой высоты. Котел близок к варианту 3.2 типа 3, выделенного Г.И. Постикэ и Л.В. Бакуненко-Пырнэу по материалам Старого Орхья (Постикэ, Бакуненко-Пырнэу, 2020, с. 187–189, рис. 4). Еще один котел принадлежит к сосудам с выраженными округлыми плечиками и имеет почти прямой отогнутый венчик со слабым валикообразным утолщением с внутренней стороны (рис. 4: 3). С наруж-

ной стороны венчика имеются петлюшки. Весьма сходную профилировку верха имеет котел из Азака (Рязанов, 2008, рис. 2: 2). Кроме того, на двух фрагментах из ямы 16 отмечены следы заделки дефектов литья в виде «заплаток» из чугуна (Рязанов, 2008, с. 163) (рис. 4: 4, 5). находка описанных котлов в одном комплексе интересна как факт, иллюстрирующий синхронность бытования трех типов изделий в рамках краткосрочного периода существования каменной постройки.

В яме 16 также были найдены фрагменты навесных двухцилиндровых замков и коленчатых ключей (рис. 5: 6), множество железных гвоздей, а также довольно много железной фурнитуры для деревянных изделий³. Крепежными накладками для какого-то деревянного изделия вроде сундука или ларца, вероятно, являлись узкие железные пластины с фигурным листовидным окончанием и с сохранившимися остатками креплений-гвоздиков (рис. 5: 1–4).

В яме 16 и рядом с ней в постройке также встречено более полутора десятков железных накладок и обломков в виде узкой длинной пластины, завершающейся волутообразными завитками (рис. 6). Как было недавно установлено Н.А. Тропиным и С.В. Лукиным, благодаря находке *in situ* на селище Цельковка 2, подобные накладки применялись для скрепления и декорирования деревянных частей ларцов (Тропин, Лукин, 2017). находки подобных изделий нередки в золотоордынском Поволжье, в том числе и в Болгаре (Савченкова, 1996, рис. 20: 10, 11; Коваль, 2010, с. 83; Баранов, 2016, с. 212, рис. 10). Иногда подобные накладки встречаются на территории Руси в комплексах периода XIV–XV вв.⁴ (Коваль, 2010, с. 83; Тропин, Лукин, 2017, с. 328). Н.А. Тропин и С.В. Лукин на материалах с селища Цельковка 2 выде-

ляют накладки двух видов: плоские, которые на данном памятнике представлены пластинами с односторонними волютами и с небольшим загибом с противоположного конца для крепления к стенке ларца, и угловые, реконструируемые как накладки с двусторонними «волютами» (Тропин, Лукин, 2017, с. 326–328). На раскопе СХСIV в яме 16 встречены как плоскостные, так и угловые накладки, но представлены они иными типами: это две угловые накладки с «волютами» на одном конце и с двойным, в виде большой скобы, загибом с другой стороны (рис. 6: 1, 2)⁵; плоская накладка с «волютами» на одной из сторон и с расплюснутым в виде лопасти противоположным концом (рис. 6: 4); две плоскостные накладки с «волютами», без загиба на противоположном, приостренном конце (рис. 6: 3). Отметим, что найденные в яме 16 накладки с «волютами» отличаются гораздо большей толщиной. Это отчасти может объясняться сильной степенью коррозии, из-за обилия извести буквально «раздувавшей» предметы, но, возможно, эти накладки предназначались для более крупного изделия, например для сундука.

К числу чрезвычайно редких для золотоордынского Поволжья находок принадлежит обломок железного кубыза с корпусом «U»-образной формы (рис. 5: 7). Как и все железные предметы из ямы 16, этот инструмент подвергся сильной коррозии из-за обилия попавшей в яму известковой штукатурки из развала стен здания, поэтому его толщина сильно увеличена. Дуговой железный варган с корпусом аналогичной формы был найден на правом берегу Волги, в Горномарийском районе Республики Марий Эл, при раскопках в 1983 г. на Важнагеровском (Мало-Сундырском) городище XIV–XV вв. (Никитина, Михеева, 2006, с. 132, рис. 59). Железный кованый кубыз подобной формы

также был найден в 2018 г. на раскопе ССХХХI в центральной части Болгара (руководитель работ – А.В. Беляев), в яме-погребке, заполнение которой включало как поздние материалы русского села, так и переотложенные предметы золотоордынского времени⁶ (Лопан, 2020, рис. 3). Инструмент имеет длину чуть более 7 см. Подобный, но более крупных размеров (10 см) варган происходит с Хмелевского I селища под Саратовым: инструмент хранится в фондах Саратовского областного музея краеведения, где датирован золотоордынским временем⁷. Еще один крупный варган подобной формы известен на территории Руси: он происходит из раскопок, проведенных В.Ю. Ковалем в 2011 г. на Ростиславльском городище в Поочье⁸. Оба кубыза из Болгара, варган с Хмелевского I селища и инструменты с Важнагеровского и Ростиславльского городищ имеют корпус формы «hairpin-shaped» (в виде шпильки для волос) и, по всей видимости, принадлежат к инструментам типа Kuusisto (Куусисто) по типологии ведущего специалиста по европейским дуговым варганам Г. Коллтвейта (Kolltveit, 2006, fig. 3.16, 3.30, p. 61–62). Кубыз с раскопа ССХХХI имеет характерную для данного типа уплощенно-шестиугольную форму сечения дуги, так же как (судя по фото) и инструменты с Ростиславльского и Важнагеровского городищ, а у инструмента с раскопа СХСIV сечение дуги не читается из-за сильной коррозии. Варганы типа Kuusisto, согласно типо-хронологической схеме Г. Коллтвейта, в зарубежной Европе появляются не позднее чем в конце XIII – 1-й пол. XIV вв., бытуют в XIV–XV вв., немного позднее выходя из употребления (Kolltveit, 2006, fig. 3.16, p. 62).

Внутри каменной постройки встречено 24 определимых пула чекана 40–60-х гг. XIV в. и только один

пул 1333/34 г. – «тамга в звезде» (строки наоборот, тамга с перекладиной справа) (Янина, 1954, № 37). Судя по найденным монетам, каменное здание было построено не ранее чем в 1340-е гг. и функционировало до 60-х гг. XIV в. Горизонт времени постройки каменного здания маркируют прослойки каменной крошки – строительного мусора, образовавшегося в процессе обтесывания камней. Прослойки каменной крошки перекрывали большую часть крупных ям, выявленных в юго-западной, южной и восточной частях раскопа (ямы 9, 10, 11, 13, 17 и 25, 18, 21), что указывает на их более ранний характер по отношению к каменному зданию. Также в яме 13 присутствовали более крупные куски камней, а в яме 18 – куски сырца, которые, вероятно, относились к остаткам кана предшествующей деревянной постройки (сооружение № 2) и были выброшены сюда до строительства каменного здания.

К предшествующему периоду застройки участка принадлежит деревянное сооружение № 2, от которого сохранились остатки обугленных конструкций и прорезанные фундаментом каменного здания остатки соотносимых с ней кана № 2 и печи № 2. Постройка № 2 располагалась на том же месте и была ориентирована в том же направлении, что и последующее каменное здание № 1, но вход в нее находился с юго-востока. Судя по остаткам сырцовых цоколей продольных стен, обугленному дереву поперечной фасадной стены и повороту кладки кана, постройка № 2 также была квадратной со стороной около 5,5 м. Справа от входа находилась припечная яма 14 и печь № 2, от которой отходила сырцовая кладка одноканального П-образного кана № 2. Ширина суфы составляла около 0,75 м, а в ЮВ углу, где должна была находиться труба, ширина кладки увеличивалась до 1 м и ее основание

было заглублено до материка. По краям фасадной стены находились деревянные столбы, из которых южный обугленный сохранился на высоту до 40 см, а от северного фиксировалась только яма 29 с древесными угольками. Близко к створу ЮЗ стены располагалась яма 37 с остатками деревянного столба диаметром около 22 см, который мог служить основанием для навеса за задней стеной постройки. В этом случае суммарная длина сооружения с навесом составила бы 9,7 м.

Особенностью участка являются также столбовые ямы необычной конструкции, отличающиеся крупными размерами (ямы 5, 12, 15). При диаметре 1–1,2 м они имели глубину в рост человека от дневной поверхности золотоордынского времени и предназначались для установки столбов (без заострения снизу) диаметром около 25–30 см⁹. Столбы были настолько высокими, что для их установки в ямы устраивали наклонные пандусы. Одна такая яма явно предшествовала каменной постройке и была перекрыта ею (яма 15); время функционирования двух других не определяется по стратиграфии, но поскольку эти ямы расположены компактно, имеют сходную конструкцию (глубина, объем, направление пандусов) и предназначались для водружения одинаково крупных столбов, можно предполагать, что они были синхронны и составляли единую конструкцию. Такие мощные столбы могли предназначаться для натягивания тента над людьми или товарами, временно находящимися на усадьбе, или же, как и башенка, быть какими-то статусными знаками.

Столб в яме 15 сгорел и обуглился на глубину до 1,5 м, причем не только сам столб, но и укрепляющие его клинья. Яму 5 уже после удаления верхней части столба тщательно забутовывали камнем или по причине значительной усадки грунта, или из-за выгорания верхней части конструк-

ции. Только в самой верхней части столба были заметны очень невыразительные следы обугливания. В яме 12 не было никаких признаков обугленности столба, но здесь пашней переработана верхняя часть заполнения, и верх столба просто не сохранился.

Представляется вероятным, что конструкция из столбов сгорела в том же пожаре, который сгубил деревянный дом № 2, а это, в свою очередь, позволяет предполагать, что рытьё ям и водружение столбов произошло в тот период времени, когда на участке функционировало деревянное сооружение № 2. В заполнении столбовой ямы 15, прорезанной фундаментом каменного здания, был встречен пул «тамга в треугольнике».

С деревянной постройкой № 2, в свою очередь, должна быть связана перекрытая прослойкой каменной крошки и предшествовавшая каменному зданию близрасположенная хозяйственная яма 13: в ней были также найдены монеты, младшими из которых являются два анонимных недатированных болгарских пула типов «решетка» (Янина, 1954; № 12) и «тамга в треугольнике» (Янина, 1954, № 14). На этом основании можно говорить о том, что деревянная постройка № 2 функционировала в пределах того периода, когда в Болгаре обращались пулы данных типов. Выпуск этих монет С.А. Янина сначала предположительно отнесла к периоду 1280–1300 гг. (Янина, 1954, с. 425, 433–434), но позднее склонилась к тому, что начало чекана пулов «тамга в треугольнике» следует связывать с реформой Токты 710 г. х. (1310/1311 гг.) (Янина, 1960, с. 210–211). А.З. Сингатуллина считала, что выпуск пулов «тамга в треугольнике» происходил в конце XIII или в начале XIV в. (Сингатуллина, 2003, с. 43, № 91), а Г.А. Федоров-Давыдов, в свою очередь, полагал, что эти пулы чеканились скорее уже в XIV в. (Федоров-Давыдов, 2003,

с. 11–12). По мнению С.А. Бурковского и Ю.Д. Киреева, несколько выделенных ими штемпельных групп медных монет «тамга Бату в треугольнике – кутлуг булсун» относятся к разновременным эмиссиям, осуществленным с перерывами в период 690–734 г. х. (Бурковский, Киреев, 2009, с. 13). В последние годы выдвигаются предположения о чекане анонимных недатированных пулов в Болгаре в 20-х гг. XIV в. («тамга в треугольнике») и на рубеже 30–40-х гг. XIV в. («решетка») (Бугарчев, Петров, 2013, с. 229). Так или иначе, анонимные недатированные пулы обращались также наряду с монетой Узбека, как это отмечала еще С.А. Янина (Янина, 1954, с. 425) и как это подтверждается накапливающимися год от года фактами стабильной взаимовстречаемости и в слое, и в комплексах, как на окраинах, так и в центре города.

Исходя из вышеизложенного разнообразия мнений по вопросу о времени выпуска и обращения болгарских пулов «тамга в треугольнике» и «решетка» можно говорить о том, что яма 13, связанная с домом № 2, могла быть сооружена в период с конца XIII – начала XIV в., но не позднее чем в 30-х гг. XIV в., с учетом того, что она перекрыта сильно западающей прослойкой каменной крошки, связанной со строительством каменного здания. В свою очередь, деревянный дом № 2 также мог быть возведен в пределах того же временного интервала, однако надо подчеркнуть, что строительство этого дома с каном могло предшествовать сооружению ямы 13, поскольку она не является самой ранней на раскопе. Исследованный участок территориально тяготеет к району расположения богатых усадеб, выявленных на раскопах у Малого минарета и Ханской усыпальницы, где сконцентрированы дома монгольского типа, связываемые с местом компактного

проживания монгольской администрации в конце XIII – 1-й половине XIV в. (Полубояринова, 2016, с. 179).

Со временем существования деревянного дома, вероятнее всего, могли быть также связаны прочие встреченные на раскопе анонимные недатированные болгарские пулы, обращавшиеся как минимум до 30-х гг. включительно, и пулы, чеканенные непосредственно в 30-е гг. XIV в., которые суммарно составляют около 20% определяемых монет. Поэтому высока вероятность, что хронологический разрыв между пожаром, сгубившим деревянную постройку, и временем возведения монументального каменного здания, построенного здесь в 1340-х гг., мог быть минимальным.

В раскоп также попали три линии частокола, ограничивавшие усадьбу. Четвертая сторона усадьбы находилась с пониженной ЮЮЗ стороны и могла быть не огорожена вообще. Стратиграфия не дает прямых оснований для определения времени возведения ограды. Более того, направление ограды не соответствует точно ориентировке обоих домов с канами, отчего, казалось бы, нельзя исключать, что возведение частокола произошло еще в период, предшествовавший постройкам. Однако наблюдение за деталями планиграфии позволяет по косвенным признакам все же допускать, что ограда могла быть связана с деревянным домом № 2. Так, обращает на себя внимание то обстоятельство, что удлиненные части трех больших столбовых ям, выполненные в виде «пандусов» для спуска бревен, располагались параллельно частоколу. Если исходить из высказанного выше предположения, что конструкция из столбов была возведена именно в период существования постройки № 2 (и погибла в одном с ней пожаре), то напрашивается догадка, что пандусы ям были «втис-

нуты» в пространство между стеной дома и уже имевшимся забором, поскольку именно в этом случае подобное «параллельное» расположение пандусов и спуск бревен по ним является единственно возможным. Тем не менее подчеркнем лишний раз, что высказанная догадка строится лишь по косвенным признакам и не имеет под собой стратиграфических оснований.

Ямы 10 и 11, расположенные в восточной части раскопа, не «вписываются» в линии частокола, пересекаясь с ним. Возможно, эти ямы, одна из которых (яма 11) имела подпрямоугольную форму и, скорее всего, являлась отдельным погребом или же подпольным помещением не сохранившейся наземной постройки, предшествовали строительству ограды.

В юго-западной части раскопа, над ямами № 18 и 21, были прослежены невыразительные остатки деревянного сооружения № 3: от него сохранились только два вертикальных столбика и тонкие прерывистые прослойки древесного тлена от нижних венцов и, предположительно, пола. Выявленная здесь стратиграфическая ситуация не имеет однозначного объяснения. Основание древесного тлена постройки залегало чуть выше уровня погребенной почвы. При этом древесные остатки располагались ниже слоя с сырцом и печиной (который логично было бы связывать или с ремонтом, или с разрушением печи и кана деревянного дома № 2), а местами поверх него. В некоторых местах над древесными остатками были прослежены прослойки строительного щебня. И это должно указывать на довольно ранний характер сооружения – до строительства каменного здания. При этом никаких следов горения в сооружении № 3 не замечено, что маловероятно при условии функционирования постройки вплоть до пожара в деревянном доме № 2 – отсюда можно было

бы предполагать, что сооружение № 3 уже было разобрано до уровня нижних венцов к моменту пожара.

Старшие золотоордынские монеты, встреченные на раскопе, относятся к середине и ко второй половине XIII в.: среди них – несколько монет болгарского чекана, в том числе редких (рис. 7: 4–9), и дирхем Укека (рис. 7: 3). Это позволяет предполагать, что участок начал осваиваться уже в раннезолотоордынский период, поскольку число этих монет составляет более 15% от общего числа определенных золотоордынских дирхемов и пулов, найденных на раскопе. Уникальны находки двух золотых монет, относящихся к раннему периоду освоения участка. Первая монета – динар Конийского султаната, выпущенный от имени Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II в Конье в 635 г. х. (1245/46 гг.) (рис. 7: 1). Вторая монета – мамлюкский динар, выпущенный от имени султана Ал-Малика ал-Азиза бен Усмана бен Юсуфа в Каире в 589 г. х. (1193/94 гг.) (рис. 7: 2). Прежде на территории Золотой Орды была известна только одна находка египетского динара, а почти все золотые монеты происходили из Индии. Наиболее вероятно, что эти монеты попали сюда не в результате торговли, а вместе с приехавшими людьми. Динары были найдены в соседних квадратах в юго-западной части раскопа. Именно в юго-западном секторе встречено и большинство ранних монет середины – второй половины XIII в. К начальному этапу освоения участка принадлежат некоторые из расположенных в том же юго-западном углу материковых ям – те из них, четкие пятна которых были выявлены только чуть выше уровня материка (ямы 19, 20), будучи перекрыты культурным слоем, содержащим монеты XIII в. В этот слой была впущена более поздняя яма 13, и это объясняет наличие

в ней пары старших монет 2-й половины XIII в. К числу наиболее ранних относится также яма 21, которая стратиграфически предшествовала яме 13 (будучи частично перекрыта ее выкидом) и где был найден пул ан-Насир лид-Дина, перечеканенный штемпелями каана Менгу.

Тем не менее ни одну из выявленных на участке построек нельзя стратиграфически твердо соотносить именно со второй половиной XIII в. Можно было бы гипотетически допускать, что ранние золотоордынские монеты могли быть связаны с начальным этапом существования деревянного дома № 2. Однако также нельзя исключать и вероятность того, что эти находки, сконцентрированные в юго-западном секторе, относились к другому близрасположенному сооружению, не попавшему, например, в границы раскопа. Прояснить ситуацию смогут лишь дальнейшие полевые исследования на примыкающих участках.

Таким образом, история освоения участка, исследованного раскопом СХСIV, на основании стратиграфических и нумизматических данных может быть реконструирована в следующем виде.

На основании нумизматического материала можно довольно уверенно предполагать, что участок начал осваиваться уже в раннезолотоордынский период. Наиболее ранние золотоордынские монеты на раскопе, относящиеся ко второй половине XIII в., концентрируются в юго-западном секторе раскопа. Некоторые расположенные там же материковые ямы, относятся к начальному этапу освоения участка. Однако мы не имеем веских оснований для того, чтобы судить, могли ли эти ямы быть связаны с начальным этапом существования деревянного дома № 2 или же предшествовали ему.

К числу ранних построек на участке могут быть отнесены: яма-котлован 11, перекрытая прослойкой строительного мусора, и деревянный дом с системой отопления в виде кана. Но как эти два сооружения хронологически соотносятся между собой, судить на основании имеющихся данных затруднительно.

К строительному периоду, связанному с деревянным сооружением № 2 с каном, относятся: припечная яма 14 и хозяйственная яма 13, а также, вероятно, сгоревшая в том же пожаре, что и постройка, конструкция из столбов в ямах 5, 12 и 15. Не исключено также, что ограда частотола, северо-западная часть которого параллельна направлению пандусов больших столбовых ям, могла быть связана с деревянной постройкой № 2. Период существования деревянной постройки № 2 с каном определяется недостаточно точно, поскольку приходится исходить из времени начала формирования культурного слоя на участке и из датировки сопутствующих ям: не исключено, что строительство могло произойти еще во 2-й половине или в конце XIII – начале XIV в., а верхний рубеж определяется 30-ми гг. XIV в.

Вполне вероятно, что хронологический разрыв между пожаром, сгубившим деревянную постройку № 2, и возведением на ее месте каменного дома № 1 был незначительным, поскольку старшие монеты, связанные с каменным домом, представлены одним пулом 30-х гг. и тремя пулами 40-х гг. Строительный мусор, маркирующий горизонт возведения каменного здания, перекрывает боль-

шинство крупных ям, выявленных на раскопе (13, 17, 25, 9, 10, 11, 18, 21). Каменное здание № 1 являет собой последний строительный период на раскопе. Возведенный в 40-х гг. XIV в. каменный дом с каном прекратил существование уже в 60-е гг.: младшая монета, встреченная здесь, – пул хана Хызра с надчеканкой.

После 1360-х гг. участок запустевает, а образовавшийся пустырь стали использовать как кладбище, но плотность погребений здесь невелика: рядом с остатками каменного здания были выявлены два мусульманских погребения с обломками его архитектурных деталей в заполнении, а еще одно погребение частично уходило под южный борт раскопа.

Число исследованных в Болгаре домов с подпольным отоплением, по сведениям, собранным М.Д. Полубояриновой, не достигает и двух десятков, а основной район, где выявлены подобные дома, связываемые с местом компактного проживания монгольской администрации, – юго-восточная часть городища (Полубояринова, 2016, с. 154–155, 179). Здесь, на раскопах у Малого минарета и Ханской усыпальницы, ранее также были выявлены как раннезолотоордынские объекты, так и остатки позднезолотоордынских городских усадеб состоятельного населения, перекрытые мусульманским кладбищем (Хлебникова, 1987, с. 43). Именно к этому району территориально тяготеет изученная на раскопе СХСIV усадьба, где до 60-х гг. XIV в., сменяя друг друга, бытовали два дома с канами

Примечания:

¹ Также по периметру с внешней стороны траншей была оставлена опорная стенка из грунта Части объектов, перекрытые сооружением № 1, не исследовались (печь кана № 2 и ямы 14, 15, 23, 30).

² Не все однотипные обломки соединялись между собой и даже имели мелкие различия в профилировке венчиков и в размерах ручек, но это отличия вполне могут объясняться несимметричностью литейных форм.

³ В яме 16 некогда присутствовало большое количество дерева или изделий из него, о чем можно судить по многочисленным его остаткам, густо вкрапленным в слой коррозии на

большинстве железных изделий, найденных здесь.

⁴ В том числе в комплексах конца XIV в. и 2-й пол. XIV – сер. XV вв.

⁵ Как вариант данного типа можно рассматривать угловые накладки с маленькой скобой, встреченные на раскопе СХХII (Баранов, 2016, рис. 10: 2).

⁶ Сходство этого инструмента с варганом XIV в., найденным на раскопе СХСIV, а также с важнагеровским инструментом, заставляет склоняться к тому, чтобы относить варган с раскопа ССXXXI также к золотоордынскому времени.

⁷ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10544619>. Дата обращения: 22.11.2022.

⁸ Варган хранится в Музее Москвы. URL: <https://mm.museum-online.moscow/entity/OB/JECT/397266?index=52&paginator=entity-set&entityType=EXHIBITION&entityId=2629715&attribute=objects>. Дата обращения: 25.07.2021.

⁹ В яме 15 диаметр сохранившейся части столба меньше, но это, вероятно, результат горения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. Открытие древнего Болгара. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
2. *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство* / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 206–223.
3. *Баранов В.С.* Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // *Город Болгар: жилища и жилая застройка* / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 192–245.
4. *Бугарчев А.И., Петров П.Н.* Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате // *Поволжская археология*. 2013. № 1(3). С. 216–231.
5. *Бурковский С.А., Киреев Ю.Д.* Поштемпельный анализ пулов Булгарского чекана типа «тамга Бату в треугольнике – кутлуг булсун» // *Бурковский С.А. Частные вопросы медного джучидского чекана* / Нумизматика Золотой Орды. Кн. 1. Донецк: ООО АИР, 2009. с. 5–64.
6. *Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // *Средневековые памятники Поволжья* / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
7. *Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г.* Раскоп СХСIV // *Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск* / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 20–21.
8. *Коваль В.Ю.* Ордынцы на Руси // *Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования* / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010. С. 76–85.
9. *Курьшова Н.П.* Стекланные украшения из золотоордынского города Маджар // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 4. С. 160–168.
10. *Лопан О.В.* О находках средневековых железных дуговых варганов (кубызов) в Среднем Поволжье // *Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге»* / Ред. кол. Г.М. Бирюкова, Д.Г. Мухаметшин, А.Н. Фасхутдинов. Болгар: Корпорация технологий продвижения, 2020. С. 65–77.
11. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
12. *Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М.* Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований // *Поволжская археология*. 2017. № 2 (20). С. 236–254.
13. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
14. *Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности* / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–217.
15. *Полубояринова М.Д.* Жилища Болгара // *Город Болгар: жилища и жилая застройка* / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 5–191.
16. *Постикэ Г.И., Бакуменко-Пырнэу Л.В.* Чугунные котлы Шехр ал-Джедид (Орхейул Веке – Старый Орхей, Республика Молдова) // *Поволжская археология*. 2020. № 2 (32). С. 181–199.

17. Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго–Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1999. С. 210–223.
18. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: ГОМ РТ, 2000. 158 с.
19. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. 68 с.
20. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4–2 (60). С. 159–168.
21. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 6–87.
22. Сингапуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
23. Тропин Н.А. Чугунные котлы с территории Елецкого княжества XIV–XV вв. // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 304–308. (VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова).
24. Тропин Н.А., Лукин С.В. Находка средневекового ларца второй половины XIV – середины XV в.: исследования и опыт моделирования // КСИА. 2017. № 246. С. 323–335.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
26. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 34–89.
27. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–484.
28. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 210–224.
29. Kolltveit G. Jew's Harps in European Archaeology / British Archaeological Reports. International Series. 1500. Oxford: Archaeopress, 2006. 264 p.: ill., maps.

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Лопан Оксана Витальевна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); zumbispiel-1970@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

RESEARCH ON THE EXCAVATION CXXIV IN THE SOUTH-EASTERN PART OF THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

I.V. Volkov, O.V. Lopan, A.G. Sitdikov

The article presents the results of studies carried out in the south-eastern part of the Bolgar fortified settlement in 2013. The Golden Horde objects belonging to different periods have been identified here. Since early coins make up more than 10% of the numismatic collection, this suggests that the site began to be developed already in the 2nd half of the 13th century. The pits in the southwest corner of the excavation can be attributed to this time. Unique are the finds of two dinars of the 12th century and the middle of the 13th century, belonging to the initial stage of the development of the area. A wooden house (structure No. 2) with a kang was built on the site within the period from the 2nd half of the 13th century to the 1230ies. Probably,

the construction of three pits with large poles is related to the time of the wooden house, as well as, perhaps, a stockade. The building was destroyed by a fire. The next construction period is associated with a stone building (structure No. 1), soon erected on the place of the burned house. According to the coins found here, the stone building with a kang was built here no earlier than in the 1340s and functioned until the 1360s. The horizon of the building of a stone house is marked by layers of construction debris that filled the most of the pits on the excavation. The stone masonry of the building was almost completely taken and used as building materials, most likely already at the beginning of the 20th century, but the well-preserved contours of the foundation trenches, densely filled with lime and stone fragments, allow us to restore the layout of the building. The portal of the building, located on the north side, was decorated with two pylons, that were the base of the arched entrance, and a square construction, probably a turret, sided with the western one. The uniqueness of the building consists in an amazing combination of features of private residential and public architecture. After the 1360s, the site became desolate, and this wasteland was used as a cemetery: near the remains of a stone building the burials with fragments of its architectural details in the filling were found. The studied estate was related geographically with the quarter of the "Mongolian administration" at the Small Minaret, where dwellings with kang were concentrated.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Bolgar fortified settlement, architecture, under-floor heating system, dinars; cast-iron cauldron, jew's harp.

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M., Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 3. Otkrytie drevnego Bolgara (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 3. Discovery of Ancient Bolgar)*. Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).
2. Aksenova, N. D. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 206–223 (in Russian).
3. Baranov, V. S. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 192–245 (in Russian).
4. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 216–231 (in Russian).
5. Burkovskiy, S. A., Kireev, Yu. D. 2009. In Burkovskiy, S. A. *Chastnye voprosy mednogo dzhuchidskogo chekana (Separate subjects of the copper Juchid coinage)*. Series: Golden Horde Numismatics. Book 1. Donetsk: "AIR", 5–64 (in Russian).
6. Busiatskaya, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–72 (in Russian).
7. Volkov, I. V., Lopan, O. V., Sitdikov, A. G. 2014. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviyazhsk (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 20–21 (in Russian).
8. Koval', V. Yu. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).
9. Kuryshova, N. P. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 160–168 (in Russian).
10. Lopan, O. V. 2020. In Biryukova, G. M., Mukhametshin, D. G., Faskhutdinov, A. N. (eds.). *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Velikiy Bolgar – tsivilizatsiya na Volge» (Collected materials of the All-Russian scientific and practical conference "The Great Bolgar – civilization on the Volga")*. Bolgar; Ulyanovsk: "Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya" Publ., 65–77 (in Russian).
11. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
12. Nabiullin, N. G., Beliaev, A. V., Khrumchenkova, R. Kh., Shaikhutdinova, E. F., Yanbaev, R. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 236–254 (in Russian).
13. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
14. Poluboiarinoва, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 149–217 (in Russian).

15. Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–191 (in Russian).
16. Postike, G. I., Bacumenco-Pîrnău L.V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 181–199 (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 1999. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Moscow: State Historical Museum, 210–223 (in Russian).
18. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaya posuda Povolzhya i Prikamya v VIII–XIV vv. (Metal ware of the Volga region and the Kama region in the 8th–14th centuries)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan (in Russian).
19. Riazanov, S. V. 1997. *Chugunoliteinoe remeslo v gorodakh Zolotoi Ordy (Iron Casting in the cities of the Golden Horde)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature (in Russian).
20. Riazanov, S. V. 2008. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4–2(60). 159–168 (in Russian).
21. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 6–87 (in Russian).
22. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
23. Tropin, N. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 304–308 (in Russian).
24. Tropin, N. A., Lukin, S. V. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 246, 323–335 (in Russian).
25. Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
26. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 34–89 (in Russian).
27. Yanina, S. A. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 424–484 (in Russian).
28. Yanina, S. A. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 210–224 (in Russian).
29. Kolltveit, G. 2006. *Jew's Harps in European Archaeology*. British Archaeological Reports. International Series, 1500. Oxford: Archaeopress.

About the Authors:

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Lopan Oxana V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zumbeispiel-1970@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

**МАВЗОЛЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС У
С. ЛАПАС АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА В.В. ДВОРНИЧЕНКО)**

© 2023 г. Е.М. Пигарёв, А.Г. Ситдиков

В научный оборот вводятся материалы, полученные в ходе полевых археологических работ на комплексе мавзолеев эпохи Золотой Орды у с. Лапас Астраханской области Поволжской экспедицией Института археологии РАН под руководством В.В. Дворниченко в 1995–1997 гг. Им были осуществлены первые исследования крупнейшего культового комплекса золотоордынской знати, малоизвестного в научном сообществе. Именно тогда появилось представление об истинных размерах, составе и потенциале археологического памятника, его значении в культуре Золотой Орды и развитии ислама на евразийском пространстве.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Лапас, мавзолейный комплекс, ханский некрополь, Дворниченко В.В., топографические планы.

Район нижнего течения Волги является основной областью, где сосредоточены памятники мусульманской культуры эпохи образования и расцвета Золотой Орды.

Археологические остатки столиц (с руинами мечетей, дворцов, мавзолеев, бань, жилых кварталов, крепостных сооружений) и крупных городов, крепостей и неукрепленных поселений изучаются в течение последних ста лет, особенно интенсивно последние 40 лет (Поволжская археологическая экспедиция). Раскопки этих памятников (преимущественно столиц) дали богатейший материал, характеризующий культуру Золотой Орды мусульманского периода.

Тем не менее современные представления о золотоордынской материальной культуре базируются в основном на материалах раскопанных объектов в столицах. Поэтому наши представления о территории Золотой Орды, характере ее освоения, плотности и частоте населенных пунктов крайне фрагментарны и слабо изучены, далеки от реальной обстановки XIII–XIV вв. Лишь в 1995 г. начались специальные археологические разведки на территории Астраханской области. Результаты первых разведок показали, что все Нижнее Поволжье, а не только окрестности двух столиц,

представляло собой в золотоордынское время достаточно густо заселенную территорию.

Это обстоятельство чрезвычайно важно не только для исторической географии Золотой Орды, но и материалов самих столиц, т. к. позволяет реконструировать не только инфраструктуру всей территории, но и по-новому взглянуть на внутренние экономические, демографические и культурные процессы, стимулировавшие, в частности, и строительную активность этой эпохи.

К северу от села Лапас Харабалинского района Астраханской области располагается золотоордынское поселение, известное как городище «Ак-Сарай». К востоку от него находятся развалины большого количества мавзолеев, имеющих в плане разные размеры (рис. 1, 2). Руины погребальных сооружений находятся на возвышенностях и представляют собой многочисленные скопления обломков обожженного кирпича, фрагментов глазурованных изразцов и кусков известкового раствора (Дворниченко, 1995).

По средневековым картографическим источникам местоположение некрополя отмечено на венецианской карте 1367 года братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы им-

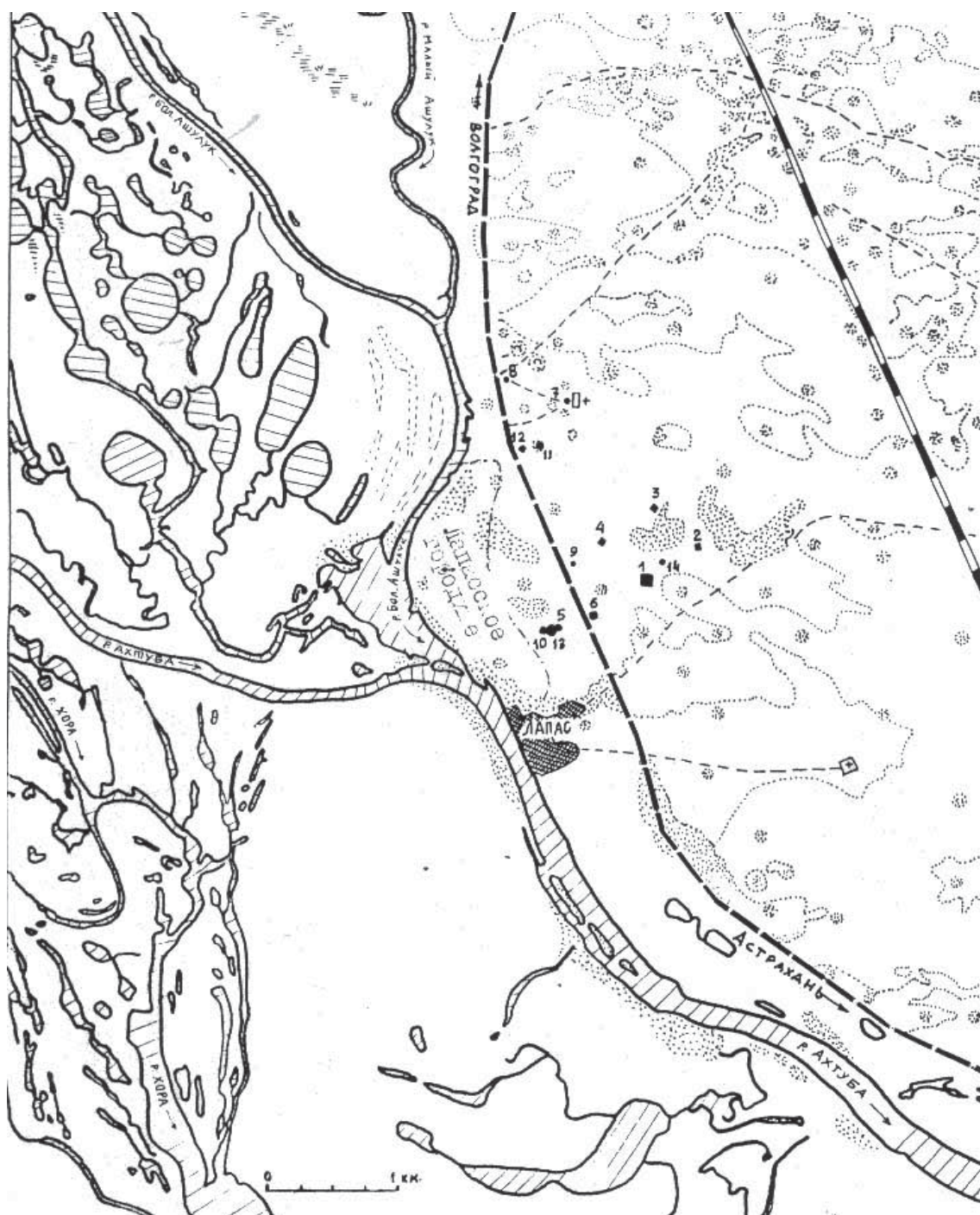

Рис.1. Фрагмент карты Астраханской области с указанием месторасположения городища Ак-Сарай и комплекса мавзолеев у с. Лапас.

Fig.1. A fragment of a map of the Astrakhan region indicating the location of the Ak-Sarai settlement and the mausoleum complex near the village of Lapas.

ператоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин, 1889, р. 17), и карте Фра-Мауро 1459 года «Императорские захоронения» («*Sepultura imperial*») (Falchetta, 2006, р. 79). Сведения о расположенных здесь погребальных сооружениях имеются также

в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. (Эвлия Челеби, 1979, с. 134–135).

Описание памятника в научной литературе впервые было представлено в работе В.Л. Егорова «Историче-

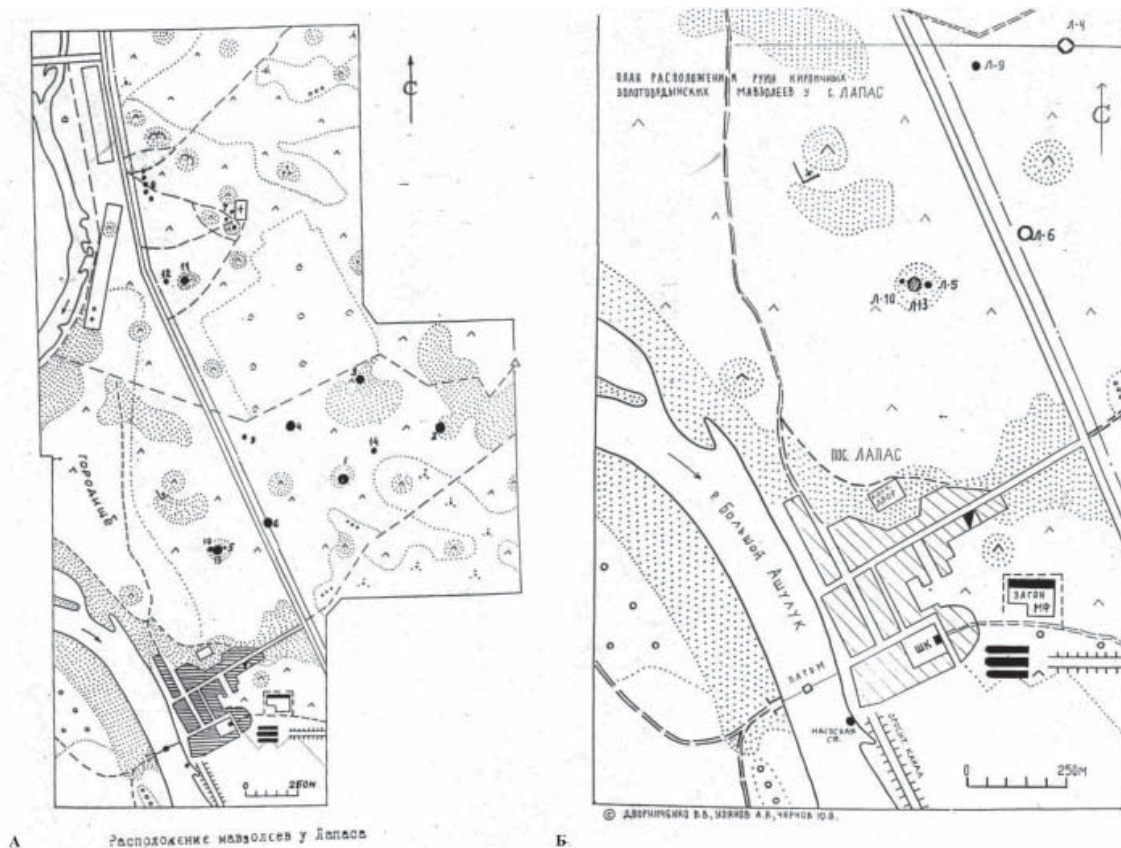

Рис. 2. Планы с указанием месторасположения Лапасского комплекса мавзолеев:
А – объекты № 1–14; Б – объекты № 4–6, 9, 10, 13.

Fig. 2. Plans indicating the location of the Lapas mausoleum complex:
A – objects No. 1–14; B – objects № 4–6, 9, 10, 13.

ская география Золотой Орды в XIII–XIV вв.». Он предположил, что в четырех крупнейших мавзолеех Лапаса могут быть погребены четыре хана, принявших ислам: Берке, Узбек, Джанибек, Бердибек (Егоров, 1985, с. 117–118).

Системные полевые археологические исследования территории у с. Лапас проводились в 1995–1997 гг. Поволжской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством В.В. Дворниченко. В процессе изучения этой территории было выявлено небольшое золотоордынское поселение, в котором, по мнению ученого, проживали строители и обслуживающий персонал ханских мавзолеев и локализованы развалины четырнадцати погребенных объектов, пять из которых являются остатками крупных архитектурных

сооружений (рис. 1, 2) (Дворниченко, 1995; Пигарёв, 1997, с. 21–22).

В ходе работы экспедиции составлен топографический план всего погребального комплекса и инструментальные планы всех отдельных его объектов. До настоящего времени этот материал является основой для изучения памятника. Болезнь и смерть не дали возможности Владимиру Васильевичу продолжить исследование мавзольного комплекса и написать научный отчет по проведенным работам. К сожалению, большая часть материалов была утеряна, не сохранились полевые фотографии и находки. К счастью, в семье ученого сохранились полевые чертежи и дневниковые записи, которые были переданы нам для изучения.

Тем не менее, как уже отмечалось выше, работы, проведенные

В.В. Дворниченко, являются основой для изучения памятника. Поэтому мы считаем необходимым публикацию полевых материалов его первого исследователя – Дворниченко Владимира Васильевича. Ниже представлены результаты работ 1995–1997 гг., взятые нами из полевых дневников археолога. Несмотря на то что в ходе работ, проведенных нами в последнее время, были получены данные, которые вносят достаточно серьезные коррективы в результаты В.В. Дворниченко, мы публикуем материал его отчета «Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас», сохраняя структуру работы и текст, с минимальными изменениями (Дворниченко, 1995).

Дворниченко В.В. Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас.

Мавзолей № 1. Рис. 1–3А. Руины мавзолея находятся в 1 км к северо-востоку от пересечения выезда из с. Лапас на шоссе Астрахань – Волгоград. Представляют собой остатки разрушенного кирпичного строения (высота валов, образованных разрушенными стенами, до 2,5 м) прямоугольной формы, ориентированного по сторонам света, площадью 55×55 м. Руины расположены на специально спланированной платформе (срезанная вершина бугра) длиной около 200 м – север-юг, шириной 75–80 м – запад-восток. Направление самого холма ЮЮЗ – ССВ, длина 275 м. Отдельные части стен мавзолея разрушены современными работами (экскаватор, бульдозер). Мавзолей окружен валообразными всхолмлениями на платформе, которые являются остатками строений, связанных с ним.

К югу в 35 м – вал, вытянутый с запада на восток, длиной 90 м, шириной до 20 м. С ЮВ на СЗ в 10 м от северо-восточного угла мавзолея и в 50 м от северо-западного угла – вал до 1,5 м высотой. Его площадь 65×50 м. Эти валы как бы формиру-

ют верхнюю площадку платформы. В 90 м к СВ от мавзолея выявлен валообразный развал площадью 65×13 м. Между платформой и данным сооружением находится ложбина шириной 25 м.

В развале основного сооружения зафиксированы светлоглиняные и красноглиняные кирпичи квадратной, прямоугольной и фигурной формы. Практически вся поверхность мавзолея усыпана фрагментами изразцов и кирпичей с голубой и зеленой поливой.

Мавзолей № 2. Рис. 1–3Б. Руины мавзолея находятся в 480 м к ВСВ от мавзолея № 1 и представляют собой остатки кирпичной постройки, украшенной голубыми изразцами. Он имеет хорошо выраженную четырехугольную форму с длиной сторон около 25 м и ориентирован сторонами по странам света. Эти остатки стен, сохранившиеся на высоту до 1 м, расположены на квадратном основании (видимо, кирпичной платформе) размерами 50×50 м. Руины мавзолея размещаются на эскарпированном, вытянутом с севера на юг останце большой дюны размерами 130×90 м, носившем характер платформы.

В северной части этой платформы выявлена валообразная (высотой до 0,5 м), вытянутая с запада на восток возвышенность, сложенная из кирпичей красного и белого цветов. Видимо, это так же остатки разрушенного сооружения. Фрагменты отдельных кирпичей встречены и на западном краю платформы. К югу от нее у юго-западного угла мавзолея отмечено сплошное пятно краснокирпичной крошки на уплотненной поверхности. Возможно, эти остатки связаны с сооружениями, но не исключено, что они переотложены при разрушении южной части «основания» мавзолея.

Конструктивные особенности мавзолея и его «основания» могут быть выявлены при стационарных

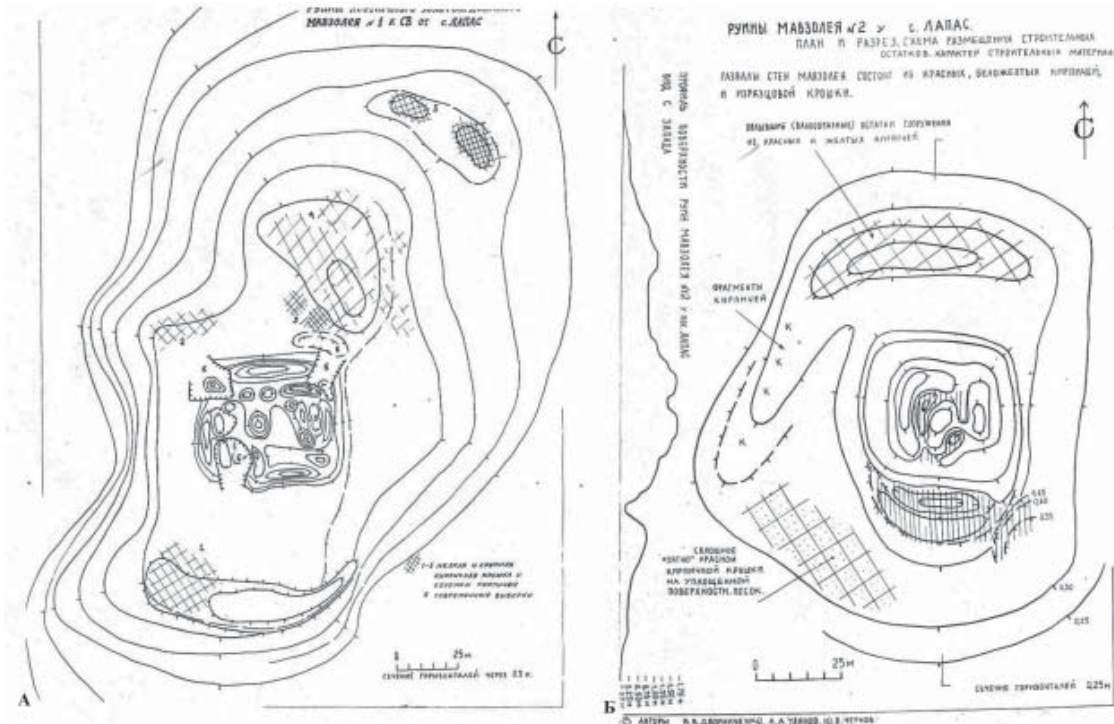

Рис. 3. Инструментальные планы мавзолеев Лапасского комплекса (Дворниченко В.В., 1997): А – мавзолей №1; Б – мавзолей №2.

Fig.3. Instrumental plans of mausoleums of the Lapassky complex (Dvornichenko V.V., 1997): A – mausoleum No. 1; B – mausoleum No. 2.

исследованиях. Среди находок на развалинах мавзолея имеются красные и белые кирпичи, кирпичи того же цвета с голубой поливой.

Объект № 14. Рис. 1, 2А. Между мавзолеем № 1 и 2 (в 160 м от М-1) почти на одной линии с ними (несколько севернее) на склоне небольшой возвышенности, представляющей собой, возможно, скат второй нижней площадки М-1, находятся остатки еще одного небольшого сооружения. Оно выражено кирпичной крошкой слабой насыщенности и 30–40 обломками кирпичей, площадь крошки 20×18 м.

Мавзолей № 3. Рис. 1, 2, 4А. Руины мавзолея находятся в 400 м к северу от М-1 и 40 м к северо-западу от М-2 на соседнем холме, представляют собой пятиугольник, окруженный остатками валов, покрытых кирпичной крошкой. Руины самого мавзолея имеют форму квадрата, ориентированного углами по сторонам света с длиной сторон около 25 м. Общая

платформа с кирпичной крошкой имеет размеры 185×150 м. Среди строительных материалов, обнаруженных на поверхности мавзолея, встречены фрагменты кирпичей с голубой поливой.

Здесь, как и в предыдущих случаях, хорошо читаются валообразные развалины дополнительных сооружений: с юга в 15 м от мавзолея (длина 180, ширина 15 м), с севера в 40 м (длина 80, ширина 17 м). На западе между этими валами – проем, связанный с современными строительными работами.

Мавзолей № 4. Рис. 1, 2, 4Б. Руины мавзолея находятся на западной оконечности того же холма на возвышенности (300 м к СЗ от М-1; 350 м к ЮЗЗ от М-3) и представляют собой такой же пятиугольник, сильно поврежденный строительной техникой.

Само сооружение первоначально представляло собой квадрат с длиной

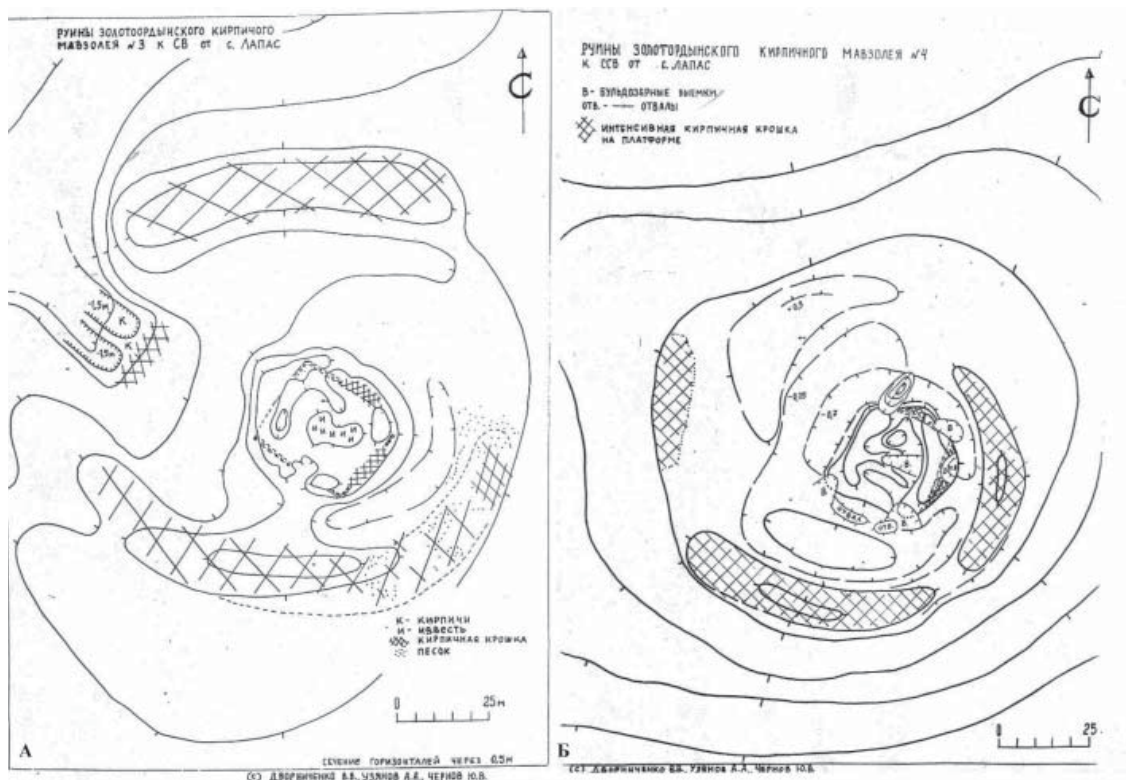

Рис. 4. Инструментальные планы мавзолеев Лапасского комплекса (Дворниченко В.В., 1997): А – мавзолей № 3; Б – мавзолей № 4.

Fig. 4. Instrumental plans of mausoleums of the Lapassky complex (Dvornichenko V.V., 1997): А – mausoleum No. 3; В – mausoleum No. 4.

стен около 25 м, ориентированный углами по сторонам света. Мавзолей находится на платформе размерами 130×140 м. Границы этой платформы выявляются по распространению кирпичной крошки.

На краях платформы сохранились валообразные руины кирпичных сооружений, связанных с мавзолеем. Они расположены к югу, западу и востоку от мавзолея, на расстоянии 5–10 м. На поверхности руин отмечены фрагменты кирпичей с голубой поливой.

Мавзолей № 5. Рис. 1, 2, 5. Мавзолей является одним из небольших кирпичных сооружений, расположенных в окрестностях четырех крупных усыпальниц золотоордынской знати. Почти все характеристики остатков этого сооружения являются как бы типичными и для остальных подобных сооружений.

Остатки мавзолея № 5 расположены среди песчаных дюн в 250 м к западу от шоссе Волгоград – Астрахань и в 400 м к северу от СВ окраины с. Лапас, в 900 м к юго-западу от мавзолея № 1.

В настоящее время руины мавзолея имеют характер овального, вытянутого с запада на восток уплощенного холма, высотой 0,75 м. Он состоит из крупных обломков красных кирпичей квадратной формы размером 24×24 см и прямоугольных кирпичей размерами 24×12 см. Поливных кирпичей на поверхности руин мавзолея не обнаружено. Конфигурация сооружения на современной поверхности не читается.

Возможно, мавзолей № 5 соотносится с предполагаемым сооружением на песчаном холме правильной круглой формы с уплощенной вершиной, расположенном в 20–25 м восточнее.

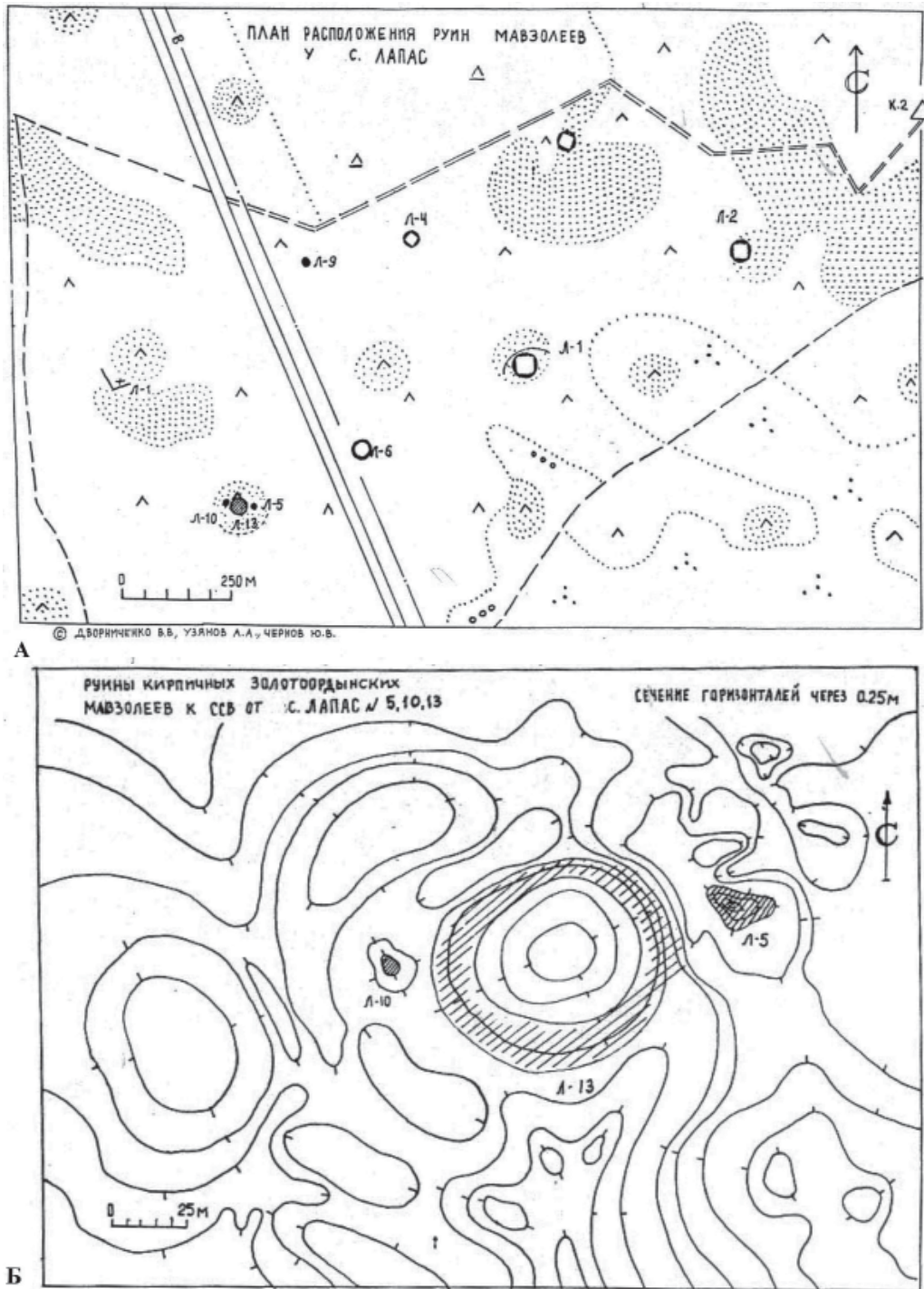

Рис. 5. Планы с указанием месторасположения мавзолеев:
 А – объекты № 1–6, 9, 10, 13; Б – объекты № 5, 10, 13.

Fig. 5. Plans indicating the location of mausoleums:
 А – objects No. 1–6, 9, 10, 13; Б – objects No. 5, 10, 13.

Диаметр холма доходит до 75 м, высота более 1,5 м. На ровной верхней площадке кирпичей и крошки нет, но на склонах холма по всей окружности она присутствует. Можно предполагать, что остатки сооружения

на верхней площадке со временем были занесены песком. Объекту был дан номер 13.

У подошвы данного холма с западной стороны на небольшом песчаном возвышении (около 0,5 м) на площади

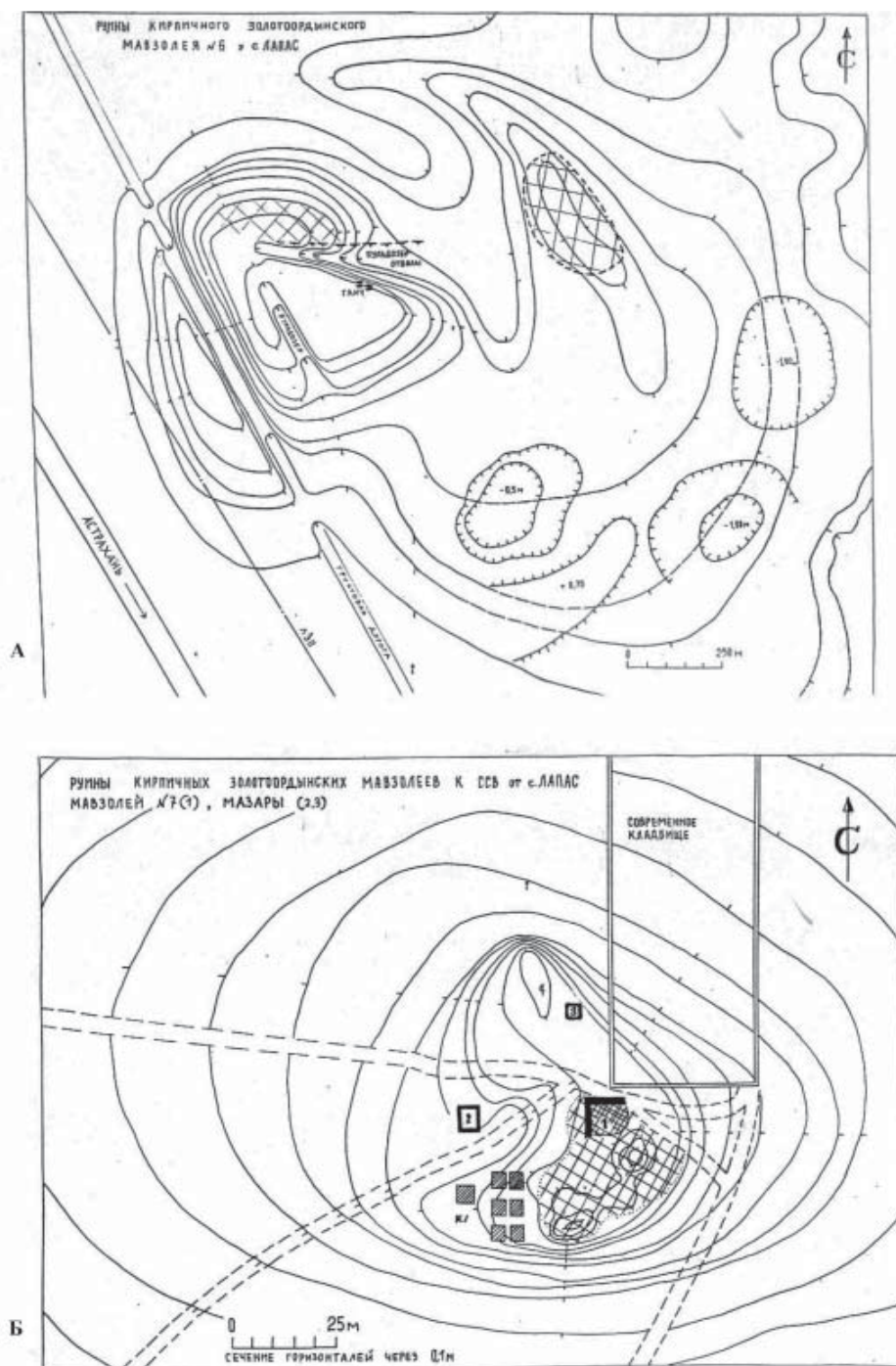

Рис. 6. Инструментальные планы мавзолеев Лапасского комплекса (Дворниченко В.В., 1997): А – мавзолей №6; Б – мавзолей №7.

Fig. 6. Instrumental plans of mausoleums of the Lapassky complex (Dvornichenko V.V., 1997): A – mausoleum No. 6; B – mausoleum No. 7

около 7×5 м наряду с кирпичной крошкой найдены обломки кирпичей на поверхности и в размывах.

Возможно, что небольшое сооружение (М-10), так же как и сооружение с востока (М-6), связано с более крупным сооружением (М-13).

Мавзолей № 6. Рис. 1, 2, 6А. Руины мавзолея являются остатками пятого крупного сооружения на некрополе у с. Лапас, наиболее пострадавшем от разреза его глубокой колеи грунтовой дороги и при постройке шоссе.

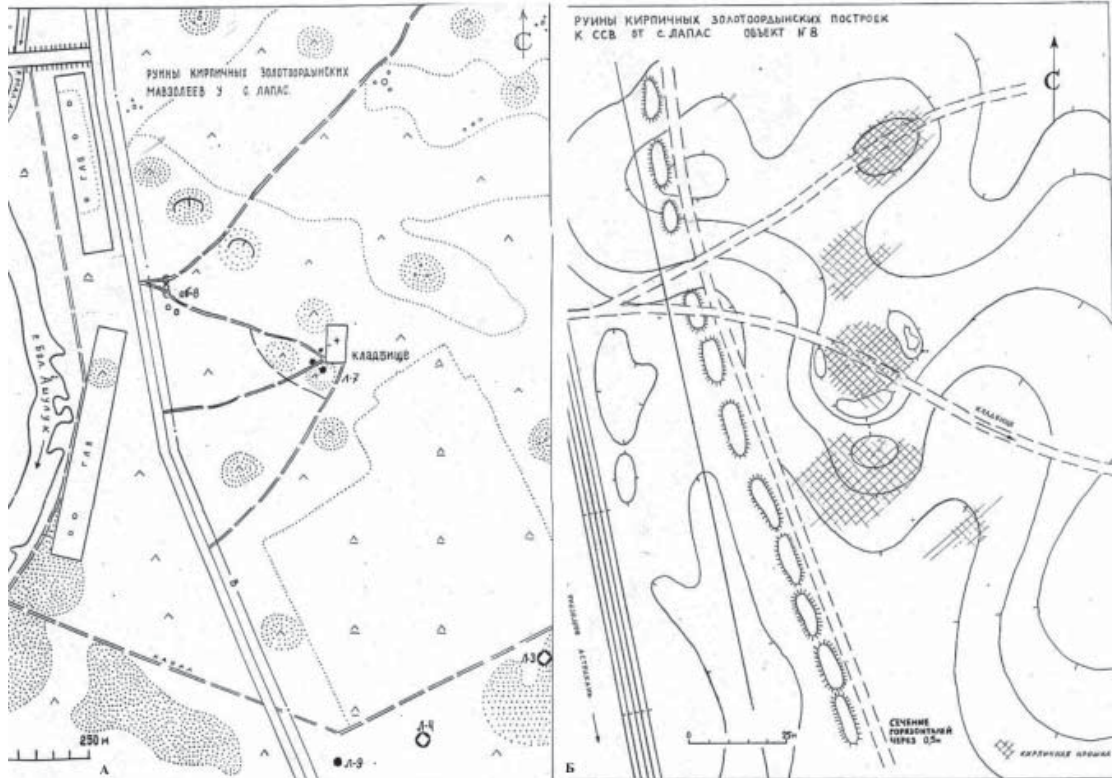

Рис. 7. Планы с указанием месторасположения мавзолеев:
А – объекты №7, 8; Б – объекты №8.

Fig. 7. Plans indicating the location of mausoleums: A – objects No. 7, 8; B – objects No. 8.

Остатки мавзолея находятся на платформе, вытянутой с севера на юг, размером 175×125 м. Платформа расположена в 25 м от шоссе на одной линии с мавзолеем № 1 и 2. В настоящее время, несмотря на сильные разрушения, можно определить размеры основной части сооружения на площади 50×50 м. Сохранились валообразные руины кирпичного дополнительного сооружения. Они расположены в 40 м к востоку от руин мавзолея. Ориентированы с СЗ на ЮВ и имеют длину 75 м при ширине 15 м.

В глубокой бульдозерной траншее, перерезавшей мавзолей № 6, собраны наиболее выразительные остатки строительных материалов и декоративных архитектурных деталей. Это единственный мавзолей, на поверхности руин которого был найден резной ганч, крупные обломки поливных кирпичей.

Группа мавзолеев № 7. Рис. 1, 2А, 6Б, 7А. В 1 км к северу от мавзолея № 1 (в 500 м к востоку от шоссе), на отдельно стоящем высоком бугре, занятом современным казахским кладбищем, зафиксированы остатки трех небольших мавзолеев-мазаров.

Мавзолей больших размеров представлен остатками северо-западного угла, стены сложены из квадратных кирпичей: ширина стен – два кирпича. На примыкающей поверхности читается пятно кирпичной крошки размерами 35×25 м. Здесь обнаружены фрагменты кирпичей с глазурью голубого цвета.

В 25 м к западу расположен мавзолей меньших размеров. Его руины представлены хорошо читаемым в плане прямоугольником размером 7×5 м, вытянутым по линии С–Ю. Мавзолей был построен из обожженного кирпича квадратной формы без

глазури. Ширина стен этого мавзолея в один кирпич.

В 27,5 м к СВ от второго мазара расположен еще один меньших размеров (4 м – З–В, 3,5 м – С–Ю). Он хорошо читается на поверхности, определяется ширина стен около 40 см.

Вблизи шоссе, в 50–70 м к западу от него, на глубокой колее дороги ведущей к кладбищу (в 450 м к СЗ от него), перед началом ее подъема на бугор Бэра, обнаружены остатки одного из сооружений объекта № 8, по всей видимости остатки домов. Дорогой задета, видимо, северная часть сооружения, где наблюдаются остатки кирпичей, возможно от стены. Это одно из сооружений на данном объекте.

Все они выявляются в основном на небольших взгорках высотой около 0,5 м, в общем направлении С–Ю. В 50 м к северу от упомянутого сооружения, частично на грунтовой дороге, ведущей на СВ, частично к югу от нее – на дерне кирпичный бой, крошка, фрагменты кирпичей с голубой поливой (диаметр пятна около 10 м). Это сооружение обозначено под № 8-А.

Между объектами № 8 и 8-А на равном расстоянии от них находится такое же пятно крошки (объект № 8-Б), но оно продолжается к западу на 15 м до бывшей грунтовой дороги Волгоград – Астрахань. Поверхность с востока частично содрана, высота взгорья 20–40 см.

В 12 м южнее сооружения № 8 также на небольшом взгорке фиксируется пятно кирпичной крошки (объект № 8-В). В 45 м к ЮВ от М № 8 без четкого отдельного взгорья зафиксировано такое же пятно с кирпичной крошкой, мелкие фрагменты с голубой поливой, обломки красноглиняной керамики (объект № 8-Г).

Мавзолей № 11. Рис. 1, 2А. Сооружение расположено на высоком

бугре в 325 м к ЮВ от современного кладбища, в 150 м к востоку от шоссе Астрахань – Волгоград. Представляет собой всхолмление размерами по линии С–Ю 23 м, по линии З–В 26 м. Форма его довольно правильна. Высота около 60 см. На поверхности всхолмления зафиксировано много кирпичей. Его восточная часть разрушена триангуляционным пунктом и траншеей.

Мавзолей № 12. Рис. 1, 2А. В 60 м к СЗ от М-11 на обрыве восточного борта глубокой колеи бывшей грунтовой дороги Астрахань – Волгоград обнаружен развал кирпичей. Видимого возвышения над ними в обресе траншеи нет. Глубина залегания в песке 85–90 см. Площадь развала 4,8 м (С–Ю) × 2,5 м (З–В).

Мавзолей № 9. Рис. 1, 2, 5А. Сооружение расположено почти на одной линии с мавзолеями № 3 и 4. Здесь не замечен высокий холм. Дюна, на которой он расположен, с западной стороны также срезана колеей грунтовой дороги. Кирпичная крошка и обломки кирпича не выявляют конфигурации сооружения. Площадь пятна 20×20 м. В 1995 г. съемка не проводилась.

Четырнадцать вышеописанными памятниками не исчерпывается общее количество объектов у с. Лапас. Это лишь выявленная разведками 1995–1997 гг. незначительная их часть (речь идет о небольших плохо сохранившихся постройках).

Пять крупных мавзолеев (№ 1, 2, 3, 4, 6), расположенных в северной части пустыни Досанг у с. Лапас, образуют как бы две «аллеи», вытянутых перпендикулярно к левому берегу Ашулука (в 700 м от берега). В эти две линии вписываются: в северную – мавзолей № 9, в южную – № 5, 10.

Мавзолеи были разрушены в древности, возможно во время походов Тамерлана на Золотую Орду. Косвенно об этом свидетельствует находка

круглого каменного ядра от катапульты на мавзолее № 2.

К сожалению, представленные выше планы и небольшой текст, подготовленные Владимиром Васильевичем, – все, что осталось после его смерти и дошло до нас. Им также было предложено условное разделение археологического памятника на

две части – «поселок строителей» и «город мертвых». Уже тогда, в конце 1990-х гг., В.В. Дворниченко начал продумывать проект археологических раскопок центрального мавзолея комплекса, реализация которого началась с неконтактных исследований 2018 г., предварявших начало раскопок (Ситдииков и др., 2020, с. 221).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворниченко В.В. Материалы к отчету 1995 года. Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4 Оп.2 Д.3. 25 л.
2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
3. Пигарёв Е.М. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни». Волгоград, 1997. С. 21–22.
4. Ситдииков А.Г., Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В., Красильников П.В. IV Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 217–226.
5. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2. Вып. I / Под ред. С.С. Краснодубровского. Саратов: Тип. Штерцер и К, 1889. С. 14–25.
6. Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) // Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 252 с.
7. Falchetta P. Fra Mauro's World Map. Brepols, 2006. 92 p.

Информация об авторах:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

MAUSOLEUM COMPLEX NEAR THE VILLAGE OF LAPAS, ASTRAKHAN REGION (FROM THE FIELD DIARY OF V.V. DVORNICHENKO)

E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

The materials obtained during the work on the complex of mausoleums of the Golden Horde era near the village of Lapas in the Astrakhan region by the Volga archaeological expedition led by V.V. Dvornichenko in 1995 – 1997 are introduced into scientific circulation. These were the first scientific studies of the largest cult complex of the Golden Horde nobility, little known in the scientific community. It was then that the idea of the true size, composition and potential of the archaeological monument, its significance in the culture of the Golden Horde and the development of Islam in the Eurasian space appeared.

Keywords: Golden Horde, La Paz, mausoleum complex, Khan necropolis, Dvornichenko V.V., topographic plans.

REFERENCES

1. Dvornichenko, V. V. 1995. *Materialy k otchetu 1995 goda. Nekropol' zolotoordynskoy znati u s. Lapas (Materials for the 1995 report. Necropolis of the Golden Horde nobility near the village Lapas)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute

of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 2. D. 3. 25 I (in Russian).

2. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Pigarev, E. M. 1997. In *Tezisy докладов первого международного симпозиума «Osobo ohranyaemye territorii I formirovaniye zdorovogo obraza zhizni» (Abstracts of papers presented at the I international symposium "Specially protected territories and the formation of a healthy lifestyle")*. Volgograd, 21–22 (in Russian).

4. Sitdikov, A. G., Bazarov, B. A., Gombozhapov, A. D., Nolev, E. V., Krasil'nikov, P. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 217–226 (in Russian).

5. Chekalin, F. F. 1889. In Krasnodubrovskiy, S. S. (ed.). *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)*. Vol. 2. Iss. I. Saratov: “Tip. Shtertser i K” Publ., 14–25 (in Russian).

6. Chelebi, E. 1979. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2. (Travel book. (Extracts from the writing of Turkish traveler of the 17th century). Lands of the North Caucasus, the Volga river and the Don river regions. Part 2)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

7. Falchetta P. 2006. *Fra Mauro's World Map*. Brepols.

About the Authors:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТАВРОПОЛЬЯ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.А. СПИЦЫНА

© 2023 г. В.А. Бабенко, М.Е. Колесникова

В статье рассматриваются обстоятельства, связанные с публикацией в 1906 г. А.А. Спицыным ряда случайных находок золотоордынской эпохи с территории Ставропольской губернии. В распоряжение ИАК в 1887 г. и 1890 г. были направлены случайные находки из окрестностей сел Рогули, Киевского, Здвиженского, Бешпагирского и урочища Гашун-Уста. Наиболее значимые комплексы из них были опубликованы в 1906 г. А.А. Спицыным. В статье публикуются материалы из научного архива ИИМК, частично опубликованные А.А. Спицыным. Впервые публикуются бронзовые зеркала из окрестностей с. Рагули и с. Бешпагир. Архивные материалы позволили уточнить состав комплексов из кургана на горе Юн-баба и кургана «Кольцова». В статье предпринимается попытка локализации большинства рассматриваемых комплексов. Публикуемые в статье материалы дополняют сведения о культуре населения Ставропольской возвышенности в эпоху Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Ставропольская губерния, уезд, курган, кладоискательство, чаша, браслет, зеркало, золотоордынские памятники, А.А. Спицын.

В истории отечественной археологии давно признана роль А.А. Спицына (1858–1931) – «крупнейшего русского ученого, историка и археолога» (Пассек, Латынин, 1958, с. 3), автора инструкций по производству археологических разведок и раскопок. А.А. Спицын внес большой вклад в изучение различных археологических эпох: от бронзового века Восточной Европы (Бочкарев, 2009, с. 248) до эпохи поздних кочевников (Федоров-Давыдов, 1966, с. 5–7). С его приходом в ИАК и Отделение русской и славянской археологии РАО в деятельности данных учреждений проявился интерес к средневековым древностям и к археологии России в целом (Жебелев, 1948, с. 9).

Являясь членом ИАК, он по долгу службы проводил учет археологических памятников, готовя к публикации наиболее интересные и важные из них (Пассек, Латынин, 1958, с. 4). В 1906 г. А.А. Спицын опубликовал ряд ключевых комплексов золотоордынской эпохи, включая несколько комплексов с территории Ставропольской губернии: комплексы из урочища Гашун-Уста, окрестностей сел Киевского и Рогули¹ (ныне с. Кивка и с. Рагули Апанасенковского

муниципального округа Ставропольского края) (Спицын, 1906, с. 261–263, 269), ранее кратко опубликованные в «Отчетах ИАК». Публикация А.А. Спицына положила начало изучению данных комплексов в отечественной науке.

Массовое поступление артефактов золотоордынской эпохи в ИАК с территории Ставропольской губернии было вызвано происходившим во второй половине XIX в. освоением крестьянством территорий в северной части Ставропольской губернии, сопровождавшимся массовым кладоискательством. Деятельность кладоискателей облегчало наличие здесь большого количества курганов небольших размеров, что было отмечено в 1888 г. в опросных листах МАО для составления археологической карты России (ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 1749, л. 27 об.).

Наибольшее количество находок поступило из окрестностей сел Рогули и Здвиженское (ныне с. Воздвиженское Апанасенковского муниципального округа Ставропольского края). Находчики получали за сданные находки солидные суммы вознаграждений. Так, за вещи, обнаруженные в 1887 г. в кургане на горе

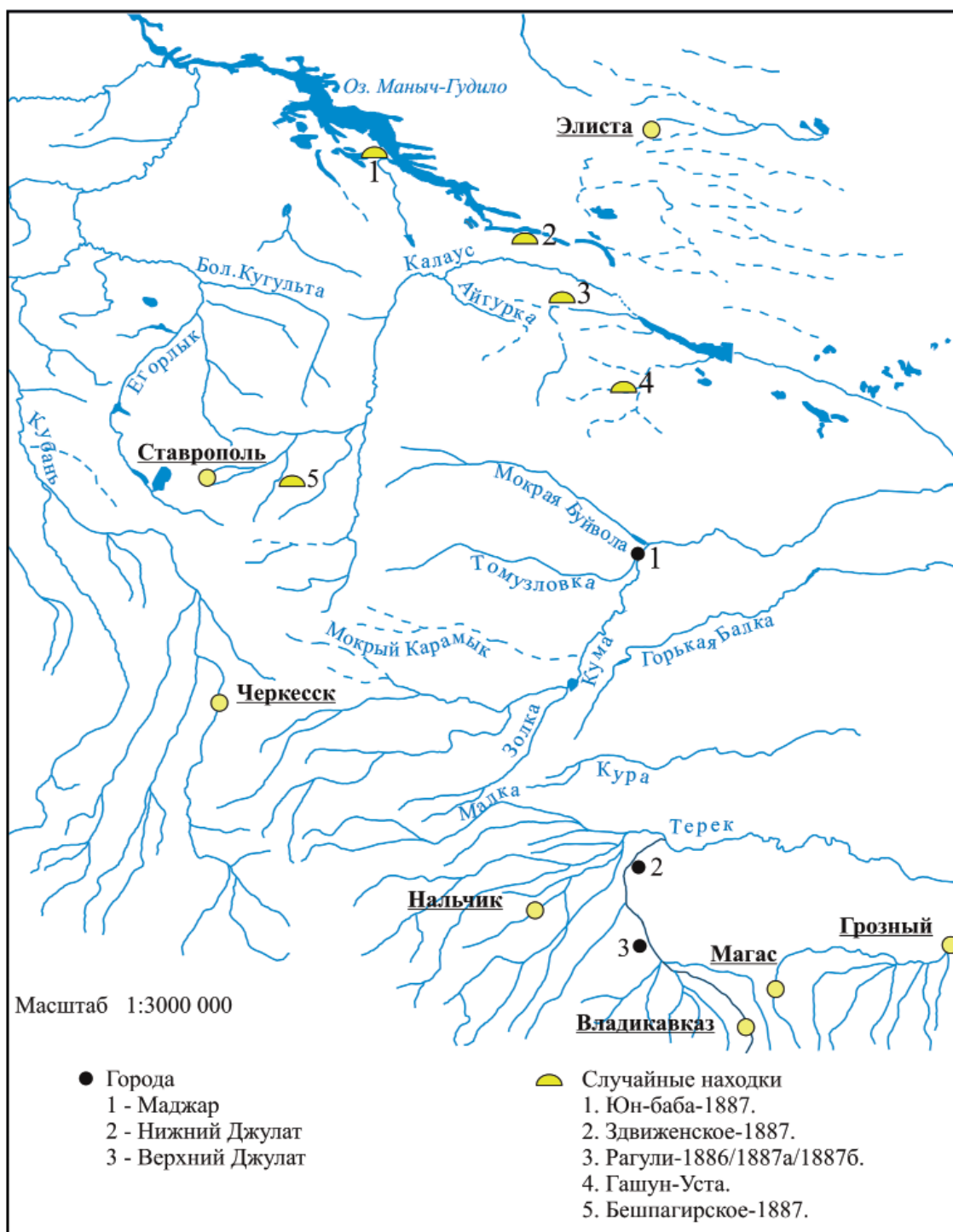

Рис. 1. Карта-схема Центрального Предкавказья.

Fig. 1. Map-diagram of the Central Pre-Caucasus region.

Юн-баба в окрестностях с. Киевского, двое крестьян получили вознаграждение в сумме 350 рублей (Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 32).

Ситуация частично изменилась после назначения в 1887 г. на должность

ставропольского губернатора Н.Е. Никифорова (1838–1904) Он считал, что с кладоискателями следует бороться экономическими методами, лишая их вознаграждения; большой резонанс в стране вызвал его отказ выплатить

Описание предметов из кургана на горе Юн-баба
по материалам научного архива ИИМК и в публикации А.А. Спицына

№№ по описи	Описание предметов в Отношении канцелярии Главногоначальствующего гражданской части на Кавказе №5577 от 12 июня 1887 г. (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24а).	Описание предметов по А.А. Спицыну (Спицын, 1906, с. 263).
12.	Два золотых браслета	Два золотых браслета с выпуклой поверхностью, гладкой внутренней стороной и схематическими головами льва на концах (рис. 71).
13.	Девять металлических пятиугольников с 6-ю углублениями в каждом	Девять пятиугольных золотых бляшек. Внешние стенки гнезд из петельного плетения, внутренняя из ленточек. По краям гнезд зернь на двойной проволоке; свободное поле занято грубыми усиками из тонкой плющенной скани. В гнездах отверстия для прикрепления жемчужин. Снаружи в углах маленькие ушки. Высота 0,4 сант. Поделки очень красивые. Зернь по контурам сверкает, а скань дает глубокие тона (Табл. III. 1, 3; IV. 2, 4).
14.	Одна небольшая чашечка	Глубокая чашечка из светлого золота, кованая (рис. 71).
15.	Одна металлическая привеска ажурной работы	Золотая крупная буса в виде двенадцатигранника. Каждый щиток обработан из тонкой скани, слегка сплющенной (контуры) и сплющенной проволоки (звездочки и восьмерки). Отверстия бусы из проволоки, свитой плоским жгутом (Табл. III. 7).
16.	Два миниатюрных колта ажурной работы	Два золотые ажурные полубусы или чашечки из сравнительно грубой скани; одна высокая, другая низкая. Край скреплен проволокой, а дно золотым листом. Вероятно, с перстней... (Табл. III. 2, 5).
17.	Два цветных камня	Две пронизки из плохого аметиста (рис. 71).
18.	Одна разломанная круглая металлическая дощечка	Зеркало из желтой меди, покрытое на обратной стороне орнаментом (рис. 71).
19.	Восемь кусков металлической чашечки	Куски серебряной чашечки.
20.	Пять с половиною золотников жемчуга. (бус)	Пять зол. 36 дол. жемчугу разной величины.
21.	Металлическая масса в виде неправильного круга	Обломки железной поделки?
22.	Один металлический треугольник	Золотая бляшка в виде пирамидки из 6 гнезд для крупного жемчуга... Скань толстая и крутая. С наружной стороны четыре отверстия для прикрепления; все они расположены на основании бляшки, так что, быть может, она прикреплялась острием вниз (Табл. III. 16).
23.	Круглый кусок просверленного минерала	Большая стеклянная пронизка из белых и темных зигзагов (рис. 71).

вознаграждение находчикам комплекса из урочища Гашун-Уста (Бабенко, 2015, с. 293). При этом случайные находчики всегда получали вознаграждение. На период его нахождения во главе губернии в 1887–1904 гг. приходится большинство фактов обнаружения случайных находок и их передача в распоряжение ИАК. Среди них значительную часть составляют артефакты золотоордынской эпохи.

В научном архиве ИИМК в деле № 14 за 1887 г. объединены сведения о случайных находках из окрестностей сел Бешпагирского (ныне с. Бешпагир Грачевского муниципального округа Ставропольского края), Здвиженского, Киевского и Рогули. В 1906 г. А.А. Спицын опубликовал некоторые из этих случайных находок и комплекс из урочища Гашун-Уста, найденный в 1890 г. Считаем необходимым рассмотреть материалы из дела № 14 1887 г. более подробно и опубликовать находки, не вошедшие в публикацию А.А. Спицына, а также предложить их примерную локализацию.

Гашун-Уста. В 1890 г. крестьянами с. Рогули на глубине семи аршин при костяке были найдены золотой поясной набор и золотой поясной ковш. А.А. Спицын отнес комплекс к числу древнейших татарских курганов «на русской почве» (Спицын, 1906, с. 261–262). Комплекс неоднократно рассматривался в работах Я.И. Смирнова (Смирнов, 1909, табл. CV, № 232) и М.Г. Крамаровского (Крамаровский, 2001, кат. 13, 23–39). Недавно нами была предложена локализация комплекса из урочища Гашун-Уста в балке Башанта, левом притоке б. Арзгир на территории совр. Арзгирского муниципального округа, основанная на дореволюционных материалах. Балка Башанта (Гашун-Уста) является левым притоком р. Чограй и расположена примерно в 45 км к югу – юго-востоку от с. Рагули, к западу от а. Башанта и к се-

веро-востоку от Кумо-Манычского водораздела (рис. 1) (Бабенко, 2019, с. 571).

Юн-баба-1887. В 1887 г. крестьяне с. Киевского Калистрат Гарцунов и Филипп Любицкий обнаружили в 15 верстах от села, неподалеку от р. Маныч, в кургане, «разрытом ими, с целью кладоискательства, на 3½ саж. в глубину, в горе «Юн-баба»» (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24а) артефакты золотоордынской эпохи. Для удобства восприятия описание предметов в материалах ИАК и в работе А.А. Спицына представлено в таблице 1. Как видно из определений А.А. Спицына, им была существенно уточнена атрибуция находок № 18, 19, 20, 22 и 23.

Судя по инвентарю, в погребении была похоронена женщина (рис. 2, 3: 13, 15, 17, 20, 22). К сожалению, нет информации о сохранности ряда находок из комплекса (сосудов, зеркала, браслетов и ряда украшений) в коллекциях Государственного Эрмитажа.

Браслеты из погребения впервые были упомянуты М.Г. Крамаровским как переходный тип от дровяных браслетов XI–XII вв. к пластинчатым браслетам с львиными масками (Крамаровский, 2001, с. 189). Находка браслетов в рассматриваемом комплексе позволяет расширить далеко на юг ареал их распространения, намеченный Е.А. Кройтор (Кройтор, 2022, с. 190).

После публикации сканых украшений А.А. Спицыным повторно к ним обратился М.Г. Крамаровский. Он опубликовал девять сканых бляшек (Крамаровский, 2001, кат. 156–164; Крамаровский, 2008, кат. 131). Аналогичные бляшки (2 экз.) были обнаружены И.В. Синицыным в кургане 3 в 3-й Юго-Восточной курганной группе у д. Молчановка Волгоградской области. В состав комплекса входили золотая серьга в форме знака вопроса, бронзовое зеркало, бронзовые

Рис. 2. Юн-баба-1887: 12 – браслеты золотые, 2 шт.; 14 – чаша золотая
(Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 29).

Fig. 2. Yun-baba-1887: 12 – golden bracelets, 2 pcs.; 14 – golden bowl. The drawing has been reduced by 2 times compared to the original (ИИМК Scientific Archive, f. 1, d. 1887, l. 29).

Рис. 3. Юн-баба-1887: 13 – бляшка-роетка; 15 – сканое украшение; 17 – пронизи из аметиста, 2 шт.; 22 – золотая бляшка; 23 – подвеска стеклянная. Отдельные находки: 9 – Рагули -1887б, серьга бронзовая; 11 – Здвиженское-1887, 11 – подвески золотые, 2 шт. (Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 28).

Fig. 3. Yun-baba-1887: 13 – rosette plaque; 15 – jewelry; 17 – amethyst piercing, 2 pcs.; 22 – gold plaque; 23 – glass suspension. Individual finds: 9 – Raguli -1887b, bronze earring; 11 – Zdvizhenskoye-1887, 11 – golden pendants, 2 pcs. (Scientific Archive of the Institute for Material Culture History, f. 1, d. 1887, l. 28).

амулеты в форме человеческих фигурок, две подвески-раковины и детали бокки (Синицын, 1960, с. 129–130, с. 129, рис. 48). Д.А. Кубанкин атрибуировал отмеченные бляшки как украшения лент-подвязок женского головного убора боктаг, имеющих аналогии на многочисленных миниатюрах (Кубанкин, 2013, с. 403). Несомненно, что в комплексе 1887 г. было более богатое убранство женского головного убора. М.Г. Крамаровский отнес находки 1887 г. ко второму этапу своей схемы развития филигранных украшений (конец XIII – середина XIV вв.), второй подгруппе находок (Крамаровский, 2008, с. 159). Аналогии остальным филигранным украшениям из комплекса авторам неизвестны.

В состав комплекса входили золотой сосуд (глубокая чашечка) и серебряная чашечка. Судя по рисунку, золотая чашечка не была орнаментирована. Аналогии ей авторам неизвестны. Она отличается своей формой от поясных чаш золотоордынской эпохи. По форме тулова она близка глубокому поясному ковшу из разрушенного погребения близ г. Мелитополя, исследованного в 1845 г. (Смирнов, 1909, табл. СХVII, № 298; Крамаровский, 2001, кат. 40). Изображения фрагментов серебряной чашечки и других фрагментированных предметов отсутствуют.

Найденные в погребении украшения из аметиста имеют аналогии в украшениях с Болгарского городища из позднезолотоордынского слоя (Полубояринова, 1991, с. 66, с. 64, рис. 5.8), но отличаются своей формой.

Зеркало из погребения имеет арочный декор в виде двух зон, заключенных между двумя выступающими ободками-окружностями. Внешняя зона состоит из шести симметрично расположенных арочных фигур, обращенных выпуклостями к центру диска: пяти одинарных арок и од-

ной фигуры, образованной наложением одной арки меньших размеров на другую. Нижняя арка соединена перемычкой с центральной зоной композиции, представляющей собой окружность, обрамляющую семилепестковую розетку (рис. 5: 18). Зеркало относится к типу зеркал с арочным орнаментом. Оно близко зеркалам типа В-1-6 по типологии Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 215–216) и зеркалам отдела Г по типологии К.А. Руденко (Руденко, 2004, с. 114). Зеркало имеет ближайшие аналогии на городище Маджары (Лопан, 2016, с. 79–80, с. 82, рис. 1.№1) и в кургане 13 курганного могильника Харинка в Дубовском районе Ростовской области (Атавин, Каменецкий, 2002, с. 273, с. 295, рис. 13.3).

Стеклянная подвеска относится к редкой категории украшений в позднекочевнических погребениях (Курышова, 2021, с. 143). В позднекочевнических комплексах аналогии данному украшению авторам неизвестны. Нет их и в материалах сборов с городища Маджары. Она близка бусам-подвескам цилиндрической формы с узором в виде елочного рисунка с Болгарского городища по типологии М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1988, с. 184). Судя по рисунку из научного архива ИИМК, цвет украшения желто-серый и не имеет аналогий на Болгарском городище.

Пока не удалось точно локализовать место обнаружения данного комплекса. В 12 км к северу от с. Киевка имеется небольшое возвышение на левом берегу р. Дунды, левого притока оз. Маныч-Гудило (рис. 1). Возможно, что возвышенность Юн-баба получила свое название, зафиксированное в 1887 г., от названия р. Дунды.

Рагули-1886/1887а. Крестьянин с. Ореховского (ныне с. Ореховка Петровского городского округа Ставропольского края) Игнатий Дворяндин разрыл в окрестностях с. Рогули не-

Рис. 4. Рагули -1886/1887а – амфоровидный сосуд (Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 27).

Fig. 4. Raguli -1886/1887a – an amphoroid vessel (Scientific Archive of the Institute for Material Culture History, f. 1, d. 1887, l. 27).

сколько курганов. Среди найденных им предметов упоминаются «котелок красной меди, поломанная костяная палочка с головкой змеи, два небольших железных копья, глиняный кувшин о двух ручках и три серебряные монеты» (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24). Среди переданных в 1887 г. предметов упоминается «котелок красной меди», но его изображение в архивном деле отсутствует. В 1888 г. исправник Новогригорьевского уезда в опросном листе МАО сообщил, что в 1886 г. около с. Рагули на большом кургане «Кольцова» «найдена золотая чаша, палочка с головкой змейки и два железных кольца» (ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 1749, л. 25

об.). Наличие в сообщениях 1887 г. и 1888 г. информации об обнаружении в окрестностях с. Рогули двух комплексов, содержащих «палочку с головкой змеи», позволяет соотнести данные сообщения с одним комплексом. В таком случае под «котелком красной меди» можно подразумевать золотой кубок, который неоднократно публиковался (Смирнов, 1909, табл. ХСVI, № 194; Федоров-Давыдов, 1976, с. 168, илл. 129; Крамаровский, 2001, кат. 44). Костяное украшение и два железных кольца или «маленьких железных копья» (наконечника стрел?) датируются ранним железным веком. Вероятно, в кургане «Кольцова» в 1886 г. было разрушено несколько впускных погребений, относящихся к разным эпохам. Небольшая путаница в определении находок в материалах дела № 14 корректируется сведениями исправника Новогригорьевского уезда.

Таким образом, к золотоордынской эпохе могут быть отнесены золотой кубок, три серебряные монеты и «глиняный кувшин о двух ушках». Золотой кубок М.Г. Крамаровский отнес к категории пиршественной и повседневной посуды кочевых ставок (Крамаровский 2001, с. 84–88). В научном архиве ИИМК есть фотография «глиняного кувшина о двух ушках». На ней изображена амфора (амфоровидный сосуд?) с плоским дном, высоким грушевидным туловом, дуговидными ручками и рифлением по тулову и плечам (рис. 4) (Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 27).

Не имея возможности определить технологию его производства, можно в качестве приблизительной аналогии привести плоскодонные амфоры азакского производства (Волков, 2002, с. 55–56, с. 56, рис. 2). Но на амфорах азакского производства рифление наносилось на верхнюю часть тулова и плечи. Нельзя исключать маджарское производство данного сосуда. На

круглодонных амфорах из Маджара рифление наносилось почти на всю поверхность тулова (Волков, 2002, с. 58, с. 59, рис. 6.8). Рифление по всей поверхности тулова характерно для круглодонной амфоры прикубанского производства (Волков, 2002, с. 59). Амфоры являются редкими находками в позднекочевнических погребениях. По мнению А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, они встречаются в погребениях, «отличающихся повышенным социальным уровнем и богатством инвентаря» (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с. 221). Определения монет из погребения не производились.

Учитывая особенности топонимии данных мест, когда названия географических объектов, хуторов и сел присваивались в честь первопоселенцев, курган «Кольцова» может быть локализован поблизости от хутора Кольцова, упомянутого в документах и литературе второй пол. XIX в. Этот хутор располагался в полутора верстах ниже по течению одноименной реки от с. Рагули (Бубнов, 1893, с. 223). Здесь в междуречье рек Калаус и Рагули расположены многочисленные курганные могильники (рис. 1).

Рагули-1887б. В 1887 г. крестьяне с. Рогули Михаил Мирошниченко и Афанасий Шведин обнаружили в разграбленных ими курганах «два куска металла» (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14. л. 24, л. 24 об.), пуговицу, кольцо и пять серебряных монет (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14. л. 24, л. 24 об.). «Два куска металла» описаны А.А. Спицыным как «обыкновенное китайское зеркало с изображениями фигур четырех драконовидных животных» (Спицын, 1906, с. 269). Зеркало имеет высокий бортик и остатки литейного брака? в виде наплыва неправильной формы. Вероятно, зеркало было изготовлено методом отливки в открытую форму с наплывом металла за края формы. На-

плав имеет неровные края вдоль бортика примерно на половину длины его дуги. Зеркало было обломано находчиками. Драконы изображены симметрично, с вытянутыми конечностями и изогнутыми шеями. Изображения драконов разделены изображениями фигур неясной формы (рис. 5: 7).

Зеркала с изображением двух или четырех драконов встречаются в погребениях и на бытовых памятниках золотоордынской эпохи. Как правило, они имеют шишечку-петлю. На зеркале из окрестностей с. Рагули она отсутствует. На крупных городищах Поволжья и в Болгаре был распространен сюжет с парой драконов в различных вариациях (Руденко, 2023, с. 63–71). Г.Ф. Полякова выделила среди зеркал Болгарского городища тип В-П-12 – с изображениями фигур драконов и сидящих между ними божеств (Полякова, 1996, с. 323). По форме и сюжету ставропольское зеркало близко зеркалам отдела А, типа 3, с изображениями человеческих фигур, разделенных четырьмя драконами с Увекского городища, по типологии Л.Ф. Недашковского (Недашковский, 2000, с. 51, с. 49, рис. 9.4). Зеркала этого типа встречаются на памятниках от Поднепровья до Западного Казахстана. Ближайшая аналогия на Кавказе – зеркало из Рачи (Могильники Северного Кавказа, 1900, с. 354, рис. 281).

«Кольцо» из погребения является серьгой (Спицын, 1906, с. 269, с. 262, рис. 71). Она близка серьгам типа I по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39). Ее особенностью является только один заостренный конец (рис. 3: 9). Изображение пуговицы отсутствует. Определения монет не производились. Локализация комплекса вызывает затруднения. Вероятно, курган располагался также в междуречье рек Рагули и Калаус, как и курган «Кольцова» (рис. 1).

Рис. 5. Бронзовые зеркала. 18 – курган на горе Юн-баба 1887 г.; 7 – Рагули -1887б; 10 – Бешпагирское-1887 (Научный архив ИИМК, ф. 1, д. 1887, л. 25).

Fig. 5. Bronze mirrors. 18 – the burial mound on Yun-Baba Mountain in 1887; 7 – Raguli -1887b; 10 – Beshpagirskoe-1887 (Scientific Archive of the Institute for Material Culture History, f. 1, d. 1887, l. 25).

Здвиженское-1887. Крестьянами с. Здвиженского Савелием Мурашевским и Василием Карнауховым

в кургане, разрытом ими на степи с. Здвиженского, на расстоянии 100 сажень от р. Маныч (рис. 1) между лошадиными костями, на глубине $2\frac{1}{2}$ аршин, было найдено два золотых кольца (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24 об.). А.А. Спицын на момент публикации описал подвески как беспаспортные находки и отнес их к «зубовской культуре» (рис. 3: 11) (Спицын, 1906, с. 269, табл. III. 13). В связи с отсутствием дополнительной информации по комплексу и его удаленностью от территории Прикубанья, где выделены комплексы зубовско-воздвиженской группы сарматского времени, следует предварительно отнести его к древностям раннего железного века.

Бешпагирское-1887. Крестьянином с. Бешпагирского Афанасием Москаленко на «каменной ломке» (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24 об.), неподалеку от дороги, ведущей из названного села в село Спицевское (ныне с. Спицевка Грачевского муниципального округа Ставропольского края) была найдена «железная крышка с резьбой» (бронзовое зеркало) (рис. 5: 10) (Научный архив ИИМК, ф. 1, 1887, д. 14, л. 24 об.). Точная локализация места обнаружения находки вызывает затруднения. Окрестности с. Бешпагир и с. Спицевка в основном отличаются выходами на поверхность песка. Но на южной окраине с. Бешпагир имеются и выходы камня, который добывали первые поселенцы. Само село и его ближайшие окрестности занимают Бешпагирские высоты Ставропольской возвышенности (рис. 1). Непонятно, принадлежит ли находка к культурному слою бытового памятника или к инвентарю разрушенного погребения.

В Отчете ИАК за 1891 г. указано на сходство зеркала из окрестностей с. Бешпагирского и зеркал из с. Хочинско-Немецкого² (Хагинско-Немецкого) Ставропольской губернии

(Отчет ИАК, 1893, с. 128). Зеркало из с. Хагинско-Немецкого (ныне с. Ульяновское Яшалтинского района Республики Калмыкия) описано И.В. Волковым. В качестве аналогии ему приведено зеркало из курганного могильника Новозаведенное II, содержащее арабскую надпись (Волков и др., 2002, с. 128, рис. 3). Вероятно, бешпагирская находка является многократно воспроизведенной копией. Данное зеркало имеет множество аналогий от Приднестровья до Среднего Поволжья (Фидельский, Чореф, 2019, с. 268, рис. 2; 269, рис. 3, с. 270). Наряду с новозаведенским зеркалом бешпагирское зеркало ограничивает ареал распространения подобных зеркал на юге.

Все рассматриваемые комплексы золотоордынской эпохи локализируются на территории Ставропольской возвышенности. Особо выделяется район с. Рагули. Оно расположено на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности в одном из мест концентрации позднесредневековых кочевников, вызванной традиционным расположением на северо-восточных склонах возвышенности зимних пастбищ (Бабенко, 2019, с. 573–575). Комплекс из кургана на горе Юн-баба, бронзовые зеркала из окрестностей сел Бешпагир и Рагули свидетельствуют о тесных торгово-экономических и культурных связях кочевого населения Центрального Предкавказья с Нижним и Средним Поволжьем.

В 1925 г. А.А. Спицыну вновь довелось заниматься памятниками Ставрополья, на этот раз городищем Маджары. Еще в 1907 г. по инициативе председателя СУАК Г.Н. Прозрителева МАО организовало раскопки на городище Маджары под руководством В.А. Городцова. Г.Н. Прозрителев считал Маджар городом хазарским и пытался найти доказательства этой гипотезе. Он пытался органи-

зовать на городище заповедник. В 1925 г. Г.Н. Прозрителев обратился к А.А. Спицыну по поводу состояния этого городища.

Из письма Г.Н. Прозрителева, директора музея Северного Кавказа, профессору А.А. Спицыну, датированного 13.04.1925 (исх. № 896):

«...На днях получил известие, что близ села Прасковее при работах по проведению шоссе разрыли курган и наткнулись на погребение, в котором оказалась глиняная статуя и какие-то золотые вещи, но поехать для обследования не могу, так как нет ни копейки денег, а писанием ничего не достигнешь.

В наших пределах лежат развалины города Мажар [Маджар] на Куме близ города Святого Креста. В них, несомненно, ключ и к отысканию Семендера, но дальнейших работ произвести там, по неимению средств, нельзя.

Собранная мною коллекция мажарских древностей представляет громадный интерес, и было бы желательно пополнить ее еще разработками на месте, так как работы Городцова в 1907 году были слишком поверхностны и не дали требуемых ответов. Все собранное мною добыто уже после 1907 года, но все-таки требует пополнения. Не найдете ли возможным поставить этот вопрос на очередь, так как там идет большое расхищение находимых древностей жителями (ГАСК, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 73), которые своими усадьбами занимают территорию развалин. Об охране этого городища и признании его заповедным я возбуждал ходатайство перед Академией, но результатов никаких. Если бы Академия нашла возможным ассигновать хотя бы небольшую сумму, то можно было бы сделать многое и добыть хороший материал по нашей губернии... (ГАСК, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 74).

...Приходится закончить насто-

ящее письмо словами: «Денег дай, денег дай и успеха ожидай», так как я сижу буквально без копейки на работы и не могу послать сотруднику (бесплатному) и десяти рублей для срочной поездки по обследованию...» (ГАСК, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 74 об.).

В данном письме содержатся ранее неизвестные факты о случайных находках в округе городища Маджары в 1925 г. К сожалению, в фонде Музея Северного Кавказа в ГАСК не сохранилось ответное письмо А.А. Спицына. Г.Н. Прозрителев на-

писал 22.03.1928 письмо В.А. Городцову с предложением об организации новой экспедиции на городище Маджары (Колесникова, 2007, с. 304).

Таким образом, благодаря деятельности А.А. Спицына было положено начало научному изучению золотоордынских памятников Ставрополя. Его атрибуция ряда случайных находок с территории Ставропольской губернии в связи с их утратой имеет большое значение. Необходимо продолжить поиск его переписки с Г.Н. Прозрителевым.

Примечания:

¹ Здесь и далее по тексту приводятся дореволюционные и современные варианты названий населенных пунктов бывшей Ставропольской губернии с указанием их современной административной принадлежности.

² В литературе с кон. XIX в. утвердилось искаженное название этого села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атавин А.Г., Каменецкий И.С. Харинка: средневековый слой // НАВ. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 266–307.
2. Бабенко В.А. Из истории культуuroохранительной деятельности на Ставрополе во второй половине XIX в. // Историко-культурное наследие Юга России. (Научно-практическая конференция, г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.) / Гл. ред. А.Б. Крылов. М.: Научное общество кавказоведов, Книжный мир, 2015. С. 290–298.
3. Бабенко В.А. Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков, Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019. С. 569–584.
4. Бочкарев В.С. А.А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы // АВЕС. Вып. 7. Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2009. С. 247–250.
5. Бубнов А. Село Рагули, Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда (составлено учителем Рагулинского училища А. Бубновым) // СМОПК. Вып. 16. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего на Кавказе, 1893. С. 222–266.
6. Волков И.В. Местные амфоры Азака // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: ГИМ, 2002. С. 55–63.
7. Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. 2001. № 2. С. 126–131.
8. Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья // СЕЭС. Т. 1. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 209–226.
9. Жебелев С.А. Археолог-энтузиаст (памяти А.А. Спицына) // СА. Т. X / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 9–20.
10. Колесникова М.Е. Эпистолярные источники по истории археологического изучения Ставрополя (по материалам частной переписки Г.Н. Прозрителева) // МИИКНСК. Вып. VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: «Памятники исторической мысли», 2007. С. 298–305.
11. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
12. Крамаровский М.Г. Китайская филигрань на путях к Ближнему Востоку // Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки / Автор концепции и куратор выставки А.Д. Притула. СПб.: ГЭ, 2008. С. 156–163.
13. Кройтор Е.А. Средневековые пластинчатые браслеты с изображениями кошачьих. Вопросы датировки // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 189–194.

doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.189.194.

14. Кубанкин Д.А. Нашивное украшение для боктаг в виде пятиконечной звезды // Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. С. 402–403.

15. Курьшова Н.П. Стекланные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв. // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 141–148. doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.141.148.

16. Лопан О.В. Новые находки металлических зеркал с Маджарского городища // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость. 2016. С. 79–89.

17. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества. Вып. 8 / Под. ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. 381 с.

18. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

19. Отчет ИАК за 1891 г. СПб: Типография Главного управления уделов, 1893. 187 с.

20. Пассек Т.С., Латынин Б.А. К столетию со дня рождения А.А. Спицына // СА. 1958. № 3. С. 3–6.

21. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

22. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 112 с.

23. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.

24. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.

25. Руденко К.А. Булгар и Великий шелковый путь (металлические зеркала). Казань: Школа, 2023. 196 с.

26. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

27. Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. СПб.: ИАК, 1909. 153 с.

28. Спицын А.А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // ЗОРСА. Т. VIII. Вып. I. СПб.: РАО, Типография И.Н. Скороходова, 1906. С. 249–274.

29. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

30. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

31. Фидельский С.А., Чорев М.М. Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей с. Тея на левобережье Нижнего Днестра // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Под ред. М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 263–274.

Информация об авторах:

Бабенко Виталий Александрович, старший преподаватель базовой кафедры региональной истории и музееведения Гуманитарного института. Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой истории России. Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия), kolesnikovam2017@mail.ru

GOLDEN HORDE MONUMENTS IN STAVROPOL REGION IN SCIENTIFIC WORK OF A.A. SPITSYN

V. A. Babenko, M. Ye. Kolesnikova

The article describes the events of 1906 related to the publishing of the results of several accidental discoveries from the Golden Horde age in the Stavropol Governorate area by A.A. Spitsyn. In 1887 and 1890, the Imperial Archaeological Commission received several accidental findings from the nearby area of Roguly, Kievsky, Zdvizhensky, Beshpagir villages and the tract of Gashun Usta. A.A. Spitsyn published the most important ones in 1906. The article presents the materials from the archives of the Institute for Material Culture History first published by the researcher. The bronze mirrors from the nearby areas of the Roguly and Beshpagir villages are made public for the first time. Materials from the archive allowed to determine the contents of the findings from the “Koltsov” mound and the mound of the Yunbaba mountain. The authors attempt to localize most of the listed findings. The published materials also add to the already existing knowledge of the culture of the inhabitants of Stavropol Plateau in the age of the Golden Horde reign.

Keywords: archaeology, Stavropol Governorate, county, mound, treasure hunting, chalice, bracelet, mirror, historical monuments of the Golden Horde, A.A. Spitsyn.

REFERENCES

32. Atavin, A. G., Kamenetskiy, I. S. 2002. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 266–307 (in Russian).
33. Babenko, V. A. 2015. In Krylov, A. B. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Yuga Rossii. (Nauchno-prakticheskaya konferentsiya, g. Stavropol', 9 fevralya 2015 g.) (Historical and cultural heritage of the Southern Russia)*. Moscow: “Nauchnoe obshchestvo kavkazovedov”, “Knizhnyy mir” Publ., 290–298
34. Babenko, V. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum plus” Publ., 569–584 (in Russian).
35. Bochkarev, V. S. 2009. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 7. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 247–250 (in Russian).
36. Bubnov, A. 1897. In *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza (Collection of Materials Describing the Areas and Tribes of the Caucasus)* 16. Tiflis: “Tipografiya kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego na Kavkaze”, 222–266 (in Russian).
37. Volkov, I. V. 2002. In Egorov, V. L., Zelenev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i soprodel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: “State Historical Museum” Publ., 55–63 (in Russian).
38. Volkov, I. V., Maslov, V. E., Petrenko, V. G. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 126–131 (in Russian).
39. Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 209–226 (in Russian).
40. Zhebelev, S. A. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* X. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9–20 (in Russian).
41. Kolesnikova, M. E. 2007. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VII: Arkheologiya, paleoantropologiya, kraevedenie, muzevedenie (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus (MIKNSK). Part VII: Archaeology, paleoanthropology, local history, museology)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 298–305 (in Russian).
42. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).
43. Kramarovskii, M. G. 2008. In Pritula, A. D. (author of the concept and curator of the exhibition). *Vo dvortsakh i shatrakh. Islamskiy mir ot Kitaya do Evropy. Katalog vystavki (In palaces and tents. Islamic world from China to Europe. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: “State Hermitage Museum” Publ., 156–163 (in Russian).
44. Kroytor, E. A. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 189–194 (in Russian).
45. Kubankin, D. A. 2013. In Yurchenko A.G. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: Time for Festivities, Time for Executions)*. Saint Petersburg: “Evraziia” Publ., 402–403 (in Russian).
46. Kuryshova, N. P. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 141–148 (in Russian).

47. Lopan, O. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkhelogicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 79–89 (in Russian).
48. In Uvarova, P. S. (ed.). 1900. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza (Burial Mounds of the Northern Caucasus). Materialy po arkhologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiiami Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by the Expeditions of the Imperial Moscow Archaeological Society)* 8. Moscow: A.I. Mamontov Typography, 1900. 381 c.
49. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
50. *Otchety Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii za 1891 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1891)*. 1893. Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ. (in Russian).
51. Passek, T. S., Latynin, B. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 3–6 (in Russian).
52. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).
53. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
54. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
55. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkhelogiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 111–156 (in Russian).
56. Rudenko, K. A. 2023. *Bulgar i Velikiy shelkovyy put' (metallicheskie zerkala) (Bulgar and the Great Silk Road (metal mirrors))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
57. Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 293–307 (in Russian).
58. Smirnov, Ya. I. 1090. *Vostochnoe srebro. Atlas drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnago proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi Imperii (Oriental Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishware of Oriental Origin Generally Discovered within the Russian Empire)*. Saint-Peterburg, 1909 (in Russian).
59. Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkhologii Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1). Saint Petersburg, 249–274 (in Russian).
60. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
61. Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
62. Fidelski, S. A., Choref, M. M. 2019. In Tkachuk, M. E. (ed.). *V poiskakh sushchnosti. Sbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeva (In search of the essence: Essays in honour of Nicolai Russev on the occasion of his 60th birthday)*. Chisinau: Stratum Plus, 263–274 (in Russian).

About the Authors:

Babenko Vitaly A. North-Caucasus Federal University. Pushkin str., 1, Stavropol, 355017, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Kolesnikova Marina Y. Doctor of Historical Sciences. Professor. North-Caucasus Federal University. Pushkin str., 1, Stavropol, 355017, Russian Federation; kolesnikovam2017@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.236.247>

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVI–XVIII ВВ.¹**

© 2023 г. Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова

В культуре жизнеобеспечения аборигенного населения Западной Сибири в XVI в., после его включения в состав Российского государства, произошли значительные изменения. Восприняты и адаптированы к своим нуждам достижения русской цивилизации: более совершенные хозяйственные предметные комплексы; новые технологии и отрасли хозяйства, позволившие улучшить качество жизни и создать более комфортную среду обитания. Эти процессы изучались в рамках конкретных территорий и отдельных памятников, как поселенческих, так и погребальных, но никогда не анализировались в целом для всего региона. Попытка рассмотреть результаты воздействия русской цивилизации на культуры коренных народов представлена в статье. Основным источником стали археологические материалы, отражающие различные сферы жизнедеятельности населения, костюмный и хозяйственный комплексы, духовную культуру. Сделаны выводы о том, что, несмотря на положительное воздействие приобретенных новшеств, аборигенное население сохранило традиционную хозяйственно-бытовую культуру, хотя и в разной степени.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, коренные народы, русские, XVII–XVIII вв., материальная культура.

Введение. Приход русских в Западную Сибирь оказался определяющим для будущего этого региона, хотя и до них эта территория периодически подвергалась внешнему воздействию. Речь идёт о длительном процессе «тюркизации», начавшемся в эпоху раннего Средневековья и продолжавшемся до XV вв. Однако, несмотря на влияние иноземцев, коренные народы сохранили свою духовную и материальную культуру, язык, традиции. Русские принесли сюда не отдельные достижения вроде оружия и гончарных изделий, а свою цивилизацию и культуру во всём многообразии. Они не планировали ограничиться сохранением только военно-административного контроля над территорией, а собирались здесь жить. Поэтому обитавшие здесь татары, селькупы, ханты и другие коренные народы были вынуждены войти в орбиту русского мира, чтобы обеспечить для себя ус-

ловия дальнейшего существования. В письменных источниках времён освоения Сибири представлены лишь отдельные эпизоды, характеризующие эти процессы, однако материальные свидетельства формирования русского мира может дать только археология.

При всей очевидности влияния русских традиций на культуру коренных народов Западной Сибири, как периодически с XII по XV в., так и непрерывно с конца XVI – начала XVII в., монографически для всего региона эти межкультурные процессы до сих пор не рассматривались. Только в рамках изучения отдельных аборигенных памятников в этом плане представлены определенные наблюдения и выводы.

Можно выделить три направления исследований. Изучение поселенческой среды с анализом вещевых комплексов, характеризующих системы

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 22-28-20179 «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронтире Российского государства в XVI–XVIII вв.: история и археология», <https://rscf.ru/project/22-28-20179/> и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области.

жизнеобеспечения. Наиболее полно это прослеживается в материалах культуры хантов, проживавших в городках: мысовом Полуийском, Надымском, Монкысь урий (Кардаш, 2009; 2013; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015) и Балинских юртах (Баранов, Визгалов, 2020). Отчасти в культуре татар: тарских в Прииртыше (Татауров, 2008), томских в Приобье (Плетнева, 1990), барабинских (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990).

Второе направление – изучение погребальных комплексов, в которых наряду с традиционными формами инвентаря использованы вещи русского экспорта (Боброва, 2004; Могильников, 1997; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, Плетнева, 1990; Беликова, 2010, Рындина, Боброва, Ожередов, 2008; и др.).

Третье направление – рассмотрение отдельных категорий предметов в археологическом контексте культур коренных народов Западной Сибири XVI–XVIII вв., в частности оружия (Бобров, Багрин, 2014), топоров (Зыков, Кокшаров, Масленников, 2014; Яковлев, Боброва, 2004), счётных жетонов (Пушкарев, 2015), коньковых гребней (Балюнов, 2020) и др.

Цель работы – выделить в археологическом материале предметные комплексы, несущие в себе русский культурный код, важные как для самих переселенцев, так и для инородцев, стремившихся адаптироваться к новой среде.

Источники и методы

Основу для характеристики материальных свидетельств русской цивилизации дал анализ поселенческих материалов аборигенного населения севера Западной Сибири. Во-первых, потому что они наиболее полно отражают материальную культуру; во-вторых, по причине особенностей мерзлотного культурного слоя, в котором сохранился максимум археологической информации; в-третьих,

выделенные в них русские культурные комплексы имеют широкие аналогии в материалах памятников, как аборигенных, так и переселенческих; в-четвертых, это монографические исследования, относящиеся к концу XVI – первой трети XVIII в. – времени формирования русского мира на территории Западной Сибири.

Процессы взаимовлияния различных культурных традиций происходят активнее, если новшества актуальны и востребованы системой жизнеобеспечения, способствуют формированию комфортной среды обитания и улучшению качества жизни населения. Большая часть транслируемых русскими достижений и технологий была адаптирована коренным населением к местным условиям и использовалась в обеспечении витальных потребностей, что хорошо прослеживается в материалах городков: Надымского и Полуийского (конец XVI – XVIII вв.) и Монкысь урий (XVI – начало XVIII в.), о чем речь пойдет ниже.

Археологические маркеры русского мира

«Политическим» маркером русского влияния, типичным для колониционных процессов, происходивших в мире в XV–XVII вв., можно назвать оружие. В археологических материалах хантыйских городков боевые комплексы представлены холодным оружием и воинским костюмом. Лишь в Монкысь урий зафиксирован запас огнестрельного оружия (Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015, с. 218–220). Но он связан со штурмом городка русскими стрельцами в 1619 г.

Боевое вооружение «среднестатистического» воина субарктики можно представить по находкам из Надымского городка, это: кольчуга, сабля с елманью (или палаш), боевой нож, лук и стрелы (Кардаш, 2009, с. 147–149). Ассортимент дополнялся пальмой, наконечником копья, втоком, топорами – все эти виды оружия пред-

ставляли русский экспорт. По мнению О.В. Кардаша, «русский лук и набор стрел, поступавшие на территорию Западной Сибири с конца XVI в., а возможно и ранее, могли оказать определенное влияние на туземные образцы и стать основой их конструкции, воспроизводимой вплоть до XX в.» (2009, с. 146, 147; 2013, с. 176; Баранов, Визгалов, 2020, с. 86). Подобные найденным в хантыйских городках типы луков и стрел есть в Мангазее, сельских русских памятниках Тарского Прииртышья (Tataurova, Mylnikov, 2021), у барабинских татар (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 43–48).

В этом плане интересны находки из Полуйского городка, где, собственно, нет предметов военного снаряжения (кроме ножей). Но обнаружены детские игрушки из дерева: сабли с елманью (рис. 1: 1, 2), палаши, боевые ножи, топоры, луки – все предметы со следами использования (Кардаш, 2013, с. 210; с. 275; 276). Подобные есть и в Надымском городке (рис. 1: 3) (Кардаш, 2009, с. 260; 261) и русских городах (рис. 1: 4). Эти находки отражают следующий уровень культурного воздействия русского мира – когда предметы не только включены в существующий жизненно-бытовой горизонт населения, но и воспроизводятся как учебные пособия для подрастающего поколения. Знания об их назначении, свойствах и умение использования передаются как традиционный элемент.

Для Западной Сибири находки огнестрельного оружия XVII–XVIII вв. редки, хотя по письменным источникам, практика вооружения им служилых татар была ещё в конце XVI в. (Бобров, Багрин, 2014). В комплексе холодного оружия русских XVII – первой половины XVIII вв. можно выделить саблю, имевшую высокую социальную значимость, так как она отвечала престижным чаяниям воевод и воинских командиров, а

также аборигенных князьков, которые, вероятно, получали этот вид оружия в награду за лояльность к новой власти. Об этом свидетельствуют сабли, обнаруженные на территории военных городков коренных народов Западной Сибири (Багрин, 2008, с. 265). Статус оружия подтверждают находки игрушечных сабель из Полуйского городка – летней резиденции рода князей Тайшиных. Сабля из погребения в кургане Садовка 2, относимого к барабинским татарам (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 117), палаш из могильника тарских татар Бергамак II (рис. 1: 10) (Татауров С.Ф., Шлюшинский, 2006, с. 144, 145; Татаурова, и др., 2014). Кроме сабель в воинском снаряжении служилых татар были русские ножи, топоры, саадаки, копья, кольчатые доспехи (Бобров, Багрин, 2014, с. 126; Татауров С.Ф., Шлюшинский, 2006).

Наибольшее влияние в XVI–XVII вв. русский мир оказал на систему жизнеобеспечения коренного населения. Только в домостроительстве этот процесс был более продолжительным, и переход к срубным жилищам с русской печью завершился к началу XIX в. (Соколова, 1998), хотя некоторые детали интерьера, например, сундуки (Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015, с. 272; Кардаш, 2009), вошли в обиход аборигенов уже в XVII–XVIII вв. (рис. 2: 1–7).

Анализируя поселенческие комплексы хантыйских городков, можно сделать вывод, что русский экспорт был востребован в среде аборигенов задолго до присоединения Сибири. Расширение зоны регулярных контактов с русскими в рамках государственной системы в разы увеличило объемы товаров, поступавших «с Руси».

Рассмотрим это на примере основных составляющих системы жизнеобеспечения. *Костюмный комплекс*: использование тканей (сукна), готовой одежды, том числе зимней (сук-

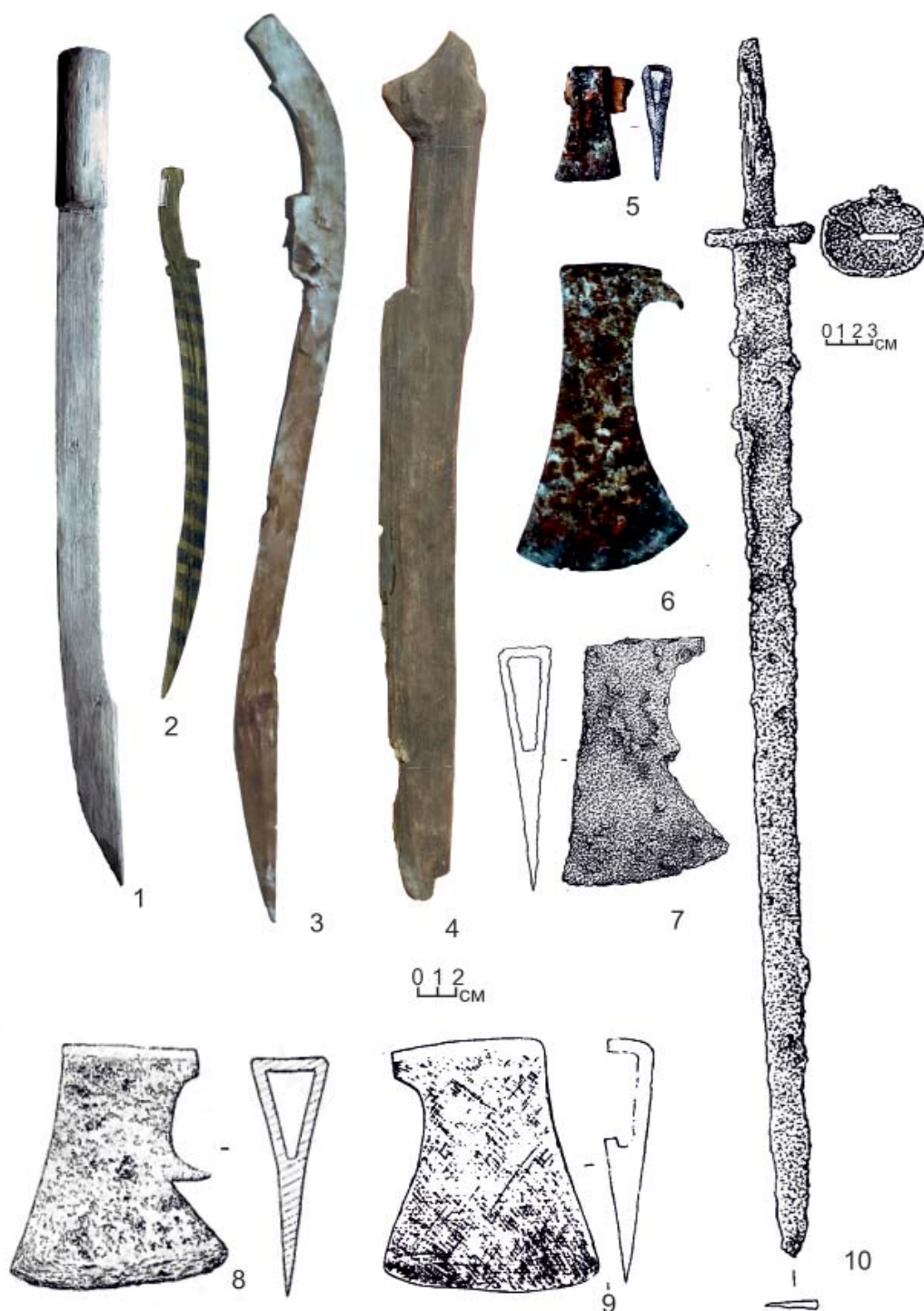

Рис. 1. Вооружение и инструменты из археологических памятников коренного населения Западной Сибири XVII–XVIII вв., отражающие русское влияние. 1–4 – игрушечные модели сабель с елманью: 1, 2 – Полуйский городок (по: Кардаш, 2013, с. 275); 3 – Надымский городок (по: Кардаш, 2009, с. 260); 4 – русский город Тара (материалы раскопок С.Ф. Татаурова); 5–9 – железные топоры: 5, 6 – Надымский городок (по: Кардаш, 2009, с. 223, 261); 7 – могильник Бергамак-II (по: Татауров, Шлюшинский, 2006, с. 144); 8 – могильник Абрамово-10 (по: Молодин, Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 41); 9 – поселение Могильницкое-2 (по: Плетнёва, 1990, с. 21); 10 – палаш из могильника Бергамак II (по: Татауров, Шлюшинский, 2006, с. 144).

Fig. 1. Weapons and tools from the archaeological sites of the indigenous population of Western Siberia of the 17th –18th centuries, reflecting Russian influence.

маны, шабуры), обуви типа чирков, котов, сапог, а также изготовление традиционных типов обуви из привозного сырья (Кардаш, 2009, с. 132–134; Кардаш, 2013, с. 170, 173; Баранов, Визгалов, 2020, с. 68–71). Торговля тканями и другими «русскими товарами» с инородцами была широко распространена, например, в Таре. Занимались этим служилые люди всех сословий. Например, «Сумин Борис – тарский стрелец, в апреле 1675 поехал «с товарищи» в Барабинскую волость с «русским товаром для калмыцкого торгога» на 10 руб. В мае они же отправились в Тобольск с товаром барабинской покупки на 22 руб.» (Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в., 2019). Широко представлены на аборигенных поселениях предметы для изготовления костюма: ножницы, швейные иглы, наперстки. Последние зачастую входили в состав погребального инвентаря.

Украшения костюма (металлические накладки, гирьковидные пуговицы и бусы-пуговицы) и тела (серьги, височные кольца, перстни (рис. 2: 8–10), подвески, бусы, бисер и, конечно, гребни (рис. 2: 15–18), костяные и металлические) (Балюнов, 2020) были широко востребованы аборигенным населением. Хантами (Кардаш, 2009, с. 138–143, 176, 205, 207, 251; Кардаш, 2013, с. 175, 176, 223; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015, с. 192–200; Баранов, Визгалов, 2020, с. 72–79; Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 201–259); зырянами (Беликова, 2010, с. 120–124), тарскими (Татаурова, и др., 2014), барабинскими (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 83–86) татарами. Перстни-печатки, бусы и бисер, серьги фиксируются во всех исследованных могильниках Томского Приобья (Плетнева, 1990, с. 113). Многочисленны они и в культурных слоях русских памятников, например, Мангазее, Таре, Березове, Томске, Тобольске, си-

бирской деревне XVII–XVIII вв. (рис. 2: 9).

Хозяйственный комплекс. Его характеризуют инструменты и технологии, воспринятые у русских и адаптированные к местным традициям.

Среди инструментов наибольшей значимостью обладает топор (рис. 1: 5–9). Распространение топоров, изготовленных в ремесленных центрах Северной Руси, в среде коренных народов севера Западной Сибири фиксируется с эпохи развитого Средневековья (Зыков, Кокшаров, Масленников, 2020, с. 80). С приходом русских в регион в XVI–XVII в. их количество у местного населения только растёт. Они зафиксированы в поселенческих и погребальных комплексах хантов (Рындина, Боброва, Ожередов, 2008; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015; Баранов, Визгалов, 2020) (рис. 1: 5, 6), томских татар – Тоянов городок, поселение Могильницкое II в Томском Приобье (Плетнёва, 1990) (рис. 1: 9). Но чаще – в погребениях, что связано с их высокой сакральной значимостью в культурах коренных народов (Яковлев, Боброва, 2004, с. 149). Находки топоров известны в материалах могильников Окунево IV и Бергамак II в Омском Прииртышье (рис. 1: 7) (Могильников, 1997, с. 53, Татауров С.Ф., Шлюшинский, 2006, с. 144; Татаурова, и др., 2014), у барабинских татар (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 38–43) (рис. 1: 8), зырян таежного Причулымья (Беликова, 2010, с. 100–102) и др.

Вместе с предметными комплексами распространяются и ремесленные технологии: металло- и деревообработка, свидетельства которых представлены инструментами (клещи, напильники, скобели, рубанки, зубила, ножи-ложкорезы, сверла, молотки, тесла), оловянным сырьем для отливок украшений и изделиями, в том числе кухонной утварью из дерева – ложками, ковшами, корытами, бон-

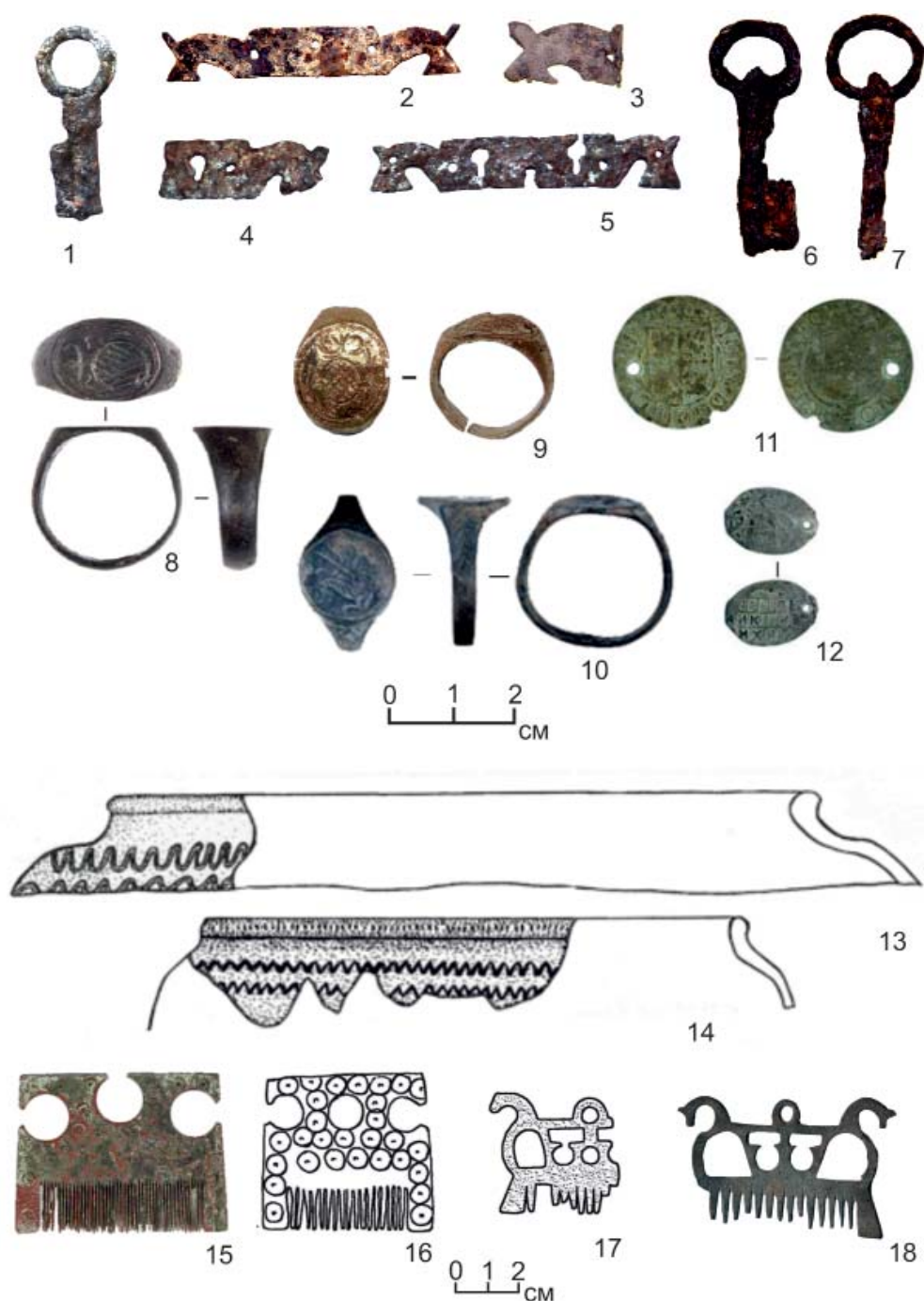

Рис. 2. Детали предметов интерьера и аксессуары костюма из русских и аборигенных комплексов. 1, 6, 7 – ключи от навесных замков: 1 – Надымский городок (по: Кардаш, 2009, с. 249); 6, 7 – поселение Ананьино-I (Омское Прииртышье, раскопки Л.В. Татауровой); 2–5 – декоративные наружные накладки на замочные скважины сундуков: 2, 3 – материалы Ананьино-I; 4, 5 – Надымский городок; 8–10 – перстни: 8 – Балинские юрты (по: Баранов, Визгалов, 2020, с. 74); 9 – поселение Ананьино-I; 10 – городок Монкысь Урий (по: Кардаш, Визгалов, 2015, с. 55); 11 – западноевропейский счётный жетон и 12 – русская монета-чешуйка из Козюлинского могильника (по: Плетнёва, Пушкарёв, 2021, с. 65); 13, 14 – посуда русских типов из поселения тарских татар Бергамак-III (по: Татаурова, и др., 2014, с. 280); 15–18 – коньковые гребни: 15 – городок Монкысь Урий (по: Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015, с. 78); 16 – Мангазея (по: Балюнов, 2020, с. 74); 17 – могильник Халас-Пугор (по: Балюнов, 2020, с. 74); 18 – Тара (материалы раскопок С.Ф. Татаурова).

Fig. 2. Details of interior items and costume accessories from Russian and aboriginal complexes.

дарными емкостями, точеной посудой (Кардаш, 2009, с. 163, 164, 169–171, 235–240; Кардаш, 2013, с. 182, 186, 187, 231–237; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015; Баранов, Визгалов, 2020, с. 94–101). Все они имеют широкое распространение на русских памятниках Сибири.

Особо стоит остановиться на керамическом производстве. До прихода русских практически во всех аборигенных культурах использовалась кроме металлической и деревянной посуды керамика своего изготовления. Русские принесли в Сибирь гончарный круг. Его применение способствовало складыванию домашнего, а затем ремесленного гончарного производства, которое вытеснило традиционное изготовление посуды у коренных народов. В нижних горизонтах культурного слоя поселения тарских татар Бергамак III (XVI–XVIII вв.) при большом количестве аборигенной посуды русская керамика представлена единичными фрагментами, в верхних – почти отсутствует татарская (рис. 2: 13, 14) (Татаурова, и др., 2014). В хантыйских городках XVI–XVIII вв. русская керамика немногочисленна и представлена в основном самым распространенным типом – горшком. В Балинских юртах (XVII–XIX вв.) – кухонной (горшки, латки) посудой для хранения (кринки – характерны для XIX в. и развитого скотоводства) и столовой посудой (миски, тарелки) (Баранов, Визгалов, 2020, с. 106–109).

Влияние русского мира отразилось и на духовной культуре коренных народов Западной Сибири. Православие сопровождало все мероприятия Российского государства, в том числе и крещение аборигенного населения. Племенные князьки, призванные в Москву для выражения покорности российскому государю, возвращались на свою родину уже крещёнными (Абрамов, 1851, с. 9–10). Появление

социальной группы служилых из числа аборигенов также расширило географию распространения православия (Жерносенко, Балакина, 2011, с. 96–97). Символом новой веры стало появление нательных крестов. В Западной Сибири их распространение приходится на XVII в., несмотря на то, что большинство сибирских народов неохотно принимало новую веру. В археологическом контексте находки тельников массово фиксируются в захоронениях: у селькупов Прикетья (Боброва, 2014, с. 215–218); в остяцком Тискинском могильнике Нарымского Приобья (Боброва, 2004, с. 108). Предметы христианского культа и личного благочестия присутствуют и на поселениях, например, в Балинских юртах, где проживали обские остяки, крещёные в 1716 г. (Баранов, Визгалов, 2020, с. 133–137); в культурном слое поселения тарских татар Бергамак III (Татауров С.Ф., 2008).

Однако не все «новокрещёные» относились к кресту как к символу веры. Его использовали в качестве украшения или оберега. В целом большинство новоявленных христиан, «будучи фактически «двоеверцами», носили кресты, посещали по праздникам церкви (если такие имелись в близлежащей округе), назывались данными при крещении именами, но не понимали и не делали попыток понять чуждую им религию, оставаясь в душе приверженцами своих богов и духов» (Жерносенко, Балакина, 2011, с. 97).

Влияние русского мира отразилось и на игровой культуре. Например, у хантов: как у детей – кроме оружия это модели кузнечных инструментов, посуды, лука и стрел, топоров (Кардаш, 2009, с. 182–186; Кардаш, 2013, с. 210–213); глиняные свистульки-птички (Баранов, Визгалов, 2020, с. 138, 139), так и у взрослых – игра в «зернь» и шашки (Кардаш, 2013,

с. 213–216), в бабки (Баранов, Визгалов, 2020, с. 138).

Переходу к товарно-денежным отношениям способствовало вовлечение коренных народов во всероссийский рынок и создание из их числа отрядов служилых, получавших государственное жалование. В поселенческих культурных слоях монеты фиксируются редко. Чаще это многочисленные находки в захоронениях. Например, ритуальный погребальный комплекс городка Монкысь урий насчитывает 1242 монеты, относящиеся к XV–XVI вв. (Кардаш, Визгалов, Кениг, 2015, с. 370–373). Находки русских монет Ивана Грозного фиксируются на памятниках Омского Прииртышья (Тихомиров, 2019). В Козюлинском курганном могильнике томских татар обнаружено около 70 копеек времени М.Ф. и А.М. Романовых (рис. 2: 12). Монеты в погребениях – это статусные/сакральные вещи, наравне с бусами, серьгами, перстнями и другими украшениями. Они были одним из «маркеров кардинальных культурных изменений, произошедших с приходом в Сибирь русского населения» (Плетнева, Пушкарёв, 2021, с. 66, 74). Такое же значение, как и монеты, имели западноевропейские счётные жетоны. Их фиксируют в некрополях на всей территории Западной Сибири. В числе других украшений они использовались в оформлении одежды (Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 230) (рис. 1: 11). «Жетоны органично встраиваются в обрядовую практику традиционных культур Сибири и используются для оформления фигур духов-охранителей, изображения умерших и жертвенных даров и пр.» (Пушкарёв, 2015, с. 825).

Выводы

Культурное влияние русской цивилизации на коренные народы Запад-

ной Сибири было всеобъемлющим. Помимо заимствования вещных комплексов и технологий, в зависимости от природных ресурсов территорий проживания, внедрялись или получали новый импульс развития производящие виды хозяйства: оленеводство у народов Севера, земледелие, огородничество, скотоводство у зырян, томских, тарских и барабинских татар. Кроме того, оно касалось внутренних социальных взаимодействий в рамках конкретного этноса. Вещи, статусные для русских переселенцев, становились такими же и для инородцев, прочно занимая своё место в их культурном поле.

По результатам проведённых исследований можно выделить несколько групп таких вещей. В первую входят предметы вооружения, как непосредственно применяемые в военных действиях, так и детские игрушки, их имитирующие. Вторая группа – это элементы костюмного комплекса: русские ткани, обувь; украшения тела (перстни, кольца, серьги) и одежды (бусы, бисер); сюда же можно отнести гребни, монеты и жетоны, использовавшиеся в качестве оберегов и украшений, а также православное культовое литьё (нательные кресты). Третья группа – предметы хозяйственного комплекса: топоры, инструменты дерево- и металлообработки, русская керамическая посуда. За прошедшие с XVI века столетия все западносибирские народы в той или иной степени участвовали в процессе ассимиляции, при этом сохранив, язык, территорию проживания и элементы традиционной культуры. Воздействие русского мира не навязывалось силой, а воспринималось или с точки зрения улучшения качества жизни, или в статусно-символическом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Н.А.* О введении христианства у Березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. XXII (72). 22 с.
2. *Багрин Е.А.* Нож в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Апельсин, 2008. С. 294–308.
3. *Балюнов И.В.* Коньковые гребни в Западной Сибири XVI–XIX вв. // Поволжская археология. 2020. № 1(31). С. 70–80.
4. *Баранов М.Ю., Визгалов Г.П.* Балинские юрты. Культура обских остяков и русских ямщиков XVII–XIX веков: Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 18. Ханты-Мансийск-Нефтеюганск-Сургут: Институт археологии Севера, 2020. 172 с.
5. *Беликова О.Б.* Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымя в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: ТГУ, 2010. 432 с.
6. *Бобров Л.А., Багрин Е.А.* О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири конца XVI–XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 7. С. 124–130.
7. *Боброва А.И.* Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 215–220.
8. *Боброва А.И.* Нательные кресты Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4(20). С. 107–115.
9. *Жерносенко И.А., Балакина Е.И.* Культура Сибири и Алтая. Барнаул: Изд-во Жерносенко С.С., 2011. 208 с.
10. *Зыков А.П., Кокишаров С.Ф., Масленников Е.Р.* Типология средневековых топоров с севера Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 74–84.
11. *Кардаш О.В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
12. *Кардаш О.В.* Полуыйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013. 380 с.
13. *Кардаш О.В., Визгалов Г.П.* Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования. Т. I. Археологические исследования / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. V. Екатеринбург: Караван, 2015. 448 с.
14. *Могильников В.А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1 С. 51–64.
15. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
16. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в позднем средневековье. Томск: ТГУ, 1990. 136 с.
17. *Плетнева Л.М., Пушкарёв А.А.* Монеты и жетоны из погребений Козюлинского курганного могильника как исторический источник // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 57–80.
18. *Пушкарёв А.А.* Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые годы. 2015. Т. 1. Вып. 4. С. 825–833.
19. *Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И.* Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: ТГУ, 2008. 412 с.
20. *Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь / Отв. ред. И.Н. Каменецкий. М.; С-Пб.: Нестор-История, 2019. 1006 с.*
21. *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири: (опыт типологии). М.: ИПА "Три Л", 1998. 284 с.
22. *Татауров С.Ф.* Влияние русских переселенцев на жизнь сибирских татар (по материалам Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Апельсин, 2008. С. 384–396.
23. *Татауров С.Ф., Шлюшинский А.В.* Русское оружие на татарских памятниках XVI–XVIII веков в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этногра-

фических исследований / Отв. ред. М.Л. Бережнова. Красноярск; Омск: Наука, 2006. С. 143–146.

24. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Полиграфист, 2014. 374 с.

25. Тихомиров К.Н. Новые нумизматические материалы XVI века из могильника Сеитово IV (Среднее Прииртышье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 116–124.

26. Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья. Топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. С. 137–174.

27. Tataurova L.V., Mylnikov V.P. Hunting Equipment of Russians Living near Tara on the Irtysh in the 17th and 18th Centuries. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49. Iss. 3. P. 83–92.

Информация об авторах:

Татауров Филипп Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия); fil_opossum@mail.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия); li-sa65@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE CULTURES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF WESTERN SIBERIA IN THE 16TH–18TH CENTURIES

F.S. Tataurov, L.V. Tataurova

Significant changes took place after its incorporation into the Russian state in the culture of life support of the aboriginal population of Western Siberia in the 16th century. The achievements of Russian civilization have been perceived and adapted to their needs: more advanced economic subject complexes; new technologies and branches of the economy that have allowed improving the quality of life and creating a more comfortable living environment. These processes have been studied within specific territories and individual monuments (both settlement and burial) but have never been analyzed as a whole for the entire region. An attempt to consider the results of the impact of Russian civilization on the cultures of indigenous peoples is presented in the article. The main source was archaeological materials reflecting various spheres of life of the population, costume and household complexes, spiritual culture. Conclusions are drawn that, despite the positive impact of the acquired innovations, the aboriginal population has preserved the traditional household culture, although to varying degrees.

Keywords: archaeology, Western Siberia, indigenous peoples, Russians, 17th–18th centuries, material culture.

REFERENCES

1. Abramov, N. A. 1851. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. XXII (72). (in Russian).
2. Bagrin E. A. 2008. In Tataurova L.V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (Culture of the Russians in Archaeological Studies)*. Omsk: "Apel'sin" Publ., 294–308 (in Russian).
3. Balyunov, I. V. 2020. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1(31), 70–80 (in Russian).

The study was carried out within the framework of the Russian National Science Foundation grant No. 22-28-20179 "Tara and the Tarsky Uezd on the West Siberian frontier of the Russian state in the 16th –18th centuries: history and archeology", <https://rscf.ru/project/22-28-20179> / and a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the Omsk region.

4. Baranov, M. Yu., Vizgalov, G. P. 2020. *Balinskie yurty. Kul'tura obskikh ostyakov i russkikh yamshchikov XVII–XIX vekov: Khanty-Mansiyskiy okrug v zerkale proshlogo (Yurts of Bala. Culture of the Ob ostyaks and Russian coachmen in the 17th–19th centuries: Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past)* 18. Hanty-Mansijsk-Nefteyugansk-Surgut: Institute of Archaeology of the North Publ. (in Russian).
5. Belikova, O. B. 2010. *Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI–XVII v. taezhnogo Prichulym'ya v svete arkheologii i arkheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana) (Zyryanskoye burial ground of the late 16th–17th centuries in the taiga Chulym River region in light of archaeology and archaeobotany (a comprehensive study of the barrow))*. Tomsk: "Tomsk State University" Publ. (in Russian).
6. Bobrov, L. A., Bagrin, E. A. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (7), 124–130 (in Russian).
7. Bobrova, A. I. 2014. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (Culture of the Russians in Archaeological Studies)*. Vol. I. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 215–220 (in Russian).
8. Bobrova, A. I. 2004. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4(20), 107–115 (in Russian).
9. Zhernosenko, I. A., Balakina, E. I. 2011. *Kul'tura Sibiri i Altaya (Culture of Siberia and Altai)*. Barnaul: "Zhernosenko S.S." Publ. (in Russian).
10. Zykov, A. P., Koksharov, S. F., Maslennikov, E. R. 2020. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 3 (50), 74–84 (in Russian).
11. Kardash, O. V. 2009. *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura (Nadym fort in the end of the 16th – first third of the 18th centuries. History and material culture)*. Ekaterinburg-Nefteyugansk: "Magellan" Publ. (in Russian).
12. Kardash, O. V. 2013. *Poluyskiy mysyovoy gorodok knyazey Tayshinykh (Poluysk promontory fort under Tayshin princes)*. Ekaterinburg-Salekhard: "Magellan" Publ. (in Russian).
13. Kardash, O. V., Vizgalov, G. P. 2015. *Gorodok Monkys' uriy: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya. T. I. Arkheologicheskie issledovaniya (The Fort of Monkys' Uri: to the history of the population of Bol'shoy Yugan River in 16th – 17th centuries (according to the results of a comprehensive archaeological research))* 1. Series: Materials and research relating to the history of the north of Western Siberia (5). Ekaterinburg: "Karavan" Publ. (in Russian).
14. Mogil'nikov, V. A. 1997. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (1), 51–64 (in Russian).
15. Molodin, V. I., Sobolev, V. I., Solov'ev, A. I. 1990. *Baraba v epohu pozdnego srednevekov'ya (Baraba in the Late Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Pletneva, L. M. 1990. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (Tomsk Ob' region in the Late Middle Ages)*. Tomsk: "Tomsk State University" Publ. (in Russian).
17. Pletneva, L. M., Pushkaryov, A. A. 2021. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* Vol. 33. No. 4, 57–80 (in Russian).
18. Pushkaryov, A. A. 2015. In *Bylye gody*. Vol 1, Iss. 4, 825–833 (in Russian).
19. Ryndina, O. M., Bobrova A. I., Ozheredov YU. I. 2008. *Khanty Salym'skogo kraja: kul'tura v arkheologo-etnograficheskoy retrospektive (Khanty people of the Salym region: culture in the archaeological and ethnographic retrospective)*. Tomsk: "Tomsk State University" Publ. (in Russian).
20. Kameneckii, I. N. (ed.) 2019. *Shuzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.: entsiklopedicheskiy slovar' (Service class people of Siberia in the late 16th – early 18th centuries: an encyclopedic dictionary)*. Moscow; Saint-Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ. (in Russian).
21. Sokolova, Z. P. 1998. *Zhilishche narodov Sibiri: (opyt tipologii) (Dwelling of the peoples of Siberia: (experience of typology))*. Moscow: "Tri L" Publ. (in Russian).
22. Tataurov, S. F. 2008. In Tataurova L.V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (Culture of the Russians in Archaeological Studies)*. Omsk: "Apel'sin" Publ., 384–396 (in Russian).
23. Tataurov, S. F., Shlyushinskii, A. V. 2006. In Berezhnova, M. L. (ed.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Krasnoyarsk; Omsk: "Nauka" Publ., 143–146 (in Russian).
24. Tataurova, L. V., Tataurov, S. F., Tataurov, F. S., Tikhomirov, K. N., Tikhonov S. S. 2014. *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVIII vekakh (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) (Adaptation of the Russians in Western Siberia in the end of the 16th – 18th centuries (based on archaeological studies))*. Omsk: "Poligrafist" Publ. (in Russian).
25. Tikhomirov, K. N. 2019. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Vestnik NSU. Series: History and Philology)*. Vol. 18. Iss. 5, 116–124. (in Russian).
26. Yakovlev, Ya. A., Bobrova, A. I. 2004. In Yakovlev, Ya. A. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past)* 2. Tomsk; Hanty-Mansijsk: Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk: "Tomsk State University" Publ., 137–174 (in Russian).

27. Tataurova L. V., Mylnikov V. P. 2021. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, Vol. 49. Iss. 3. 83–92 (in Russian).

About the Authors:

Tataurov Philipp S. Candidate of Historical Sciences. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Mira Ave. 55-A, Omsk, 644077, Russian Federation, fil_opossum@mail.ru

Tataurova Larisa V. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Mira Ave. 55-A, Omsk, 644077, Russian Federation; the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, K. Marks Ave. 15, Omsk, 644024, Russian Federation, li-sa65@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2023 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АКИПКРО – Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования.
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный Музей Востока
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы, Москва
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА МОН РК – Институт археологии Министерство образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МАР – Материалы по археологии России
МАРТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭ – музей археологии и этнографии
МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград.
МИКНС – Музей истории и культуры народов Сибири
МИЦАИ – Международный институт Центральноазиатских исследований (г. Самарканд, Узбекистан)
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НПЦ – Научно-производственный центр.
НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА АН РТ

Список сокращений

НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук.
РГБ – Российская государственная библиотека
РИЦ – редакционно-издательский центр.
РНФ – Российский научный фонд.
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография
СЭМ РФЛА – метод сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа
ТГУ – Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея;
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.
ТСУАК – Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии (Саратов)
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УНАЭЦ МарГУ – Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета
УрО – Уральское отделение.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
°С – градус Цельсия

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 30.06.2023 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20